Министерство образования и науки Российской Федерации
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Институт педагогики и психологии
Кафедра педагогики и методики начального образования

Камалова Л.А.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебная хрестоматия

Учебное пособие для студентов педагогических вузов по направлению
050100.62 «Педагогическое образование»
профиля «Начальное образование» (бакалавр),
по специальности 050708.65 – «Педагогика и методика начального образования»

Казань - 2013

Печатается по решению Ученого совета Института педагогики и психологии Казанского (Приволжского) федерального университета

УДК 371. 64 /.69

ББК я721

К 18

Автор-составитель:

Л.А. Камалова

К 18 Детская литература: Учебная хрестоматия для студентов педагогических вузов по направлению 050100.62 «Педагогическое образование» профиля «Начальное образование» (бакалавр), по специальности 050708.65 – «Педагогика и методика начального образования» /Авт.-сост. Л.А.Камалова. – Казань:КФУ,2013. - 369 с.

ISBN

ISBN

Учебное издание

Детская литература

Учебная хрестоматия

Составитель:

Камалова Лера Ахтямовна

Ответственный редактор

Технический редактор

Компьютерная верстка

Корректоры

Отпечатано в типографии КФУ

ISBN ISBN

ВВЕДЕНИЕ

Курс «Детская литература» - один из основных в профессионально-образовательной программе подготовки специалистов по направлению «Педагогическое образование» профиля «Начальное образование» (бакалавр), по специальности 050708.65 – «Педагогика и методика начального образования».

Студенты, обучающиеся по данному профилю, будут специалистами в области начального образования, им предстоит работать в начальной школе с детьми младшего школьного возраста, в том числе читать и анализировать произведения детских писателей на уроках литературного чтения. Такая деятельность специалиста начального образования предполагает начитанность, филологическую грамотность, образованность, знание произведений детской литературы., умение их анализировать и интерпретировать. Будущий специалист в области начального образования должен научить младших школьников овладеть приемами понимания прочитанного и прослушанного произведения, научить читать книги и уметь их самостоятельно выбирать, сформировать у ребенка духовную потребность в книге и чтении.

В результате освоения курса детской литературы студенты должны знать круг чтения детей младшего школьного возраста; жанровую систему детского фольклора и литературы; особенности выразительных средств, свойственных детскому фольклору и литературе; законы бытования в детской субкультуре «живых» жанров детского фольклора; особенности мастерства детских писателей-классиков и писателей современности; основные понятия, связанные с художественной природой произведений детской художественной словесности.

В учебном пособии «Детская литература» реализуются принципы отбора содержания чтения младшего школьника, которое обеспечивает формирование мотивированного выбора круга чтения, устойчивого интереса ученика начальной школы к самостоятельной читательской деятельности, компетентности в области детской литературы: учет эстетической и нравственной ценности текстов, их жанрового и тематического разнообразия, доступности для восприятия детьми младшего школьного возраста, читательских предпочтений учащихся начальной школы.

Хрестоматия по детской литературе включает обширный материал из круга детского чтения: это произведения устного народного творчества, начиная с поэзии пестования, народных сказок до русского героического эпоса; произведения классиков отечественной литературы XIX - XX в.в., классиков детской литературы; произведения современной отечественной литературы, доступные для восприятия младших школьников.

В учебной хрестоматии «Детская литература» большое место занимают произведения современных детских писателей, которые включены в программу обучения литературному чтению в начальной школе в соответствии с требованиями ФГОС НОО.

Данное учебное пособие позволит студентам, обучающимся по направлению «Педагогическое образование» профиля «Начальное образование» (бакалавр), прочитать тексты художественных произведений, изучаемых в современной начальной школе, сформировать собственное представление об авторах книг, темах, проблемах, поднимаемых в том или ином произведении, увидеть специфику жанров детской литературы, понять мир ребенка и мир детства, создаваемый детскими писателями.

Немаловажное значение имеет курс для воспитания личности будущего учителя начальных классов на материале произведений детской литературы. В ходе чтения и анализа текстов художественных произведений происходит формирование духовно-нравственных качеств личности студентов; формируется культура умственного труда; воспитывается уважение к другим культурам. Полноценное взаимодействие с ребенком невозможно без знаний детской литературы, созданной по законам художественного творчества на основании знания детской психологии.

Детская литература обладает универсальными возможностями для дальнейшей профессиональной деятельности учителя начальных классов, так как результаты ее освоения востребованы в следующих видах профессиональной деятельности: в учебно-воспитательной, научно-методической, социально-педагогической, культурно-просветительной, коррекционно-развивающей.

Изучение курса детской литературы по учебному пособию «Детская литература» дает возможность формировать у студентов-будущих учителей начальных классов необходимые специальные компетенции: профессиональные знания, рефлексивно-аналитические и методические умения, коммуникативные и социальные компетенции.

Студенты научатся:

- «распознавать» произведения детских писателей-классиков (устанавливать авторство, мотивировать атрибуцию);
- определять жанровую принадлежность произведений детской литературы и фольклора;
- создавать подражательные произведения, ориентируясь на фольклорные и литературные жанры, а также творческую манеру детских авторов;
- анализировать художественную форму и содержание произведений детской литературы и фольклора;
- сопоставлять произведения разных жанров, стилей, форм, авторов, проводить аналогии, обобщать прочитанное.

Специфика учебного пособия «Детская литература» заключается в том, что учебная хрестоматия является одной из частей системного авторского курса детской литературы, состоящего из учебного пособия «Детский фольклор», «Контрольные задания и тесты по детской литературе», «Учебная хрестоматия».

Обучение студентов по учебной хрестоматии «Детская литература» создает необходимые условия для реализации требований ФГОС НОО и Стандартов высшего профессионального образования третьего поколения, т.к. учитывает преемственность между литературным развитием младшего школьника в начальной школе и овладением литературного курса «Детская литература» в высшем учебном заведении профессионального образования.

Таким образом, в процессе изучения курса по хрестоматии «Детская литература» осуществляется формирование устойчивого интереса к литературе не только как к форме освоения действительности и важному источнику нравственных представлений личности, но и как к источнику профессиональных знаний, необходимых учителю начальных классов.

ГЛАВА 1. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Колыбельные песни

Баюшки - баю!
Я сугревушку свою,
Я сугревушку свою,
Я к чему примерю?
Примерю теплу
Свою сугреву
Летом – к алому цветочку.
Зимой – к белому снежочку.

Сон да Дрема
По качульку брела,
По качульку брела.
К дочке в люльку забрела.
Люлюшки-люли,
Прилетели голуби.
Стали гули ворковать –
У меня дочка – засыпать.

Бай-бай, бай-бай!
Я Костюшеньку люблю,
Костю вицей не секу.
Бай-бай, бай-бай,
Костю вицей не секу -
Лучше яичко испеку.

Я качаю день и ночь,
Отойди, бессонье, прочь!
Отойди да отвались,
В темном лесе заблудись,
В темном лесе, во кустах,
Во малиновых листах.

Пошел котик во лесок. –
Нашел котик поясок
Чем люлечку подцепить
Да Ванюшку положить.
Ваня будет спать,
Котик Ваню качать.
А котик Ваню качать
Да, серенький, величать.
Сон да Дрема.
Усыпи мое дитя!
Пошел котик во Торжок,
Купил себе пирожок.
Идет котик на лавочке.
Ведет киску за лапочку.
Ходят вместе они –
А ты, маленький, усни.

Уж я Ванюшку качала,
Уж я котику кричала:
- Приди, котик, ночевать,
Мово Ваню покачать.

Уж я серому коту
За работу заплачу.
Дам я мяса кусок,
Молока туесок!
Бай да побай.
Ты, Ваня, засыпай!
А качи, качи, качи,
Прилетели к нам грачи.
Они сели на ворота.
Ворота-то: скрып, скрып!
А Коленька спит, спит.

Бай-бай, бай-бай.
Не вались, Коля, на край…
Придет серенький волчок,
Схватит Колю за бочок,
Схватит Колю за бочок
Да потащит во лесок.
Он потащит во лесок
Во ракитовый кусток…

Баю-баюшки, баю.
Живет мужик на краю.
Он не беден, не богат,
Полна горница ребят.
Все по лавочкам сидят,
Кашу маслену едят.
Кашка масленая,
Ложка крашеная…

Задания

1. Что называется колыбельной песней?
2. Как в колыбельных песнях используется прием антропоморфизма?
3. Почему в колыбельных песнях частыми персонажами являются Кот и Дрема?
4. С какой целью в колыбельных песнях употребляются повторы слов?
5. Какую роль в колыбельной песне играет частое употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов?

Пестушки и потешки

Когда ребенок гулит или агукает, приговаривают:

Ах, поет, поет
Соловушка!
Ах, поет, поет,
Молоденький;
Молоденький,
Хорошенький.
Пригоженький!

Когда ребенок проснется и потягивается, его гладят по животику, приговаривая:

Потягунушки, поростунушки!
Роток-говорунюшки,
Руки-хвастунюшки,
Ноги-ходунюшки.

Когда ребенок начинает становиться на ножки, говорят:

Дыб, дыб, дыбочек

На первый годочек!

Когда ребенок учится ходить, говорят:

- Ножки, ножки,
Куда вы бежите?
- В лесок по мошок:
Избушку мшить,
Чтобы не холодно жить.

Движениями детских ручек изображают растягивание холста и говорят:

Тяни холсты,
Тяни холсты,
На рубашечку,
На столешничек.

Ребенка водят под мышки или за ручки вдоль лавочки, приговаривая:

Три-та-та, три-та-та!
Вышла кошка за кота.
Холит кот по лавочке.
А кошечка по подлавочке,
Ловит кота за лапочки:
- Ох ты, котик, коток.
Крутолобенький!
Поиграй ты, кот, со мной.
С Машкой, кошкой молодой!

Ребенка качают, посадив к себе на колени, и приговаривают:

Скок-поскок!
Молодой дроздок
По водичку пошел,
Молодичку нашел.
Молодиченька,
Невеличенька:
Сама с вершок.
Голова с горшок.
Шу-вы! полетели, -
На головушки и сели!

Изображая пальцами правой руки рога, слегка щекочут ими ребенка и припевают:

Идет коза рогатая,
Идет коза бодатая:
Ножками: топ! топ!
Глазками: хлоп! хлоп!
Кто кашки не ест,
Кто молока не пьет,
Того забодает, забодает.

Взяв ребенка, его качают вверх и вниз, напевая и приговаривая:

А тпру, тпру, тпру!
А тпру, тпру, тпру!
Не вари кашу круту,
Вари жиденьку,
Вари мяконькую,
Да молошненькую.

Ехала барыня
По ровненькой дорожке,

По кочкам, по кочкам –
Да бух!

Взяв ручки ребенка, хлопают ими в ладоши, в такт, а при последних словах ручки разводят и подымают на голову ребенка:

- Ладушки, ладушки!
Где были? – У бабушки.
- Что ели? – Кашку.
- Что пили? – Бражку.
Кашка сладенька,
Бражка пьяненька.
Бабушка добренька.
Попили, поели. –
Шу-у-у – полетели.
На головушку сели.

Берут у ребенка ручку и водят по ладошке указательным пальцем и приговаривают:

Сорока, сорока,
Сорока-белобока
Кашку варила.
На порог скакала,
Гостей созывала.
Гости не бывали,
Кашки не едали.
Все своим деткам отдала.

Указывая на каждый палец ручки, начиная с большого, приговаривают:

Этому дала на блюдечке,
Этому на тарелочке,
Этому на ложечке,
Этому поскребышки.

Останавливаясь на мизинце, добавляют:

А этому нет ничего.
А ты мал маленек:
За водицей не ходил,
Дров не носил,
Кашки не варил.

Разводя ручки в стороны и затем быстро положив на головку, говорят:

Шу-у-у, полетели –
На головушку сели.

Задания

1. Что называется пестушкой? Что такое потешка?
2. Какие образы являются наиболее повторяемыми в пестушках?
3. Выразительно исполнить 5-10 пестушек.
4. В чем заключается познавательная роль потешек?
5. Выразительно исполнить 5-10 потешек.
6. Какие художественные средства в пестушках и потешках отражают психологию ребенка?
7. Придумать свои пестушки и потешки.

Прибаутки и небылицы

Дон, дон, дон!
Загорелся кошкин дом.
Бежит курица с ведром –
Заливать кошкин дом.

Зайчишка-трусишка
По полю бежал,
В огород забежал,
Морковку нашел.
Капустку нашел. –
Сидит, грызет.
Ай, кто-то идет!

Зайчик, ты зайчик,
Коротеньки ножки,
Сафьяны сапожки!..

Синичка, синичка.
Воробью сестричка.
Воробей-воришка
Залез в амбаришко. –
Клевать просо
Своим носом.

Гуля, гуля-голубок,
Гуля сизенький,
Сизокрыленький,
Всем миленький.

Сова, совинька, сова,
Большая голова.
На колу сидела.
В стороны глядела.
Головой вертела.

Курочка-ряба
Все овес толкла,
Просо сеяла,
Горох веяла.

Девица, девица,
Сходи по водицу.
- Я волка боюсь,
Я медведя боюсь.
- Волк на работе,
Лиса на болоте
Платьице мыла,
Валек опустила.
Сама-то смеется.
Хохолок трясется.

Шла торговка мимо рынка,
Спотыкнулась о корзинку
И упала в яму – бух,
Раздавила сорок мух.

Бегал заяц по болоту,
Он искал себе работу,
Да работы не нашел,
Сам заплакал и пошел.

Уж ты серенький коток,

Не ходи ты в погребок
По сметану, по творог.
У нас скоро придет зять,
А сметаны негде взять.

Котишко-мурлышко,
Серый лбишко,
Не лезь в сметану.
Оставь Степану.

Идет кузнец из кузницы,
Несет кузнец два молота.
Тук, тук, тук,
Да ударил разом вдруг.

Стучит, бренчит на улице,
Фома едет на курице.
Тимошка на кошке –
Туды ж по дорожке.
- куда, Фома, едешь,
куда погоняешь?
- Сено косить.
- На что тебе сено?
- Коровок кормить.
- - На что тебе коровы?
- Молоко доить.
- На что тебе молоко?
- Ребяток поить.

Скок-поскок,
Молодой дроздок
По водичку пошел,
Молодичку нашел.
Молодиченька –
Невеличенька,
Сама с вершок,
Голова с горшок.
Они сели рядком.
Посидели ладком.
Настала ночь –
Улетели прочь.

Коси, коса,
Пока роса.
Роса долой,
Косец домой.
Коса любит лопатку,
Лопатка – песок,
Лопатка – песок,
А косец – пирожок.

Как по речке по реке
Ехал рыжий на быке.
Рыжий красного спросил:
- Чем ты бороду красил?
- Я не краской, не помазкой,
Я на солнышке лежал,

Кверху бороду держал.

Уж и где же это видано,
Уж и где же это слыхано,
Чтобы курочка бычка принесла,
Поросеночек яичко снес.
Чтоб по поднебесью медведь летал,
Черным хвостиком помахивал.

Задания

1. Дать определение прибаутки.
2. Чем прибаутка отличается от пестушек и потешек?
3. Какова роль прибаутки в развитии ребенка?
4. Как аллитерации и звукоподражания в прибаутке помогают ребенку осмыслить их содержание?
5. Выразительно прочитать 5-10 прибауток.
6. Придумать 5-10 прибауток.

Скороговорки

Сыворотка из-под простокваши.
Добры бобры идут в боры.
Сыпь песочек в желтенький черепочек.

В печурке – три чурки, три гуся, три утки.
Под матицей, под потолком
Висит полколпака гороху
Без червячка, без червоточинки.
У быка губа тупа,
Бык, бык тупогуб.
В один, Клим, клин колоти.
На дворе трава.
На траве дрова.
На горе, на пригорке, стояли двадцать два
Егорки. Раз – Егорка, два – Егорка,
Три – Егорка…
(и так до «двадцать два Егорки»).

Шел мужик из торгу.
Говорят в торгу
Не про покром,
Не про покромку,
Говорят про покупку.

Стоит копна с подприкопеночком.

Стоит поп на копне,
Колпак на попе,
Копна под попом.
Поп под колпаком.

Сшит колпак,
Вязан колпак,
Да не по-колпаковски.

Пришел Прокоп, кипит укроп,
И при Прокопе кипит укроп.

И ушел прокоп, кипит укроп.
И без Прокопа кипит укроп.

Выдерни лычко из-под кадычка.

Нашего пономаря никто не перепономарит,
А наш пономарь всех перепономарит.

У нас на дворе-подворье погода размокропогодилась.

Два дровосека,
Два дровокола,
Два дроворуба,
Говорили про Ларю,
Про Ларьку, про Ларину жену.

Хохлатые хохотушки
Хохотом хохотали:
Ха! ха! ха! ха! ха!

От топота копыт пыль по полю летит.

Задания

1. Дать определение скороговорки.
2. Какие характерные черты скороговорки указывают на ее связь с потешным жанром?
3. В чем познавательная и воспитательная ценность скороговорок?
4. Выразительно прочитать 5-10 скороговорок.
5. Придумать 5-10 собственных скороговорок.

Заклички и приговорки

В начале марта дети закликали весну:

- Весна-красна! На чем пришла?
- На сошечке, на бороночке,
На овсяном снопочку,
На ржаном колосочку.

Дождик, дождик, пуще –
Дай хлеба гуще!

Уж дождь-дождем
Поливай ковшом!
Ситом, решатом,
Целым ушатом!

Дождичек, роси, роси,
Девушка, расти, расти!

Когда дожди «зарядят», станут вредными для посевов, тогда закликают солнышко, просят радугу прекратить дождь:

Солнышко, солнышко,
Выгляни в окошечко –
Дам тебе веретешечко,
Насыплю горошечка.

Радуга-дуга,
Не давай дождя,

Давай солнышка,
Колоколнышка.

Радуга-дуга.
Перебей дождя!

Когда случается засуха, а дожди идут мимо или выпадает небольшой дождь, просят у радуги, чтобы она не уносила дождя:

Радуга-дуга,
Принеси нам дождя.
Радуга-дуга.
Не пей нашу воду.

Уродися, репка,
Ни густа, ни редка,
С мыший хвост,
С тараканий нос…

Коровушка, буренушка.
Подай молочка,
Покорми пастушка.

После купанья, чтобы избавиться от воды, налившейся в уши, прыгают на одной ноге, прижимая к уху ладонь, приговаривают:

- Мышка, мышка,
Вылей воду
За косую огороду!

Водолей, водолей,
Вылей воду из ушей!

Бросали в подпечек выпавший молочный зуб со словами:

- Мышка, мышка!
На тебе зуб липяной,
Дай мне гребяной.

Говорят, когда ребенок зевает и хотят, чтобы он уснул:

Первый хамочек – на потолочек,
А другой – на стенку,
А третий – в постельку.

В бане приговаривают, окачивая водой:

С гоголя – вода,
С младенца – худоба!
Укатись вся.
Плачущего ребенка успокаивали:
Не плачь – дам калач,
Не вой – дам другой,
Не реви – дам три!

Вызывали улитку из раковины:

- Улитка, улитка.
Высуни рога:
Дам тебе пирога.

Бабка-липка.

Сядь на травку –
Зеленую муравку!

Эта приговорка – своего рода гаданье-примета: если жучок полетит – к ведру, а если – нет, погода не изменится; если коровка поползет, будет ненастье.

Божья коровка,
Черная головка,
Полетай за море!
Там тепленько,
Здесь холодненько.

Передразнивая вечерний крик перепелов, приговаривают:

Спать пора!
Спать пора!
Под полоть!
Под полоть!

Завидев летящих галок и ворон, кричат:

- Галки, вороны,
Где ваши хоромы?
- На дубу, на сосне.
У матери кресне (ой).

Когда летит ворон, кричат:

- Крикни, ворон,
На сухой корень,
Корень сохнет,
Ворон сдохнет.

В поисках грибов приговаривают:

Грибы на грибы, а мой поверху.

Задания

1. Дать определение заклички и приговорки.
2. С какой целью исполняется закличка?
3. Связь с какими природными явлениями лежит в основе исполнения закличек?
4. Выразительно прочитать 5-10 закличек и приговорок.
5. Придумать заклички и приговорки о весне, дождике, хорошей погоде.

ЗАГАДКИ
Человек

За стеной
Костяной
Соловейко спой!
(Язык)

Маленький, кругленький,
А до неба докинешь.
(Глаз)

Между двух светил
Я в середине один.
(Нос)

Полон хлевец

Белых овец.
(Зубы)

У двух матерей
По пяти сыновей.
Одно имя всем.
(Пальцы)

Стоят два козла,
На кольях бочка,
На бочке кочка,
А на кочке дремучий лес.
(Человек)

Одежда и украшения

Сижу верхом,
Не знаю на ком,
Знакомца встречу.
Соскочу – привечу.
(Шапка)

Пять чуланов.
Одна дверь.
(Перчатка)

По дороге я шел,
Две дороги нашел,
По обеим пошел.
(Штаны)

Днем обручем.
Ночью змеей.
(Пояс)

Овца в корове.
(Чулок в ботинке)

Изба

Стоит терем.
В тереме ящик,
В ящике мучка,
В мучке жучка.
(Изба, печь, зола, жар)

Основа
Соснова,
Уток соломенный.
(Крыша)

Стоит Арина
Рот разиня.
(Труба на крыше)

Два братца
Глядятся.
А вместе не сойдутся.

(Пол и потолок)

В лавке пятак,
Не вынешь никак.
(Сучок)

Два подьячих
Водят марью вертячу.
(Петли и дверь)
По сеням ходит,
А в избу нейдет.
(Дверь)

Черненька собачка
Свернувшись лежит;
Не лает,
Не кусает.
А в дом не пускает.
(Замок)

Двое сойдутся,
Приобоймутся.
(Ворота с запором)

Внутреннее убранство

Четыре братца
Под одним шатром стоят.
(Стол)

Без рук,
Без ног.
Во все стороны клонится.
(Зыбка)

Два брюшка,
Четыре ушка.
(Подушка)

Светленько,
Чистенько.
Посмотреть любенько.
(Зеркало)

Пища и питье

Сидит барыня в ложке,
Свесив ножки.
(Лапша)

Чиста, да не вода;
Клейка, да не смола;
Бела, да не снег;
Сладка, да не мед;
От рогатого берут
И живулькам дают.
(Молоко)

Одну меня не едят,
А без меня мало едят.
(Соль)
Идет в баню черен.
Выходит красен.
(Рак)

Крепь-город
Да Бел-город,
А в Бел-городе
Воску брат.
(Яйцо)

И комковато,
И ноздревато,
И мягко, и ломко,
А всех милей.
(Хлеб)

Домашние животные и птица

Не пахарь, не столяр,
Не кузнец, не плотник,
А первый на селе работник.
(Лошадь)
Два-ста ухаста,
Два-ста рогаста.
Четыре-ста ходаста,
Один пыхтун.
Один вертун.
(Корова)

По горам, по долам,
Ходит шуба да кафтан.
(Овца)

По земле ходит,
Неба не видит,
Ничего не болит,
А все стонет.
(Свинья)

На сене лежит,
Сам не ест
И другим не дает.
(Собака)

Вся мохнатенька,
Четыре лапки,
Сам усатенька.
(Кошка)

Кто родится с усами?
(Котенок)

Бел как снег,
Надут как мех,

На лопатах ходит.
(Гусь)

Не ездок, а со шпорами,
Не сторож, а всех будит.
(Петух)

Огород и сад

Сто один брат,
Все в один ряд.
Одним кушаком подпоясаны.
(Изгородь)

Алый сапог
В земле горит.
(Свекла)

Красна девица
Сидит в темнице,
А коса наружи.
(Морковь)

Ни шит, ни кроен,
А весь в рубцах;
Без счету одежек
И все без застежек.
(Кочан капусты)

Ни окон, ни дверей –
Полна горница людей.
(Огурец)

Круга, а не месяц,
Желта, а не масло,
С хвостиком, а не мышь.
(Репа)

Желтая курица
Под тыном дуется.
(Тыква)

Не огонь,
А жжется.
(Крапива)

Задания

1. Что называется загадкой?
2. Какой художественный прием лежит в основе загадки?
3. В чем воспитательная ценность загадок?
4. Придумать загадки о человеке, доме, домашних животных.

Пословицы

Велика святорусская земля, а везде солнышко.
Волга — всем рекам мать.
Всякая птица свое гнездо любит.

Всякая сосна своему бору шумит.
Всякому мила своя сторона.
Где кто родится, там и пригодится.
Где сосна взросла, там она и красна.
Глупа та птица, которой гнездо свое не мило.
Дома и стены помогают.
За морем веселье, да чужое, а нас и горе, да свое.
И пензенцы в Москве свою ворону узнали.
И полынь на своем корню растет. И собака свою сторону знает.
Каждому свой край сладок.
Любовь к Родине сильнее смерти.
На родной сторонке и камешек знаком.
На чужой стороне Родина милей вдвойне.
Нет в мире краше Родины нашей.
Родина краше солнца, дороже золота.
Родная землица и во сне снится.
Родная сторона — мать, чужая — мачеха.
Вот несколько известных пословиц о труде:
Без дела жить - только небо коптить.
Без дела сидит да в пустой угол глядит.
Без труда и отдых не сладок.
Будешь трудиться - будет у тебя и хлеб и молоко водиться.
Всякая работа мастера хвалит.
Глядя на чужую работу, сыт не будешь.
Дела словом не заменишь.
Дело верши, да не спеши.
Дело делу рознь, а иное хоть брось.
Для добра трудиться- есть чем похвалиться.
Кто не работает, тот и не ест.
Кто мало говорит, тот больше делает.
Почитай учителя как родителя.
С грамотой вскачь, без грамоты хоть плачь.
С книгой поведешься — ума наберешься.
Сперва аз да буки, а там и науки.
Сытое брюхо к ученью глухо.
Сытому ученье — утеха, голодному — помеха.
Ученого учить — как мертвого лечить.
Ученого учить — только портить.
Ученый водит, неученый следом ходит.
Ученый дурак хуже прирожденного.
Ученый сын старше неученого отца.
Ученье без уменья не польза, а беда.
Без друга в жизни туго.
Без друга на сердце вьюга.
Будь друг, да не вдруг.
В недруге стрела - что во пне, а в друге- что во пне.
Гусь свинье не товарищ.
Друг он мой, а ум у него свой.
Друг научит, а недруг проучит.
Дружбу помни, а зло забывай.
Дружба - как стекло: разобьешь - не сложишь.
Береги платье снову, а здоровье смолоду.
Здоров будешь - все добудешь.
Здоровье дороже богатства.
Здоровье не купишь - его разум дарит.
Здоровью цены нет.
Здоровому все здорово.

Без языка и колокол нем.
Длинный язык - короткие мысли.
Жало остро, а язык острей того.
Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами!
За твоим языком не поспеешь босиком.
Мал язык, да всем телом владеет.
Не ножа бойся - языка!

Задания

1. Дать определение пословицы.
2. Чем пословица отличается от поговорки?
3. Выразительно прочитать 9-10 пословиц о трудолюбии, Родине, чтении.
4. Какова познавательная и воспитательная ценность пословиц?
5. Придумать пословицы о пользе учения, любви к Родине, трудолюбии.

Считалки и игры

- Заяц белый,
Куда бегал?
- В лес дубовый.
- Что там делал?
- Лыки драл.
- Куда клал?
-Под колоду.
- Кто украл?
- Родион.
Выйди вон.

Ехала телега.
Сломалось колесо.
Сколько гвоздей
На починку пошло?

При ответе считают: раз, два, три и т.д. выходит тот, на кого пришлось названное число.

Катилась торба
С высокого горба.
В этой торбе
Хлеб, соль, пшеница.
С кем ты хочешь поделиться?

Выходящий выводит из считающихся кого-нибудь.

Раз, два.
Голова;
Три, четыре.
Прицепили;
Пять, шесть.
Сено везть;
Семь, восемь,
Сено косим;
Девять, десять,
Деньги весить;
Одиннадцать, двенадцать,
На улице бранятся.
В избе ссорятся.

Тара-бара
Домой пора

Коров доить,
Тебе водить.

Катилось яблоко
Мимо сада,
Мимо сада,
Мимо града.
Кто поднимет,
Тот и выйдет.

Аты-баты – шли солдаты.
Аты-баты – на базар,
Аты-баты – что купили?
Аты-баты – самовар.
Аты-баты – сколько дали?
Аты-баты – три рубля.
Шишел-вышел, вон пошел,
На боярский двор зашел,
Там бояре шапки шьют.
На окошко их кладут.

Горелки

Играющие образуют пары и становятся вереницей. Впереди на два шага «горящий» («горельщик», «горюн») – тот, кто водит. Ему запрещено оглядываться назад. Играющие поют – выкрикивают:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Стой подоле –
Гляди в поле.
Едут там трубачи
Да едят калачи.
Погляди на небо –
Звезды горят,
Журавли кричат –
Гу, гу, гу, убегу.
Раз, два, не воронь,
Беги, как огонь.

«Горящий» должен взглянуть на небо, а между тем задняя пара разъединяется и бежит – один по одну сторону вереницы пар, а другой – по другую, стараясь соединиться снова впереди «горящего». Если это паре удается, то «горящий» продолжает водить, если – нет и «горящий» ловит кого-нибудь, то оставшийся без пары водит – становится «горящим». Новая пара занимает место непосредственно за новым «горящим» - и игра продолжается.

Гуси-лебеди и волк

Играющие выбирают из своей среды волка и хозяина, а сами изображают гусей-лебедей. Волк уходит на место, называемое играющими «горой». Гуси-лебеди, посидев некоторое время дома у хозяина, уходят в поле. Через некоторое время хозяин кричит:

- Гуси-лебеди, домой!

Гуси отвечают:

- Волк под горой!
- Что волк делает?
- Траву щиплет.
- Ну, бегите же домой!

Гуси бегут, а волк их ловит и поодиночке уводит на свою гору.

Когда волк переловит всех гусей, хозяин топит для волка баню и просит его помыться. Волк идет, парится, моется. По выходе из бани хозяин берет камень и палку и, показывая их волку, говорит:

- Волкушко! Я тебе коровушку брошу!

Бросает палку или камень, волк бежит за «коровушкой», гуси-лебеди тем временем бегут домой к хозяину.

Медведь в бору

Один из играющих изображает медведя, а другие идут в бор за грибами и ягодами и поют:

У медведя на бору
Грибы-ягоды беру!
Медведь постыл
На печи застыл!

При этих словах медведь, до сих пор как будто дремавший, тихо ворочается, потягивается, и как будто неохотно идет на детей, которые бегут от него. Пойманный становится медведем, и игра продолжается.

Дрема

Играющие становятся в кружок, в середине на скамье сидит Дрема. Хор поет о Дреме:

Сиди, Дрема,
Сиди, Дрема,
Выбирай-ай, Дрема,
Выбирай-ай, Дрема,
Бери-и, Дрема,
Бери-и, Дрема!

Дрема встает со скамьи, выбирает кого-нибудь, и выбранный считается Дремой.

Задания

1. Дать определение считалки.
2. Как народная педагогика объясняет происхождение игр в быту детей?
3. Назвать 8-10 детских считалок.
4. Придумать считалки и детские игры.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Яичко

Жил себе дед да баба, у них была курочка-ряба; снесла под полом яичко – пестро, востро, костяно, мудрено! Дед бил – не разбил. Баба била – не разбила, а мышка прибежала, да хвостиком раздавила. Дед плачет, баба плачет, курочка кудкудачет, ворота скрипят, со двора щепки летят, на небе верх шатается!

Шли за водою поповы дочери, спрашивают деда, спрашивают бабу:

- О чем вы плачете?

- Как нам не плакать! – отвечают дед да баба. - Есть у нас курочка-ряба; снесла курочка под полом яичко – пестро, востро, костяно, мудрено! Дед бил – не разбил, баба била – не разбила, а мышка прибежала да хвостиком раздавила.

Как услышали это поповы дочери, со великого горя бросили ведра наземь, поломали коромысла и воротились домой с пустыми руками.

- Ах, матушка! – говорят они попадье. – Ничего ты не знаешь, ничего не ведаешь, а на свете много деется: живут себе дед да баба, у них курочка-ряба; снесла под полом яичко – пестро, востро, костяно, мудрено! Дед бил – не разбил, баба била – не разбила, а мышка прибежала да хвостиком раздавила. Оттого дед плачет, баба плачет, курочка кудкудачет, ворота скрипят, со двора щепки летят, на избе верх шатается! А мы, идучи за водою, ведра побросали, коромысла поломали!

На ту пору попадья квашню месила. Как услышала она, что дед плачет, и баба плачет, и курочка кудкудачет, тотчас с великого горя опрокинула квашню и все тесто разметала по полу.

Пришел поп с книгою.

- Ах, батюшка! – сказывает ему попадья. – Ничего ты не знаешь, ничего не ведаешь, а на свете много деется: живут себе дед да баба, у них курочка-ряюа;снесла под полом яичко – пестро, востро, костяно, мудрено! Дед бил – не разбил, баба била – не разбила, а мышка прибежала да хвостиком раздавила. Оттого дед плачет, баба плачет, курочка кудкудачет, ворота скрипят, со двора щепки летят, на избе верх шатается! Наши дочки, идучи за водою, ведра побросали, коромысла поломали, а я тесто месила да со великого горя все по полу разметала!

Поп затужил-загоревал, свою книгу в клочья изорвал.

Задания

1. К какому виду народных сказок можно отнести данную сказку? По каким приметам это можно сделать?
2. Почему баба и дед заплакали после того, как разбили яичко?
3. С какой целью в сказке употребляется троекратное описание того, как было разбито яичко?

Теремок

Лежит в поле лошадиная голова.
Прибежала мышка-норышка и спрашивает:
- Терем-теремок! Кто в терем живет?
Никто не отзывается.
Вот она вошла и стала жить в лошадиной голове. Пришла лягушка-квакушка:
-Терем-теремок! Кто в тереме живет?
- Я, мышка-норышка; а ты кто?
- А я лягушка-квакушка.
- Ступай ко мне жить.
Вошла лягушка, и стали они себе вдвоем жить. Прибежал заяц:
- Терем-теремок! Кто в тереме живет?
- Я, мышка-норышка, да лягушка-квакушка; а ты кто?
-А я на горе увертыш.
- Ступай к нам.
Стали они втроем жить. Прибежала лисица:
-Терем-теремок! Кто в тереме живет?
-Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увертыш; а ты кто?
- А я везде поскокиш.
- Иди к нам.
Стали четверо жить. Вот приходит к ним медведь:
- Терем-теремок! Кто в тереме живет?
- Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увертыш, везде поскокиш, из-за кустов хватыш.
- А я всех вас давиш!
Сел на голову и раздавил всех.

Задания

1. Какая деталь говорит о древнем происхождении сказки «Теремок»?
2. Как имена зверей характеризуют персонажей сказки «Теремок»?
3. Какова главная мысль данной сказки?

Колобок

Жили да были старик да старуха; у них не было ни хлеба, ни соли, ни кислых щей. Пошел старик по сусекам скрести, по лукошкам мести. Собрали немного муки, стали месить колобок.

На масле смесили, на сковороде прягли и на окне студили. Колобок соскочил и убежал.

Бежит вдоль по дорожке. Попадается ему заяц навстречу и спрашивает его:

-Куда бежишь, колобок?
Колобок ему в ответ:
Я по коробам метен,
По сусекам скребен,

В сыром масле пряжен,
На окошке стужен;
Я от деда ушел,
Я от бабы ушел
И от тебя убегу.

И побежал колобок. Навстречу ему серенький волчок.

-Что, куда ты, колобок?
Колобок ему в ответ:
Я по коробам метен,
По сусекам скребен,
В сыром масле пряжен,
На окошке стужен;
Я от деда ушел,
Я от бабы ушел,
Я от зайца ушел
И от тебя, волк, убегу.

Колобочек побежал. Ему навстречу попадается медведь и спрашивает его:

- Куда ты, колобок?
Колобок ему в ответ:
Я по коробам метен,
По сусекам скребен,
В сыром масле пряжен,
На окошке стужен;
Я от деда ушел,
Я от бабы ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел,
И от тебя, медведь, убегу.

Колобочек побежал. Ему навстречу попадается черемная лисица, баять мастерица, и спрашивает, готовясь его слизнуть:

- Куда бежишь, колобочек, скажи мне, дружочек, мой милый свет!
Колобочек ей в ответ:
Я по коробам метен,
По сусекам скребен,
В сыром масле пряжен,
На окошке стужен;
Я от деда ушел,
Я от бабы ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел,
От медведя ушел,
И от тебя убегу.

Лисица говорит ему:
- Я не чую, что ты баешь? Сядь ко мне на верхнюю губу!
Колобочек сел, опять то же запел.
- Я еще ничего не слышу! Сядь ко мне на язычок.
Он и на язычок ей сел. Опять то же запел.
Она – хам! – его и съела.

Задания

1. Почему Колобок убежал от дедушки и бабушки?
2. Как прием повтора помогает понять характер Колобка?
3. Почему Колобку не удалось уйти от Лисицы?
4. В чем воспитательный смысл сказки?

Репка

Посадил дед репку и говорит:

- Расти, расти, репка, сладка! Расти, расти, репка, крепка!

Выросла репка сладка, крепка, большая-пребольшая.

Пошел дед репку рвать: тянет-потянет, вытянуть не может. Позвал дед бабку.

Бабка за дедку,
Дедка за репку –
Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала бабка внучку.

Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку –
Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала внучка Жучку.

Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку –
Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала Жучка кошку.

Кошка за Жучку,
Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку –
Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала кошка мышку.

Мышка за кошку,
Кошка за Жучку,
Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку –
Тянут-потянут – и вытянули репку.

Задания

1. К какому типу сказок можно отнести сказку «Репка»?
2. Кто главные герои этой сказки?
3. Как нанизывание событий (кумуляция) помогают понять идею сказки?

Царь-девица

В некотором царстве, в некотором государстве был купец; жена у него померла, остался один сын Иван. К этому сыну приставил он дядьку, а сам через некоторое время женился на другой жене, и как Иван купеческий сын был уже на возрасте и больно хорош собою, то мачеха и влюбилась в него.

Однажды Иван купеческий сын отправился на плотике пó морю охотничать с дядькою; вдруг увидели они, что плывут к ним тридцать кораблей. На тех кораблях была царь-девица с тридцатью другими девицами, своими названными сестрицами. Когда плотик сплылся с кораблями, тотчас все тридцать кораблей стали на якорях. Ивана купеческого сына вместе с дядькою позвали на самый лучший корабль; там их встретила царь-девица с тридцатью девицами, названными сестрицами, и сказала Ивану купеческому сыну, что она его крепко полюбила и приехала с ним повидаться. Тут они и обручились.

Царь-девица наказала Ивану купеческому сыну, чтобы завтра в то же самое время приезжал он на это место, распростилась с ним и отплыла в сторону. А Иван купеческий сын воротился домой, поужинал и лег спать. Мачеха завела его дядьку в свою комнату, напоила пьяным и стала

спрашивать: не было ли у них чего на охоте? Дядька ей все рассказал. Она, выслушав, дала ему булавку и сказала: «Завтра, как станут подплывать к вам корабли, воткни эту булавку в одежу Ивана купеческого сына». Дядька обещался исполнить приказ.

Поутру встал Иван купеческий сын и отправился на охоту. Как скоро увидал дядька плывущие вдали корабли, тотчас взял и воткнул в его одежу булавочку. «Ах, как я спать хочу! — сказал купеческий сын. — Послушай, дядька, я покуда лягу да сосну, а как подплывут корабли, в то время, пожалуйста, разбуди меня». — «Хорошо! Отчего не разбудить?» Вот приплыли корабли и остановились на якорях; царь-девица послала за Иваном купеческим сыном, чтоб скорее к ней пожаловал; но он крепко-крепко спал. Начали его будить, тревожить, толкать, но что ни делали — не могли разбудить; так и оставили.

Царь-девица наказала дядьке, чтобы Иван купеческий сын завтра опять сюда же приезжал, и велела подымать якоря и паруса ставить. Только отплыли корабли, дядька выдернул булавочку, и Иван купеческий сын проснулся, вскочил и стал кричать, чтоб царь-девица назад воротилась. Нет, уж она далеко, не слышит. Приехал он домой печальный, кручинный. Мачеха привела дядьку в свою комнату, напоила допьяна, повыспросила все, что было, и приказала завтра опять воткнуть булавочку. На другой день Иван купеческий сын поехал на охоту, опять проспал все время и не видал царь-девицы; наказала она побывать ему еще один раз.

На третий день собрался он с дядькою на охоту; стали подъезжать к старому месту; увидали: корабли вдали плывут, дядька тотчас воткнул булавочку, и Иван купеческий сын заснул крепким сном. Корабли приплыли, остановились на якорях; царь-девица послала за своим нареченным женихом, чтобы к ней на корабль пожаловал. Начали его будить всячески, но что ни делали — не могли разбудить. Царь-девица уведала хитрости мачехины, измену дядькину и написала к Ивану купеческому сыну, чтобы он дядьке голову отрубил, и если любит свою невесту, то искал бы ее за тридевять земель, в тридесятом царстве. Только распустили корабли паруса и поплыли в широкое море, дядька выдернул из одежи Ивана купеческого сына булавочку, и он проснулся, начал громко кричать да звать царь-девицу; но она была далеко и ничего не слыхала. Дядька подал ему письмо от царь-девицы; Иван купеческий сын прочитал его, выхватил свою саблю острую и срубил злому дядьке голову, а сам пристал поскорее к берегу, пошел домой, распрощался с отцом и отправился в путь-дорогу искать тридесятое царство.

Шел он куда глаза глядят, долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, — приходит к избушке; стоит в чистом поле избушка, на куричьих голяшках повертывается. Взошел в избушку, а там баба-яга костяная нога. «Фу-фу! — говорит. — Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришел. Волей али неволей, добрый молодец?» — «Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, баба-яга, тридесятого царства?» — «Нет, не ведаю!» — сказала ягая и велела ему идти к своей середней сестре: та не знает ли?

Иван купеческий сын поблагодарил ее и отправился дальше; шел, шел, близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, приходит к такой же избушке, взошел — и тут баба-яга. «Фу-фу! — говорит. — Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришел. Волей али неволей, добрый молодец?» — «Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, где тридесятое царство?» — «Нет, не знаю!» — отвечала ягая и велела ему зайти к своей младшей сестре: та, может, и знает «Коли она на тебя рассердится да захочет съесть тебя, ты возьми у ней три трубы и попроси поиграть на них: в первую трубу негромко играй, в другую погромче, а в третью еще громче». Иван купеческий сын поблагодарил ягую и отправился дальше.

Шел-шел, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконец увидал избушку — стоит в чистом поле, на куричьих голяшках повертывается; взошел — и тут баба-яга. «Фу-фу! Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришел!» — сказала ягая и побежала зубы точить, чтобы съесть незваного гостя. Иван купеческий сын выпросил у ней три трубы, в первую негромко играл, в другую погромче, а в третью еще громче. Вдруг налетели со всех сторон всякие птицы; прилетела и жар-птица. «Садись скорей на меня, — сказала жар-птица, — и полетим, куда тебе надобно; а то баба-яга съест тебя!» Только успел сесть на нее, прибежала баба-яга, схватила жар-птицу за хвост и выдернула немало перьев.

Жар-птица полетела с Иваном купеческим сыном; долгое время неслась она по поднебесью и прилетела, наконец, к широкому морю. «Ну, Иван купеческий сын, тридесятое царство за этим морем лежит; перенесть тебя на ту сторону я не в силах; добирайся туда, как сам знаешь!» Иван купеческий сын слез с жар-птицы, поблагодарил и пошел по берегу.

Шел-шел — стоит избушка, взошел в нее; повстречала его старая старуха, напоила-накормила и стала спрашивать: куда идет, зачем странствует? Он рассказал ей, что идет в

тридесятое царство, ищет царь-девицу, свою суженую. «Ах! — сказала старушка. — Уж она тебя не любит больше; если ты попадешься ей на глаза — царь-девица разорвет тебя: любовь ее далеко запрятана!» — «Как же достать ее?» — «Подожди немножко! У царь-девицы живет дочь моя и сегодня обещалась побывать ко мне; разве через нее как-нибудь узнаем». Тут старуха обернула Ивана купеческого сына булавкою и воткнула в стену; ввечеру прилетела ее дочь. Мать стала ее спрашивать: не знает ли она, где любовь царь-девицы запрятана? «Не знаю», — отозвалась дочь и обещала допытаться про то у самой царь-девицы. На другой день она опять прилетела и сказала матери: «На той стороне океана-моря стоит дуб, на дубу сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, а в яйце любовь царь-девицы!»

Иван купеческий сын взял хлеба и отправился на сказанное место; нашел дуб, снял с него сундук, из него вынул зайца, из зайца утку, из утки яйцо и воротился с яичком к старухе. Настали скоро именины старухины; позвала она к себе в гости царь-девицу с тридцатью иными девицами, ее названными сестрицами; энто яичко испекла, а Ивана купеческого сына срядила по-праздничному и спрятала.

Вдруг в полдень прилетают царь-девица и тридцать иных девиц, сели за стол, стали обедать; после обеда положила старушка всем по простому яичку, а царь-девице то самое, что Иван купеческий сын добыл. Она съела его и в ту ж минуту крепко-крепко полюбила Ивана купеческого сына. Старуха сейчас его вывела; сколько тут было радостей, сколько веселья!

Уехала царь-девица вместе с женихом — купеческим сыном в свое царство; обвенчались и стали жить да быть да добро копить.

Задания

1. Какие характерные черты указывают на то, что эта сказка волшебная?
2. С какими событиями связана отправка Ивана купеческого сына из дома на поиски Царь-девицы?
3. Почему Ивану купеческому сыну удалось пройти все испытания и вернуть Царь-девицу из тридесятого царства?

Лисичка-сестричка и волк

Жил себе дед да баба. Дед говорит бабе:

-Ты, баба, пеки пироги, а я поеду за рыбой.

Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге.

Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе как мертвая.

- Вот будет подарок жене, - сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Повыбросала всю рыбу, и сама ушла.

- Ну, старуха, - говори дед, - какой воротник привез я тебе на шубу.

- Где?

- Там, на возу, - и рыба, и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа:

- Ах ты!.. Такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая; погоревал, погоревал, да делать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дороге рыбу в кучку, села и ест себе. Навстречу ей идет волк:

-Здравствуй, кумушка!

-Здравствуй, куманек!

-Дай мне рыбки!

-Налови сам да ешь.

- Я не умею.

- Эка, ведь я же изловила; ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в прорубь – рыба сама на хвост нацепляется. Да смотри, себе подольше, а то не наловишь.

Волк пошел на реку, опустил хвост в прорубь; дело-то было зимою. Уж он сидел, сидел, целую ночь просидел, хвост его и приморозило; попробовал было приподняться: не тут-то было.

- Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!- думает он.

Смотрит, а бабы идет за водой и кричат, завидя серого:

- Волк, волк! Бейте его! Бейте его!

Прибежали и начали колотить волка – кто коромыслом, кто ведром, чем кто попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

- Хорошо же, - думает,- уж я тебе отплачу, кумушка!

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотела попробовать. Не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу:

-Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!

-Эх, куманек, - говорит лисичка-сестричка, – у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего побили; я насилу плетусь.

-И то правда, - говорит волк,- где тебе, кумушка, уж идти; садись на меня. Я тебя довезу.

Лисичка села ему на спину, да потихоньку и говорит:

-Битый небитого везет, битый небитого везет.

- Что ты, кумушка, говоришь?

- Я, куманек, говорю: битый битого везет.

- Так, кумушка, так!

Задания

1. По каким характерным признакам можно определить, что данная сказка относится к сказке о животных?
2. Как народная сказка подчеркивает особенности поведения Лисицы и Волка в этой сказке?
3. Что означает фраза «Битый небитого везет»?

Морозко

Живало-бывало, - жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка.

Все знают, как за мачехой жить: перевернешься – бита и недовернешься – бита. А родная дочь что ни сделает – за все гладят по головке: умница.

Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела – еще до свету…

Ничем старухе не угодишь – все не так, все худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится – не скоро уймется. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

- Вези, вези ее, старик, - говорит мужу, - куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали! Вези ее в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

- Садись, мила дочь, в сани.

Повез бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб ее пробирает. Вдруг слышит – невдалеке Морозко по елкам потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху ее спрашивает:

- Тепло ли тебе, девица?

- Тепло, Морозушка, тепло, батюшка.

Морозко еще ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защелкал:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

- Ой, тепло, голубчик Морозушка!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал ее теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней уже поминки справляет, печет блины и кричит мужу:

-Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места,- под большой елью сидит его дочь, веселая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около – короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил все добро в сани, посадил дочь, повез домой.

А дома старуха печет блины, а собачка под столом:

- Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

- Не так тявкаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут…»

Собака съест блин и опять:

- Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха и блины ей кидала, и била ее, собачка все свое…

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идет падчерица – в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжелый. Старуха глянула – и руки врозь…

- Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези. вези мою дочь в лес да посади на то же место…

Старик посадил старухину дочь в сани. Повез ее в лес на то же место, вывали в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит.

А Морозко по лесу потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает, на старухину дочь поглядывает:

- Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

- Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко…

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощелкивать.

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

- Ой, руки, ноги отмерзли! Уйди, Морозко…

Еще ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защелкал:

-Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

- Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

- Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези ее в злате-серебре…

Старик уехал. А собачка под столом:

-Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

- Не так тявкаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут…»

А собака – все свое:

- Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут…

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мертвая.

Заголосила старуха, да поздно.

Задания

1. Охарактеризуйте поведение и поступки старухиной дочки и падчерицы в отцовом доме.
2. Как проявились основные черты характера старухиной дочки и падчерицы в доме Морозки?
3. За что Морозко наградил падчерицу и наказал старухину дочку?
4. Почему народная мудрость определила именно такой финал сказки?

Царевна-лягушка

В старые годы у одного царя было три сына. Вот, когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

-Сынки мои любезные, покуда я еще не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

- Так что ж, батюшка, благослови, на ком тебе желательно нас женить?

- Вот что, сынки. Возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили.

У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла его купеческая дочь.

А у младшего сына. Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела, сам не знает куда. Вот он шел, шел, дошел до болота, видит – сидит лягушка. подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

- Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу.

А лягушка ему отвечает:

- Возьми меня замуж!

- Что ты, как я возьму себе в жены лягушку?

- Бери - знать, судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принес домой. Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего – на купеческой, а несчастного Ивана-царевича – на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

- Хочу посмотреть, которая из ваших жен лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтрему по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка по полу скачет, спрашивает его:

-Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

- Батюшка велел тебе к завтрему рубашку ему сшить.

Лягушка отвечает:

- Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лег спать, а лягушка прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

- Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка опять по полу скачет, а уж рубашка лежит на столе, завернута в полотенце. Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понес к отцу. Царь в это время принимал дары от больших сыновей. Старший развернул рубашку, царь принял ее и сказал:

- Эту рубашку в черной избе носить.

Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

- В ней только в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку, изукрашенную златом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

- Ну, вот это рубашка – в праздник ее носить.

Пошли братья по домам – те двое – и судят между собой:

- Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитра…

Царь опять позвал сыновей:

- Пускай ваши жены испекут мне к завтрему хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришел домой.

Лягушка его спрашивает:

- Что закручинился?

Он отвечает:

- Надо к завтрему испечь царю хлеб.

- Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

Лягушка хитра, она это смекнула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушка-задворенка прибежала к царским невесткам, все рассказала, и те так же стали делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

- Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего батюшки родного ела.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку, понес к отцу. А царь в это время принимал хлебы от больших сыновей. Их жены-то попускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала. И вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына,

посмотрел и отослал в людскую. Принял от среднего сына и туда же отослал. А как подал Иван-царевич, царь сказал:
-Вот это хлеб, только в праздники есть его.
И приказал царь трем сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с женами.

Опять воротился Иван-царевич домой невесел, ниже плеч голову повесил.

Лягушка по полу скачет:
- Ква, ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услыхал от батюшки слово неприветливое?
- Лягушка, лягушка, как мне не горевать? Батюшка наказал, чтобы я пришел с тобой на пир, а как я тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:
- Не тужи. Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Иван-царевич и пошел один. Вот старшие братья приехали с женами, разодетыми, разубранными, нарумяненными, насурмленными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:
- Что же ты без жены пришел? Хоть бы в платочке ее принес. Где такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками. С гостями сели за столы дубовые. за скатерти браные – пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрясся. Гости напугались, повскакали со своих мест, а Иван-царевич говорит:
- Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золоченая карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье – частые звезды, на голове – месяц ясный, такая красавица – ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Берет она Ивана-царевича за руку и ведет за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки за правый рукав бросила.

Жены больших царевичей увидали ее хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черед плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась – всем на диво. Махнула левым рукавом – вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом – поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.
А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом – только гостей забрызгали, махнули другим – только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашел там лягушечью кожу и бросил ее в печь, сжег на огне.
Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась – нет лягушечьей кожи. Села на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:
- Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты еще только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного…

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван-царевич поплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошел куда глаза глядят – искать жену. Василису Премудрую. Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истер, шапчонку дождик иссек. Попадается ему навстречу старый старичок:
- Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про свое несчастье. Старый старичок говорит ему:
- Эх, Иван-царевич, зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе было ее снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за это осерчал на нее и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старого старичка и пошел за клубочком. Клубок катится, он за ним идет. В чистом поле попадается ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:
- Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошел дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

- Не бей меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Он пожалел селезня и пошел дальше. Бежит косой заяц. Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

- Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Пожалел он зайца, пошел дальше. Подходит к синему морю и видит: на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

- Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в синее море, пошел дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

- Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич взошел в нее и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит баба-яга костяная нога, зубы – на полке, а нос в потолок врос.

- Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? – говорит ему баба-яга. – дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

- Ах, старая хрычовка, ты бы меня прежде напоила, накормила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга его в бане выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

- Знаю, знаю,- говорит ему баба-яга, - твоя жена теперь у Кощея Бессмертного. Трудно будет ее достать, нелегко с Кощеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей Бессмертный, как свой глаз бережет.

Иван-царевич у бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растет высокий дуб. Долго ли, коротко ли, дошел туда Иван-царевич, видит: стоит, шумит высокий дуб. На нем каменный сундук, а достать его трудно.

Вдруг, откуда ни взялся, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал, разбился. Из сундука выскочил заяц – и наутек во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на нее селезень кинулся, как ударит ее – утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море…

Тут Иван-царевич залился горькими слезами – где же в море яйцо найти!..Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у нее конец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертный бьется, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кощей – сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кощею помереть.

Иван-царевич пошел в Кощеевы палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой, и жили долго и счастливо до глубокой старости.

Задания

1. Какие волшебства и необыкновенные события происходят в этой сказке?
2. Как запрет и нарушение запрета помогают понять логику дальнейших действий Ивана-царевича?
3. Как в сказке «Царевна-лягушка» реализуется принцип троичности?
4. Почему Ивану-царевичу удалось победить Кощея Бессмертного?

По щучьему веленью

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий – дурачок Емеля.

Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

- Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

- Неохота…

- Сходи. Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

- Ну ладно.

Слез Емеля с печки. Обулся, оделся, взял ведра да топор и пошел на речку.

Прорубил лед, зачерпнул ведра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку.
- Вот уха будет сладка.
Вдруг щука горит ему человечьим голосом:
- Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.
А Емеля смеется:
- На что ты мне сгодишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка.
Щука взмолилась опять:
- Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю все, что ни пожелаешь.
- Ладно. Только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.
Щука его спрашивает:
- Емеля. Емеля, скажи, чего ты сейчас хочешь?
- Хочу, чтобы ведра сами пошли домой и вода бы не расплескалась.
Щука ему говорит:
- Запомни мои слова: когда тебе что захочется – скажи только:
«По щучьему веленью,
По моему хотенью».
Емеля и говорит:
- По щучьему веленью,
По моему хотенью –
Ступайте, ведра, сами домой…
Только сказал – ведра сами пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, сам пошел за ведрами.
Идут ведра по деревне, народ дивится, а Емеля идет сзади, посмеивается…Зашли ведра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.
Прошло много ли, мало ли времени – невестки говорят ему:
- Емеля, что ты лежишь? Пошел бы дрова нарубил.
-Неохота…
- Не нарубишь дров – братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.
Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:
- По щучьему веленью,
По моему хотенью –
Поди, топор, наколи дров, а дрова, сами в избу ступайте и в печь кладитесь.
Топор выскочил из-под лавки – и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.
Много ли, мало ли времени прошло – невестки опять говорят:
-Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.
А он им с печки:
- Да вы-то на что?
- Как мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?
- Мне неохота…
- Ну, не будет тебе подарков.
Делать нечего, слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял веревку и топор, вышел во двор и сел в сани:
- Бабы, отворяйте ворота.
Невестки ему говорят:
- Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?
-Не надо мне лошади.
Невестки открыли ворота, а Емеля говорит потихоньку:
- По щучьему веленью,
По моему хотенью –
Ступайте, сани, в лес.
А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он, знай, сани погоняет. Приехал в лес:
- По щучьему веленью,
По моему хотенью –

топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь…
Топор начал рубить, колоть сухие дерева. А дровишки сами в сани валятся и веревкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку – такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:
- По щучьему веленью,
По моему хотенью –
поезжайте, сани, домой.
Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уже дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют. Видит он, что плохо дело, и потихоньку:
- По щучьему веленью,
По моему хотенью –
ну-ка, дубинка, обломай им бока…
Дубинка выскочила – и давай колотить, народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.
Долго ли, коротко ли – услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера: его найти и привезти во дворец.
Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живет, и спрашивает:
- Ты дурак, Емеля?
А он с печки:
- А тебе на что?
- Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.
- А мне неохота…
Рассердился офицер и ударил его по щеке.
А Емеля говорит потихоньку:
- По щучьему веленью,
По моему хотенью –
Дубинка, обломай ему бока.
Дубинка выскочила – и давай колотить офицера, насилу он ноги унес.
Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого набольшего вельможу:
-Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.
Накупил набольший вельможа изюму, чернослив, пряников, приехал в ту деревню, вошел в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.
- наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, - тогда он все сделает, что ни попросишь.
Набольший вельможа дал Емеле изюму, чернослив, пряников и говорит:
- Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.
- Мне и тут тепло…
- Емеля, Емеля, у царя тебе будут хорошо кормить-поить, - пожалуйста, поедем.
- А мне неохота…
- Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.
Емеля подумал-подумал:
- Ну, ладно, ступай ты вперед, а я за тобой вслед буду.
Уехал вельможа, а Емеля полежал еще и говорит:
- По щучьему веленью,
По моему хотенью –
Ну-ка, печь, поезжай к царю.
Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стены вылетели, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю.
Царь глядит в окно, дивится:
- Это что за чудо?
Набольший вельможа ему отвечает:
- А это Емеля на печи к тебе идет.
Вышел царь на крыльцо:
- Что-то. Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил.
-А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь – Марья-царевна. Емеля увидал ее в окошко и говорит потихоньку:
- По щучьему веленью,
По моему хотенью –
Пускай царская дочь меня полюбит…
И сказал еще:
- Ступай, печь, домой…
Печь повернулась и пошла домой, зашла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полеживает.
А у царя во дворце крик да слезы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он ее за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе:
- Ступай, приведи ко мне Емелю живого или мертвого, а то голову с плеч сниму.
Накупил набольший вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошел в ту избу и начал Емелю потчевать.
Емеля напился, наелся, захмелел и лег спать. А вельможа положил его в повозку и повез к царю.
Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В нее посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.
Долго ли, коротко ли, проснулся Емеля, видит – темно, тесно.
- Где же это я?
А ему отвечают:
- Скушно и тошно, Емелюшка. Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.
- А ты кто?
- Я – Марья-царевна.
Емеля говорит:
- По щучьему веленью,
По моему хотенью –
Ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на желтый песок…
Ветры буйные подули, море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на желтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из нее.
- Емелюшка, где же мы будем жить? Построй, какую ни на есть избушку.
- А мне неохота…
Тут она стала его пуще просить, он и говорит:
- По щучьему веленью,
По моему хотенью –
Выстройся каменный дворец с золотой крышей…

Только он сказал – появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом – зеленый сад: цветы цветут и птицы поют. Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

Задания

1. Какие основные признаки народной волшебной сказки можно найти в сказке «По щучьему веленью»?
2. Какие черты русского национального характера присущи главному герою сказки Емеле?
3. Как объяснить счастливый финал сказки «По щучьему веленью»?

БЫЛИНЫ
Илья Муромец и Соловей Разбойник

Из того ли то из города из Муромля,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный молодец.
Он стоял заутрену во Муромле,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнато-то силушки черным-черно,
А й черным-черно. Как черна ворона.

Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто ту не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей.
Он как стал – то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьем колоть,
А й побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град.
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
- Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.

Говорили мужички ему черниговски:
- Ты удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела.
А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у Черноей,
Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей разбойник во сыром дубу,
Сидит Соловей разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьему.
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все преклоняются. –
А что есть людей – то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой – пятьсот есть верст.
А й окольноей дорожкой – цела тысяча.

Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырски
С горы на гору стал перескакивать,
С холма на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног пускал.

Подъезжает он ко речке ко смородинке,
Да ко тоей ко Грязи он ко Черноей,
Да ко тою ко березе ко покляпыя.
Ко тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному-
Так все травушки-муравы уплеталися,

Да й лазоревы цветочки осыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонилися.
Его добрый конь да богатырски
А он на корни да спотыкается –
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил –то он Илья таковы слова:
- Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвисту соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских? –
А й тут старыя казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый.
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья разбойника.
Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездушка повез да соловьиного.

Во том гнездышке да соловьином
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимыих.
Больша дочка – эта смотрит во окошечко косявчато,
Говорит она да таковы слова:
- Едет-то наш батюшка чистым полем.
А сидит-то на добром коне.
И везет он мужичища-деревенщину
Да у правого у стремени прикована.

Поглядела как друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
- Едет-то наш батюшка раздольицем чистым полем,
Да й везет он мужичища-деревенщину
Да й ко правому во стремени прикована.

Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
- Едет мужичища-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром коне,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована –
Ему выбито-то право око со косицею.-
Говорила-то она да таковы слова:
- А й же мужевья наши любимые!
Вы берите – тко рогатины звериные
Да бегите-тко в раздольице чисто поле.
Да вы бейте мужичище-деревенщину!

Эти мужевья да их любимые.
Зятевья-то есть да соловьиные.

Похватали как рогатины звериные
Да й бежали-то они да во чисто поле
Ко тому ли к мужичище-деревенщине
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей разбойник Одихмантьев сын:
- Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-тко рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное.
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы поите его питьецем медвяным.
Да й дарите ему дары драгоценные!-

Эти зятевья да соловьиные
Побросали-тко рогатины звериные.
А й зовут мужика да й деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.
Да й мужик-то деревенщина не слушается.
А он едет-то по славному чисту полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.

Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А й Владимир-князь он вышел со боковой церкви.
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку.
Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.

А й тут старыя казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны.
Проходил он во столовую во горенку.
На пяту он дверь-то поразмахивал.
Крест-от клал он по-писаному,
Вел поклоны по-ученому.
На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся.

Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенным.

Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:
- Ты скажи-тко, ты откулешний. дородный добрый молодец.
Тебя как-то молодца да именем зовут,
Величают, удалого, по отечеству? –
Говорил-то старыя казак да Илья Муромец:
- Есть я с славного из города из Муромля,
Из того села да Карачарова.
Есть я старыя казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.

Говорит ему Владимир таковы слова:
- Ай же старыя казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Муромля
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?

Говорил Илья он таковы слова:

- Ай ты, славныя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутрену христосскую во Муромле,
А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град.
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест.-
Говорил ему Владимир таковы слова:
- Ай же мижичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много множество –
То пехотою да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птицы черный ворон не пролетывал.
А у той ли то у Грязи-то у Черноей,
Да у славноей у речки у Смородины,
А у той ли у березы у покляпыя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному –
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются.
А что есть людей – то все мертвы лежат. –
Говорил Илья да таковы слова:
- Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей разбойник на твоем дворе,
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.

То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скороешенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко.
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья разбойника.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
- Засвищи-тко. Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко, ты, собака, по-звериному.-
Говорил-то Соловей ему разбойник Одихмантьев сын:
- Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А нее вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца.
Да его хочу-то я послушати.-
Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский:
- Ай же старыя казак ты, Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.-
Говорил Илья да таковы слова:

- Ай же Соловей разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во полсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во полкрика звериного.-
Говорил-то ему Соловей разбойник Одихмантьев сын:
- Ай же старыя казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные.
Не могу я засвистать да й по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина-
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да й уста мои сахарны порасходятся.
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному.-
Говорил Илья тут князю он Владимиру:
- Ты, Владир-князь да стольно-киевский!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зелена вина.
Ты не малую стопу – да полтора ведра.
Подноси-тко к Соловью к разбойнику.

То Владимир-князь да стольно-киевский
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу – да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми.
Приносил-то он ко Соловью разбойнику.
Соловей Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.

Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по-звериному –
Маковки на теремах покривились,
А околенки во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего.
А что есть – то людушек – так все мертвы лежат…
А Владимир-князь-от стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.

А й тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорешенько садился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
Й он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
- Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей.
Тебе полно-тко вдовить да жен молодыих,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек!
А тут Соловью ему й славу поют,
А й славу поют ему век по веку!

Вопросы и задания

1. Что называется былиной? В чем отличие былины от народной сказки?

2. Какие характерные черты былинного повествования можно отметить в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник»?
3. Приведите строки, указывающие на силу, богатырскую удаль, смелость Ильи Муромца.
4. Кто подразумевается под образом Соловья-разбойника?
5. С какой целью используются повторы слов, выражений, целых строк в былине?
6. Каково отношение народа к Илье Муромцу?

ГЛАВА 2. РУССКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ (1769-1844)

Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
"Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, —
Ведь ты б у нас была царь-птица!"
Вещуньина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло, —
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

Вопросы

1. Почему Ворона верила льстивым словам Лисицы?
2. Как читатель видит и понимает неискренность поведения Лисицы?
3. Как мораль помогает понять жизненную основу басни «Ворона и Лисица»?

Стрекоза и Муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком

Был готов и стол и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настаёт;
Стрекоза уж не поёт;
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милый!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас —
Песни, резвость всякий час,
Так что голову вскружило». —
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? Это дело:
Так поди же, попляши!»

Вопросы и задания

1. В каких строчках содержится мораль басни «Стрекоза и Муравей»?
2. Какие типы человеческого поведения воплощают образы Стрекозы и Муравья?
3. Выразительно прочитайте басню.

Слон и Моська

По улицам Слона водили,
Как видно напоказ -
Известно, что Слоны в диковинку у нас -
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, так и лезет в драку с ним.
"Соседка, перестань срамиться, -
Ей шавка говорит, — тебе ль с Слоном возиться?
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
Вперед
И лаю твоего совсем не примечает". -
"Эх, эх! — ей Моська отвечает, -
Вот то-то мне и духу придает,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
"Ай, Моська! знать она сильна,
Что лает на Слона!"

Вопросы

1. Почему Моська лает на Слона?
2. Где содержится мораль басни «Слон и Моська»?
3. Как понимать афоризм: "Ай, Моська! знать она сильна, Что лает на Слона!"

Мартышка и Очки

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
"Тьфу пропасть! — говорит она, — и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;
А проку на-волос нет в них".
Мартышка тут с досады и с печали
О камень так хватила их,
Что только брызги засверкали.

—

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, — цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк все к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.

Вопросы

1. Какой тип человеческого поведения олицетворяет собой Мартышка?
2. Где мораль басни и как ее понимать?

Квартет

Проказница-Мартышка,
Осел,
Козел
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, баса, альта, две скрипки
И сели на лужок под липки, —
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
"Стой, братцы, стой! — кричит Мартышка. —
Погодите!
Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись напротив альта,
Я, прима, сяду против вторы;
Тогда пойдет уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!"
Расселись, начали Квартет;
Он все-таки на лад нейдет.
"Постойте ж, я сыскал секрет! —
Кричит Осел, — мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем".
Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
А все-таки Квартет нейдет на лад.
Вот пуще прежнего пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.

Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье.
"Пожалуй, — говорят, — возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привесть:
И ноты есть у нас, и инструменты есть;
Скажи лишь, как нам сесть!" —
"Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
И уши ваших понежней, —
Им отвечает Соловей, —
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь".

Вопросы

1. Почему у героев басни «Квартет» не ладилась игра?
2. Как в поведении животных Крылов показал характерные черты человеческих пороков?
3. Как следует понимать афоризм: «А вы, друзья, как ни садитесь, / Всё в музыканты не годитесь».

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ (1783-1852)

Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери

Жил-был царь Берендей, до колен борода. Уж три года
Был он женат и жил в согласье с женою; но все им
Бог детей не давал, и было царю то прискорбно.
Нужда случилась царю осмотреть свое государство;
Он простился с царицей и восемь месяцев ровно
Пробыл в отлучке. Девятый месяц в исходе, когда он,
К царской столице своей подъезжая, на поле чистом
В знойный день отдохнуть рассудил; разбили палатку;
Душно стало царю под палаткой, и смерть захотелось
Выпить студеной воды. На поле было безводно…
Как быть, что делать? А плохо приходит;
вот он решился
Сам объехать все поле: авось попадется на счастье
Где-нибудь ключ. Поехал и видит колодезь. Поспешно
Спрянув с коня, заглянул он в него: он полон водою
Вплоть до самых краев; золотой на поверхности ковшик
Плавает. Царь берендей поспешно за ковшик –
не тут-то
Было: ковшик прочь от руки. За янтарную ручку
Царь с нетерпеньем то правой рукою, то левой хватает
Ковшик; но ручка, проворно виляя и вправо и влево,
Только что дразнит царя и никак не дается.
Что за причина? Вот он, выждавши время, чтоб ковшик
Стал на место, хвать его разом справа и слева –
Как бы не так! Из рук ускользнувши, как рыбка
нырнул он
Прямо на дно колодца и снова потом на поверхность
Выплыл, как будто ни в чем не бывало. «Постой же!
(подумал Царь Берендей) я напьюсь без тебя», - и, недолго
сбираясь,
Жадно прильнул он губами к воде и струю ключевую
Начал тянуть, не заботясь о том, что в воде утонула
Вся его борода. Напившись вдоволь, поднять он
Голову хочет…ан нет, погоди! Не пускают; и кто-то

Царскую бороду держит. Упершись в ограду колодца,
Силится он оторваться, трясет, вертит головою –
Держат его, да и только. «Кто там? пустите!» - кричит он.
Нет ответа; лишь страшная смотрит со дна образина:
Два огромные глаза горят, как два изумруда;
Рот разинутый чудным смехом смеется; два ряда
Крупных жемчужин светятся в нем, и язык, меж зубами
Выставясь, дразнит царя; а в бороду впутались крепко
Вместо пальцев клешни. И вот наконец сиповатый
Голос сказал из воды: «Не трудись, царь, понапрасну;
Я тебя не пущу. Если же хочешь на волю,
Дай мне то, что есть у тебя и чего ты не знаешь».

Царь подумал: «Чего ж я не знаю? Я, кажется, знаю
Все!» И он отвечал образине: «Изволь, я согласен».
«Ладно! – опять сиповатый послышался голос. –
Смотри же,
Слово сдержи, чтоб себе не нажить ни попрека,
ни худа».
С этим словом исчезли клешни; образина пропала.
Честную выручив бороду, царь отряхнулся, как гоголь,
Всех придворных обрызгал, и все царю поклонились.
Сев на коня, он поехал; и долго ли, мало ли ехал,
Только уж вот он близко столицы; навстречу толпами
Сыплет народ, и пушки палят, и на всех колокольнях
Звон. И царь подъезжает к своим златоверхим палатам –
Там царица стоит на крыльце и ждет; и с царицей
Рядом первый министр; на руках он своих парчовую
Держит подушку; на ней же младенец, прекрасный
как светлый
Месяц, в пеленках колышется. Царь догадался и ахнул.
«Вот оно то, чего я не знал! Уморил ты, проклятый
Демон, меня!» Так он подумал и горько, горько заплакал.

Все удивились, но слова никто не промолвил.
Младенца
На руки взявши, царь Берендей любовался им долго.
Сам его взнес на крыльцо, положил в колыбельку и,
горе
Скрыв про себя, по-прежнему царствовать начал.
О тайне
Царской никто не узнал; но все примечали, что крепко
Царь был печален – он все дожидался: вот придут
за сыном;
Днем он покоя не знал, и сна не ведал он ночью.
Время, однако, текло, а никто не являлся. Царевич
Рос не по дням – по часам; и сделался чудо-красавец.
Вот наконец и царь Берендей о том, что случилось,
Вовсе забыл…но другие не так забывчивы были.
Раз царевич, охотой в лесу забавляясь, в густую
Чащу заехал один. Он смотрит: все дико; поляна;
Черные сосны кругом; на поляне дуплистая липа.
Вдруг зашумело в дупле; он глядит: вылезает оттуда
Чудный какой-то старик, с бородою зеленой, с глазами
Также зелеными. «Здравствуй, Иван-царевич, -
сказал он. –
Долго тебя дожидалися мы; пора бы нас вспомнить».

«Кто ты?» - царевич спросил. «Об этом после; теперь же
Вот что ты сделай: отцу своему, царю Берендею,
Мой поклон отнеси да скажи от меня: не пора ли,
Царь Берендей, должок заплатить? Уж давно
миновалось
Время. Он сам остальное поймет. До свиданья».
И с этим
Словом исчез бородатый старик. Иван же царевич
В крепкой думе поехал обратно из темного леса.
Вот он к отцу своему, царю Берендею, приходит.
«Батюшка царь-государь, - говорит он, - со мною
случилось
Чудо». И он рассказал о том, что видел и слышал.
Царь Берендей побледнел, как мертвец. «Беда,
Мой сердечный
Друг, Иван-царевич! – воскликнул он, горько
заплакав. –
Видно, пришло нам расстаться!..» И страшную тайну
О данной
Клятве сыну открыл он. «Не плачь, не крушися,
Родитель, -
Так отвечал Иван-царевич, - беда невелика.
Дай мне коня; я поеду; а ты меня дожидайся;
Тайну держи про себя, чтоб о ней здесь никто
Не проведал,
Даже сама государыня-матушка. Если ж назад я
К вам по прошествии целого года не буду, тогда уж
Знайте, что нет на свете меня». Снарядили как должно
В путь Ивана-царевича. Дал ему царь золотые
Латы, меч и коня вороного; царица с мощами
Крест на шею надела ему; отпели молебен;
Нежно потом обнялися, поплакали…с богом! Поехал
В путь Иван-царевич. Что-то с ним будет? Уж едет
День он, другой и третий; в исходе четвертого – солнце
Только успело зайти – подъезжает он к озеру; гладко
Озеро то, как стекло; вода наравне с берегами;
Все в окрестности пусто; румяным вечерним сияньем
Воды покрытые гаснут, и в них отразился зеленый
Берег и частый тростник – и все как будто бы дремлет;
Воздух не веет; тростинка не тронется; шороха
в струйках
Светлых не слышно. Иван-царевич смотрит, и что же
Видит он? Тридцать хохлатых сереньких уточек подле
Берега плавают; рядом тридцать белых сорочек
Подле воды на травке лежат. Осторожно поодаль
Слез Иван-царевич с коня; высокой травою
Скрытый, подполз и одну из белых сорочек тихонько
Взял; потом угнездился в кусте дожидаться, что будет.
Уточки плавают, плещутся в струйках, играют, ныряют.
Вот наконец, поиграв, поныряв, поплескавшись,
подплыли
К берегу; двадцать девять из них, побежав с перевалкой
К белым сорочкам, оземь ударились, все обратились
В красных девиц, нарядились, порхнули и разом
исчезли.
Только тридцатая уточка, на берег выйти не смея,
Взад и вперед одна-одинешенька с жалобным криком

Около берега бьется; с робостью вытянув шейку.
Смотрит туда и сюда, то вспорхнет, то снова присядет…
Жалко стало Ивану-царевичу. Вот он выходит
К ней из-за кустика; глядь, а она ему человечьим
Голосом вслух говорит: «Иван-царевич, отдай мне
Платье мое, я сама тебе пригожуся». Он с нею
Спорить не стал, положил на травку сорочку и,
скромно
Прочь отошедши, стал за кустом. Вспорхнула на травку
Уточка. Что же вдруг видит Иван-царевич? Девица
В белой одежде стоит перед ним, молода и прекрасна
Так, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и,
краснея,
Руку ему подает и, потупив стыдливые очи,
Голосом звонким, как струны, ему говорит:
«Благодарствуй,
Добрый Иван-царевич, за то, что меня ты послушал;
Тем ты себе самому услужил, но и мною доволен
Будешь: я дочь Кощея бессмертного, Марья-царевна;
Тридцать нас у него, дочерей молодых. Подземельным
Царством владеет Кощей. Он давно уж тебя поджидает
В гости и очень сердит; но ты не пекись, не заботься,
Сделай лишь то, что я тебе присоветую. Слушай:
Только завидишь Кощея-царя, упади на колена,
Прямо к нему поползи; затопает он – не пугайся;
Станет ругаться – не слушай; ползи, да и только;
что после
Будет, увидишь; теперь пора нам». И Марья-царевна
В землю ударила маленькой ножкой своей;
расступилась
Тотчас земля, и они вместе в подземное царство
спустились.
Видят дворец Кощея бессмертного; высечен был он
Весь из карбункула-камня и ярче небесного солнца
Все под землей освещал. Иван-царевич отважно
Входит: Кощей сидит на престоле в светлой короне;
Блещут глаза, как два изумруда; руки с клешнями.

Только завидел его вдалеке, тотчас на колени
Стал Иван-царевич. Кощей ж затопал, сверкнуло
Страшно в зеленых глазах, и так закричал он, что своды
Царства подземного дрогнули. Слово Марьи-царевны
Вспомня, пополз на карачках Иван-царевич к престолу;
Царь шумит, а царевич ползет да ползет. Напоследок
Стало царю и смешно. «Добро ты, проказник,-
сказал он,-
Если тебе удалося меня рассмешить, то с тобою
Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просим
К нам в подземельное царство; но знай, за твое
ослушанье
Должен ты нам отслужить три службы; сочтемся мы
завтра;
Ныне уж поздно; поди». Тут два придворных проворно
Под руки взяли Ивана-царевича очень учтиво,
С ним пошли в покой, отведенный ему, отворили
Дверь, поклонились царевичу в пояс, ушли и остался
Там он один. Беззаботно он лег на постелю и скоро

Сном глубоким заснул. На другой день рано поутру
Царь Кощей к себе Ивана-царевича кликнул:
«Ну, Иван-царевич, - сказал он, - теперь мы
посмотрим,
Что-то искусен ты делать? Изволь, например, нам
построить
Нынешней ночью дворец: чтоб кровля была золотая,
Стены из мрамора, окна хрустальные, вкруг регулярный
Сад, и в саду пруды с карасями; если построишь
Этот дворец, то нашу царскую милость заслужишь;
Если же нет, то прошу не пенять…головы
не удержишь!»
«Ах ты, Кощей окаянный, - Иван-царевич подумал, -
Вот что затеял, смотри пожалуй!» С тяжелой кручиной
Он возвратился к себе и сидит пригорюнясь; уж вечер;
Вот блестящая пчелка к его подлетела окошку,
Бьется об стекла – и слышит он голос: «Впусти!»
Отворил он
Дверку окошка, пчелка влетела и вдруг обернулась
Марьей-царевной. «Здравствуй, Иван-царевиич; о чем ты
Так призадумался?» - «Нехотя будешь задумчив,-
Сказал он. –
Батюшка твой до моей головы добирается». – «Что же
Сделать решился ты?» - «Что? Ничего. Пускай его
снимет
Голову; двух смертей не видать, одной не минуешь».
«Нет, мой милый Иван-царевич, не должно терять нам
Бодрости. То ли беда? Беда впереди; не печалься;
Утро вечера, знаешь ты сам,мудренее:ложися
Спать; а завтра поранее встань; уж дворец Твой навеки, построен
Будет; ты ж только ходи с молотком да постукивай
в стену».
Так все и сделалось. Утром ни свет ни заря из каморки
Вышел Иван-царевич…глядит, а дворец уж построен.
Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей
изумился;
Верить не хочет глазам. «Да ты хитрец не на шутку, -
Так он сказал Ивану-царевичу, - вижу, ты ловок
На руку; вот мы посмотрим, так же ли будешь догадлив.
Тридцать есть у меня дочерей, прекрасных царевен.
Завтра я всех их рядом поставлю, и должен ты будешь
Три раза мимо пройти и в третий мне раз без ошибки
Младшую дочь мою, Марью-царевну, узнать;
Не узнаешь –
С плеч голова. Поди». – «Уж выдумал, чучела,
мудрость, -
Думал Иван-царевич, сидя под окном. – Не узнать мне
Марью-царевну…какая ж тут трудность?» -
«А трудность такая. –
Молвила Марья-царевна, пчелкой влетевши, -
что если
Я не вступлюся, то быть беде неминуемой. Всех нас
Тридцать сестер, и все на одно мы лицо; и такое
Сходство меж нами, что сам отец наш только
по платью
Может нас различать». – «Ну что же мне делать?» -
«А вот что:

Буду я та, у которой на правой щеке ты заметишь
Мошку. Смотри же, будь осторожен, вглядись
хорошенько,
Сделать ошибку легко. До свиданья». И пчелка исчезла.

Вопросы

1. В чем народная основа «Сказки о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери»?
2. Почему Жуковский использовал в сказке русский гекзаметр?
3. Какова тема и идея сказки Жуковского?

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН (1799-1837)

Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной Царевне Лебеди

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, -
Говорит одна девица, -
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».
«Кабы я была царица, -
Говорит ее сестрица, -
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
«Кабы я была царица, -
Третья молвила сестрица, -
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела.
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная девица, -
Говорит он, - будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости

На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простяся.
На добра-коня садяся.
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.
Между тем, как он далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,

Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку».

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз.
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья».

Едет с грамотой гонец
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Обобрать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую –
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,

Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю –
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатили
И пустили в Окиян –
Так велел – де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел, царица вопит…
А дитя волну торопит:
«Ты волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли –
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку внесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» - молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле.
Мое синее кругом.
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,

Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой завострил
И пошлее на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон…
Видно, на море не тихо;
Смотрит – видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет.
Воду вкруг мутит и хлещет…
Тот уж когти распустил,
Клев кровавый навострил…
Но как раз стрела запела –
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит –
И царевичу потом
Молвит русским языком:
«Ты, царевич ,мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе – все не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натощак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь перед собой
Видит город он большой.
Стены с частыми зубцами,
И за белыми сенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.

Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет? –
Говорит он, - вижу я:
Лебедь тешится моя».
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возвышают над собой;
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острову
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана…»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальный;
Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» -
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть б я хотел отца».
Лебедь князю: «Вот в чем горе!
Но, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром».
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль – и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? Куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привольный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,

С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: «Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
«Уж диковинка, ну право, -
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, -
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут».
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится –
И впился комар как раз
Тетке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А он в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» -
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает;
Чудо чудное завесть
Мне б хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка –
Белка песенки поет
Да орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут».

Князю лебедь отвечает:
«Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу».
С ободренною душой
Князь пошел себе домой;
Лишь ступил на двор широкий –
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет
И с присвисточкой поет
При честном при всем народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
«Ну, спасибо, - молвил он, -
Ай да лебедь – дай ей боже,
Что и мне, веселья то же».
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам весть.
Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого:
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Все донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок –
И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана…»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь гвидон
Шлет царю-де свой поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князю – а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит…
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль – и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана –
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? Куда?
Ладно ль за морем иль худо,
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная.
Да затейница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки все грызет.
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной –
И приставлен дьяк приказный

Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету,
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей Бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха.
Говорит царю ткачиха:
«Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчат.
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится…
Зажужжал он и как раз
Тетке сел на левый глаз,
И ткачиха побледнела:
«Ай!» - и тут же окривела.
Все кричат: «Лови, лови,
Да дави ее, дави…
Вот ужо! Постой немножко,
Погоди…» А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;

Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный1
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» -
Говорит она ему.
Князь гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает –
Диво б дивное хотел
Перенесть я в мой удел».
«А какое ж это диво?»
«Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой.
Хлынет на берег пустой.
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя.
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые.
Великаны удалые.
Все равны, как на подбор.
С ними дядька Черномор».
Князю лебедь отвечает:
«Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай.
В гости братцев поджидай».
Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалося вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами,
И, блистая сединами,
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежеденно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет,
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят.
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости ,торг ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон».
Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит…
Так и тянет и уносит…
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму - и в щель забился.

Ветер весело шумит.
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна.
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой.
Около царя сидят –
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа.
Долго ль ездили? Куда7
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете вот ж какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой.
Расплеснется в скором беге –
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе златой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить –
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».

Царь Салтан дивится чуду.
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу – но Бабариха,
Усмехнувшись, говорит:
«Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают, или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.

А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво».
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится –
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей:
Он над ней жужжит, кружится –
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави…
Вот ужо! Пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» -
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся, гляжу.
Неженат лишь я хожу».
«А кого же на примете
Ты имеешь?» - «Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвесть.
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает –
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь,
Да за пояс не заткнешь.

Услужу тебе советом –
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царевною прекрасной
Он пешком идти отсель
Хоть за тридевять земель
Лебедь тут, вздохнув глубоко.
Молвила: «Зачем далеко?
Знай, близка судьба твоя.
Ведь царевна эта – я».
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:

Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит,
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».
Князь не долго собирался.
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,

Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Он их кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы недаром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салттана».
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался –
Шлю ему я свой поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
К царству славного Салттана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо.
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;

Белка в нем живет ручная.
Да чудесница какая1
Белка песенки поет
Да орешки все грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой.
Расплеснется в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался.

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя? –
Говорит он не шутя: -
Нынче ж еду!» - Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва-едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам Окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,

Громогласно возопил:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда».
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкой:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешечек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале – торопливо
Смотрят – что ж? княгиня – диво:
Под косой луна блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит – и узнает…
В нем взыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Как!» - и дух в нем занялся…
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу,
И сынка, и молодицу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.

Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел – царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил –
И усы лишь обмочил.

Вопросы и задания

1. Почему «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» получила такое название?
2. Что необычного в начале сказки? С чего начинается действие?
3. В чем необычность царя Салтана? Похож ли он на царя в нашем представлении?
4. Ветер весело шумит,
   Судно весело бежит
   Мимо острова Буяна,
   К царству славного Салтана…
   Кому весело и почему?
5. Сравните царя Салтана и князя Гвидона. В чем они схожи? В чем их различие? Оправдывает ли царь Салтан звание грозного царя?
6. Почему царевна Лебедь не сразу призналась князю, что она и есть прекрасная царевна?
7. Какое сходство можно обнаружить между русскими народными сказками и «Сказкой о царе Салтане…»?

Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился.
И царевна у окна
Села ждать его одна.
Ждет - пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись, глядючи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга.
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь.
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издалеча наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелехонько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? И он был грешен;
Год прошел, как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица

Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться, подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая.
Между тем росла, росла,
Поднялась – и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
ИА приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее».
Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне назло.

Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь, какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царевна все ж милее,
Все ж румяней и белее».
Делать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Черт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя».
Та, в душе ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, бог с тобой».
А сама пришла домой.
«Что? – сказала ей царица, -
Где красавица девица?»
«Там, в лесу, стоит одна, -
Отвечает ей она. –
Крепко связаны ей локти;
Попадется зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть».

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем все шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Все порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: «Что за диво!
Все так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названый.
Кол старушка, будь нам мать.
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,

Подносили пирожок;
Рюмку полну наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломила,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днем идет, мелькая,
А царевна молодая
Все в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хозяюшкой она
В терему меж тем одна
Приберет и приготовит.
Им она не прекословит,
Не перечут ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,

Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: «Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы ради,
Да нельзя, так бога ради
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?»

Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, -
Им царевна говорит, -
Коли лгу, пусть бог велит

Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? Ведь я невеста.
Для меня вы все равны.
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей».

Братья молча постояли
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости ты нас. –
Старший молвил, поклоняясь, -
Коли так, не заикнуся
Уж о том». – «Я не сержуся. –
Тихо молвила она, -
И отказ мой не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним, и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;
Но живет без всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все ж тебя милей».
И царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела
Обмануть меня? И в чем!..»
Та призналася во всем:
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пес залаял, и девица
Видит: нищая черница

Ходит по двору .клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко, -
Ей кричит она в окошко, -
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу».
Отвечает ей черница:
«Ох ты, дитятко девица!
Пес проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Выдь ко мне». – Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пес ей под ноги – и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдет старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. «Что за чудо?
Видно, выспался он худо, -
Ей царевна говорит, -
На ж, лови!» - и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала.
«Благодарствую, - сказала. –
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!»
И к царевне наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летит…
Пес как прыгнет, завизжит…
Но царевна в обе руки
Хвать – поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед».
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала…
И с царевной на крыльцо
Пес бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце песье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! – Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
«Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!» - и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Все на яблоко. Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто медом налилось!
Видны семечки насквозь…

Подождать она хотела
До обеда; не стерпела,

В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила…
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала…

Братья в ту пору домой
Возвращалися толпой
С молодецкого разбоя.
Им на встречу, грозно воя,
Пес бежит и ко двору
Путь им кажет. «Не к добру! –
Братья молвили, - печали
Не минуем». Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пес на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.
Перед мертвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили – и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночною пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решеткой оградили;
И, пред мертвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: «Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима –

Не досталась никому,
Только гробу одному».

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».

За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрен;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец:
«Свет наш солнышко! Ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». – «Свет ты мой, -
Красно солнце отвечало, -
Я царевны не видало.
Знать, ее в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь ее да встретил
Или след ее заметил».
Темной ночки Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя,
Звезды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не вида ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». – «Братец мой,
Отвечает месяц ясный, -
Не видал я девы красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна, видно,

Пробежала». – «Как обидно!» -
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай».

Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ее». – «Постой, -
Отвечает ветер буйный, -
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места;
В том гробу твоя невеста».

Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал
И пошел к пустому месту,
На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть раз.
Вот идет; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг нее страна пустая;
Под горою темный вход.
Он туда скорей идет.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встает она из гроба…
Ах!.. и зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы нечет,

И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!
Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: «Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна все ж милее,
Всех румяней и белее».
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут ее тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

Вопросы

1. Сюжеты каких народных сказок использовал А.С.Пушкин при написании «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях»?
2. Чем объяснить использование Пушкиным таких простонародных слов, как «привздохнув», «дале», «закатилося», «кой-что» и т.д.?
3. Какие художественные особенности «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» позволили литературоведу В.Непомнящему сказать, что в ней показана «истина страстей»?
4. Какие нравственные уроки извлекает юный читатель из сказки Пушкина?

Сказка о рыбаке и рыбке

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, -
Пришел невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод, -
Пришел невод с травою морскою.
В третий раз закинул он невод, -
Пришел невод с одною рыбкой,-
С непростою рыбкой – золотою.
Как взмолится золотая рыбка,
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:

Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем раскололось».

Вот пошел он к синему морю;
Видит, - море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем раскололось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».
Воротился старик ко старухе.
У старухи новее корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».

Вот пошел он к синему морю,
(Помутилося синее море),
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!

Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет».
Пошел он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты.

Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошел старик к синему морю
(Неспокойно синее море);
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом».

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчовая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Опять к рыбке старика посылает.
«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:

«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь,
Насмешишь ты целое царство».
Осердилась пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? -
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдешь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море);
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! Будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж? пред ним царские палаты.
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик – испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашеи затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей.
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,

Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,
Видит – на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился –
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

Вопросы

1. Почему старуха в «Сказке о рыбаке и рыбке» не меняется, когда становится боярыней, столбовою дворянкой, царицей?
2. Почему золотая рыбка не исполнила последнее желание старухи?
3. Как описание моря после каждой просьбы старухи помогает понять отношение золотой рыбки к старухе?
4. Почему старик не противился желаниям старухи?
5. В чем воспитательное звучание данной сказки?

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ (1814-1841)

Ашик-Кериб

Турецкая сказка

Давно тому назад, в городе Тифлизе, жил один богатый турок; много аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери: хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиза. Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб; пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца — и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая>) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых; — на одной свадьбе он увидал Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку — и он стал грустен как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул; в это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами; и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечник), отстала и подошла к нему: «Что ты спишь под виноградником, — запела она, — вставай, безумный, твоя газель идет мимо»; он проснулся — девушка порхнула прочь, как птичка; Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить: «Если б ты знала, — отвечала та, — кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб»; — «Веди меня к нему», — сказала Магуль-

Мегери; — и они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать; «Как мне не грустить, — отвечал Ашик-Кериб, — я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею». — «Проси мою руку у отца моего, — говорила она, — и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоем достанет». — «Хорошо, — отвечал он, — положим, Аян-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан; — нет, милая Магуль-Мегери; я положил зарок на свою душу; обещаюсь 7 лет странствовать по свету и нажить себе богатство, либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею». — Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она сделается женою Куршуд-бека, который давно уж за нее сватается.

Пришел Ашик-Кериб к своей матери; взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох странничий и вышел из города Тифлиза. И вот догоняет его всадник, — он смотрит — это Куршуд-бек. «Добрый путь, — кричал ему бек, — куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ»; не рад был Ашик своему товарищу — но нечего делать; долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни броду; — «Плыви вперед, — сказал Куршуд-бек, — я за тобою последую». Ашик сбросил верхнее платье и поплыл; переправившись, глядь назад — о горе! о всемогущий аллах! Куршуд-бек, взяв его одежды, ускакал обратно в Тифлиз, только пыль вилась за ним змеею по гладкому полю. Прискакав в Тифлиз, несет бек платье Ашик-Кериба к его старой матери: «Твой сын утонул в глубокой реке, — говорит он, — вот его одежда»; в невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливать их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери. «Мой сын утонул, — сказала она ей, — Куршуд-бек привез его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: «Не верь, это всё выдумки Куршуд-бека; прежде истечения 7 лет никто не будет моим мужем»; она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба.

Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню; добрые люди одели его и накормили; он за то пел им чудные песни; таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город; и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он наконец в Халаф; по обыкновению взошел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников: многих к нему приводили — ни один ему не понравился; его чауши измучились, бегая по городу; вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос; они туда: «Иди с нами к великому паше, — закричали они, — или ты отвечаешь нам головою». «Я человек вольный, странник из города Тифлиза, — говорит Ашик-Кериб; — хочу пойду, хочу нет; пою, когда придется, и ваш паша мне не начальник»; однако несмотря на то его схватили и привели к паше. «Пой», — сказал паша, и он запел. И в этой песни он славил свою дорогую Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба. Посыпалось к нему серебро и золото, заблистали на нем богатые одежды; счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат; забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, толь<ко> срок истекал, последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться: в это время отправлялся один купец с керваном из Тифлиза с сорока верблюдами и 80-ю невольниками: призывает она купца к себе и дает ему золотое блюдо: «Возьми ты это блюдо, — говорит она, — и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом». Отправился купец, везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признавался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф: объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай: и видит золотое блюдо в лавке тифлизского купца. «Это мое», — сказал он, схватив его рукою. «Точно, твое, — сказал купец: — я узнал тебя, Ашик-Кериб: ступай же скорее в Тифлиз, твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выдет за другого»; — в отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только 3 дни до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собою суму с золотыми монетами — и поскакал, не жалея коня; наконец измученный бегун упал бездыханный на Арзинган горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дни. «Аллах всемогущий, — воскликнул он, — если ты уж мне не помогаешь, то мне нечего на земле делать»; и хочет он броситься с высокого утеса; вдруг видит внизу человека на белом коне; и слышит громкий голос: «Оглан, что ты хочешь делать?» «Хочу умереть», — отвечал Ашик. «Слезай же

сюда, если так, я тебя убью». Ашик спустился кое-как с утеса. «Ступай за мною», — сказал грозно всадник; «Как я могу за тобою следовать, — отвечал Ашик, — твой конь летит как ветер, а я отягощен сумою»; — «Правда; повесь же суму свою на седло мое и следуй»; — отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать: «Что ж ты отстаешь», — спросил всадник; «Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен». «Правда, садись же сзади на коня моего и говори всю правду, куда тебе нужно ехать». — «Хоть бы в Арзерум поспеть нонче», — отвечал Ашик. — «Закрой же глаза»; он закрыл. «Теперь открой»; — смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзрума. «Виноват, Ага, — сказал Ашик, — я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Карс»; — «То-то же, — отвечал всадник, — я предупредил тебя, чтоб ты говорил мне сущую правду; закрой же опять глаза, — теперь открой»; — Ашик себе не верит то, что это Карс: он упал на колени и сказал: «Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб: но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня: мне по-настоящему надо в Тифлиз». — «Экой ты неверный, — сказал сердито всадник, — но нечего делать: прощаю тебе: закрой же глаза. Теперь открой», — прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиза. Принеся искренюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: «Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлиз, мне никто но поверит; дай мне какое-нибудь доказательство». — «Наклонись, — сказал тот улыбнувшись, — и возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху: и тогда, если не станут верить истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза — и она увидит». Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову, всадник и конь исчезли; тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз (св. Георгий).

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой: стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: «Ана, ана (мать), отвори: я божий гость: я холоден и голоден; прошу ради странствующего твоего сына, впусти меня». Слабый голос старухи отвечал ему: «Для ночлега путников есть дома богатых и сильных: есть теперь в городе свадьбы — ступай туда; там можешь провести ночь в удовольствии». — «Ана, — отвечал он, — я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сына впусти меня». Тогда сестра его говорит матери: «Мать, я встану и отворю ему двери». — «Негодная, — отвечала старуха: — ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез потеряла зрение». Но дочь, не внимая ее упрекам, встала, отперла двери и впустила Ашик-Кериба: сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться: и видит он на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучный сааз. И стал он спрашивать у матери: «Что висит у тебя на стене?» — «Любопытный ты гость, — отвечала она, — будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом». — «Я уж сказал тебе, — возразил он, — что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?» — «Это сааз, сааз», — отвечала старуха сердито, не веря ему. — «А что значит сааз?» — «Сааз то значит: что на ней играют и поют песни». — И просит Ашик-Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. — «Нельзя, — отвечала старуха: — это сааз моего несчастного сына, вот уже семь лет он висит на стене, и ничья живая рука до него не дотрогивалась». Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему: тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: «О! всемогущий аллах! если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней». И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: «Я бедный Кериб (нищий) — и слова мои бедны; но великий Хадрилияз помог мне спуститься с крутого утеса, хотя я беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника». После этого мать его зарыдала и спрашивает его: — «Как тебя зовут?» — «Рашид» (храбрый), — отвечал он. — «Раз говори, другой раз слушай, Рашид, — сказала она: — своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, а вот уж семь лет я ослепла от слез: скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет?» И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила, и спустя несколько времени просит он: «Позволь мне, матушка, взять сааз и идти, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и всё, что получу, принесу сюда и разделю с вами». — «Не позволю, — отвечала старуха; — с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходил из дому». — Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны, — «а если хоть одна струна порвется, — продолжал Ашик, — то отвечаю моим имуществом». Старуха ощупала его сумы и, узнав, что они

наполнены монетами, отпустила его; проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил: «Селям алейкюм: вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и зато я спою вам песню». — «Почему же нет, — сказал Куршуд-бек. — Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба: — спой же что-нибудь, Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота».

Тогда Куршуд-бек спросил его: «А как тебя зовут, путник?» — «Шинды-Гёрурсез (скоро узнаете)». — «Что это за имя, — воскликнул тот со смехом. — Я в первый раз такое слышу!» — «Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал: им отвечали — шинди гёрузез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился — мне дали это имя». — После этого он взял сааз и начал петь.

— В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в день.

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: «Ты лжешь; как можно из Халафа приехать сюда в <день>?»

— За что ж ты меня хочешь убить, — сказал Ашик: — певцов обыкновенно со всех четырех сторон собирают в одно место; и я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте.

— Пускай продолжает, — сказал жених, и Ашик-Кериб запел снова:

— Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору: Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери.

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую: — «Так-то ты сдержала свою клятву, — сказали ее подруги; — стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека». — «Вы не узнали, а я узнала милый мне голос», — отвечала Магуль-Мегери; и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула; бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, примолвив: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует».

Придя в чувство, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

— Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, — сказал жених; — но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое великое пространство? — «В доказательство истины, — отвечал Ашик, — сабля моя перерубит камень, если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска; но лучше всего приведите мне слепую, которая бы 7 лет уж не видала свету божьего, и я возвращу ей зрение». — Сестра Ашик-Кериба, стоявшая у двери и услышав такую речь, побежала к матери. «Матушка! — закричала она, — это точно брат, и точно твой сын Ашик-Кериб»; и, взяв ее под руку, привела старуху на пир свадебный. Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, примолвя: «Знайте все люди, как могущ и велик Хадрилиаз», — и мать его прозрела. После этого никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: «Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу: сестра моя не хуже твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее серебра и золота; итак, возьми ее за себя — и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери».

Вопросы

1. В чем необычность сюжета сказки «Ашик- Кериб»?
2. В каких деталях и приемах проявляется экзотическое восточное происхождение данной сказки?
3. В чем идея сказки «Ашик- Кериб»?
4. Как в сказке «Ашик- Кериб» раскрывается тема любви и преданности?

ПЕТР ПАВЛОВИЧ ЕРШОВ (1815-1869)

Конек-Горбунок
Часть первая

Начинает сказка сказываться

За горами, за лесами,
За широкими морями.
Не на небе – на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счетом принимали
И с набитою сумой
Возвращалися домой.

В долгом времени аль вскоре
Приключилося им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродяся не видали;
Стали думать да гадать –
Как бы вора соглядать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора постеречь.
Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат сбираться:
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала,
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник.
Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит
И, облив себя вожжой,
Стал стучаться под избой:
«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождем я весь промок
С головы до самых ног».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился

И, прокашлившись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал;
на мое ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, все благополучно».
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты, вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всем,
Не ударил в грязь лицом».
Стало сызнова смеркаться,
Средний брат пошел сбираться;
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать –
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:
«Эй вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз –
До животиков промерз».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да к моей судьбе несчастной,
Ночью холод был ужасный,
До сердцов меня пробрал;
Всю я ночку проскакал;
Слишком было несподручно…
Впрочем, все благополучно».
И ему сказал отец:
«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему сбираться;
Он и усом не ведет,
На печи в углу поет
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!»
Братья ну ему пенять,
Стали в поле погонять,
Но, сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:

Он ни с места. Наконец
Подошел к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша.
Я куплю тебе лубков,
Дам гороху и бобов».
Тут Иван с печи слезает,
Малахай свой надевает,
Хлеб за пазуху кладет,
Караул держать идет.

Ночь настала; месяц всходит;
Поле все Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звезды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал…
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела.
Грива в землю, золотая.
В мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! Так вот какой
Наш воришко!.. Но, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуту улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И прыгнул к ней на хребет –
Только задом наперед.
Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась, как стрела.
Вьется кругом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост –
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
«Ну, Иван, - ему сказала, -
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною,
Сколько смыслишь. Да смотри:
По три утрени зари
Выпущай меня на волю

Погулять по чисту полю.
По исходе же трех дней
Двух роже тебе коней –
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да еще рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за черную, слышь, бабку.
На земле и под землей
Он товарищ будет твой:
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет.
В голод хлебом угостит,
В жажду медом напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

«Ладно», - думает Иван
И в пастуший балаган
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню:
«Ходил молодец на Пресню».

Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь закричали:
«Кто стучится сильно так?» -
«Это я, Иван-дурак!»
Братья двери отворили,
Дурака в избу впустили
И давай его ругать, -
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведет оттуда речь
Про ночное похожденье,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,
Звезды на небе считал;
Месяц, ровно, тоже светил, -
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бородою и с усам;

Рожа словно как у кошки,
А глаза-то что те плошки!
Вот и стал тот черт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею –
И вскочи ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал,
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его как в жомах.
Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
«Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь мирно жить,
Православных не мутить».
Я, слышь, слов-то не померил,
Да чертенку и поверил».
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли – захохотали.
Ухватились под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не мог сдержаться,
Чтоб до слез не посмеяться.
Хоть смеяться – так оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, -
Я про это ничего
Не слыхал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело.
Год ли, два ли пролетело, -
Ведь за ними не бежать…
Станем сказку продолжать.
Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно пьян,
Затащился в балаган.
Что ж он видит? – Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игрушечку-конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
«Хм! Теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал!» -
Говорит себе Данило…
Чудо разом хмель посбило;
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
«Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал:

Ты и слыхом не слыхал».
И Данило и Гаврило,
Что в ногах им мочи было,
По крапиве прямиком
Так и дуют босиком.

Спотыкнувшися три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели.
Очи яхонтом горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крепким жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть!
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.
«Где он это их достал? –
Старший среднему сказал. –
Но давно уж речь ведется,
Что лишь дурням клад дается,
Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей.
Ну, Гаврило, в ту седмицу
Отведем-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделим.
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьешь, и погуляешь,
Только хлопни по мешку.
А благому дураку
Недостанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!»
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулися домой.
Говоря промеж собой
Про коней и про пирушку
И про чудную зверушку.

Время катит чередом,
Час за часом, день за днем.
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И нейдет ли царь Салтан
Басурманить христиан.
Вот иконам помолились,
У отца благословились,

Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.

Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идет,
Ест краюшку да поет.
Вот он с поля достигает,
Руки в боки подпирает
И сприскочкой, словно пан,
Боком входит в балаган.
Все по-прежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Как завоет тут Иван,
Опершись о балаган:
«Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал,
Да какой вас черт украл?
Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!
Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!»

Тут конек ему заржал.
«Не тужи, Иван, – сказал,
Велика беда, не спорю.
Но могу помочь я горю.
Ты на черта не клепли:
Братья коников свели.
Ну да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое.
На меня скорей садись.
Только знай себе держись;
Я хоть росту небольшого.
Да сменю коня другого:
Как пущусь да побегу.
Так и беса настигу».

Тут конек пред ним ложится;
На конька Иван садится.
Уши взагреби берет,
Что есть мочушки ревет.
Горбунок-конек встряхнулся.
Встал на лапки, встрепенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелою полетел.
Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами.
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

Братья, то есть, испугались.
Зачесались и замялись.
А Иван им стал кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал».
Старший, корчась, тут сказал:
«Дорогой наш брат Иваша,
Что переться – дело наше!
Но возьми же ты в расчет
Некорыстный наш живот.
Сколь пшеницы мы ни сеем,

Чуть насущный хлеб имеем.
А коли неурожай,
Та хоть в петлю полезай!
Вот в такой большой печали
Мы с Гаврилой толковали
Всю намеднишнюю ночь –
Чем бы горюшку помочь?
Так и этак мы судили,
Наконец вот так решили:
Чтоб продать твоих коньков
Хошь за тысячу рублев.
А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову –
Красну шапку с позвонком
Да сапожки с облучком.
Да к тому ж старик неможит,
Работать уже не может;
А ведь надо ж мыкать век, -
Сам ты умный человек!» -
«Ну, коль этак, вы ступайте, -
Говорит Иван, - продайте
Златогривых два коня,
Да возьмите ж и меня».
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.

Стало на небе темнеть;
Воздух начал холодеть;
Вот, чтоб им не заблудиться.
Решено остановиться.
Под навесами ветвей
Привязали всех коней,
Принесли с естным лукошко,
Опохмелились немножко
И пошли, что боже даст,
Ко во что из них горазд.

Вот Данило вдруг приметил,
Что огонь вдали засветил.
На Гаврилу он взглянул,
Левым глазом подмигнул
И прикашлянул немножко,
Указав огонь тихонько;

Тут в затылке почесал,
«Эх, как темно! – он сказал. –
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянул на минутку,
Все бы легче. А теперь,
Право, хуже мы тетерь…
Да постой-ка…мне сдается.
Что дымок там светлый вьется…
Видишь, эвон!.. Так и есть!..
Вот бы курево развесть!
Чудо было б!.. А послушай,
Побегай-ка Брат Ванюша!
А, признаться, у меня
Ни огнива, ни кремня».
Сам же думает Данило:
«Чтоб тебя там задавило!»
А Гаврило говорит:
«Кто-петь знает, что горит!
Коль станичники пристали,
Поминай его, как звали!»

Все пустяк для дурака.
Он садится на конька,
Бьет круты бока ногами,
Теребит его руками.
Изо всех горланит сил….
Конь взвился, и след простыл.
«Буди с нами крестна сила! –
Закричал тогда Гаврило,
Оградясь крестом святым. –
Что за бес такой под ним!»

Огонек горит светлее,
Горбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнем.
Светит поле словно днем;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится.
Диву дался тут Иван.
«Что, - сказал он, - за шайтан!
Шапок с пять найдется свету,
А тепла и дыма нету;
Эко чудо-огонек!»

Говорит ему конек:
«Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы,
Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесет оно с собою».
«Говори ты! Как не так!» -
Про себя ворчит дурак;
И, подняв перо Жар-птицы,
Завернул его в тряпицы,
Тряпки в шапку положил
И конька поворотил.

Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
«Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;
Раздувал его с час,
Нет ведь, черт возьми, угас!»
Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,
Становились в конный ряд,
Супротив больших палат.
В той столице был обычай:
Коль не скажет городничий –
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вот обедня наступает;

Городничий выезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним глашатый,
Длинноусый, бородатый;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
«Гости! Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте.
А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому,
Ни давежа, ни погрому,
И чтобы никой урод
Не обманывал народ!»
Гости лавки отпирают,
Люд крещеный закликают:
«Эй честные господа,
К нам пожалуйте сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!»
Покупальщики идут,
У гостей товар берут;
Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.
Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрит – давка от народу.
Нет ни выхода, ни входу;
Там кишмя вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,

Чтоб дорогу прочищал.
«Эй! Вы, черти босоного!
Прочь с дороги! Прочь с дороги!» -
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился.
Шапки снял и расступился.
Пред глазами конный ряд:
Два коня в ряду стоят.
Молодые. Вороные.
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой.
Хвост струится золотой…
Наш старик, сколь ни был пылок.
Долго тер себе затылок.
«Чуден, - молвил, - божий свет.
Уж каких чудес в нем нет!»
Весь отряд тут поклонился.
Мудрой речи подивился.
Городничий между тем
Наказал престрого всем.
Чтоб коней не покупали,
Не зевали. Не кричали;
Что он едет ко двору
Доложить о всем царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.

***

Вот он въехал в конный ряд.
На колени все тут пали
И «ура» царю кричали.
Царь раскланялся и вмиг
Молодцом с повозки прыг…
Глаз своих с коней не сводит,
Справа, слева к ним заходит,
Словом ласковым зовет,
По спине их тихо бьет,
Треплет шею их крутую,
Гладит гриву золотую,
И, довольно насмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружавшим: «Эй, ребята!

Чьи такие жеребята?
Кто хозяин?» Тут Иван
Руки в боки, словно пан,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
«Эта пара, царь, моя,
И хозяин – тоже я». –
«Ну, я пару покупаю!
Продаешь ты?» - «Нет, меняю». –
«Что в промен берешь добра?» -
«Два-пять шапок серебра». –
«То есть, это будет десять».
Царь велел тотчас отвесить

И, по милости своей,
Дал в прибавок пять рублей.
Царь-то был великодушный!

Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых,
Все в нашивках золотых,
Все с цветными кушаками
И с сафьянными бичами.
Но дорогой, как на смех,
Кони с ног их сбили всех,
Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.
Царь отправился назад,
Говорит ему: «Ну, брат,
Пара нашим не дается;
Делать нечего, придется
Во дворце тебе служить.
Будешь в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Всю конюшенну мою
Я в приказ тебе даю,
Царско слово в том порука.
Что, согласен?»
- «Эка штука!
Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться.
Словно в масле сыр кататься,
Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдает;
То есть, я из огорода
Стану царский воевода.
Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться.
А не то я был таков!»

Тут он кликнул скакунов
И пошел вдоль по столице,
Сам махая рукавицей,
И под песню дурака
Кони пляшут трепака;
А конек его – Горбатко –
Так и ломится вприсядку,
К удивленью людям всем.
Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В опояски их зашили,
Постучали ендовой
И отправились домой.

***

Часть вторая
Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается

Зачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка.
И от вещего каурка.
Козы на море ушли;
Горы лесом поросли;
Конь с златой узды срывался.
Прямо к солнцу поднимался;
Лес стоячий под ногой,
Сбоку облик громовой;
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает.
Это присказка: пожди,
Сказка будет впереди.
Как на море-окияне
И на острове Буяне
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет;
Черный зверь в дубраве рыщет,
Это присказка, а вот –
Сказка чередом пойдет.

***

Вот неделей через пять
Начал спальник примечать…
Надо молвить, этот спальник
До Ивана был начальник
Над конюшней надо всей.
Из боярских слыл детей;
Так не диво, что он злился
На Ивана и божился;
Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вон из дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Он для всякого случая
Притворился, плут, глухим,
Близоруким и немым;
Сам же думает: «Постой-ка,
Я те двину, неумойка!»
Так, неделей через пять
Спальник начал примечать.
Что Иван коней не холит,
И не чистит, и не школит;
Но при всем том два коня
Словно лишь из-под гребня:
Чисто-начисто обмыты,
Гривы в косы перевиты,
Челки собраны в пучок,
Шерсть – ну, лоснится, как шелк;

В стойлах – свежая пшеница,
Словно тут же и родится,
И в чанах больших сыта
Будто только налита.
«Что за притча тут такая? –
Спальник думает вздыхая. –
Уж не ходит ли, постой,
К нам проказник домовой?
Дай-ка я подкараулю,
А нешто, так я и пулю,
Не смигнув, умею слить, -
Лишь бы дурня уходить.
Донесу я в думе царской,
Что конюший государской –
Басурманин, ворожей.
Чернокнижники и злодей;
Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь божию не ходит,
Католицкий держит крест
И постами мясо ест».
В тот же вечер этот спальник,
Прежний конюших начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.
Вот и полночь наступила.
У него в груди заныло:
Он ни жив ни мертв лежит,
Сам молитвы все творит.
Ждет суседки…Чу! в сам-деле,
Двери глухо заскрыпели,
Кони топнули, и вот
Входит старый коновод.
Дверь задвижкой запирает,
Шапку бережно скидает,
На окно ее кладет
И из шапки той берет
В три завернутый тряпицы
Царский клад – перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблистал,
Что чуть спальник не вскричал
И от страху так забился,
Что овес с него свалился.
Но суседке невдомек!
Он кладет перо в сусек,
Чистить коней начинает,
Умывает, убирает,
Гривы длинные плетет,
Разны песенки поет.
А меж тем, свернувшись клубом,
Поколачивая зубом,
Смотрит спальник, чуть живой,
Что тут деет домовой.
Что за бес! нешто нарочно
Прирядился плут полночный:
Нет рогов, ни бороды,
Ражий парень, хоть куды!
Волос гладкий, сбоку ленты,

На рубашке прозументы,
Сапоги как ал сафьян, -
Ну, точнехонько Иван.
Что за диво? Смотрит снова
Наш глазей на домового…
«Э! так вот что! – наконец
Проворчал себе хитрец, -
Ладно, завтра царь узнает,
Что твой глупый ум скрывает.
Подожди лишь только дня,
Будешь помнить ты меня!»
А Иван, совсем не зная,
Что ему беда такая
Угрожает, все плетет
Гривы в косы да поет.
А убрав их, в оба чана
Нацедил сыты медвяной
И насыпал дополна
Белоярова пшена.
Тут, зевнув, перо Жар-птицы
Завернул опять в тряпицы,
Шапку под ухо – и лег
У коней близ задних ног.

Только начало сориться,
Спальник начал шевелиться,
И, услыша, что Иван
Так храпит, как Еруслан,
Он тихонько вниз слезает
И к Ивану подползает,
Пальцы в шапку запустил,
Хвать перо – и след простыл.
Царь лишь только пробудился.
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить». –
«Говори, не прибавляя, -
Царь сказал ему зевая, -
Если ж ты да будешь врать,
То кнута не миновать».
Спальник наш, собравшись с силой,
Говорит царю: «Помилуй!
Вот те истинный Христос,
Справедлив мой, царь, донос:
Наш Иван, то всякий знает,
От тебя, отец, скрывает,
Но не злато, не сребро –
Жароптицево перо…» -

«Жароптицево?.. Проклятый!
И он смел такой богатый…
Погоди же ты, злодей!
Не минуешь ты плетей!..»-

«Да и то ль еще он знает! –
Спальник тихо продолжает,
Изогнувшися. – Добро!
Пусть имел бы он перо;
Да и самую Жар-птицу
Во твою, отец, светлицу,
Коль приказ изволишь дать,
Похваляется достать».
И доносчик с этим словом,
Скрючись обручем таловым,
Ко кровати подошел,
Подал клад – и снова в пол.

Царь смотрел и дивовался,
Гладил бороду, смеялся
И скусил пера конец.
Тут, уклав его в ларец,
Закричал (от нетерпенья),
Подтвердив свое веленье
Быстрым взмахом кулака:
«Гей! Позвать мне дурака!»

И посыльные дворяна
Побежали по Ивана,
Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался
И до колотья смеялся.
А дворяна, усмотря,
Что смешно то для царя,
Меж собой перемигнулись
И вдругорядь растянулись.
Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.
Тут посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана
И на этот уже раз
Обошлися без проказ.

Вот конюшне прибегают,
Двери настежь отворяют
И ногами дурака
Ну толкать во все бока.
С полчаса над ним возились,
Но его не добудились.
Наконец уж рядовой
Разбудил его метлой.

«Что за челядь тут такая? –
Говорит Иван, вставая. –
Как хвачу я вас бичом.
Так не станете потом
Без пути будить Ивана».
Говорят ему дворяна:
«Царь изволил приказать
Нам тебя к нему позвать». –
«Царь?.. Ну ладно! Вот сряжуся

И тотчас к нему явлюся», -
Говорит послам Иван.
Тут надел он свой кафтан.
Опояской подвязался,
Приумылся, причесался.
Кнут свой сбоку прицепил,
Словно утица поплыл.
Вот Иван к царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнул дважды и спросил:
«А пошто меня будил?»
Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал к нему со гневом,
Приподнявшися: «Молчать!
Ты мне должен отвечать:
В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза
Наше царское добро –
Жароптицево перо?
Что я – царь али боярин?
Отвечай сейчас, татарин!»
Тут Иван, махнув рукой,
Говорит царю: «постой!
Я те шапки ровно не дал,
Как же ты о том проведал?
Что ты – ажно ты пророк?
Ну да что, сади в острог,
Прикажи сейчас хоть в палки –
Нет пера, да и шабалки!..» -
«Отвечай же! запорю!..»-
«Я те толком говорю:
Нет пера! Да, слышь, откуда,
Мне достать такое чудо?»
Царь с кровати тут вскочил
И ларец с пером открыл.
«Что? Ты смел еще переться?
Да уж нет, не отвертеться!
Это что? А?» Тут Иван
Задрожал, как лист в буран,
Шапку выронил с испуга.
«Что, приятель, видно, туго? –
Молвил царь. – Постой-ка, брат!..» -
«Ох, помилуй, виноват!
Отпусти вину Ивану,
Я вперед уж врать не стану».
И, закутавшись в полу,
Растянулся на полу.
«Ну, для первого случаю
Я вину тебе прощаю, -
Царь Ивану говорит. –
Я, помилуй бог, сердит!
И с сердцов иной порою
Чуб сниму и с головою.
Так вот, видишь, я каков!
Но, сказать без дальних слов,
Я узнал, что ты Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,

Если б вздумал приказать,
Похваляешься достать.
Ну, смотри ж, не отпирайся
И достать ее старайся».
Тут Иван волчком вскочил.
«Я того не говорил! –
Закричал он, утираясь. –
О пере не запираюсь,
Но о птице, как ты хошь,
Ты напраслину ведешь».
Царь, затрясши бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою! –
Закричал он. – Но, смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь мне жар-птицу
В нашу царскую светлицу.
То, клянуся бородой,
Ты поплатишься со мной:
На правеж – в решетку – на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошел на сеновал.
Где конек его лежал.
Горбунок, его почуя,
Дрыгнул было плясовую;
Но, как слезы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? –
Говорит ему конек,
У его вертяся ног. –
Не утайся предо мною.
Все скажи, что за душою.
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый, нездоров?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конек! - сказал. –
Царь велит достать Жар-птицу
В государскую светлицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конек:
«Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя.
Что не слушался меня:
Помнишь, ехав в град-столицу,
Ты нашел перо Жар-птицы;
Я сказал тебе тогда:
Не бери, Иван, - беда!
Много, много непокою
Принесет оно с собою.
Вот теперя ты узнал,
Правду ль я тебе сказал.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это – службишка, не служба.
Служба все, брат, впереди.

Ты к царю теперь поди
И скажи ему открыто:
«Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится.
Мы отправимся в поход».

Вот Иван к царю идет,
Говорит ему открыто:
«Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится.
Мы отправимся в поход».
Царь тотчас приказ дает,
Чтоб посыльные дворяна
Все сыскали для Ивана.
Молодцом его назвал!
И «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
«Гей! Хозяин! Полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся.
В путь-дорожку собирался.
Взял корыта, и пшено,
И заморское вино;
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток –
Доставать тое Жар-птицу.

Едут целую седмицу,
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конек Ивану:
«Ты увидишь здесь поляну;
На поляне той гора
Вся из чистого сребра;
Вот сюда-то до зарницы
Прилетают жары-птицы
Из ручья воды испить;
Тут и будем их ловить».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает на поляну.
Что за поле! Зелень тут
Словно камень-изумруд;
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сеет;
А по зелени цветы
Несказанной красоты.
А на той ли на поляне,

Словно вал на океане,
Возвышается гора
Вся из чистого сребра.
Солнце летними лучами
Красит всю ее зарями,
В сгибах золотом бежит,
На верхах свечой горит.

Вот конек по косогору
Поднялся на эту гору,
Версту, другу пробежал,
Устоялся и сказал:
«Скоро ночь, Иван, начнется,
И тебе стеречь придется.
Ну, в корыто лей вино
И с вином мешай пшено.
А чтоб быть тебе закрыту,
Ты под то подлезь корыто,
Втихомолку примечай,
Да, смотри же, не зевай.
До восхода, слышь, зарницы
Прилетят сюда жар-птицы
И начнут пшено клевать
Да по-своему кричать.
Та, которая поближе.
И схвати ее, смотри же!
А поймаешь птицу-жар,
И кричи на весь базар;
Я тотчас к тебе явлюся».-
«Ну, а если обожгуся? –
Говорит коньку Иван,
Расстилая свой кафтан. –
Рукавички взять придется.
Чай, плутовка больно жгется».
Тут конек из глаз исчез,
А Иван, кряхтя, подлез
Под дубовое корыто
И лежит там как убитый.

Вот полночною порой
Свет разлился над горой,
Будто полдни наступают:
Жары-птицы налетают;
Стали бегать и кричать
И пшено с вином клевать.
Наш Иван, от них закрытый.
Смотрит птиц из-под крыта
И толкует сам с собой,
Разводя вот так рукой:
«Тьфу ты, дьявольская сила!
Эк их, дряни, привалило!
Чай, их тут с десятков пять.
Кабы всех переимать –
То-то было бы поживы!
Неча молвить, страх красивы!
Ножки красные у всех;
А хвосты-то – сущий смех!

Чай, таких у куриц нету.
А уж сколько, парень, свету –
Словно батюшкина печь!»
И, скончав такую речь,
Сам с собою под лазейкой,
Наш Иван ужом да змейкой
Ко пшену с вином подполз –
Хвать одну из птиц за хвост.
«Ой, Конечек-горбуночек!
Прибегай скорей, дружочек!
Я ведь птицу-то поймал», -
Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
«Ах, хозяин, отличился! –
Говорит ему конек. –
Ну, скорей ее в мешок!
Да завязывай туже;
А мешок привес на шею.
Надо нам в обратный путь». –
«Нет, дай птиц-то мне пугнуть! –
Говорит Иван. – Смотри-ка,
Вишь, надселися от крика!»
И.схвативши свой мешок.
Хлещет вдоль и поперек.
Ярким пламенем сверкая.
Встрепенулася вся стая.
Кругом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,
Словно щелоком облит.
Птицы в тучах потерялись;
Наши путники собрались,
Уложили царский клад
И вернулися назад.

Вот приехали в столицу.
«Что, достал ли ты Жар-птицу?» -
Царь Ивану говорит,
Сам на спальника глядит.
А уж тот, нешто от скуки,
Искусал себе все руки.
«Разумеется, достал», -
Наш Иван царю сказал.
«Где ж она?» - «Постой немножко,
Прикажи сперва окошко
В почивальне затворить,
Знаешь, чтоб темень сотворить».
Тут дворяна побежали
И окошко затворяли.
Вот Иван мешок на стол.
«Ну-ка, бабушка, пошел!»
Свет такой тут вдруг разлился,
Что вес двор рукой закрылся.
Царь кричит на весь базар:
«Ахти, батюшки, пожар!

Эй, решеточных сзывайте!
Заливайте! Заливайте!» -
«Это, слышь ты, не пожар,
Это свет от птицы-жар, -
Молвил ловчий, сам со смеху
Надрываяся. – Потеху
Я привез те, осударь!»
Говорит Ивану царь:
«Вот люблю дружка Ванюшу!
Взвеселил мою ты душу,
И на радости такой –
Будь же царский стремянной!»

Это видя, хитрый спальник,
Прежний конюших начальник,
Говорит себе под нос:
«Нет, постой, молокосос!
Не всегда тебе случится
Так канальски отличиться.
Я те снова подведу,
Мой дружочек, под беду!»

Через три потом недели
Вечерком одним сидели
В царской кухне повара
И служители двора,
Попивали мед из жбана
Да читали Еруслана.
«Эх! – один слуга сказал, -
Как севодни я достал
От соседа чудо-книжку!
В ней страниц не так чтоб слишком,
Да и сказок только пять,
А уж сказки – вам сказать,
Так не можно надивиться;
Надо ж этак умудриться!»
Тут все в голос: «Удружи!
Расскажи, брат, расскажи!» -
«Ну, какую ж вы хотите?
Пять ведь сказок; вот смотрите:
Перва сказка о бобре,
А вторая о царе;
Третья…дай бог память…точно!
О боярыне восточной;
Вот в четвертой: князь Бобыл;
В пятой…в пятой…эх, забыл!
В пятой сказке говорится…
Так в уме вот и вертится…» -
«Ну, да брось ее!» - «Постой!» -
«О красотке, что ль, какой?» -
«Точно! В пятой говорится
О прекрасной Царь-девице.
Ну, которую ж, друзья,
Расскажу севодни я?» -
«Царь-девицу! – все кричали. –
О царях мы уж слыхали,
Нам красоток-то скорей!

Их и слушать веселей».
И слуга, усевшись важно,
Стал рассказывать протяжно:
«У далеких немских стран
Есть, ребята, окиян.
По тому ли окияну
Ездят только басурманы;
С православной же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом окияне.
От гостей же слух идет,
Что девица там живет;
Но девица не простая,
Дочь, вишь, Месяцу родная,
Да и Солнышко ей брат.
Та девица, говорят,
Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шлюпке
И серебряным веслом
Самолично правит в нем;
Разны песни попевает
И на гусельцах играет…»

Спальник тут с полатей скок –
И со всех обеих ног
Во дворец к царю пустился
И как раз к нему явился;
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить.
Прикажи мне говорить!» -
«Говори, да правду только.
И не ври, смотри, нисколько!» -
Царь с кровати закричал.
Хитрый спальник отвечал:
«Мы севодни в кухне были,
За твое здоровье пили,
А один из дворских слуг
Нас забавил сказкой вслух;
В этой сказке говорится
О прекрасной Царь-девице.
Вот твой царский стремянной
Поклялся твоей брадой.
Что он знает эту птицу, -
Так он назвал Царь-девицу. –
И ее, изволишь знать.
Похваляется достать».
Спальник стукнул об пол снова.
«Гей, позвать мне стремяннова!» -
Царь посыльным закричал.
Спальник тут за печку стал.
А посыльные дворяна
Побежали по Ивана;
В крепком сне его нашли

И в рубашке привели.
Царь так начал речь: «Послушай,
На тебя донос, Ванюша.
Говорят, что вот сейчас
Похвалялся ты для нас
Отыскать другую птицу,
Сиречь молвить, Царь-девицу…» -
«Что ты, что ты, бог с тобой! –
Начал царский стремянной. –
Чай, спроснков, я толкую,
Штуку выкинул такую.
Да хитри себе, как хошь,
А меня не проведешь».
Царь, затрясши бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою? –
Закричал он. – Но смотри,
Если ты в недели три
Не достанешь Царь-девицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Ты поплатишься со мной!
На правеж – в решетку – на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошлее на сеновал,
Где конек его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? –
Говорит ему конек. –
Аль, мой милый, занемог?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конек! – сказал. –
Царь велит в свою светлицу
Мне достать, слышь, Царь-девицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конек:
«Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это – службишка, не служба;
Служба все, брат, впереди!
Ты к царю теперь, поди
И скажи: «Ведь для поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатер
Да обеденный прибор –
Весь заморского варенья –
И сластей для прохлажденья».

Вот Иван к царю идет
И такую речь ведет:
«Для царевниной поимки
Надо, царь, мне две ширинки,

Шитый золотом шатер
Да обеденный прибор –
Весь заморского варенья –
И сластей для прохлажденья». –
«Вот давно бы так, чем нет», -
Царь с кровати дал ответ
И велел, чтобы дворяна
Все сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конек Ивана:
«Гей! Хозяин! Полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял ширинки и шатер
Да обеденный прибор –
Весь заморского варенья –
И сластей для прохлажденья;
Все в мешок дорожный склал
И веревкой завязал,
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся;
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток
По тое ли Царь-девицу.

Едут целую седмицу,
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конек Ивану:
«Вот дорога к окияну,
И на нем-то круглый год
Та красавица живет;
Два раза она лишь сходит
С окияна и приводит
Долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам».

И, окончив речь к Ивану,
Выбегает к окияну,
На котором белый вал
Одинешенек гулял.
Тут Иван с конька слезает,
А конек ему вещает:
«Ну, раскидывай шатер,
На ширинку ставь прибор
Из заморского варенья
И сластей для прохлажденья.
Сам ложися за шатром
Да смекай себе с умом.
Видишь, шлюпка вон мелькает…
То царевна подплывает,
Пусть в шатер она войдет,
Пусть покушает, попьет;

Вот как в гусли заиграет –
Знай, уж время наступает.
Ты тотчас в шатер вбегай,
Ту царевну сохватай
И держи ее сильнее
Да зови меня скорее.
Я не первый твой приказ
Прибегу к тебе как раз,
И поедем…Да смотри же,
Ты гляди за ней поближе;
Если ж ты ее проспишь,
Так беды не избежишь».
Тут конек из глаз сокрылся,
За шатер Иван забился
И давай дыру вертеть,
Чтоб царевну подсмотреть.

Ясный полдень наступает;
Царь-девица подплывает,
Входит с гуслями в шатер
И садится за прибор.
«Хм! Так вот та Царь-девица!
Как же в сказках говорится , -
Рассуждает стремянной, -
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И бледна-то, и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
Тьфу ты! Словно у цыпленка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму».
Тут царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иван, не зная как,
Прикорнулся на кулак
И под голос тихий, стройный
Засыпает преспокойно.

Запад тихо догорал.
Вдруг конек над ним заржал
И, толкнув его копытом,
Крикнул голосом сердитым:
«Спи, любезный, до звезды!
Высыпай себе беды,
Не меня ведь вздернут на кол!»
Тут Иванушка заплакал
И, рыдаючи, просил,
Чтоб конек его простил.
«Отпусти вину Ивану,
Я вперед уж спать не стану». –
«Ну, уж бог тебя простит! –
Горбунок ему кричит. –
Все поправим, может статься,
Только, чур, не засыпаться;
Завтра, рано поутру,

К златошвейному шатру
Приплывет опять девица –
Меду сладкого напиться.
Если ж снова ты заснешь,
Головы уж не снесешь».
Тут конек опять сокрылся;
А Иван сбирать пустился
Острых камней и гвоздей
От разбитых кораблей
Для того чтоб уколоться,
Если вновь ему вздремнется.

На другой день, поутру,
К златошвейному шатру
Царь-девица подплывает,
Шлюпку на берег бросает,
Входит с гуслями в шатер
И садится за прибор…
Вот царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иванушке опять
Захотелося поспать.
«Нет, постой же ты, дрянная! –
Говорит Иван вставая. –
Ты в другогредь не уйдешь
И меня не проведешь».
Тут в шатер Иван вбегает,
Косу длинную хватает…
«Ой, беги, конек, беги!
Горбунок, мне помоги!»
Вмиг конек к нему явился.
«Ай, хозяин, отличился!
Ну. садись же поскорей
Да держи ее плотней!»

Вот столицы достигает
Царь к царевне выбегает,
За белы руки берет.
Во дворец ее ведет
И садит за стол дубовый
И под занавес шелковый,
В глазки с нежностью глядит,
Сладки речи говорит:
«Бесподобная девица,
Согласися быть царица!
Я тебя едва узрел –
Сильной страстью воскипел.
Соколины твои очи
Не дадут мне спать средь ночи
И во время бела дня,
Ох, измучают меня.
Молви ласковое слово!
Все для свадьбы уж готово;
Завтра ж утром, светик мой,
Обвенчаемся с тобой
И начнем жить припевая».
А царевна молодая,

Ничего не говоря,
Отвернулась от царя.
Царь нисколько не сердился,
Но сильней еще влюбился;
На колен пред нею стал,
Ручки нежно пожимал
И балясы начал снова:
«Молви ласковое слово!
Чем тебя я огорчил?
Али тем, что полюбил?
О, судьба моя плачевна!»
Говорит ему царевна:
«Если хочешь взять меня,
То доставь ты мне в три дня
Перстень мой из окияна». –
«Гей! Позвать ко мне Ивана!» -
Царь поспешно закричал
И чуть сам не побежал.
Вот Иван к царю явился,
Царь к нему оборотился
И сказал ему: «Иван!
Поезжай на окиян;
В окияне том хранится
Перстень, слышь ты, Царь-девицы.
Коль достанешь мне его,
Задарю тебя всего». –
«Я и с первой-то дороги
Волочу насилу ноги –
Ты опять на окиян!» -
Говорит царю Иван.
«Как же, плут, не торопиться:
Видишь, я хочу жениться! –
Царь со гневом закричал
И ногами застучал. –
У меня не отпирайся,
А скорее отправляйся!»
Тут Иван хотел идти.
«Эй, послушай! По пути, -
Говорит ему царица, -
Заезжай ты поклониться
В изумрудный терем мой
Да скажи моей родной:

Дочь ее узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик свой ясный от меня?
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлет луча ко мне?
Не забудь же!» - «Помнить буду,
Если только не забуду;
Да ведь надо же узнать,
Кто те братец, кто те мать,
Чтоб в родне-то нам не сбиться».
Говорит ему царица:

«Месяц – мать мне, Солнце – брат».
«Да смотри, в три дня назад!» -
Царь-жених к тому прибавил.
Тут Иван царя оставил
И пошел на сеновал,
Где конек его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? –
Говорит ему конек.
«Помоги мне, горбунок!
Видишь, вздумал царь жениться,
Знашь, на тоненькой царице,
Так и шлет на окиян, -
Говорит коньку Иван. –
Дал мне сроку три дня только;
Тут попробовать изволь-ка
Перстень дьявольский достать!
Да велела заезжать
Эта тонкая царица
Где-то в терем поклониться
Солнцу, Месяцу, притом
И спрошать кое о чем…»
Тут конек: «Сказать по дружбе,
Это – службишка, не служба;
Служба все, брат, впереди!
Ты теперя спать поди;
А назавтра утром рано,
Мы поедем к окияну».

На другой день наш Иван,
Взяв три луковки в карман,
Потеплее приоделся,
На коньке своем уселся
И поехал в дальний путь…
Дайте, братцы, отдохнуть!

Часть третья

Доселе Макар огороды копал,
А нынече Макар в воеводы попал

Та-ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу.
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
«Эй, послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;
Муж-то примется за шутки.
А жена за прибаутки,
И пойдет у них тут пир.
Что на весь крещеный мир!»
Это присказка ведется,

Сказка вскоре же начнется.
Как у наших у ворот
Муха песенку поет:
«Что дадите мне за вестку?
Бьет свекровь свою невестку:
Посадила на шесток.
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула:
«Не ходи по зарям!
Не кажися молодцам!»
Это присказка велася,
Вот и сказка началася.

***

Вот въезжают на поляну
Прямо к морю-окияну;
Поперек его лежит
Чудо-юдо, Рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;
Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,
Ищут девушки грибов.

Вот конек бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько воздыхая:
«Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?» -
«Мы послы от Царь-девицы,
Едем оба из столицы, -
Говорит киту конек, -
К Солнцу прямо на восток,
Во хоромы золотые». –
«Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у Солнышка спросить:
Долго ль мне в опале быть
И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?» -
«Ладно, ладно, Рыба-кит!» -
наш Иван ему кричит.
«Будь отец мне милосердный!
Вишь, как мучуся я, бедный!
Десять лет уж тут лежу…
Я и сам те услужу!..»
Кит Ивана умоляет,
Сам же горько воздыхает.
«Ладно-ладно, Рыба-кит!» -
Наш Иван ему кричит.
Тут конек под ним забился,

Прыг на берег – и пустился,
Только видно, как песок
Вьется вихорем у ног.

Едут близко ли, далеко,
Едут низко ли, высоко
И увидели кого –
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно творится.
Только, братцы, я узнал,
Что конек туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землею,
Где крестьянки лен прядут,
Прялки на небо кладут.
Тут Иван с землей простился
И на небе очутился
И поехал, будто князь,
Шапка набок, подбодряясь.
«Эко диво! Эко диво!
Наше царство хоть красиво, -
Говорит коньку Иван
Средь лазоревых полян, -
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. Ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
А уж светлая какая!..
Посмотри-ка, горбунок,
Видишь, вон где, на восток,
Словно светится зарница…
Чай, небесная светлица…
Что-то больно высока!» -
Так спросил Иван конька.
«Это терем Царь-девицы,
Нашей будущей царицы, -
Горбунок ему кричит, -
По ночам здесь солнце спит,
А полуденной порою
Месяц входит для покою».

Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод:
Все столбы те завитые
Хитро в змейки золотые;
На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады;
На серебряных там ветках
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.
А ведь терем с теремами
Будто город с деревнями;
А на тереме из звезд –
Православный русский крест.

Вот конек во двор въезжает;
Наш Иван с него слезает,
В терем к Месяцу идет
И такую речь ведет:
«Здравствуй, Месяц Месяцович!
Я – Иванушка Петрович,
Из далеких я сторон
И привез тебе поклон». –
«Сядь, Иванушка Петрович, -
Молвил Месяц Месяцович, -
И поведай мне вину
В нашу светлую страну
Твоего с земли прихода;
Из какого ты народа,
Как попал ты в этот край, -
Все скажи мне, не утай». –
«Я с земли пришел Землянской,
Из страны ведь христианской, -
Говорит, садясь, Иван, -
Переехал окиян
С порученьем от царицы –
В светлый терем поклониться
И сказать вот так, постой!
«Ты скажи моей родной:
Дочь ее узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик какой-то от меня;
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлет луча ко мне?»
Так, кажися? Мастерица
Говорить красно царица;
Не припомнишь все сполна,
Что сказала мне она». –
«А какая то царица?» -
«Это, знаешь, Царь-девица». –
«Царь-девица?.. Так она,
Что ль, тобой увезена?» -
Вскрикнул Месяц Месяцович.
А Иванушка Петрович
Говорит: «Известно, мной!
Вишь, я царский стремянной;
Ну, так царь меня отправил,
Чтобы я ее доставил
В три недели во дворец;
А не то меня отец
Посадить грозился на кол».
Месяц с радости заплакал,
Ну Ивана обнимать,
Целовать и миловать.
«Ах, Иванушка Петрович! –
Молвил Месяц Месяцович. –
Ты принес такую весть,
Что не знаю, чем и счесть!
А уж мы как горевали,

Что царевну потеряли!..
Оттого-то, видишь, я
По три ночи, по три дня
В темном облаке ходила,
Все грустила да грустила,
Трое суток не спала.
Крошки хлеба не брала,
Оттого-то сын мой красный
Завернулся в мрак ненастный,
Луч свой жаркий погасил,
Миру божью не светил:
Все грустил, вишь,по сестрице,
Той ли красной Царь-девице.
Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?» -
«Всем бы, кажется, красотка,
Да у ней, кажись, сухотка:
Ну, как спичка, слышь, тонка.
Чай, в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так небось и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней».
Месяц вскрикнул: «Ах, злодей!
Вздумал в семьдесят жениться
На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том –
Просидит он женихом!
Вишь, что старый хрен затеял:
Хочет жать там, где не сеял!
Полно, лаком больно стал!»
Тут Иван опять сказал:
«Есть еще к тебе прошенье,
То о китовом прощенье…
Есть, вишь, море; чудо-кит
Поперек его лежит:
Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты…
Он, бедняк, меня прошал,
Чтобы я тебя спрошал:
Скоро ль кончится мученье?
Чем сыскать ему прощенье?
И на что он тут лежит?»
Месяц ясный говорит:
«Он за то нечет мученье,
Что без божия веленья
Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет бог с него невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».
Тут Иванушка поднялся,
С светлым Месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды щеки целовал.
«Ну. Иванушка Петрович! –
Молвил Месяц Месяцович. –

Благодарствую тебя
За сынка и за себя.
Отнеси благословенье
Нашей дочке в утешенье
И скажи моей родной:
«Мать твоя всегда с тобой;
Полно плакать и крушиться:
Скоро грусть твоя решится, -
И не старый, с бородой,
А красавец молодой
Поведет тебя к налою».
Ну, прощай же! Бог с тобою!»
Поклонившись, как умел,
На конька Иван тут сел,
Свистнлу, будто витязь знатный,
И пустился в путь обратный.
На другой день наш Иван
Вновь пришел на окиян.
Вот конек бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так, вздохнувши, говорит:
«Что, отцы, мое прошенье?
Получу ль, когда прощенье?» -
«Погоди ты, Рыба-кит!» -
Тут конек ему кричит.

Вот в село он прибегает,
Мужиков к себе сзывает,
Черной гривкою трясет
И такую речь ведет:
«Эй, послушайте, миряне,
Православны христиане!
Коль не хочет кто из вас
К водяному сесть в приказ,
Убирайся вмиг отсюда.
Здесь тотчас случится чудо:
Море сильно закипит,
Повернется Рыба-кит…»
Тут крестьяне и миряне,
Православны христиане,
Закричали: «Быть бедам!»
И пустились по домам.
Все телеги собирали;
В них, не мешкая, поклали
Все, что было живота,
И оставили кита.
Утро с полднем повстречалось,
А в селе уж не осталось
Ни одной души живой,
Словно шел Мамай войной!

Тут конек на хвост вбегает,
К перьям близко прилегает
И что мочи есть кричит:
«Чудо-юдо Рыба-кит!
Оттого твои мученья,

Что без божия веленья
Проглотил ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты им свободу,
Снимет бог с тебя невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».
И, окончив речь такую,
Закусил узду стальную,
Понатужился – и вмиг
На далекий берег прыг.
Чудо-кит зашевелился.
Словно холм поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.

Тут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился;
Поп с причетом всем служебным
Пел на палубе молебны;
А гребцов веселый ряд
Грянул песню наподхват:
«Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли…»
Волны моря заклубились,
Корабли из глаз сокрылись.
Чудо-юдо Рыба-кит
Громким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плесом волны разбивая:
«Чем вам, други, услужить?
Чем за службу наградить?
Надо ль раковин цветистых?
Надо ль рыбок золотистых?
Надо ль крупных жемчугов?
Все достать для вас готов!» -
«Нет, кит-рыба, нам в награду
Ничего того не надо, -
Говорит ему Иван, -
Лучше перстень нам достань –
Перстень, знаешь, Царь-девицы,
Нашей будущей царицы». –
«Ладно, ладно! Для дружка
И сережку из ушка!
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-девицы», -
Кит Ивану отвечал
И, как ключ, на дно упал.
Вот он плесом ударяет,

Громким голосом сзывает
Осетринный весь народ
И такую речь ведет:
«Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-девицы,
Скрытый в ящичке на дне.
Кто его доставит мне,
Награжу того я чином:
Будет думным дворянином.
Если ж строгий мой приказ
Не исполните…я вас!..»
Осетры тут поклонились
И в прядке удалились.
Через несколько часов
Двое белых осетров
К киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
«Царь великий! Не гневись!
Мы все море уж, кажись,
Исходили и изрыли,
Но и знаку не открыли.
Только ерш один из нас
Совершил бы твой приказ:
Он по всем морям гуляет,
Так уж, верно, перстень знает;
Но его, как бы назло,
Уж куда-то унесло». –
«Отыскать его в минуту
И послать в мою каюту!» -
Кит сердито закричал
И усами закачал.
Осетры тут поклонились,
В земский суд бежать пустились
И велели в тот же час
От кита писать указ,
Чтоб гонцов скорей послали
И ерша того поймали.
Лещ, услыша сей приказ,
Именной писал указ;
Сом (советником он звался)
Под указом подписался;
Черный рак указ сложил
И печати приложил.
Двух дельфинов тут призвали
И, отдав приказ, сказали,
Чтоб, от имени царя,
Обежали все моря.
И того Ерша-гуляку,
Крикуна и забияку,
Где бы ни было нашли,
К государю привели.

***

Тут проказника дельфины
Подхватили под щетины
И отправились назад.
Ерш ну рваться и кричать:

«Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться.
Распроклятый тот Карась
Поносил меня вчерась
При честном при всем собранье
Неподобной разной бранью...»
Долго ерш еще кричал,
Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились пред царя.

«Что ты долго не являлся?
Где ты, вражий сын, шатался?» -
Кит со гневом закричал.
На колени Ерш упал,
И, признавшись в преступленье,
Он молился о прощенье.
«Ну, уж бог тебя простит! –
Кит державный говорит. –
Но за то твое прощенье
Ты исполни повеленье». –
«Рад стараться, Чудо-кит!» -
На коленях Ерш пищит.
«Ты по всем морям гуляешь,
Так уж, верно, перстень знаешь
Царь-девицы?» - «Как не знать!
Можем разом отыскать». –
«Так ступай же поскорее
Да сыщи его живее!»

Тут, отдав царю поклон,
Ерш пошел, согнувшись, вон.
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился
И салакушкам шести
Нос разбил он на пути.
Совершив такое дело,
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне –
Пуд по крайней мере во сто.
«О, здесь дело-то не просто!»
И давай из всех морей
Ерш скликать к себе сельдей.
Сельди духом собралися,
Сундучок тащить взялися,
Только слышно и всего –
«У-у-у!» да «о-о-о!».
Но сколь сильно ни кричали,

Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.
«Настоящие селедки!
Вам кнута бы вместо водки!» -

Крикнул Ерш со всех сердцов
И нырнул под осетров.

***

Тихо море-окиян.
На песке сидит Иван,
Ждет кита из синя моря
И мурлыкает от горя;
Повалившись на песок,
Дремлет верный горбунок.
Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.
А кита не тут-то было.
«Чтоб те, вора, задавило!
Вишь, какой морской шайтан! –
Говорит себе Иван. –
Обещался до зарницы
Вынесть перстень Царь-девицы,
А доселе не сыскал,
Окаянный зубоскал!
А уж солнышко-то село,
И…» Тут море закипело:
Появился Чудо-кит
И к Ивану говорит:
«За твое благодеянье
Я исполнил обещанье».
С этим словом сундучок
Брякнул плотно на песок,
Только берег закачался.
«Ну, теперь я расквитался.
Если ж вновь принужусь я,
Позови опять меня;
Твоего благодеянья
Не забыть мне…До свиданья!»
Тут Кит-чудо замолчал
И, всплеснув, на дно упал.
Горбунок-конек проснулся,
Встал на лапки, отряхнулся,
На Иванушку взглянул
И четырежды прыгнул.
«Ай да Кит Китович! Славно!
Долг свой выплатил исправно!
Ну, спасибо, Рыба-кит! –
Горбунок-конек кричит. –
Что ж, хозяин, одевайся,
В путь-дорожку отправляйся;
Три денька уже прошло:
Завтра срочное число.
Чай, старик уж умирает».
Тут Ванюша отвечает:
«Рад бы радостью поднять,
Да ведь силы не занять!
Сундучишко больно плотен,
Чай, чертей в него пять сотен
Кит проклятый насажал.

Я уж трижды подымал:
Тяжесть страшная такая!»
Тут конек, не отвечая,
Поднял ящичек ногой,
Будто камушек какой,
И взмахнул себе на шею.
«Ну, Иван, садись скорее!
Помни, завтра минет срок,
А обратный путь далек».

Стал четвертый день зориться.
Наш Иван уже в столице.
Царь с крыльца к нему бежит.
«Что кольцо мое?» - кричит.
Тут Иван с конька слезает
И преважно отвечает:
«Вот тебе и сундучок!
Да вели-ка скликать полк:
Сундучишко мал хоть на вид,
Да и дьявола задавит».
Царь тотчас стрельцов позвал
И немедля приказал
сундучок отнесть в светлицу,
Сам пошел по Царь-девицу.
«Перстень твой, душа, найден, -
Сладкогласно молвил он, -
И теперь примолвить снова,
Нет препятстсва никакого
Завтра утром, светик мой,
Обвенчаться мне с тобой.
Но не хочешь ли, дружочек,
Свой увидеть перстенечек?
Он в дворце моем лежит».
Царь-девица говорит:
«Знаю, знаю! Но, признаться,
Нам нельзя еще венчаться». –
«Отчего же, светик мой?
Я люблю тебя душой;
Мне, прости ты мою смелость,
Страх жениться захотелось.
Если ж ты...то я умру
Завтра ж с горя поутру.
Сжалься, матушка царица!»
Говорит ему девица:
«Но взгляни-ка, ты ведь сед;
Мне пятнадцать только лет:
Как же можно нам венчаться?
Все цари начнут смеяться,
Дед-то, скажут, внучку взял!»
Царь со гневом закричал:
«Пусть-ка только засмеются –
У меня как раз свернутся:
Все их царства полоню!
Весь их род искореню!» -
«Пусть не станут и смеяться,
Все не можно нам венчаться, -
Не растут зимой цветы:

Я красавица, а ты?..
Чем ты можешь похвалиться?» -
Говорит ему девица.
«Я хоть стар, да я удал! –
Царь царице отвечал. –
Как немножко приберуся,
Хоть кому так покажуся
Разудалым молодцом.
Ну, да что нам нужды в том?
Лишь бы только нам жениться».
Говорит ему девица:
«А такая в том нужда,
Что не выйду никогда
За дурного, за седого,
За беззубого такого!»
Царь в затылке почесал
И, нахмуряся, сказал:
«Что ж мне делать-то, царица?
Страх как хочется жениться;
Ты же, ровно на беду:
Не пойду да не пойду!» -
«Не пойду я за седова, -
Царь-девица молвит снова. –
Стань, как прежде, молодец,
Я тотчас же под венец». –
«Вспомни, матушка царица,
Ведь нельзя переродиться;
Чудо бог один творит».
Царь-девица говорит:
«Коль себя не пожалеешь,
ты опять помолодеешь.
Слушай: завтра на заре
На широком на дворе
Должен челядь ты заставить
Три котла больших поставить
И костры под них сложить.
Первый надобно налить
До краев водой студеной,
А второй – водой вареной,
А последний – молоком,
Вскипятя его ключом.
Вот, коль хочешь ты жениться
И красавцем учиниться, -
Ты без платья, налегке,
Искупайся в молоке;
Тут побудь в воде вареной,
А потом еще в студеной,
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!»

Царь не вымолвил ни слова,
Кликнул тотчас стремяннова.
«Что, опять на окиян? –
Говорит царю Иван. –
Нет уж, дудки, ваша милость!
Уж и то во мне все сбилось.
Не поеду ни за что!» -

«Нет, Иванушка, не то.
Завтра я хочу заставить
На дворе котлы поставить
И костры под них сложить.
Первый думаю налить
До краев водой студеной,
А второй – водой вареной,
А последний –
Молоком,
Вскипятя его ключом.
Ты же должен постараться
Пробы ради искупаться
В этих трех больших котлах,
В молоке и в двух водах». –
«Вишь, откуда подъезжает! –
Речь Иван тут начинает. –
Шпарят только поросят,
Да индюшек, да цыплят;
Я ведь, глянь, не поросенок,
Не индюшка, не цыпленок.
Вот в холодной, так оно
Искупаться бы можно.
А подваривать как станешь,
Так меня и не заманишь.
Полно, царь, хитрить, мудрить
Да Ивана проводить!»
Царь, затрясши бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою? –
Закричал он. – Но смотри!
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье, -
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытать,
По кусочкам разрывать.
Вон, отсюда, болесть злая!»
Тут, Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где конек его лежал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? –
Говорит ему конек. –
Чай, наш старый женишок
Снова выкинул затею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конек! – сказал. –
Царь вконец меня сбывает;
Сам подумай, заставляет
Искупаться мне в котлах,
В молоке и в двух водах:
Как в одной воде студеной,
А в другой воде вареной,
Молоко, слышь, кипяток».
Говорит ему конек:
«Вот уж служба так уж служба!
Тут нужна моя вся дружба.
Как же к слову не сказать:

Лучше б нам пера не брать;
От него-то, от злодея,
Столько бед тебе на шею…
Ну, не плачь же, бог с тобой!
Сладим как-нибудь с бедой.
И скорее сам я сгину,
Чем тебя, Иван, покину.
Слушай: завтра на заре,
В те поры, как на дворе
Ты разденешься, как должно,
Ты скажи царю: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать,
Чтоб впоследни с ним проститься».
Царь на это согласится.
Вот как я хвостом макну,
На тебя два раза прысну,
Громким посвистом присвистну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва ныряй,
Тут в котел с водой вареной,
А оттудова в студеной.
А теперича молись
Да спокойно спать ложись.

На другой день, утром рано.
Разбудил конек Ивана:
«Эй, хозяин, полно спать!
Время службу исполнять».
Тут Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на забор
И пошлее к царю во двор.

Там котлы уже кипели;
Подле них рядком сидели
Кучера и повара
И служители двора;
Дров усердно прибавляли,
Об Иване толковали
Втихомолку меж собой
И смеялися порой.

Вот и двери растворились;
Царь с царицей появились
И готовились с крыльца
Посмотреть на удальца.
«Ну, Ванюша, раздевайся
И в котлах, брат, покупайся!» -
Царь Ивану закричал,
Тут Иван одежду снял,
Ничего не отвечая.
А царица молодая,
Чтоб не видеть наготу,
Завернулася в фату.
Вот Иван котлам поднялся,
Глянул в них – и зачесался.

«Что же ты, Ванюша, стал? –
Царь опять ему вскричал. –
Исполняй-ка, брат, что должно!»
Говорит Иван: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать.
Я впоследни б с ним простился».
Царь, подумав, согласился
И изволил приказать
Горбунка к нему послать.
Тут слуга конька приводит
И к сторонке сам отходит.

Вот конек хвостом махнул.
В те котлы мордой макнул.
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвистнул.
На конька Иван взглянул
И в котел тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий.
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!
Вот он в платье нарядился,
Царь-девице поклонился,
Осмотрелся, подбодряясь,
С важным видом, будто князь.

«Эко диво! – все кричали. –
Мы и слыхом не слыхали,
Чтобы льзя похорошеть!»

Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился,
Бух в котел – и там сварился!

Царь-девица тут встает,
Знак к молчанью подает,
Покрывало поднимает
И к прислужникам вещает:
«Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть.
Люба ль я вам?
Отвечайте!
Если люба, то признайте
Володетелем всего –
И супруга моего!»
Тут царица замолчала,
На Ивана показала.

«Люба, люба! – все кричат. –
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана
Признаем царем Ивана!»

Царь царицу тут берет,
В церковь божию ведет,

И с невестой молодою
Он обходит вкруг налою.

Пушки с крепости палят;
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют,
Бочки с фряжским выставляют,
И, напившися, народ
Что есть мочушки дерет:
«Здравствуй, царь наш со царицей!
С распрекрасной Царь-девицей!»

Во дворце же пир горой:
Вина льются там рекой;
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями.
Сердцу любо! Я там был,
Мед, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

Вопросы

1. В чем проявляются фольклорные традиции в произведении Н.Ершова «Конек-Горбунок»?
2. В чем особенность эпического пространства в сказке «Конек-Горбунок»?
3. Какие основные типы народной сказки использованы автором «Конька-Горбунка»?
4. В чем сходство двух героев сказки – Ивана и Конька-Горбунка?
5. Какова особенность воплощения главной героини – Царь-девицы?
6. Какие художественные особенности сказки дают основание назвать произведение народным ярмарочным представлением?

АНТОНИЙ ПОГОРЕЛЬСКИЙ (1787-1836)

Черная курица, или Подземные жители
Волшебная повесть для детей

Лет сорок тому назад в Петербурге, на Васильевском острове, в Первой линии, жил-был содержатель мужского пансиона, который ещё и до сих пор, вероятно, у многих остался в свежей памяти, хотя дом, где пансион тот помещался, давно уже уступил место другому, нисколько не похожему на прежний.

В то время Петербург наш уже славился в целой Европе своею красотою, хотя и далеко ещё не был таким, каков теперь. Тогда на проспектах Васильевского острова не было весёлых тенистых аллей. Деревянные подмостки, часто из гнилых досок сколоченные, заступали место нынешних прекрасных тротуаров. Исаакиевский мост, узкий в то время и неровный, совсем иной представлял вид, нежели как теперь,—одним словом, Петербург тогдашний не то был, что теперешний. Города перед людьми имеют, между прочим,- то преимущество, что они иногда с летами становятся красивее. Впрочем, не о том теперь идёт дело. В другой раз и при другом случае я, может быть, поговорю с вами пространнее о переменах, происшедших в Петербурге в течение моего века, теперь же обратимся опять, к пансиону, который лет сорок тому назад находился на Васильевском острове, в Первой линии.

Дом, которого теперь вы уже не найдёте, был о двух этажах, крытый голландскими черепицами. Крыльцо, по которому в него входили, было деревянное и выдавалось на улицу. Из сеней довольно крутая лестница вела в верхнее жильё, состоявшее из восьми или девяти комнат, в которых с одной стороны жил содержатель пансиона, а с другой были классы. Дортуары, или спальные комнаты детей, находились в нижнем этаже, по правую сторону сеней, а по левую жили две старушки голландки, из которых каждой было более ста лет и которые собственными глазами видали Петра Великого и даже с ним говаривали.

В числе тридцати или сорока детей, обучавшихся в том пансионе, находился один мальчик, по имени Алёша, которому тогда было не более девяти или десяти лет. Родители его, жившие далеко-далеко от Петербурга, года за два перед тем привезли его в столицу, отдали в пансион и возвратились домой, заплатив учителю условленную плату за несколько лет вперёд. Алёша был мальчик умненький, миленький, учился хорошо, и все его любили и ласкали. Однако, несмотря на то, ему часто скучно бывало в пансионе, а иногда даже и грустно. Особливо сначала он никак не мог приучиться к мысли, что он разлучён с родными своими. Но потом мало-помалу он стал привыкать к своему положению, и бывали даже минуты, когда, играя с товарищами, он думал, что в пансионе гораздо веселее, нежели в родительском доме. Вообще дни учения для него проходили скоро и приятно, но, когда наставала суббота и все товарищи его спешили домой к родным, тогда Алёша горько чувствовал своё одиночество. По воскресеньям и праздникам он весь день оставался один, и тогда единственным утешением его было чтение книг, которые учитель позволял ему брать из небольшой своей библиотеки. В то время в литературе господствовала мода на рыцарские романы и волшебные повести, и библиотека, которою пользовался наш Алёша, большею частью состояла из книг сего рода. Итак, Алёша, будучи ещё в десятилетнем возрасте, знал уже наизусть деяния славнейших рыцарей, по крайней мере, так, как они описаны были в романах. Любимым его занятием в длинные зимние вечера, по воскресеньям и другим праздничным дням было мысленно переноситься в старинные, давно прошедшие века... Особливо в вакантное время, когда он бывал разлучён надолго со своими товарищами, когда часто целые дни просиживал в уединении, юное воображение его бродило по рыцарским замкам, по страшным развалинам или по тёмным, дремучим лесам.

Я забыл сказать вам, что к дому этому принадлежал довольно пространный двор, отделённый от переулка деревянным забором из барочных досок. Ворота и калитка, кои вели в переулок, всегда были заперты, и потому Алёше никогда не удавалось побывать в этом переулке, который сильно возбуждал его любопытство. Всякий раз, когда позволяли ему в часы отдыха играть на дворе, первое движение его было подбегать к забору.

Тут он становился на цыпочки и пристально смотрел в круглые дырочки, которыми усеян был забор. Алёша не знал, что дырочки эти происходили от деревянных гвоздей, которыми прежде сколочены были барки, и ему казалось, что какая-нибудь добрая волшебница нарочно для него провертела эти дырочки. Он всё ожидал, что когда-нибудь эта волшебница явится в переулке и сквозь дырочку подаст ему игрушку, или талисман, или письмецо от папеньки или маменьки, от которых не получал он давно уже никакого известия. Но, к крайнему его сожалению, не являлся никто даже похожий на волшебницу.

Другое занятие Алёши состояло в том, чтобы кормить курочек, которые жили около забора в нарочно для них выстроенном домике и целый день играли и бегали на дворе.

Алёша очень коротко с ними познакомился, всех знал по имени, разнимал их драки, а забияк наказывал тем, что иногда несколько дней сряду не давал им ничего от крошек, которые всегда после обеда и ужина он собирал со скатерти. Между курами он особенно любил одну чёрную хохлатую, названную Чернушкою. Чернушка была к нему ласковее других; она даже иногда позволяла себя гладить, и потому Алёша лучшие кусочки приносил ей. Она была нрава тихого, редко прохаживалась с другими и, казалось, любила Алёшу более, нежели подруг своих.

Однажды (это было во время зимних вакаций), в прекрасный и необыкновенно тёплый день, Алёше позволили поиграть на дворе. В тот день учитель и жена его в больших были хлопотах. Они давали обед директору училищ, и ещё накануне, с утра до позднего вечера, везде в доме мыли полы, вытирали пыль и вощили красного дерева столы и комоды. Сам учитель ездил закупать провизию для стола: белую архангельскую телятину, огромный окорок и киевское варенье. Алёша тоже по мере сил способствовал приготовлениям: его заставили из белой бумаги вырезывать красивую сетку на окорок и украшать бумажною резьбою нарочно купленные шесть восковых свечей.

В назначенный день рано поутру явился парикмахер и показал своё искусство над буклями, тупеем и длинной косой учителя. Потом принялся за супругу его, напомадил и напудрил у ней локоны и взгромоздил на её голове целую оранжерею разных цветов, между которыми блистали искусным образом помещённые два бриллиантовые перстня, когда-то подаренные её мужу родителями учеников. По окончании головного убора накинула она на себя старый, изношенный салоп и отправилась хлопотать по хозяйству, наблюдая притом строго, чтоб как-нибудь не испортилась причёска. Для того сама она не входила в кухню, а давала приказания своей кухарке,

стоя в дверях. В необходимых же случаях посылала туда мужа своего, у которого причёска не так была высока.

В продолжение всех этих забот Алёшу нашего совсем забыли, и он тем воспользовался, чтоб на просторе играть на дворе. По обыкновению своему, он подошёл сначала к дощатому забору и долго смотрел в дырочку; но и в этот день, никто почти не проходил по переулку, и он со вздохом обратился к любезным своим курочкам. Не успел он присесть на бревно и только что начал манить их к себе, как вдруг увидел подле себя кухарку с большим ножом. Алёше никогда не нравилась эта кухарка — сердитая и бранчливая. Но с тех пор, как он заметил, что она-то и была причиною, что от времени до времени уменьшалось число его курочек, он ещё менее стал её любить.

Когда же однажды нечаянно увидел он в кухне одного хорошенького, очень любимого им петушка, повешенного за ноги с перерезанным горлом, то возымел он к ней ужас и отвращение. Увидев её теперь с ножом, он тотчас догадался, что это значит, и, чувствуя с горестию, что он не в силах помочь своим друзьям, вскочил и побежал далеко прочь. — Алёша, Алёша! помоги мне поймать курицу! — кричала кухарка.

Но Алёша принялся бежать ещё пуще, спрятался у забора за курятником и сам не замечал, как слёзки одна за другою выкатывались из его глаз и падали на землю. Довольно долго стоял он у курятника, и сердце в нём сильно билось, между тем как кухарка бегала по двору — то манила курочек: «Цып, цып, цып!» — то бранила их. Вдруг сердце у Алёши ещё сильнее забилось: ему послышался голос любимой его Чернушки. Она кудахтала самым отчаянным образом, и ему показалось, что она кричит: Кудах, кудах, кудуху!

Алёша, спаси Чернуху! Кудуху, кудуху, Чернуху, Чернуху! Алёша никак не мог долее оставаться на своём месте. Он, громко всхлипывая, побежал к кухарке и бросился к ней на шею в ту самую минуту, как она поймала уже Чернушку за крыло. — Любезная, милая Тринушка! — вскричал он, обливаясь слезами.—Пожалуйста, не тронь мою Чернуху!

Алёша так неожиданно бросился на шею к кухарке, что она упустила из рук Чернушку, которая, воспользовавшись этим, от страха взлетела на кровлю сарая и там продолжала кудахтать. Но Алёше теперь слышалось, будто она дразнит кухарку и кричит: Кудах, кудах, кудуху! Не поймала ты Чернуху! Кудуху, кудуху, Чернуху, Чернуху! Между тем кухарка была вне себя от досады и хотела бежать к учителю, но Алёша не пустил её. Он прицепился к полам её платья и так умильно стал просить, что она остановилась.

— Душенька, Тринушка! — говорил он.— Ты такая хорошенькая, чистенькая, добренькая... Пожалуйста, оставь мою Чернушку! Вот посмотри, что я тебе подарю, если ты будешь добра. Алёша вынул из кармана империал, составлявший всё его имение, который берёг он пуще глаза своего, потому что это был подарок доброй его бабушки. Кухарка взглянула на золотую монету, окинула взором окошки дома, чтоб удостовериться, что никто их не видит, и протянула руку за империалом. Алёше очень, очень жаль было империала, но он вспомнил о Чернушке и с твёрдостью отдал драгоценный подарок.

Таким образом Чернушка спасена была от жестокой и неминуемой смерти. Лишь только кухарка удалилась в дом, Чернушка слетела с кровли и подбежала к Алёше. Она как будто знала, что он её избавитель: кружилась около него, хлопала крыльями и кудахтала весёлым голосом. Всё утро она ходила за ним по двору, как собачка, и казалось, будто хочет что-то сказать ему, да не может. По крайней мере, он никак не мог разобрать её кудахтанья. Часа за два перед обедом начали собираться гости. Алёшу позвали наверх, надели на него рубашку с круглым воротником и батистовыми манжетами с мелкими складками, белые шароварцы и широкий шёлковый голубой кушак. Длинные русые волосы, висевшие у него почти до пояса, хорошенько расчесали, разделили на две ровные части и переложили наперёд по обе стороны груди. Так наряжали тогда детей. Потом научили, каким образом он должен шаркнуть но гой, когда войдёт в комнату директор, и что должен отвечать, если будут сделаны ему какие-нибудь вопросы.

В другое время Алёша был бы очень рад приезду директора, которого давно хотелось ему видеть, потому что, судя по почтению, с каким отзывались о нём учитель и учительша, он воображал, что это должен быть какой-нибудь знаменитый рыцарь в блестящих латах и в шлеме с большими перьями. Но на этот раз любопытство это уступило место мысли, исключительно тогда его занимавшей: о чёрной курице. Ему всё представлялось, как кухарка за нею бегала с ножом и как Чернушка кудахтала разными голосами. Притом ему очень досадно было, что не мог он разобрать, что она ему хотела сказать, и его так и тянуло к курятнику... Но делать было нечего: надлежало дожидаться, пока кончится обед! Наконец приехал директор. Приезд его возвестила

учительша, давно уже сидевшая у окна, пристально смотря в ту сторону, откуда его ждали. Всё пришло в движение: учитель стремглав бросился из дверей, чтобы встретить его внизу, у крыльца; гости встали с мест своих. И даже Алёша на минуту забыл о своей курочке и подошёл к окну, чтобы посмотреть, как рыцарь будет слезать с ретивого коня.

Но ему не удалось увидеть его: директор успел уже войти в дом. У крыльца же вместо ретивого коня стояли обыкновенные извозчичьи сани. Алёша очень этому удивился.

«Если бы я был рыцарь,—подумал он,—то никогда бы не ездил на извозчике, а всегда верхом!» Между тем отворили настежь все двери, и учительша начала приседать в ожидании столь почтенного гостя, который вскоре потом показался. Сперва нельзя было видеть его за толстою учительшею, стоявшею в самых дверях; но, когда она, окончив длинное приветствие своё, присела ниже обыкновенного, Алёша, к крайнему удивлению, из-за неё увидел... не шлем пернатый, но просто маленькую лысую головку, набело распудренную, единственным украшением которой, как после заметил Алёша, был маленький пучок! Когда вошёл он в гостиную, Алёша ещё более удивился, увидев, что, несмотря на простой серый фрак, бывший на директоре вместо блестящих лат, все обращались с ним необыкновенно почтительно. Сколь, однако ж, ни казалось всё это странным Алёше, сколь в другое время он бы ни был обрадован необыкновенным убранством стола, но в этот день он не обращал большого на то внимания. У него в головке всё бродило утреннее происшествие с Чернушкою. Подали десерт: разного рода варенья, яблоки, бергамоты, финики, винные ягоды и грецкие орехи; но и тут он ни на одно мгновение не переставал помышлять о своей курочке. И только что встали из-за стола, как он с трепещущим от страха и надежды сердцем подошёл к учителю и спросил, можно ли идти поиграть на дворе.

— Подите,— отвечал учитель,— только не долго там будьте: уж скоро сделается темно. Алёша поспешно надел свою красную бекешу на беличьем меху и зелёную бархатную шапочку с собольим околышком и побежал к забору. Когда он туда прибыл, курочки начали уже собираться на ночлег и, сонные, не очень обрадовались принесённым крошкам. Одна Чернушка, казалось, не чувствовала охоты ко сну: она весело к нему подбежала, захлопала крыльями и опять начала кудахтать.

Алёша долго с ней играл; наконец, когда сделалось темно и настала пора идти домой, он сам затворил курятник, удостоверившись наперёд, что любезная его курочка уселась на шесте. Когда он выходил из курятника, ему показалось, что глаза у Чернушки светятся в темноте, как звёздочки, и что она тихонько ему говорит: — Алёша, Алёша! останься со мною! Алёша возвратился в дом и весь вечер просидел один в классных комнатах, между тем как на другой половине часу до одиннадцатого пробыли гости.

Прежде нежели они разъехались, Алёша пошёл в нижний этаж, в спальню, разделся, лёг в постель и потушил огонь. Долго не мог он заснуть. Наконец сон его преодолел, и он только что успел во сне разговориться с Чернушкою, как, к сожалению, пробуждён был шумом разъезжающихся гостей. Немного погодя учитель, провожавший директора со свечкой, вошёл к нему в комнату, посмотрел, всё ли в порядке, и вышел вон, замкнув дверь ключом.

Ночь была месячная, и сквозь ставни, неплотно затворявшиеся, падал в комнату бледный луч луны. Алёша лежал с открытыми глазами и долго слушал, как в верхнем жилье, над его головою, ходили по комнатам и приводили в порядок стулья и столы. Наконец всё утихло. Он взглянул на стоявшую подле него кровать, немного освещённую месячным сиянием, и заметил, что белая простыня, висящая почти до полу, легко шевелилась. Он пристальнее стал всматриваться... ему послышалось, как будто что-то под кроватью царапается, и немного погодя показалось, что кто-то тихим голосом зовёт его: — Алёша, Алёша! Алёша испугался. Он один был в комнате, и ему тотчас пришло на мысль, что под кроватью должен быть вор. Но потом, рассудив, что вор не называл бы его по имени, он несколько ободрился, хотя сердце в нём дрожало. Он немного приподнялся в постели и ещё яснее увидел, что простыня шевелится... ещё внятнее услышал, что кто-то говорит:

— Алёша, Алёша! Вдруг белая простыня приподнялась, и из-под неё вышла... чёрная курица! — Ах! Это ты, Чернушка! — невольно вскричал Алёша.— Как ты зашла сюда? Чернушка захлопала крыльями, взлетела к нему на кровать и сказала человеческим голосом: — Это я, Алёша! Ты не боишься меня, не правда ли? — Зачем я тебя буду бояться? — отвечал он.— Я тебя люблю; только для меня странно, что ты так хорошо говоришь: я совсем не знал, что ты говорить умеешь! — Если ты меня не боишься,—продолжала курица,— так поди за мною. Одевайся скорее! — Какая ты, Чернушка, смешная!—сказал Алёша.— Как мне можно одеться в темноте? Я платья

своего теперь не сыщу, я и тебя насилу вижу! — Постараюсь этому помочь,—сказала курочка. Тут она закудахтала странным голосом, и вдруг, откуда ни взялись, маленькие свечки в серебряных шандалах, не больше как с Алёшин маленький пальчик. Шандалы эти очутились на полу, на стульях, на окнах, даже на рукомойнике, и в комнате сделалось так светло, так светло, как будто днём. Алёша начал одеваться, а курочка подавала ему платье, и таким образом он вскоре совсем был одет. Когда Алёша был готов, Чернушка опять закудахтала, и все свечки исчезли.

— Иди за мною! — сказала она ему. И он смело последовал за нею. Из глаз её выходили как будто лучи, которые освещали всё вокруг них, хотя не так ярко, как маленькие свечки. Они прошли через переднюю. — Дверь заперта ключом,— сказал Алёша. Но курочка ему не отвечала: она хлопнула крыльями, и дверь сама собою отворилась. Потом, пройдя чрез сени, обратились они к комнатам, где жили столетние старушки голландки.

Алёша никогда у них не бывал, но слыхал, что комнаты у них убраны по-старинному, что у одной из них большой серый попугай, а у другой серая кошка, очень умная, которая умеет прыгать через обруч и подавать лапку. Ему давно хотелось всё это видеть, и потому он очень обрадовался, когда курочка опять хлопнула крыльями и дверь в покои старушек отворилась. Алёша в первой комнате увидел всякого рода старинную мебель: резные стулья, кресла, столы и комоды. Большая лежанка была из голландских изразцов, на которых нарисованы были синей муравой люди и звери.

Алёша хотел было остановиться, чтоб рассмотреть мебель, а особливо фигуры на лежанке, но Чернушка ему не позволила. Они вошли во вторую комнату, и тут-то Алёша обрадовался!

В прекрасной золотой клетке сидел большой серый попугай с красным хвостом. Алёша тотчас хотел подбежать к нему. Чернушка опять его не допустила.

— Не трогай здесь ничего,—сказала она.—Берегись разбудить старушек! Тут только Алёша заметил, что подле попугая стояла кровать с белыми кисейными занавесками, сквозь которые он мог различить старушку, лежащую с закрытыми глазами; она показалась ему как будто восковая. В другом углу стояла такая же точно кровать, где спала другая старушка, а подле неё сидела серая кошка и умывалась передними лапами. Проходя мимо неё, Алёша не мог утерпеть, чтоб не попросить у ней лапки... Вдруг она громко замяукала, попугай нахохлился и начал громко кричать: «Дуррак! дуррак!» В то самое время видно было сквозь кисейные занавески, что старушки приподнялись в постели. Чернушка поспешно удалилась, Алёша побежал за нею, дверь вслед за ними сильно захлопнулась... и ещё долго слышно было, как попугай кричал: «Дуррак! дуррак!»

— Как тебе не стыдно! — сказала Чернушка, когда они удалились от комнат старушек.— Ты, верно, разбудил рыцарей... — Каких рыцарей? — спросил Алёша. — Ты увидишь,—отвечала курочка.—Не бойся, однако ж, ничего, иди за мною смело. Они спустились вниз по лестнице, как будто в погреб, и долго-долго шли по разным переходам и коридорам, которых прежде Алёша никогда не видывал. Иногда коридоры эти так были низки и узки, что Алёша принуждён был нагибаться. Вдруг вошли они в залу, освещённую тремя большими хрустальными люстрами. Зала была без окошек, и по обеим сторонам висели на стенах рыцари в блестящих латах, с большими перьями на шлемах, с копьями и щитами в железных руках.

Чернушка шла вперёд на цыпочках и Алёше велела следовать за собой тихонько-тихонько.

В конце залы была большая дверь из светлой жёлтой меди. Лишь только они подошли к ней, как соскочили со стен два рыцаря, ударили копьями о щиты и бросились на чёрную курицу. Чернушка подняла хохол, распустила крылья... вдруг сделалась большая-большая, выше рыцарей, и начала с ними сражаться! Рыцари сильно на неё наступали, а она защищалась крыльями и носом. Алёше сделалось страшно, сердце в нём сильно затрепетало, и он упал в обморок. Когда пришёл он опять в себя, солнце сквозь ставни освещало комнату, и он лежал в своей постели. Не видно было ни Чернушки, ни рыцарей. Алёша долго не мог опомниться. Он не понимал, что с ним было ночью: во сне ли он всё то видел или в самом деле это происходило? Он оделся и пошёл наверх, но у него не выходило из головы виденное им в прошлую ночь. С нетерпением ожидал он минуты, когда можно ему будет идти играть на двор, но весь тот день, как нарочно, шёл сильный снег, и нельзя было и подумать, чтоб выйти из дома. За обедом учительша между прочими разговорами объявила мужу, что чёрная курица непонятно куда спряталась.

— Впрочем,—прибавила она,—беда невелика, если бы она и пропала: она давно назначена была на кухню. Вообрази себе, душенька, что с тех пор, как она у нас в доме, она не снесла ни одного яичка. Алёша чуть-чуть не заплакал, хотя и пришло ему на мысль, что лучше, чтоб её нигде не находили, нежели чтоб попала она на кухню. После обеда Алёша остался опять один в

классных комнатах. Он беспрестанно думал о том, что происходило в прошедшую ночь, и не мог никак утешиться в потере любезной Чернушки.

Иногда ему казалось, что он непременно должен её увидеть в следующую ночь, несмотря на то, что она пропала из курятника. Но потом ему казалось, что это дело несбыточное, и он опять погружался в печаль. Настало время ложиться спать, и Алёша с нетерпением разделся и лёг в постель. Не успел он взглянуть на соседнюю кровать, опять освещённую тихим лунным сиянием, как зашевелилась белая простыня — точно так, как накануне...

Опять послышался ему голос, его зовущий: «Алёша, Алёша!» —и немного погодя вышла из-под кровати Чернушка и взлетела к нему на постель. — Ах! Здравствуй, Чернушка! — вскричал он вне себя от радости.— Я боялся, что никогда тебя не увижу. Здорова ли ты? — Здорова,—отвечала курочка,—но чуть было не занемогла по твоей милости.

— Как это, Чернушка? — спросил Алёша, испугавшись. — Ты добрый мальчик,—продолжала курочка,—но ты ветрен и никогда не слушаешься с первого слова, а это нехорошо! Вчера я говорила тебе, чтоб ты ничего не трогал в комнатах старушек,— несмотря на то, ты не мог утерпеть, чтобы не попросить у кошки лапку. Кошка разбудила попугая, попугай старушек, старушки рыцарей — и я насилу с ними сладила! — Виноват, любезная Чернушка, вперёд не буду! Пожалуйста, поведи меня сегодня опять туда. Ты увидишь, что я буду послушен.

— Хорошо,—сказала курочка,—увидим! Курочка закудахтала, как накануне, и те же маленькие свечки явились в тех же серебряных шандалах. Алёша опять оделся и пошёл за курицею. Опять вошли они в покои старушек, но в этот раз он уж ни до чего не дотрагивался. Когда они проходили через первую комнату, то ему показалось, что люди и звери, нарисованные на лежанке, делают разные смешные гримасы и манят его к себе, но он нарочно от них отвернулся.

Во второй комнате старушки голландки, так же как накануне, лежали в постелях, будто восковые. Попугай смотрел на Алёшу и хлопал глазами, серая кошка опять умывалась лапками. На столе перед зеркалом Алёша увидел две фарфоровые китайские куклы, которых вчера он не заметил. Они кивали ему головою; но он помнил приказание Чернушки и прошёл не останавливаясь, однако не мог утерпеть, чтоб мимоходом им не поклониться. Куколки тотчас соскочили со стола и побежали за ним, всё кивая головою. Чуть-чуть он не остановился — такими они показались ему забавными, но Чернушка оглянулась на него с сердитым видом и он опомнился. Куколки проводили их до дверей и, видя, что Алёша на них не смотрит, возвратились на свои места. Опять спустились они с лестницы, ходили по переходам и коридорам и пришли в ту же залу, освещённую тремя хрустальными люстрами. Те же рыцари висели на стенах, и опять, когда приблизились они к двери из жёлтой меди, два рыцаря сошли со стены и заступили им дорогу. Казалось, однако, что они не так сердиты были, как накануне; они едва тащили ноги, как осенние мухи, и видно было, что они через силу держали свои копья. Чернушка сделалась большая и нахохлилась. Но только что ударила их крыльями, как они рассыпались на части, и Алёша увидел, что то были пустые латы! Медная дверь сама собою отворилась, и они пошли далее. Немного погодя вошли они в другую залу, пространную, но невысокую, так что Алёша мог достать рукою до потолка. Зала эта освещена была такими же маленькими свечками, какие он видел в своей комнате, но шандалы были не серебряные, а золотые.

Тут Чернушка оставила Алёшу. — Побудь здесь немного,—сказала она ему,—я скоро приду назад. Сегодня был ты умен, хотя неосторожно поступил, наклонясь фарфоровым куклам. Если б ты им не поклонился, то рыцари остались бы на стене. Впрочем, ты сегодня не разбудил старушек, и оттого рыцари не имели никакой силы.— После сего Чернушка вышла из залы. Оставшись один, Алёша со вниманием стал рассматривать залу, которая очень богато была убрана. Ему показалось, что стены сделаны из мрамора, какой он видел в минеральном кабинете, имеющемся в пансионе. Панели и двери были из чистого золота. В конце залы, под зелёным балдахином, на возвышенном месте, стояли кресла из золота. Алёша очень любовался этим убранством, но странным показалось ему, что всё было в самом маленьком виде, как будто для небольших кукол. Между тем как он с любопытством всё рассматривал, отворилась боковая дверь, прежде им не замеченная, и вошло множество маленьких людей, ростом не более как с пол-аршина, в нарядных разноцветных платьях. Вид их был важен: иные по одеянию казались военными, другие — гражданскими чиновниками. На всех были круглые с перьями шляпы наподобие испанских. Они не замечали Алёши, про хаживались чинно по комнатам и громко между собою говорили, но он не мог понять, что они говорили. Долго смотрел он на них молча и только что хотел подойти к одному из них с вопросом, как отворилась большая дверь в конце залы... Все замолкли, стали к стенам в два ряда и

сняли шляпы. В одно мгновение комната сделалась ещё светлее, все маленькие свечки ещё ярче загорелись, и Алёша увидел двадцать маленьких рыцарей в золотых латах, с пунцовыми на шлемах перьями, которые попарно входили тихим маршем. Потом в глубоком молчании стали они по обеим сторонам кресел. Немного погодя вошёл в залу человек с величественной осанкой, с венцом на голове, блестящим драгоценными камнями. На нём была светло-зелёная мантия, подбитая мышьим мехом, с длинным шлейфом, который несли двадцать маленьких пажей в пунцовых платьях. Алёша тотчас догадался, что это должен быть король.

Он низко ему поклонился. Король отвечал на поклон его весьма ласково и сел в золотые кресла. Потом что-то приказал одному из стоявших подле него рыцарей, который, подойдя к Алёше, объявил ему, чтоб он приблизился к креслам. Алёша повиновался.

— Мне давно было известно,— сказал король,— что ты добрый мальчик; но третьего дня ты оказал великую услугу моему народу и за то заслуживаешь награду. Мой главный министр донёс мне, что ты спас его от неизбежной и жестокой смерти.

— Когда? — спросил Алёша с удивлением. — Третьего дня на дворе,—отвечал король.—Вот тот, который обязан тебе жизнью. Алёша взглянул на того, на которого указывал король, и тут только заметил, что между придворными стоял маленький человек, одетый весь в чёрное. На голове у него была особенного рода шапка малинового цвета, наверху с зубчиками, надетая немного набок, а на шее белый платок, очень накрахмаленный, отчего казался он немного синеватым. Он умильно улыбался, глядя на Алёшу, которому лицо его показалось знакомым, хотя не мог он вспомнить, где его видал. Сколь для Алёши ни было лестно, что приписывали ему такой благородный поступок, но он любил правду и потому, сделав низкий поклон, сказал: — Господин король! Я не могу принять на свой счёт того, чего никогда не делал. Третьего дня я имел счастие избавить от смерти не министра вашего, а чёрную нашу курицу, которую не любила кухарка за то, что не снесла она ни одного яйца... — Что ты говоришь! — прервал его с гневом король.— Мой министр — не курица, а заслуженный чиновник! Тут министр подошёл ближе, и Алёша увидел, что в самом деле это была его любезная Чернушка. Он очень обрадовался и попросил у короля извинения, хотя никак не мог понять, что это значит.

— Скажи мне, чего ты желаешь? — продолжал король. Если я в силах, то непременно исполню твоё требование.

— Говори смело, Алёша! — шепнул ему на ухо министр. Алёша задумался и не знал, чего пожелать. Если б дали ему более времени, то он, может быть, и придумал бы что-нибудь хорошее; но так как ему казалось неучтивым заставлять дожидаться короля, то он поспешил ответом. — Я бы желал,—сказал он,—чтобы, не учившись, я всегда знал урок свой, какой мне ни задали. — Не думал я, что ты такой ленивец,—отвечал король, покачав головою.—Но делать нечего, я должен исполнить своё обещание. Он махнул рукою, и паж поднёс золотое блюдо, на котором лежало одно конопляное семечко. — Возьми это семечко,— сказал король.— Пока оно будет у тебя, ты всегда будешь знать урок свой, какой бы тебе ни задали, с тем, однако, условием, чтоб ты ни под каким предлогом никому не сказывал ни одного слова о том, что ты здесь видел или впредь увидишь. Малейшая нескромность лишит тебя навсегда наших милостей, а нам наделает множество хлопот и неприятностей. Алёша взял конопляное семечко, завернул в бумажку и положил в карман, обещаясь быть молчаливым и скромным.

Король после того встал с кресел и тем же порядком вышел из залы, приказав прежде министру угостить Алёшу как можно лучше. Лишь только король удалился, как окружили Алёшу все придворные и начали его всячески ласкать, изъявляя признательность свою за то, что он спас министра. Они все предлагали ему свои услуги: одни спрашивали, не хочет ли он погулять в саду или посмотреть королевский зверинец; другие приглашали его на охоту. Алёша не знал, на что решиться. Наконец министр объявил, что сам будет показывать подземные редкости дорогому гостю. Сначала повёл он его в сад.

Дорожки усеяны были крупными разноцветными камешками, отражавшими свет от бесчисленных маленьких ламп, которыми увешаны были деревья. Этот блеск чрезвычайно понравился Алёше.

— Камни эти,—сказал министр,—у вас называются драгоценными. Это всё брильянты, яхонты, изумруды и аметисты. — Ах, когда бы у нас этими камнями усыпаны были дорожки! — вскричал Алёша. — Тогда и у вас бы они так же были малоценны, как здесь,— отвечал министр.

Деревья также показались Алёше отменно красивыми, хотя притом очень странными. Они были разного цвета: красные, зелёные, коричневые, белые, голубые и лиловые. Когда посмотрел он на них со вниманием, то увидел, что это не что иное, как разного рода мох, только выше и толще обыкновенного. Министр рассказал ему, что мох этот выписан королём за большие деньги

из дальних стран и из самой глубины земного шара. Из сада пошли они в зверинец. Там показали Алёше диких зверей, которые привязаны были на золотых цепях. Всматриваясь внимательнее, он, к удивлению своему, увидел, что дикие эти звери были не что иное, как большие крысы, кроты, хорьки и подобные им звери, живущие в земле и под полами. Ему это очень показалось смешно, но он из учтивости не сказал ни слова. Возвратившись в комнаты после прогулки, Алёша в большой зале нашёл накрытый стол, на котором расставлены были разного рода конфеты, пироги, паштеты и фрукты. Блюда все были из чистого золота, а бутылки и стаканы выточены из цельных брильянтов, яхонтов и изумрудов.

— Кушай что угодно,—сказал министр,—с собою же брать ничего не позволяется. Алёша в тот день очень хорошо поужинал, и потому ему вовсе не хотелось кушать. — Вы обещались взять меня с собою на охоту,— сказал он. — Очень хорошо,—отвечал министр.—Я думаю, что лошади уже осёдланы. Тут он свистнул, и вошли конюхи, ведущие в поводах палочки, у которых набалдашники были резной работы и представляли лошадиные головы. Министр с большою ловкостью вскочил на свою лошадь. Алёше подвели палку гораздо более других.

— Берегись,— сказал министр,— чтоб лошадь тебя не сбросила: она не из самых смирных.

Алёша внутренне смеялся этому, но когда он взял палку между ног, то увидел, что совет министра был небесполезен. Палка начала под ним увёртываться, как настоящая лошадь, и он насилу мог усидеть. Между тем затрубили в рога, и охотники пустились скакать во всю прыть по разным переходам и коридорам. Долго они так скакали, и Алёша от них не отставал, хотя с трудом мог сдерживать свою бешеную палку. Вдруг из одного бокового коридора выскочило несколько крыс, таких больших, каких Алёша
никогда не видывал. Они хотели пробежать мимо, но когда министр приказал их окружить, то они остановились и начали защищаться храбро. Несмотря, однако, на то, они были побеждены мужеством и искусством охотников. Восемь крыс легли на месте, три обратились в бегство, а одну, довольно тяжело раненную, министр велел вылечить и отвести в зверинец. По окончании охоты Алёша так устал, что глазки его невольно закрывались.

При всём том ему хотелось обо многом поговорить с Чернушкою, и он попросил позволения возвратиться в залу, из которой они выехали на охоту. Министр на то согласился. Большою рысью поехали они назад и по прибытии в залу отдали лошадей конюхам, раскланялись с придворными и охотниками и сели друг подле друга на принесённые им стулья.

— Скажи, пожалуйста,—начал Алёша,—зачем вы убили бедных крыс, которые вас не беспокоят и живут так далеко от вашего жилища? — Если б мы их не истребляли,—сказал министр,—то они вскоре бы нас выгнали из комнат наших и истребили бы все наши съестные припасы. К тому же мышьи и крысьи меха у нас в высокой цене по причине их лёгкости и мягкости. Одним знатным особам позволено их у нас употреблять. — Да расскажи мне, пожалуйста, кто вы таковы? — продолжал Алёша. — Неужели ты никогда не слыхал, что под землёю живёт народ наш?—отвечал министр.

— Правда, не многим удаётся нас видеть, однако бывали примеры, особливо в старину, что мы выходили на свет и показывались людям. Теперь это редко случается, потому что люди сделались очень нескромны. А у нас существует закон, что если тот, кому мы показались не сохранит этого в тайне, то мы принуждены бываем немедленно оставить местопребывание наше и идти далеко-далеко, в другие страны. Ты легко себе можешь представить, что королю нашему невесело было бы оставить все здешние заведения и с целым народом переселиться в неизвестные земли. И потому убедительно тебя прошу быть как можно скромнее. В противном случае ты нас всех сделаешь несчастными, а особливо меня. Из благодарности я упросил короля призвать тебя сюда; но он никогда мне не простит, если по твоей нескромности мы принуждены будем оставить этот край...

— Я даю тебе честное слово, что никогда не буду ни с кем об вас говорить,—прервал его Алёша.—Я теперь вспомнил, что читал в одной книжке о гномах, которые живут под землёю. Пишут, что в некотором городе
очень разбогател один сапожник в самое короткое время, так что никто не понимал, откуда взялось его богатство. Наконец как-то узнали, что он шил сапоги и башмаки на гномов, плативших ему за то очень дорого. — Быть может, что это правда,—отвечал министр. — Но,—сказал ему Алёша,—объясни мне, любезная Чернушка, отчего ты, будучи министром, являешься в свет в виде курицы и какую связь имеете вы со старушками голландками? Чернушка, желая удовлетворить его любопытство, начала было рассказывать

ему подробно о многом, но при самом начале её рассказа глаза Алёшины закрылись и он крепко заснул. Проснувшись на другое утро, он лежал в своей постели. Долго не мог он опомниться и не знал, что ему думать. Чернушка и министр, король и рыцари, голландки и крысы — всё это смешалось в его голове, и он насилу мысленно привёл в порядок всё, виденное им в прошлую ночь. Вспомнив, что король ему подарил конопляное зёрнышко, он поспешно бросился к своему платью и действительно нашёл в кармане бумажку, в которой завёрнуто было конопляное семечко. «Увидим,—подумал он,—сдержит ли слово своё король! Завтра начнутся классы, а я еще не успел выучить всех своих уроков». Исторический урок особенно его беспокоил: ему задано было выучить наизусть несколько страниц из всемирной истории, а он не знал ещё ни одного слова!

Настал понедельник, съехались пансионеры, и начались уроки. От десяти часов до двенадцати преподавал историю сам содержатель пансиона. У Алёши сильно билось сердце... Пока дошла до него очередь, он несколько раз ощупывал лежащую в кармане бумажку с конопляным семечком... Наконец его вызвали. С трепетом подошёл он к учителю, открыл рот, сам ещё не зная, что сказать, и безошибочно, не останавливаясь, проговорил заданное.

Учитель очень его хвалил; однако Алёша не принимал его хвалу с тем удовольствием, которое прежде чувствовал он в подобных случаях. Внутренний голос ему говорил, что он не заслуживает этой похвалы, потому что урок этот не стоил ему никакого труда. В продолжение нескольких недель учителя не могли нахвалиться Алёшею. Все уроки без исключения знал он совершенно, все переводы с одного языка на другой были без ошибок, так что не могли надивиться чрезвычайным его успехам. Алёша внутренне стыдился этих похвал: ему совестно было, что ставили его в пример товарищам, тогда как он вовсе того не заслуживал.

В течение этого времени Чернушка к нему не являлась, несмотря на то что Алёша, особливо в первые недели после получения конопляного семечка, не пропускал почти ни одного дня без того, чтобы её не звать, когда ложился спать. Сначала он очень о том горевал, но потом успокоился, думая, что она, вероятно, занята важными делами по своему званию. Впоследствии же похвалы, которыми все его осыпали, так его заняли, что он довольно редко о ней вспоминал.

Между тем слух о необыкновенных его способностях разнёсся вскоре по целому Петербургу. Сам директор училищ приезжал несколько раз в пансион и любовался Алёшею. Учитель носил его на руках, ибо через него пансион вошёл в славу. Со всех концов города съезжались родители и приставали к нему, чтоб он детей их принял к себе, в надежде, что и они такие же будут учёные, как Алёша. Вскоре пансион так наполнился, что не было уже места для новых пансионеров, и учитель с учительшею начали помышлять о том, чтоб нанять дом гораздо просторнее того, в котором они жили. Алёша, как сказал я уже выше, сначала стыдился похвал, чувствуя, что вовсе их не заслуживает, но мало-помалу он стал к ним привыкать, и наконец самолюбие его дошло до того, что он принимал не краснея, похвалы, которыми его осыпали. Он много стал о себе думать, важничал перед другими мальчиками и вообразил, что он гораздо лучше и умнее всех их.

Нрав Алёшин от этого совсем испортился: из доброго, милого и скромного мальчика он сделался гордым и непослушным. Совесть часто его в том упрекала, и внутренний голос ему говорил: «Алёша, не гордись! Не приписывай самому себе того, что не тебе принадлежит; благодари судьбу за то, что она тебе доставила выгоды против других детей, но не думай, что ты лучше их. Если ты не исправишься, то никто тебя любить не будет, и тогда ты, при всей своей учёности, будешь самое несчастное дитя!» Иногда он и принимал намерение исправиться; но, к несчастью, самолюбие так в нём было сильно, что заглушало голос совести, и он день ото дня становился хуже и день ото дня товарищи менее его любили. Притом Алёша сделался страшным шалуном. Не имея нужды твердить уроков, которые ему задавали, он в то время, когда другие дети готовились к классам, занимался шалостями, и эта праздность ещё более портила его нрав. Наконец он так надоел всем дурным своим нравом, что учитель серьёзно начал думать о средствах к исправлению такого дурного мальчика и для того задавал ему уроки вдвое и втрое большие, нежели другим; но и это нисколько не помогало. Алёша вовсе не учился, а всё-таки знал урок с начала до конца, без малейшей ошибки.

Однажды учитель, не зная, что с ним делать, задал ему выучить наизусть страниц двадцать к другому утру и надеялся, что он, по крайней мере, в этот день будет смирнее. Куда! Наш Алёша и не думал об уроке! В этот день он нарочно шалил более обыкновенного, и учитель тщетно грозил ему наказанием, если на другое утро не будет он знать урока. Алёша внутренне смеялся этим угрозам, будучи уверен, что конопляное семечко поможет ему непременно. На следующий день, в назначенный час, учитель взял в руки книжку, из которой задан был урок Алёше, подозвал его к

себе и велел проговорить заданное. Все дети с любопытством обратили на Алёшу внимание, и сам учитель не знал, что подумать, когда Алёша, несмотря на то что вовсе накануне не твердил урока, смело встал со скамейки и подошёл к нему. Алёша нимало не сомневался в том, что и этот раз ему удастся показать свою необыкновенную способность; он раскрыл рот... и не мог выговорить ни слова!

— Что ж вы молчите? — сказал ему учитель.— Говорите урок. Алёша покраснел, потом побледнел, опять покраснел, начал мять свои руки, слезы у него от страха навернулись на глазах... всё тщетно! Он не мог выговорить ни одного слова, потому что, надеясь на конопляное семечко, он даже и не заглядывал в книгу.

— Что это значит, Алёша? — закричал учитель.— Почему вы не хотите говорить? Алёша сам не знал, чему приписать такую странность, всунул руку в карман, чтоб ощупать семечко... Но как описать его отчаяние, когда он его не нашёл! Слезы градом полились из глаз его... он горько плакал и всё-таки не мог сказать ни слова. Между тем учитель терял терпение. Привыкнув к тому, что Алёша всегда отвечал безошибочно и не запинаясь, ему казалось невозможным, чтоб он не знал по крайней мере начала урока, и потому приписывал молчание его упрямству.

— Подите в спальню,—сказал он,—и оставайтесь там, пока совершенно будете знать урок. Алёшу отвели в нижний этаж, дали ему книгу и заперли дверь ключом. Лишь только он остался один, как начал везде искать конопляное семечко. Он долго шарил у себя в карманах, ползал по полу, смотрел под кроватью, перебирал одеяло, подушки, простыню — всё напрасно! Нигде не было и следов любезного семечка! Он старался вспомнить, где он мог его потерять, и наконец уверился, что выронил его как-нибудь накануне, играя на дворе. Но каким образом найти его? Он заперт был в комнате, а если б и позволили ему выйти на двор, так и это, вероятно, ни к чему бы не послужило, ибо он знал, что курочки лакомы на коноплю и семечко его, верно, которая-нибудь из них успела склевать! Отчаявшись отыскать его, он вздумал призвать к себе на помощь Чернушку. — Милая Чернушка! —говорил он.—Любезный министр! Пожалуйста, явись мне и дай другое семечко! Я, право, впредь буду осторожнее. Но никто не отвечал на его просьбы, и он наконец сел на стул и опять принялся горько плакать.

Между тем настала пора обедать; дверь отворилась, и вошёл учитель. — Знаете ли вы теперь урок? — спросил он у Алёши. Алёша, громко всхлипывая, принуждён был сказать, что не знает. — Ну, так оставайтесь здесь, пока не выучите! — сказал учитель, велел подать ему стакан воды и кусок ржаного хлеба и оставил его опять одного. Алёша стал твердить наизусть, но ничего не входило ему в голову. Он давно отвык от занятий, да и как вытвердить двадцать печатных страниц! Сколько он ни трудился, сколько ни напрягал свою память, но, когда настал вечер, он не знал более двух или трёх страниц, да и то плохо. Когда пришло время другим детям ложиться спать, все товарищи его разом нагрянули в комнату, и с ними пришёл опять учитель.

— Алёша! Знаете ли вы урок? — спросил он. И бедный Алёша сквозь слезы отвечал:

— Знаю только две страницы. — Так, видно, и завтра придётся вам просидеть здесь на хлебе и на воде,—сказал учитель, пожелал другим детям покойного сна и удалился.

Алёша остался с товарищами. Тогда, когда он был добрым и скромным, все его любили, и если, бывало, подвергался он наказанию, то все о нём жалели, и это ему служило утешением. Но теперь никто не обращал на него внимания: все с презрением на него смотрели и не говорили с ним ни слова. Он решился сам начать разговор с одним мальчиком, с которым в прежнее время был очень дружен, но тот от него отворотился не отвечая. Алёша обратился к другому, но и тот говорить с ним не хотел и даже оттолкнул его от себя, когда он опять с ним заговорил. Тут несчастный Алёша почувствовал, что он заслуживает такое с ним обхождение товарищей. Обливаясь слезами, лёг он в свою постель, но никак не мог заснуть. Долго лежал он таким образом и с горестью вспоминал о минувших счастливых днях. Все дети уже наслаждались сладким сном, один только он заснуть не мог. «И Чернушка. меня оставила»,— подумал Алёша, и слезы вновь полились у него из глаз. Вдруг... простыня у соседней кровати зашевелилась,
подобно как в первый тот день, когда к нему явилась чёрная курица. Сердце в нём стало биться сильнее... он желал, чтоб Чернушка вышла опять из-под кровати, но не смел надеяться, что желание его исполнится.

— Чернушка, Чернушка! — сказал он наконец вполголоса. Простыня приподнялась, и к нему на постель взлетела чёрная курица. — Ах, Чернушка! — сказал Алёша вне себя от радости.— Я не смел надеяться, что с тобою увижусь! Ты меня не забыла? — Нет,—отвечала она,—я не могу забыть оказанной тобою услуги, хотя тот Алёша, который спас меня от смерти, вовсе не похож на того, которого теперь перед собою вижу. Ты тогда был добрый мальчик, скромный и учтивый, и

все тебя любили, а теперь... я не узнаю тебя! Алёша горько заплакал, а Чернушка продолжала давать ему наставления.

Долго она с ним разговаривала и со слезами упрашивала его исправиться. Наконец, когда уже начинал показываться дневной свет, курочка ему сказала: — Теперь я должна тебя оставить, Алёша! Вот конопляное семечко, которое выронил ты на дворе. Напрасно ты думал, что потерял его невозвратно. Король наш слишком великодушен, чтобы лишить тебя этого дара за твою неосторожность. Помни, однако, что ты дал честное слово сохранять в тайне всё, что тебе о нас известно... Алёша, к теперешним худым свойствам твоим не прибавь ещё худшего — неблагодарности! Алёша с восхищением взял любезное своё семечко из лапок курицы и обещался употребить все силы свои, чтоб исправиться.

— Ты увидишь, милая Чернушка,— сказал он,— что я сегодня же совсем другой буду. — Не полагай,—отвечала Чернушка,—что так легко исправиться от пороков, когда они уже взяли над нами верх. Пороки обыкновенно входят в дверь, а выходят в щёлочку, и потому если хочешь исправиться, то должен беспрестанно и строго смотреть за собою. Но прощай, пора нам расстаться!

Алёша, оставшись один, начал рассматривать своё семечко и не мог им налюбоваться.

Теперь-то он совершенно спокоен был насчёт урока, и вчерашнее горе не оставило в нём никаких следов. Он с радостью думал о том, как будут все удивляться, когда он безошибочно проговорит двадцать страниц, и мысль, что он опять возьмёт верх над товарищами, которые не хотели с ним говорить, ласкала его самолюбие. Об исправлении самого себя он хотя и не забыл, но думал, что это не может быть так трудно, как говорила Чернушка. «Будто не от меня зависит исправиться! — мыслил он.— Стоит только захотеть, и все опять меня любить будут». Увы, бедный Алёша не знал, что для исправления самого себя должно начать тем, чтобы откинуть самолюбие и излишнюю самонадеянность.

Когда поутру собрались дети в классы, Алёшу позвали наверх. Он вошёл с весёлым и торжествующим видом. — Знаете ли вы урок ваш? — спросил учитель, взглянув на него строго. — Знаю,—отвечал Алёша смело. Он начал говорить и проговорил все двадцать страниц без малейшей ошибки и остановки. Учитель был вне себя от удивления, а Алёша гордо посматривал на своих товарищей. От глаз учителя не скрылся гордый вид Алёшин. — Вы знаете урок свой,— сказал он ему,—это правда, но зачем вы вчера не хотели его сказать? — Вчера я не знал его,— отвечал Алёша. — Быть не может! — прервал его учитель.—Вчера ввечеру вы мне сказали, что знаете только две страницы, да и то плохо, а теперь без ошибки проговорили все двадцать! Когда же вы его выучили? Алёша замолчал. Наконец дрожащим голосом сказал он: — Я выучил его сегодня поутру! Но тут вдруг все дети, огорчённые его надменностью, закричали в один голос: — Он неправду говорит, он и книги в руки не брал сегодня поутру!

Алёша вздрогнул, потупил глаза в землю и не сказал ни слова.

— Отвечайте же!—продолжал учитель.—Когда выучили вы урок? Но Алёша не прерывал молчания: он так поражён был этим неожиданным вопросом и недоброжелательством, которое оказывали ему все его товарищи, что не мог опомниться. Между тем учитель, полагая, что он накануне не хотел сказывать урока из упрямства, счёл за нужное строго наказать его. — Чем более вы от природы имеете способностей и дарований, —сказал он Алёше,—тем скромнее и послушнее вы должны быть. Не для того дан вам ум, чтобы вы во зло его употребляли. Вы заслуживаете наказания за вчерашнее упрямство, а сегодня вы ещё увеличили вину вашу тем, что солгали. Господа! — продолжал учитель, обратись к пансионерам.

— Запрещаю всем вам говорить с Алёшею до тех пор, пока он совершенно исправится. А так как, вероятно, для него это небольшое наказание, то велите подать розги.

Принесли розги... Алёша был в отчаянии! В первый ещё раз с тех пор, как существовал пансион, наказывали розгами, и кого же — Алёшу, который так много о себе думал, который считал себя лучше и умнее всех! Какой стыд!.. Он, рыдая, бросился к учителю и обещался совершенно исправиться.

— Надобно было думать об этом прежде,—был ему ответ. Слезы и раскаяние Алёши тронули товарищей, и они начали просить за него. А Алёша, чувствуя, что не заслужил их сострадания, ещё горше стал плакать.

— Хорошо!—сказал наконец учитель.—Я прощу вас ради просьбы товарищей ваших, но с тем, чтобы вы пред всеми признались в вашей вине и объяснили, когда вы выучили заданный урок.

Алёша совершенно потерял голову... он забыл обещание, данное подземному королю и его министру, и начал рассказывать о чёрной курице, о рыцарях, о маленьких людях...

Учитель не дал ему договорить. — Как! — вскричал он с гневом.— Вместо того чтобы раскаяться в дурном поведении вашем, вы меня ещё вздумали дурачить, рассказывая сказку о чёрной курице?.. Этого слишком уж много. Нет, дети, вы видите сами, что его нельзя не наказать! И бедного Алёшу высекли. С поникшею головою Алёша пошёл в нижний этаж, в спальные комнаты. Он был как убитый... Стыд и раскаяние наполняли его душу. Когда через несколько часов он немного успокоился и положил руку в карман... конопляного семечка в нём не было. Алёша горько заплакал, чувствуя, что потерял его невозвратно.

В вечеру, когда другие дети пришли спать, он также лёг в постель, но заснуть никак не мог. Как раскаивался он в дурном поведении своём! Он решительно принял намерение исправиться, хотя чувствовал, что конопляное семечко возвратить невозможно. Около полуночи пошевелилась опять простыня у соседней кровати... Алёша, который накануне этому радовался, теперь закрыл глаза: он боялся увидеть Чернушку!

Совесть его мучила. Ещё вчера он так уверительно говорил Чернушке, что непременно исправится,—и вместо того... Что он ей теперь скажет? Несколько времени лежал он с закрытыми глазами. Ему слышался шорох от поднимающейся простыни... Кто-то подошёл к его кровати, и голос, знакомый голос, назвал его по имени: — Алёша, Алёша! Но он стыдился открыть глаза, а между тем слезы из них катились и текли по его щекам... Вдруг кто-то дёрнул за одеяло. Алёша невольно взглянул: перед ним стояла Чернушка — не в виде курицы, а в чёрном платье, в малиновой шапочке с зубчиками и в белом накрахмаленном шейном платке, точно, как он видел её в подземной зале.

— Алёша! — сказал министр,— я вижу, что ты не спишь... Прощай! Я пришёл с тобою проститься, более мы не увидимся! Алёша громко зарыдал. — Прощай! — воскликнул он.— Прощай! И, если можешь, прости меня! Я знаю, что виноват перед тобою. — Алёша!—сказал сквозь слезы министр.—Я тебя прощаю; не могу забыть, что ты спас жизнь мою, и
всё тебя люблю, хотя ты сделал меня несчастным, может быть, навеки!.. Прощай! Мне позволено видеться с тобой на самое короткое время. Ещё в течение нынешней ночи король с целым народом своим должен переселиться далеко-далеко от здешних мест! Все в отчаянии, все проливают слезы. Мы несколько столетий жили здесь так счастливо, так покойно! Алёша бросился целовать маленькие ручки министра. Схватив его за руку, он увидел на ней что-то блестящее, и в то же самое время какой-то необыкновенный звук поразил его слух.

— Что это такое? — спросил он с изумлением. Министр поднял обе руки кверху, и Алёша увидел, что они были скованы золотою цепью.
Он ужаснулся. — Твоя нескромность причиною, что я осуждён носить эти цепи,—сказал министр с глубоким вздохом,—но не плачь, Алёша! Твои слезы помочь мне не могут.

Одним только ты можешь меня утешить в моём несчастии: старайся исправиться и будь опять таким же добрым мальчиком, как был прежде. Прощай в последний раз! Министр пожал Алёше руку и скрылся под соседнюю кровать.

— Чернушка, Чернушка! — кричал ему вслед Алёша, но Чернушка не отвечала. Во всю ночь не мог он сомкнуть глаз ни на минуту. За час перед рассветом послышалось ему, что под полом что-то шумит.

Он встал с постели, приложил к полу ухо и долго слышал стук маленьких колёс и шум, как будто внизу проходило множество маленьких людей. Между шумом этим слышен был также плач женщин и детей и голос министра- Чернушки, который кричал ему:

— Прощай, Алёша! Прощай навеки! На другой день поутру дети, проснувшись, увидели Алёшу, лежащего на полу без памяти. Его подняли, положили в постель и послали за доктором, который объявил, что у него сильная горячка. Недель через шесть Алёша выздоровел, и всё происходившее с ним перед болезнью казалось ему тяжёлым сном.

Ни учитель, ни товарищи, не напоминали ему ни слова ни о чёрной курице, ни о наказании, которому он подвергся. Алёша же сам стыдился об этом говорить и старался быть послушным, добрым, скромным и прилежным. Все его снова полюбили и стали ласкать, и он сделался примером для своих товарищей, хотя уже и не мог выучить наизусть двадцать печатных страниц вдруг, которых, впрочем, ему и не задавали.

Вопросы

1. В чем новаторство А.Погорельского в создании образа ребенка в русской литературе XIX века?
2. Как сочетаются в повести А.Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» реальный и романтический планы повествования?

3. Как в образе Алеши автору удается передать самоценность детского возраста и психологические особенности ребенка?
4. Каковы художественные достоинства и педагогическая направленность повести А.Погорельского?
5. Галерею образов каких детей в произведениях писателей XIX века открывает образ Алеши?

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ОДОЕВСКИЙ (1803-1869)

Мороз Иванович

Нам даром, без труда ничего не дается, -
Недаром исстари пословица ведется.

В одном доме жили две девочки – Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка.

Рукодельница была умная девочка, рано вставала, сама без нянюшки одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодец за водой ходила.

А Ленивица между тем в постельке лежала, потягивалась, с боку на бок переваливалась, уж разве наскучит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень мне чулочки, нянюшка, завяжи башмачки», а потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?» Встанет, попрыгает да и сядет к окошку мух считать, сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться; ей бы в постельку – да спать не хочется; ей бы покушать – да есть не хочется; ей бы к окошку мух считать – да и то надоело. Сидит, горемычная, и плачет да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты.

Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальет; да еще какая затейница: коли вода нечиста, так свернет лист бумаги, наложит в нее угольков да песку крупного насыплет, вставит ту бумагу в кувшин да нальет в нее воды, а вода-то знай проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки шить да кроить да еще рукодельную песенку затянет; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, а тут, смотришь, и вечер – день прошел.

Однажды с Рукодельницей беда случилась: пошла она на колодец за водой, опустила ведро на веревке, а веревка-то и оборвись, упало ведро в колодец. Как тут быть?

Расплакалась бедная Рукодельница, да и пошла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье, а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, говорит:

- Сама беду сделала, сама и поправляй. Сама ведерко утопила. Сама и доставай.

Нечего было делать; пошла бедная Рукодельница опять к колодцу, ухватилась за веревку и спустилась по ней к самому дну. Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась – смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

- Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмет, тот со мной и пойдет.

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху. Идет она дальше. Перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят:

- Мы, яблочки, наливные, созрелые, корнем дерева питалися, студеной водой обмывалися; кто нас с дерева стрясет, тот нас к себе и возьмет.

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идет дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-седой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; тряхнет головой – от волос иней сыплется, духом дохнет – валит густой пар.

- А! – сказал он. – Здорово, Рукодельница! Спасибо, что ты мне пирожок принесла; давным-давно уж я ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

- Знаю я, зачем ты пришла, - говорит Мороз Иванович, - ты ведерко в мой студенец опустила; отдать тебе ведерко отдам, только ты мне за то три дня прослужи; будешь умна, тебе ж

лучше; будешь ленива, тебе ж хуже. А теперь, - прибавил Мороз Иванович, - мне, старику, и отдохнуть пора; поди-ка приготовь мне постель, да смотри взбей хорошенько перину.

Рукодельница послушалась. Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был изо льда: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам убрано снежными звездочками; солнышко на них сияло, и все в доме блестело, как бриллианты, на постели у Мороза Ивановича вместо перины лежал снег пушистый; холодно, а делать было нечего.

Рукодельница принялась взбивать снег, чтобы старику было мягче спать, а меж тем у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели, как у бедных людей, что зимой в проруби белье полощут; и холодно, и ветер в лицо, и белье замерзает, колом стоит, а делать нечего – работают бедные люди.

- Ничего, - сказал Мороз Иванович, - только снегом пальцы потри, так и отойдут, не отзнобишь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки.

Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периною пробивается зеленая травка. Рукодельнице стало жаль бедной травки.

- Вот ты говоришь, - сказала она, - что ты старик добрый, а зачем ты зеленую травку под снежной периной держишь, на свет божий не выпускаешь?

- Не выпускаю потому, что еще не время; еще трава в силу не вошла. Осенью крестьяне ее посеяли, она и взошла, и кабы вытянулась, то зима бы ее захватила и к лету травка бы не вызрела. Вот я уже и прикрыл молодую зелень моею снежною периной, да еще сам прилег на нее, чтобы снег ветром не разнесло, а вот придет весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выглянет и зерно, а зерно мужик соберет да на мельницу отвезет; мельник зерно смелет, и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечешь.

- Ну, а скажи мне, Мороз Иванович, - сказала Рукодельница, - зачем ты в колодце-то сидишь?

- Я затем в колодце сижу, что весна подходит, - сказал Мороз Иванович. – Мне жарко становится; а ты знаешь, что и летом в колодце холодно бывает, от того и вода в колодце студеная, хоть посреди самого жаркого лета.

- А зачем ты, Мороз Иванович, - спросила Рукодельница, - зимой по улицам ходишь да в окошки стучишься?

- А я затем в окошки стучусь, - отвечал Мороз Иванович, - чтоб не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то ведь я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить истопят, а трубу закрыть не закроют или и закрыть закроют, да не вовремя, когда еще не все угольки прогорели, а оттого в горнице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть о угара можно. А затем я еще в окошко стучусь, чтобы никто не забывал, что есть на свете люди, которым зимою холодно, у которых нету шубки, да и дров купить не на что; вот я затем в окошко стучусь, чтобы им помогать не забывали.

Тут добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке, да и лег почивать на свою снежную постельку.

Рукодельница меж тем все в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготовила, платье у старика починила, белье выштопала.

Старичок проснулся; был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу. Потом сели они обедать; обед был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготовил.

Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целых три дня.

На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице:

- Спасибо тебе, умная ты девочка; хорошо ты меня, старика, утешила, и я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделие деньги получают, так вот тебе твое ведерко, а в ведерко я всыпал целую горсть серебряных пятачков; да сверх того вот тебе на память бриллиантик – косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, приколола бриллиантик, взяла ведерко, пошла опять к колодцу, ухватилась за веревку и вышла на свет божий.

Только что она стала подходить к дому, как петух, которого она всегда кормила, увидел ее, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

Кукареку, кукареки!

У Рукодельницы в ведерки пятаки!

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала все, что с ней было, нянюшка очень дивовалась, а потом примолвила:

- Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделие получают. Поди-ка к старичку да послужи ему, поработай: в комнате у него прибирай, на кухне готовь, платье чини да белье штопай, так и ты горсть пятачков заработаешь, а оно будет кстати: у нас к празднику денег мало.

Ленивице очень не по вкусу было идти к старику работать. Но пятачки ей получить хотелось и бриллиантовую булавочку тоже.

Вот, по примеру Рукодельницы, Ленивица пошла к колодцу, схватилась за веревку, да и бух прямо ко дну. Смотрит – и перед ней печка, а в печке сидит пирожок такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

- Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня возьмет, тот со мной и пойдет!

А Ленивица ему в ответ:

- Да, как бы не так! Мне себя утомлять – лопатку поднимать, да в печку тянуться; захочешь, сам выскочишь.

Идет она далее, перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят да промеж себя говорят:

- Мы яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питалися, студеной росой обмывалися; кто нас с дерева стрясет, тот нас себе и возьмет.

- Да, как бы не так! – отвечала Ленивица. – Мне себя утомлять – ручки подымать, за сучья тянуть. Успею набрать, как сами нападают!

И прошла Ленивица мимо них. Вот дошла она до Мороза Ивановича. Старик по-прежнему сидел на ледяной скамеечке да снежные комочки прикусывал.

- Что тебе надобно, девочка? – спросил он.

- Пришла я к тебе, - отвечала Ленивица, - послужить да за работу получить.

- Дельно ты сказала, девочка, - отвечал старик, - за работу деньги следуют; только смотрим – какова еще твоя работа будет. Поди-ка взбей мою перину, а потом кушанье изготовь, да платье мое повычини, да белье повыштопай.

Пошла Ленивица, а дорогой думает:

«Стану я себя утомлять да пальцы знобить! Авось старик не заметит и на невзбитой перине уснет».

Старик в самом деле не заметил или прикинулся, что не заметил, лег в постель и заснул, а Ленивица пошла на кухню. Пришла на кухню, да и не знает, что делать. Кушать-то она любила, а подумать, как готовилось кушанье, это ей в голову не приходило; да и лень ей было посмотреть. Вот она огляделась: лежит перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус и горчица, и квас – все по порядку. Думала она, думала, кое-как зелень обчистила, мясо и рыбу разрезала, да чтоб большого труда себе не давать, то, как все было, мытое-немытое, та ки положила в кастрюлю: и зелень, и мясо, и рыбу, и горчицу, и уксус да еще квасу подлила, а сама думает:

«Зачем себя трудить, каждую вещь особо варить? Ведь в желудке все вместе будет».

Вот старик проснулся, просит обедать. Ленивица притащила ему кастрюлю, как есть, даже скатертцы не подостлала.

Мороз Иванович попробовал, поморщился, а песок так и захрустел у него на зубах.

- Хорошо ты готовишь, - заметил он, улыбаясь. – Посмотрим, какова твоя другая работа будет.

Ленивица отведала, да тотчас и выплюнула, а старик покряхтел, покряхтел, да и принялся сам готовить кушанье и сделал себе обед на славу, так что Ленивица пальчики облизала, кушая чужую стряпню.

После обеда старик опять лег отдохнуть да припомнил Ленивице, что у него платье не починено, да и белье не выштопано.

Ленивица понадулась, а делать было нечего: принялась платье и белье разбирать; да и тут беда: платье и белье Ленивица нашивала, а как его шьют, о том и не спрашивала; взяла было иголку, да с непривычки укололась; так ее и бросила. А старик опять будто бы ничего не заметил, ужинать Ленивицу позвал да еще спать ее уложил.

А Ленивице то и любо; думает себе:

«Авось и так пройдет. Вольно было сестрице на себя труд принимать: старик добрый, он мне и так задаром пятачков подарит».

На третий день приходит Ленивица и просит Мороза Ивановича ее домой отпустить да за работу наградить.

- Да какая же была твоя работа? – спросил старичок. – Уж коли на правду дело пошло, так ты мне должна заплатить, потому что не ты для меня работала, а я тебе служил.

- Да, как же! – отвечала Ленивца. – Я ведь у тебя целые три дня жила.

- Знаешь, голубушка, - отвечал старичок, - что я тебе скажу: жить и служить – разница, да и работа работе рознь; заметь это: вперед пригодится. Но, впрочем, если тебя совесть не зазрит, я тебя награжу: и какова твоя работа, такова будет тебе и награда.

С этими словами Мороз Иванович дал Ленивице пребольшой серебряный слиток, а в другую руку – пребольшой бриллиант.

Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, домой побежала.

Пришла домой и хвастается:

- Вот, - говорит, - я заработала: не сестре чета, не горсточку пятачков да не маленький брильянтик, а целый слиток серебряный, вишь.какой тяжелый, да и брильянт-то чуть не с кулак…Уж на это можно к празднику обнову купить…

Не успела она договорить, как серебряный слиток растаял и полился на пол; он был не иное что, как ртуть, которая застыла от сильного холода; в то же время начал таять и бриллиант, а петух вскочил на забор и громко закричал:

Кукареку-кукарекулька!

У Ленивицы в руках ледяная сосулька.

А вы, детушки, думайте, гадайте, что здесь правда, что неправда; что сказано впрямь, что стороною; что шутки ради, что в наставленье.

Вопросы

1. В чем сходство сказки В.Ф.Одоевского «Мороз Иванович» с народной сказкой «Морозко»?
2. Почему Одоевский использовал прием «говорящих» имен в этой сказке?
3. С какой целью в сказке Одоевского использованы русские народные поговорки и пословицы?
4. Какие нравственные уроки извлекает читатель из сказки В.Одоевского?

Городок в табакерке

Папенька поставил на стол табакерку. «Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка», - сказал он. Миша был послушный мальчик, тотчас оставил игрушки и подошел к папеньке. Да уж и было чего посмотреть! Какая прекрасная табакерка! пестренькая, из черепахи. А что на крышке-то! Ворота, башенки, домик, другой, третий, четвертый, - и счесть нельзя, и все мал - мала меньше, и все золотые, а деревья-то также золотые, а листики на них серебряные; а за деревьями встает солнышко, и от него розовые лучи расходятся по всему небу.

- Что это за городок? – спросил Миша.

- Это городок Динь-Динь, - отвечал папенька и тронул пружинку…

И что же? Вдруг. Невидимо где, заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не мог понять: он ходил и к дверям – не из другой ли комнаты? И к часам – не в часах ли? И к бюро, и к горке; прислушивался то в том, то в другом месте; смотрел и под стол….Наконец Миша уверился, что музыка точно играла в табакерке. Он подошел к ней, смотрит, а из-за деревьев солнышко выходит, крадется тихонько по небу, а небо и городок все светлее и светлее; окошки горят ярким огнем и от башенок будто сияние. Вот солнышко перешло через небо на другую сторону, все ниже да ниже, и наконец за пригорком совсем скрылось, и городок потемнел, ставни закрылись, и башенки померкли, только ненадолго. Вот затеплилась звездочка, вот другая, вот и месяц рогатый выглянул из-за деревьев, и в городке стало опять светлее, окошко засеребрились, и от башенок потянулись синеватые лучи.

- Папенька! папенька, нельзя ли войти в этот городок? Как бы мне хотелось!

- Мудрено, мой друг. Этот городок тебе не по росту.

- Ничего, папенька, я такой маленький; только пустите меня туда; мне так бы хотелось узнать, что там делается…

- Право, мой друг, там и без тебя тесно.

- Да кто же там живет?

- Кто там живет? Там живут колокольчики.

С этими словами папенька поднял крышку на табакерке, и что же увидел Миша? И колокольчики, и молоточки, и валик, и колеса. Миша удивился. «Зачем эти колокольчики? зачем молоточки? зачем валик с крючками?» - спрашивал Миша у папеньки.

А папенька отвечал: «Не скажу тебе, Миша; сам посмотри попристальнее да подумай: авось-либо отгадаешь. Только вот этой пружинки не трогай, а иначе все изломается».

Папенька вышел, а Миша остался над табакеркой. Вот он сидел над нею, смотрел, смотрел, думал, думал: отчего звенят колокольчики?

Между тем музыка играет да играет; вот все тише да тише, как будто что-то цепляется за каждую нотку, как будто что-то отталкивает один звук от другого. Вот Миша смотрит: внизу табакерки отворяется дверца и из дверцы выбегает мальчик с золотою головкой и в стальной юбочке, останавливается на пороге и манит к себе Мишу.

«Да отчего же, - подумал Миша, - папенька сказал, что в этом городке и без меня тесно? Нет, видно, в нем живут добрые люди; видите, зовут меня в гости».

- Извольте, с величайшей радостью.

С сими словами Миша побежал к дверце и с удивлением заметил, что дверца ему пришлась точь-в-точь по росту. Как хорошо воспитанный мальчик, он почел долгом прежде всего обратиться к своему провожатому.

- Позвольте узнать, - сказал Миша, - с кем я имею честь говорить?

- Динь-динь-динь, - отвечал незнакомец, - я мальчик-колокольчик, житель этого городка. Мы слышали, что вам очень хочется побывать у нас в гостях, и потому решились просить вас сделать нам честь к нам пожаловать. Динь-динь-динь, динь-динь-динь.

Миша учтиво поклонился; мальчик-колокольчик взял его за руку, и они пошли. Тут Миша заметил, что над ним был свод, сделанный из пестрой тисненой бумажки с золотыми краями. Перед ними был другой свод, только поменьше; потом третий, еще меньше; четвертый, еще меньше, так что в последний, казалось, едва могла пройти головка его провожатого.

- Я вам очень благодарен за ваше приглашение, - сказал ему Миша. – но не знаю, можно ли будет мне им воспользоваться. Правда, здесь я свободно прохожу, но там, дальше, посмотрите, какие у вас низенькие своды; там я, позвольте сказать откровенно, там я и ползком не пройду. Я удивляюсь, как и вы под ними проходите…

- Динь-динь-динь,- отвечал мальчик, - пройдем, не беспокойтесь, ступайте только за мной.

Миша послушался. В самом деле, с каждым шагом, казалось, своды подымались, и наши мальчики всюду свободно проходили; когда же они дошли до последнего свода, тогда мальчик-колокольчик попросил Мишу оглянуться назад. Миша оглянулся, и что же он увидел? Теперь тот первый свод, под который он подошел, входя в дверцы, показался ему маленьким, как будто, пока они шли, свод опустился. Миша был очень удивлен.

- Отчего это? – спросил он своего проводника.

- Динь-динь-динь,- отвечал проводник, смеясь, - издали всегда так кажется. Видно, вы ни на что вдаль со вниманием не смотрели: вдали все кажется маленьким, а подойдешь – большое.

- Да, это правда, - отвечал Миша, - я до сих пор не подумал об этом, и оттого вот что со мною случилось: третьего дня я хотел нарисовать, как маменька возле меня играет на фортепьяно, а папенька на другом конце комнаты читает книжку. Только этого мне никак не удалось сделать! Тружусь, тружусь, рисую как можно вернее, а все на бумаге не выйдет, что папенька возле маменьки сидит и кресло его возле фортепьяно стоит; а между тем я очень хорошо вижу, что фортепьяно стоит возле меня, у окошка, а папенька сидит на другом конце, у камина. Маменька мне говорила, что папеньку надобно рисовать маленьким, но я думал, что маменька шутит, потому что папенька гораздо больше ее ростом; но теперь вижу, что маменька правду говорила: папеньку надобно было нарисовать маленьким, потому что он сидел вдалеке; очень вам благодарен за объяснение, очень благодарен.

Мальчик-колокольчик смеялся изо всех сил: «Динь-динь-динь, как смешно! Не уметь нарисовать папеньку с маменькой! Динь-динь-динь, динь-динь-динь!»

Мише показалось досадно, что мальчик-колокольчик над ним так немилосердно насмехается, и он очень вежливо сказал ему:

- Позвольте мне спросить у вас: зачем вы к каждому слову все говорите «динь-динь-динь»?

- Уж у нас поговорка такая, - отвечал мальчик-колокольчик.

- Поговорка? – заметил Миша. – А вот папенька говорит, что нехорошо привыкать к поговоркам.

Мальчик-колокольчик закусил губы и не сказал более ни слова.

Вот перед ними еще дверцы; они отворились, и Миша очутился на улице. Что за улица! Что за городок! Мостовая вымощена перламутром; небо пестренькое, черепаховое; по небу ходит золотое солнышко; поманишь его – оно с неба сойдет, вкруг руки обойдет и опять поднимется. А домики-то стальные, полированные, крытые разноцветными раковинками, и под каждою крышкою сидит мальчик-колокольчик с золотою головкою, в серебряной юбочке, и много их, много и все мал - мала меньше.

- Нет, теперь уж меня не обмануть, - сказал Миша, - это так только мне кажется издали, а колокольчики-то все одинакие.

- Ан вот неправда, - отвечал провожатый, - колокольчики не одинакие. Если бы все были одинакие, то и звенели бы мы все в один голос, один, как другой; а ты слышишь, какие мы песни выводим? Это оттого, что кто из нас побольше, у того и голос потолще. Неужели ты и этого не знаешь? Вот видишь ли, Миша, это тебе урок: вперед не смейся над теми, у которых поговорка дурная; иной и с поговоркою, а больше другого знает и можно от него кое-чему научиться.

Миша, в свою очередь, закусил язычок.

Между тем их окружили мальчики-колокольчики, теребили Мишу за платье, звенели, прыгали, бегали.

- Весело вы живете, - сказал Миша, - век бы с вами остался; целый день вы ничего не делаете; у вас ни уроков, ни учителей, да еще и музыка целый день.

- Динь-динь-динь! – закричали колокольчики. – Уж нашел у нас веселье! Нет, Миша, плохое нам житье. Правда, уроков нас нет, да что же в том толку. Мы бы уроков не побоялись. Вся наша беда именно в том, что у нас, бедных, никакого нет дела; нет у нас ни книжек, ни картинок; нет ни папеньки. Ни маменьки; нечем заняться; целый день играй да играй, а ведь это, Миша, очень, очень скучно! Поверишь ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко, и золотые деревья, но мы, бедные, мы насмотрелись на них вдоволь, и все это очень нам надоело; из городка мы ни пяди, а ты можешь себе вообразить, каково целый век, ничего не делая, просидеть в табакерке с музыкою.

- Да, - отвечал Миша. – Вы говорите правду. Это и со мною случается: когда после ученья примешься за игрушки, то так весело; а когда в праздник целый день все играешь да играешь, то к вечеру и сделается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься – все не мило. Я долго не понимал, отчего это, а теперь понимаю.

- Да сверх того, на нас есть другая беда, Миша: у нас есть дядьки.

- Какие же дядьки?

- Дядьки-молоточки, - отвечали колокольчики, - уж какие злые! То и дело, что ходят по городу да нас постукивают. Которые побольше, тем еще реже тук-тук бывает, а уж маленьким куда больно достается.

В самом деле, Миша увидел, что по улице ходили какие-то господа на тоненьких ножках, с предлинными носами и шипели между собою: «тук-тук-тук! тук, тук, тук! поднимай! задевай! тук-тук-тук! тук-тук-тук!» И в самом деле, дядьки-молоточки беспрестанно то по одному, то по другому колокольчику тук да тук, индо бедному Мише жалко стало. Он подошел к этим господам, очень вежливо поклонился и с добродушием спросил: зачем они без всякого сожаления колотят бедных мальчиков? А молоточки в ответ:

- Прочь ступай, не мешай! Там в палате и в халате надзиратель лежит и стучать нам велит. Все ворочается, прицепляется. Тук-тук-тук! тук-тук-тук!

- Какой это у вас надзиратель? – спросил Миша у колокольчиков.

- А это господин Валик, - зазвенели они, - предобрый человек – день и ночь с дивана не сходит. На него мы не можем пожаловаться.

Миша к надзирателю. Смотрит: он в самом деле лежит на диване, в халате и с боку на бок переворачивается, только все лицом кверху. А по халату-то у него шпильки, крючочки видимо-невидимо, только что попадется ему молоток, он его крючком сперва зацепит, потом отпустит, а молоточек-то и стукнет по колокольчику.

Только что Миша к нему подошел, как надзиратель закричал:

- Шуры-муры! Кто здесь ходит? кто здесь бродит? Шуры-муры! кто прочь не идет? кто мне спать не дает? Шуры-муры! Шуры-муры!

- Это я, - храбро отвечал Миша. – я – Миша…

- А что тебе надобно? – спросил надзиратель.

- Да мне жаль бедных мальчиков-колокольчиков, они все такие умные, такие добрые, такие музыканты, а по вашему приказанию дядьки их беспрестанно постукивают…

- А мне какое дело! Шуры-муры! Не я здесь набольший. Пусть себе дядьки стукают мальчиков! Мне что за дело! Я надзиратель добрый, все на диване лежу и ни за кем не гляжу… Шуры-муры! шуры-муры!

- Ну, многому же я научился в этом городке! – сказал про себя Миша. – Вот еще иногда мне бывает досадно, зачем надзиратель с меня глаз не спускает! «Экой злой, - думаю я. – Ведь он не папенька и не маменька. Что ему за дело, что я шалю? Знал бы сидел в своей комнате». Нет, теперь вижу, что бывает с бедными мальчиками, когда за ними никто не смотрит.

Между тем Миша пошел далее – и остановился. Смотрит – золотой шатер с жемчужною бахромою, наверху золотой флюгер вертится, будто ветряная мельница, а под шатром лежит царевна Пружинка и, как змейка, то свернется, то развернется и беспрестанно надзирателя под бок толкает. Миша этому очень удивился и сказал ей:

- Сударыня царевна! Зачем вы надзирателя под бок толкаете?

- Зиц, зиц, зиц, - отвечала царевна. – Глупый ты мальчик, неразумный мальчик! На все смотришь, ничего не видишь! Кабы я валик не толкала, валик бы не вертелся; кабы валик не вертелся, то он за молоточки бы не цеплялся, молоточки бы не стучали, кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не звенели; кабы колокольчики не звенели, и музыки бы не было! Зиц, зиц, зиц!

Мише хотелось узнать, правду ли говорит царевна. Он наклонился и прижал ее пальчиком – и что же?

В одно мгновение пружинка с силою развилась, валик сильно завертелся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень, и вдруг пружинка лопнула. Все умолкло, валик остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались…Тогда Миша вспомнил, что папенька не приказывал ему трогать пружинки, испугался и …проснулся.

- Что во сне видел, Миша? – спросил папенька.

Миша долго не мог опамятоваться. Смотрит: та же папенькина комната, та же перед ним табакерка; возле него сидят папенька и маменька и смеются.

- Где же мальчик-колокольчик? Где дядька-молоточек? Где царевна Пружинка? – спрашивал Миша. – Так это был сон?

- Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здесь порядочно вздремнул. Расскажи-ка нам, по крайней мере, что тебе приснилось?

- Да видите, папенька, - сказал Миша, протирая глазки, - мне все хотелось узнать, отчего музыка в табакерке играет; вот я принялся на нее прилежно смотреть и разбирать, что в ней движется и отчего движется; думал-думал и стал уже добираться, как вдруг, смотрю, дверца в табакерке растворилась… - Тут Миша рассказал весь свой сон по порядку.

- Ну, теперь вижу, - сказал папенька, - что ты в самом деле почти понял, отчего музыка в табакерке играет; но ты это еще лучше поймешь, когда будешь учиться механике.

Вопросы

1. Каким образом в сказке «Городок табакерке» нашли воплощение оригинальные педагогические взгляды В.Ф. Одоевского?
2. Почему сказку «Городок в табакерке» называют первой научно-познавательной сказкой для детей?
3. Что нового внес писатель в изображение образа ребенка?
4. Какие устаревшие слова использует автор?

ГЛАВА 3. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ (1821-1877)

Зеленый Шум

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако,- всё зелено:
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяюшка
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилася,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит - молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть - так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:
"Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ноченькой
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!.."
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая -
Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралася...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;

А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна - в лесу, в лугу:
"Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И - бог тебе судья!"

Вопросы

1. Какие народнопоэтические мотивы использует Н.А.Некрасов в стихотворении?
2. В чем персонификация образа Зеленого Шума?

Генерал Топтыгин

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Мужичок обратный:
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка -
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщичок
Вожака с медведем:
"Посади нас, паренек,
Веселей поедем!"
- " Что ты ? с мишкой ?" - "Ничего!
Он у нас смиренный,
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!"
- "Ну садитесь!" - Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам - и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
"Подожди ты нас часок!" -
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен,
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...

Час проходит; нет ребят,
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч,
Кони дернули; стряслась
Тут беда большая -
Рявкнул мишка! - понеслась
Тройка как шальная!
Колокольчик услыхал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно - не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка - и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
"Очищай дорогу!
Сам Топтыгин-генерал
Едет на берлогу!"
Вздрогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх -
Не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая;
Ладит вывернуть кольцо
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко;
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит - барин материк,
"Генерал", - смекает.
Поспешил фуражку снять:
"Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?.."
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;

Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
"Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Исусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!.."

Прибежали ямщики
Подивились тоже:
Видят - дело не с руки,
Что-то тут негоже!
Собрался честной народ,
Всё село в тревоге;
"Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!"
Трус бежит, а кто смелей,
Те - потехе ради -
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
"В избу не хотите ль?"
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал,
И со всею свитой...

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

Вопросы

1. Кто такой генерал Топтыгин?
2. Почему люди подобострастно прислуживают генералу Топтыгину?

Дедушка Мазай и зайцы

1

В августе, около Малых Вежей,
С старым Мазаем я бил дупелей.
Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.
Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые
С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.
Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,
Я по недели гощу у него.
Нравится мне деревенька его:
Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,
Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах
(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,
Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.
Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему - скука!
За сорок верст в Кострому прямиком
Сбегать лесами ему нипочем:
"Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно". - "А леший?" - "Не верю!
Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь, - никого не видал!
За день грибов насбираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;
Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую удод
Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы очи.
Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.
Тихо как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили,
Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит..."
Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,
Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.
Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалит дедушка, - заяц уходит,
Дедушка пальцем косому грозит:
"Врешь - упадешь!" - добродушно кричит.
Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:
Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,
Сядет за кустом - тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит - и грянет!
Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.
"Что ты таскаешь горшок с угольками?"
- "Больно, родимый, я зябок руками;
Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,
Над уголечками руки погрею,

Да уж потом и палю по злодею!"
"Вот так охотник! " - Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.
Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)
Я от Мазая рассказы слыхал.
Дети, для вас я один записал...
2
Старый Мазай разболтался в сарае:
"В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, - их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, -
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть ?.. Я раз за дровами
В лодке поехал - их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет, -
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой -
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, - ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой.
" То-то! - сказал я, - не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!"
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его - тягота невелика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха -
Еле жива, а толста как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном -
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Зайцев с десяток спасалось на нем.
"Взял бы я вас - да потопите лодку!"
Жаль их, однако, да жаль и находку -
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
"Глянь-ко: что делает старый Мазай!"
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.

Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил - и "с богом!" сказал...

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: "У-х!"
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь - бух!
И ляжешь... Ууу-х!.."
Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось -
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклал - и домой приволок,
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул - и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:
"Не попадайся зимой!"
Я их не бью ни весною, ни летом,
Шкура плохая, - линяет косой... "

Вопросы

1. Каким образом в стихотворении выражены демократические взгляды Н.А.Некрасова на воспитание детей?
2. Какие народнопоэтические мотивы использует Н.Некрасов в стихотворении «Дедушка Мазай и зайцы»?
3. В чем особенность композиционно-ритмического построения стихотворения?

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПЛЕЩЕЕВ (1825-1893)

Ласточка

Травка зеленеет,
Солнышко блестит;
Ласточка с весною
В сени к нам летит.

С нею солнце краше
И весна милей...
Прощебечь с дороги
Нам привет скорей!

Дам тебе я зерен;
А ты песню спой
Что из стран далеких
Принесла с собой.

Вопросы

1. Почему в стихотворении отсутствуют прилагательные?
2. Чем объяснить использование поэтом двусложного стиха?
3. Чьими глазами дается такое описание весны?

Бабушка и внучек

Под окном чулок старушка
Вяжет в комнатке уютной
И в очки свои большие
Смотрит в угол поминутно.

А в углу кудрявый мальчик
Молча к стенке прислонился;
На лице его забота,
Взгляд на что-то устремился.

"Что сидишь всё дома, внучек?
Шел бы в сад, копал бы грядки
Или кликнул бы сестренку,
Поиграл бы с ней в лошадки.

Кабы силы да здоровье,
И сама бы с вами, детки,
Побрела я на лужайку;
Дни такие стали редки.

Уж трава желтеет в поле,
Листья падают сухие;
Скоро птички-щебетуньи
Улетят в края чужие!

Присмирел ты что-то, Ваня,
Всё стоишь сложивши ручки;
Посмотри, как светит солнце,
Ни одной на небе тучки!

Что за тишь! Не клонит ветер
Ни былинки, ни цветочка.
Не дождешься ты такого
Благодатного денечка!"

Подошел к старушке внучек
И головкою курчавой
К ней припал; глаза большие
На нее глядят лукаво...

"Знать, гостинцу захотелось?
Винных ягод, винограда?
Ну поди возьми в комоде".
- "Нет, гостинца мне не надо!"

- "Уж чего-нибудь да хочешь...
Или, может, напроказил?
Может, сам, когда спала я,
Ты в комод без спросу лазил?
Может, вытащил закладку

Ты из святцев для потехи?
Ну постой же... За проказы
Будет внучку на орехи!"

- "Нет, в комод я твой не лазил;
Не таскал твоей закладки".
- "Так, пожалуй, не задул ли
Перед образом лампадки?"

- "Нет, бабуся, не шалил я;
А вчера, меня целуя,
Ты сказала: "Будешь умник -
Всё тогда тебе куплю я...""

- "Ишь ведь память-то какая!
Что ж купить тебе? Лошадку?
Оловянную посуду
Или грабли да лопатку?"

- "Нет! уж ты мне покупала
И лошадку, и посуду.
Сумку мне купи, бабуся,
В школу с ней ходить я буду".

- "Ай да Ваня! Хочет в школу,
За букварь да за указку.
Где тебе! Садись-ка лучше,
Расскажу тебе я сказку..."

- "Уж и так мне много сказок
Ты, бабуся, говорила;
Если знаешь, расскажи мне
Лучше то, что вправду было.

Шел вчера я мимо школы.
Сколько там детей, родная!
Как рассказывал учитель,
Долго слушал у окна я.

Слушал я - какие земли
Есть за дальними морями...
Города, леса какие
С злыми, страшными зверями.

Он рассказывал: где жарко,
Где всегда стоят морозы,
Отчего дожди, туманы,
Отчего бывают грозы...

И еще - как люди жили
Прежде нас и чем питались;
Как они не знали бога
И болванам поклонялись.

Рисовали тоже дети,
Много я глядел тетрадок, -
Кто глаза, кто нос выводит,
А кто домик да лошадок.

А как кончилось ученье,
Стали хором петь. В окошко
И меня втащил учитель,
Говорит: "Пой с нами, крошка!

Да проси, чтоб присылали
В школу к нам тебя родные,
Все вы скажете спасибо
Ей, как будете большие".

Отпусти меня! Бабусю
Я за это расцелую
И каких тебе картинок
Распрекрасных нарисую!"

И впились в лицо старушки
Глазки бойкие ребенка;
И морщинистую шею
Обвила его ручонка.
На глазах старушки слезы:
"Это божие внушенье!
Будь по-твоему, голубчик,
Знаю я, что свет - ученье.

Бегай в школу, Ваня; только
Спеси там не набирайся;
Как обучишься наукам,
Темным людом не гнушайся!"

Чуть со стула резвый мальчик
Не стащил ее. Пустился
Вон из комнаты, и мигом
Уж в саду он очутился.

И уж русая головка
В темной зелени мелькает...
А старушка то смеется,
То слезинку утирает.

Вопросы

1. Как проявилось мастерство А.Н.Плещеева в создании образов бабушки и внука?
2. Как удалось поэту показать особенности детской психологии?
3. Какие художественные особенности отличают стихотворение Плещеева?

АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ФЕТ (1820-1892)

Мама! глянь-ка из окошка...

Мама! глянь-ка из окошка -
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело -
Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней -
Погляди хоть ты!

Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!»

Вопросы

1. В чем художественное своеобразие данного стихотворения?
2. Какое отношение к природе у персонажа-ребенка?

Я пришел к тебе с приветом…

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, – но только песня зреет.

Вопросы

1. По каким особенностям этого стихотворения можно определить романтическое мироощущение поэта?
2. Почему А.Фет выбирает для стихотворения форму 1-го лица?

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ (1803-1873)
Есть в осени первоначальной...

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора –
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё – простор везде, –
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь –

И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

Вопросы

1. Какую картину создает читатель в своем воображении при чтении этого стихотворения?
2. Как использование Ф.Тютчевым трехсложного стиха влияет на восприятие читателем образа осени?
3. Какими приемами создан образ природы в стихотворении?

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые!
Вот дождик брызнул, пыль летит…
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит…

С горы бежит поток проворный,

В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Все вторит весело громам…

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,

Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила!

Вопросы

1. Чем пейзажная лирика Ф.И.Тютчева отличается от лирики А.А.Фета?
2. Как можно охарактеризовать образ природы в стихотворении «Люблю грозу в начале мая…»?
3. Как использование метафор помогает создать цельный и яркий образ весенней грозы?

АПОЛЛОН НИКОЛАЕВИЧ МАЙКОВ (1821-1897)

Летний дождь

«Золото, золото падает с неба!» -
Дети кричат и бегут за дождем...
- Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

Вопросы

1. Какими приемами в стихотворении создается образ дождя?
2. В чем сходство стихотворения с народными закличками и приговорками?

Ласточка примчалась…

Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:
Как, февраль, не злися,

Как ты, март, не хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик -
Все весною пахнет!

Вопросы

1. Как выражено радостное ощущение бытия в этом стихотворении?
2. В чем гармония стиха «Ласточка примчалась…»?

Колыбельная песня

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трех ночей,
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
"Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны всё гонял?"

"Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелочку качал!"

Вопросы

1. Какие традиционные образы народной колыбельной песни использует Майков в «Колыбельной песне»?
2. Какие особенности поэзии А.Майкова позволили русским композиторам создать на основе стихотворений поэта музыкальные произведения?

ИВАН САВВИЧ НИКИТИН (1824-1861)

Русь

Под большим шатром
Голубых небес -
Вижу - даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг -
Нивы зрелые.
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу -
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лед
Ходит по морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная.
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?

На полях своих,
Под курганам,
Положила ты
Татар полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой

И дала урок
Ляху гордому.

И давно ль было,
Когда с Запада
Облегла тебя
Туча темная?

Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,

И зловещий дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!

Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань -
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь.

Собрала детей.
Стариков и жен.
Приняла гостей
На кровавый пир.
И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглися спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьем кишит
Православный люд.

По седым морям
Из далеких стран
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

Вопросы

1. Какие художественные приемы использует поэт для создания образа родины?
2. В чем былинность повествования в данном стихотворении?
3. Какие фольклорные традиции продолжает И.Никитин?
4. В чем мотивы творчества И.С.Никитина перекликаются с творчеством Н.А.Некрасова?

ИВАН ЗАХАРОВИЧ СУРИКОВ (1841-1880)

Детство

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок - хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнёшь
И домой тихонько,
Нехотя бредёшь.

Ветхую шубёнку
Скинешь с плеч долой;
Заберёшься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом;

Только слышишь - воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетёт;
Матушка за прялкой
Молча лён прядёт.

Избу освещает
Огонёк светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнёт мне бабка
Сказки говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал;
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку,—
Сердце так и мрёт;
А в трубе сердито
Ветер злой поёт.

Я прижмусь к старушке.
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

А во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветёт;
В том саду большое
Дерево растёт.

Золотая клетка
На суке висит;
В этой клетке птица
Точно жар горит.

Прыгает в той клетке,
Весело поёт;
Ярким, чудным светом
Сад весь обдаёт.

Вот я к ней подкрался
И за клетку — хвать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

Уж в избу, в окошко,
Солнышко глядит;
Пред иконой бабка
Молится, стоит.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

Вопросы

1. Какие детские забавы отражают мир детства и помогают созданию образа ребенка в этом стихотворении?
2. От чьего имени ведется повествование?

Рябина

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына?

А через дорогу,
За рекой широкой
Так же одиноко
Дуб стоит высокий.

Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться,
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться.

Тонкими ветвями
Я б к нему прижалась
И с его листами
День и ночь шепталась.

Но нельзя рябине
К дубу перебраться,
Знать, судьба такая, -
Век одной качаться.

Вопросы

1. Какие особенности стихотворения позволили русским композиторам создать песню о рябине?
2. Какие народнопоэтические мотивы лежат в основе создания образа рябины?

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ (1817-1875)

Курган

В степи, на равнине открытой,
Курган одинокий стоит;
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.

В честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разом заклали
Всех жен и любимца коня.

Когда же его схоронили
И шум на могиле затих,
Певцы ему славу сулили,
На гуслях гремя золотых:

«О витязь! делами твоими
Гордится великий народ,
Твое громоносное имя
Столетия все перейдет!

И если курган твой высокий
Сровнялся бы с полем пустым,
То слава, разлившись далеко,
Была бы курганом твоим!»

И вот миновалися годы,
Столетия вслед протекли,
Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли.

Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Еще не сровнялся с землею,
По-прежнему гордо стоит.

А витязя славное имя
До наших времен не дошло...
Кто был он? венцами какими
Свое он украсил чело?

Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жег города?
И смертью погиб он какою?
И в землю опущен когда?

Безмолвен курган одинокий...
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит!
Лишь мимо кургана мелькает
Сайгак, через поле скача,
Иль вдруг на него налетает,
Крилами треща, саранча.

Порой журавлиная стая,
Окончив подоблачный путь,
К кургану шумит подлетая,
Садится на нем отдохнуть.

Тушканчик порою проскачет
По нем при мерцании дня,
Иль всадник высоко маячит
На нем удалого коня;

А слезы прольют разве тучи,
Над степью плывя в небесах,
Да ветер лишь свеет летучий
С кургана забытого прах...

Вопросы

1. Какие особенности исторического повествования отличают это стихотворение?
2. Какими приемами создается образ славного витязя?

Илья Муромец

1
Под бронёй с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья.
2
Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.
3
И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживёшь?
4
Двор мне, княже, твой не диво!
Не пиров держусь!
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!
5
Но обнёс меня ты чарой
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!
6
Без меня других довольно:
Сядут — полон стол!
Только лакомы уж больно,
Любят женский пол!
7
Все твои богатыри-то,
Значит, молодёжь;
Вот без старого Ильи-то
Как ты проживёшь!
8

Тем-то я их боле стою,
Что забыл уж баб,
А как тресну булавою,
Так ещё не слаб!
9
Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свету снова
Без того пора!
10
Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит!
11
Душно в Киеве, что в скрине,
Только киснет кровь!
Государыне-пустыне
Поклонюся вновь!
12
Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!»
13
И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;
14
Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой и земляникой
Пахнет тёмный бор.

Вопросы

1. В чем сходство и отличие былинного богатыря Ильи Муромца и персонажа стихотворения А.Толстого?
2. Какой стихотворный размер использует А.Толстой?

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ (1801-1872)
Девочка Снегурочка

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей. Ни внучат. Вот вышли они за ворота в праздник, посмотреть на чужих ребят, как они из снегу комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек, да и говорит:

- А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала, да и говорит:

- Что ж будешь делать, - нет, так и взять негде.

Однако старик принес комочек снегу в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой и поставил на окошко. Взошло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики – пищит что-то в горшочке под ветошкой; они к окну – глядь, а в горшочке лежит девочка, беленькая. как снежок, и кругленькая, как комок, и говорит им:

- Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком пригрета и нарумянена.

Вот старики обрадовались, вынули ее, да ну старуха скорее шить да кроить, а старик, завернув Снегурочку в полотенечко, стал ее нянчить и пестовать:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Вот и растет Снегурочка на радость старикам, да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Все шло у стариков, как по маслу: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, тут и случилась беда: пришла к стариковой Жучке лиса, прикинулась больной и ну Жучку умаливать, тоненьким голосом упрашивать:

- Жученька, Жучок, беленькие ножки, шелковый хвостик, пусти в хлевушок погреться!

Жучка, весь день за стариком в лесу пробегавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной лисой и пустила ее туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила. Как узнал про это старик, так Жучку прибил и со двора согнал.

- Иди,- говорит, - куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!

Вот и пошла Жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о Жучке только старушка да девочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягодки. Старики и слышать не хотят, не пускают. Стали девочки обещать, что Снегурочку они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок побрать да на лес посмотреть. Отпустили ее старики, дали кузовок да пирожка кусок.

Вот и побежали девчонки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидали ягоды, так все про все позабыли, разбежались по сторонам, ягодки берут да аукаются, в лесу друг дружке голос подают.

Ягод понабрали, а Снегурочку в лесу потеряли.

Стала Снегурочка голос подавать – никто ей не откликается. Заплакала бедняжка, пошла дорогу искать, хуже того заплуталась; вот и влезла на дерево и кричит: «Ау! Ау!»

Идет медведь, хворост трещит, кусты гнутся:

- О чем, девица, о чем, красная?

- Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

- Слезай! – сказал медведь, - я тебя домой доведу!

- Нет, медведь, - отвечала девочка Снегурочка, - я не пойду с тобой, я боюсь тебя – ты съешь меня!

Медведь ушел.

Бежит серый волк.

- Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

- Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

- Слезай! – сказал волк, - я доведу тебя до дому!

- Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь тебя – ты съешь меня!

Волк ушел.

Идет Лиса Патрикеевна:

- Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

- Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

- Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горемычная моя! Слезай скорехонько, я тебя до дому доведу!

- Нет, лиса, льстивы слова, я боюся тебя – ты меня к волку заведешь, ты медведю отдашь…Не пойду я с тобой!

Стала лиса вокруг дерева обхаживать, на девочку Снегурочку поглядывать, с дерева ее сманивать, а девочка не идет.

- Гам, гам, гам! – залаяла собака в лесу.

А девочка Снегурочка закричала:

- Ау-ау, Жученька! Ау-ау, милая! Я здесь – девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули. Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним; хотел волк увести, я отказала ему; хотела лиса сманить, я в обман не далась; а с тобой, Жучка, пойду!

Вот как услыхала лиса собачий лай, так махнула пушняком своим и была такова!

Снегурочка с дерева слезла, Жучка подбежала, ее лобызала, все личико облизала и повела домой.

Стоит медведь за пнем, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет.

Жучка лает, заливается, все ее боится, никто не приступается.

Пришли они домой; старики с радости заплакали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем накрыли:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Жучку простили, молоком напоили, приняли в милость, на старое место приставили, стеречь двор заставили.

Вопросы

1. Чем близка сказка В.Даля русским народным сказкам?
2. Как в сказке «Снегурочка» отразился народный быт, народный взгляд на вещи?
3. Чем оригинален язык сказки В.Даля?

У тебя у самого свой ум

Козел повадился в огород: бывало, как только пастухи выгонят гурт свой, то Васька мой сперва, как добрый, идет, головой помахивает, бородой потряхивает, а как только ребятишки засядут в овражке где-нибудь в камешки играть, то Васька и отправляется прямо в капусту.

Раз и пошел он тем же знакомым путем, идет себе да пофыркивает. В это время отбилась от гурта глупая овца, зашла в чащу, в крапиву да в лопушник; стоит, сердечная, да кричит, да оглядывается – не найдется ли кто добрый человек, чтобы вывел из этой беды. Увидавши козла, обрадовалась она, как родному брату: пойду, дескать, хоть за ним. «Этот выведет: мне не первина за ним идти; у нас и впереди гурта тот козел – вожак идет, за ним ступай смело!»

Пошла овца наша, увязавшись за козлом. Он через овраг – она через овраг; он через тын – она через тын и попала с ним же в огород.

На этот раз огородник заглянул как-то пораньше в капусту свою, да и увидал гостей. Схватил он хворостину предолгую да кинулся на незваных. Козел, как попроворнее, успел перескочить опять через тын, мекнул, да и пошлее себе в чистое поле, а бедная овца замоталась, стала кидаться, оробев, во все стороны, да и попалась. Не пожалел огородник хворостины своей: всю измочалил о бедную овцу так, что уже она кричит не своим голосом, да помощи нет ни от кого. Наконец огородник, подумавши про себя: чего доброго, еще убьешь дуру эту, да после хозяин привяжется, выгнал ее в калитку и еще-таки на дорогу вытянул во всю длину хворостиной.

Пришла овца домой, в гурт, да и плачется на козла; а козел говорит:

- А кто велел тебе за мною хвостом бегать? Я пошел в свою голову, так мой и ответ; коли мужик мне отомнет бока, так я ни на кого плакаться не стану, ни на хозяина, зачем дома не кормит, ни на пастуха, зачем-де не приглядел за мною, а уж буду молчать да терпеть. А тебя зачем нелегкая понесла за мною? Я тебя не звал.

И козел хоть и плут, вор, а прав в этом деле. Смотри всяк своими глазами, раскидывай своим умом, да и ступай туда, где лучше. И у нас то же бывает: один пустится на какой ни есть грех, а другой, на него глядя, за ним же, да после, как попадется, и плачется на учителя. А разве у тебя у самого своего ума нет?

Вопросы

1. В чем заключаются нравственные уроки этой сказки?
2. Как язык, используемый В.Далем, позволяет выразить «народный ум» в сказочном повествовании?

Лучший певчий

В сказках и притчах всегда говорится, коли вы слыхали, что орел правит птичьим царством и что весь народ птичий у него в послушании. Пусть же так будет и у нас; орел – всем птицам голова, он им начальник. Волостным писарем при нем сорокопут, а на посылках все птицы поочередно, и на этот раз случилась ворона. Ведь она хоть и ворона, а все-таки ей отбыть свою очередь надо.

Голова вздремнул, наевшись досыта, позевал на все четыре стороны, встряхнулся и со скуки захотел послушать хороших песен. Закричал он рассыльного; прибежала вприпрыжку ворона, отвернула учтиво нос в сторону и спросила: «Что-де прикажешь?»

- Поди, - сказал голова, - позови ко мне скорешенько что ни есть лучшего певчего; пусть он убаюкает меня, хочу послушать его, вздремнуть и наградить его.

Подпрыгнула ворона, каркнула и полетела, замахав крыльями, что тряпицами, словно больно заторопилась исполнить волю начальника, а отлетев немного, присела на сухое дерево, стала чистить нос и думать: «Какую-де птицу я позову?»

Думала-думала и надумалась, что никому не спеть против родного детища ее, против вороненка, и притащила его к орлу.

Орел, сидя, вздремнул было между тем сам про себя маленько, и вздрогнул, когда вороненок вдруг принялся усердно каркать, сколько сил доставало, а там стал повертывать клювом, разевая рот пошире, и надседался всячески, чтобы угодить набольшему своему. Старая ворона покачивала головой, постукивала ножкой, сладко улыбалась и ждала большой похвалы и милости начальства; а орел спросил, отшатнувшись:

- Это что за набат? Режут, что ли, кого аль караул кричит?

- Это песенник, - отвечала ворона, - мой внучек; уж лучше этого хоть не ищи, государь, по всему царству своему не найдешь…

Вопросы

1. Какова тема и идея сказки?
2. Почему ворона решила представить лучшим песенником своего вороненка?

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ АКСАКОВ (1791-1859)

Детские годы Багрова - внука
Последовательные воспоминания

После моего выздоровления я начинаю помнить себя уже дитятей, не крепким и резвым, каким я сделался впоследствии, но тихим, кротким, необыкновенно жалостливым, большим трусом и в то же время беспрестанно, хотя медленно, уже читающим детскую книжку с картинками, под названием "Зеркало добродетели". Как и когда я выучился читать, кто меня учил и по какой методе - решительно не знаю; но писать я учился гораздо позднее и как-то очень медленно и долго. Мы жили тогда в губернском городе Уфе и занимали огромный зубинский деревянный дом, купленный моим отцом, как я после узнал, с аукциона за триста рублей ассигнациями. Дом был обит тесом, но не выкрашен; он потемнел от дождей, и вся эта громада имела очень печальный вид. Дом стоял на косогоре, так что окна в сад были очень низки от земли, а окна из столовой на улицу, на противоположной стороне дома, возвышались аршина три над землей; парадное крыльцо имело более двадцати пяти ступенек, и с него была видна река Белая почти во всю свою ширину. Две детские комнаты, в которых я жил вместе с сестрой, выкрашенные по штукатурке голубым цветом, находившиеся возле спальной, выходили окошками в сад, и посаженная под ними малина росла так высоко, что на целую четверть заглядывала к нам в окна, что очень веселило меня и неразлучного моего товарища - маленькую сестрицу. Сад, впрочем, был хотя довольно велик, но не красив: кое-где ягодные кусты смородины, крыжовника и барбариса, десятка два-три тощих яблонь, круглые цветники с

ноготками, шафранами и астрами, и ни одного большого дерева, никакой тени; но и этот сад доставлял нам удовольствие, особенно моей сестрице, которая не знала ни гор, ни полей, ни лесов; я же изъездил, как говорили, более пятисот верст: несмотря на мое болезненное состояние, величие красот божьего мира незаметно ложилось на детскую душу и жило без моего ведома в моем воображении; я не мог удовольствоваться нашим бедным городским садом и беспрестанно рассказывал моей сестре, как человек бывалый, о разных чудесах, мною виденных; она слушала с любопытством, устремив на меня, полные напряженного внимания, свои прекрасные глазки, в которых в то же время ясно выражалось: "Братец, я ничего не понимаю". Да и что мудреного: рассказчику только пошел пятый год, а слушательнице - третий.

Я сказал уже, что был робок и даже трусоват; вероятно, тяжкая и продолжительная болезнь ослабила, утончила, довела до крайней восприимчивости мои нервы, а может быть, и от природы я не имел храбрости.

Первые ощущения страха поселили во мне рассказы няньки. Хотя она собственно ходила за сестрой моей, а за мной только присматривала, и хотя мать строго запрещала ей даже разговаривать со мною, но она иногда успевала сообщить мне кое-какие известия о буке, о домовых и мертвецах. Я стал бояться ночной темноты и даже днем боялся темных комнат. У нас в доме была огромная зала, из которой две двери вели в две небольшие горницы, довольно темные, потому что окна из них выходили в длинные сени, служившие коридором; в одной из них помещался буфет, а другая была заперта; она некогда служила рабочим кабинетом покойному отцу моей матери; там были собраны все его вещи: письменный стол, кресло, шкаф с книгами и проч. Нянька сказала мне, что там видят иногда покойного моего дедушку Зубина, сидящего за столом и разбирающего бумаги. Я так боялся этой комнаты, что, проходя мимо нее, всегда зажмуривал глаза. Один раз, идучи по длинным сеням, забывшись, я взглянул в окошко кабинета, вспомнил рассказ няньки, и мне почудилось, что какой-то старик в белом шлафроке* сидит за столом. Я закричал и упал в обморок. Матери моей не было дома. Когда она воротилась и я рассказал ей обо всем случившемся и обо всем, слышанном мною от няни, она очень рассердилась: приказала отпереть дедушкин кабинет, ввела меня туда, дрожащего от страха, насильно и показала, что там никого нет и что на креслах висело какое-то белье. Она употребила все усилия растолковать мне, что такие рассказы - вздор и выдумки глупого невежества. Няньку мою она прогнала и несколько дней не позволяла ей входить в нашу детскую. Но крайность заставила призвать эту женщину и опять приставить к нам; разумеется, строго запретили ей рассказывать подобный вздор и взяли с нее клятвенное обещание никогда не говорить о простонародных предрассудках и поверьях; но это не вылечило меня от страха. Нянька наша была странная старуха, она была очень к нам привязана, и мы с сестрой ее очень любили.

Когда ее сослали в людскую и ей не позволено было даже входить в дом, она прокрадывалась к нам ночью, целовала нас сонных и плакала. Я это видел сам, потому что один раз ее ласки разбудили меня. Она ходила за нами очень усердно, но, по закоренелому упрямству и невежеству, не понимала требований моей матери и потихоньку делала ей все наперекор. Через год ее совсем отослали в деревню. Я долго тосковал: я не умел понять, за что маменька так часто гневалась на добрую няню, и оставался в том убеждении, что мать просто ее не любила.

Я всякий день читал свою единственную книжку "Зеркало добродетели" моей маленькой сестрице, никак не догадываясь, что она еще ничего не понимала, кроме удовольствия смотреть картинки. Эту детскую книжку я знал тогда наизусть всю; но теперь только два рассказа и две картинки из целой сотни остались у меня в памяти, хотя они, против других, ничего особенного не имеют. Это "Признательный лев" и "Сам себя одевающий мальчик". Я помню даже физиономию льва и мальчика! Наконец "Зеркало добродетели" перестало поглощать мое внимание и удовлетворять моему ребячьему любопытству, мне захотелось почитать других книжек, а взять их решительно было негде, тех книг, которые читывали иногда мой отец и мать, мне читать не позволяли. Я принялся было за "Домашний лечебник Бухана", но и это чтение мать сочла почему-то для моих лет неудобным; впрочем, она выбирала некоторые места и, отмечая их закладками, позволяла мне их читать; и это было в самом деле интересное чтение, потому что там описывались все травы, соли, коренья и все медицинские снадобья, о которых только упоминается в лечебнике. Я перечитывал эти описания в позднейшем возрасте и всегда с удовольствием, потому что все это изложено и переведено на русский язык очень толково и хорошо.

Благодетельная судьба скоро послала мне неожиданное новое наслаждение, которое произвело на меня сильнейшее впечатление и много расширило тогдашний круг моих понятий. Против нашего дома жил в собственном же доме С.И.Аничков, старый богатый холостяк, слывший очень умным и даже ученым человеком; это мнение подтверждалось тем, что он был когда-то послан депутатом от Оренбургского края в известную комиссию, собранную Екатериною Второй для рассмотрения существующих законов. Аничков очень гордился, как мне рассказывали, своим депутатством и смело поговаривал о своих речах и действиях, не принесших, впрочем, по его собственному признанию, никакой пользы. Аничкова не любили, а только уважали и даже прибаивались его резкого языка и негибкого нрава. К моему отцу и матери он благоволил и даже давал взаймы денег, которых просить у него никто не смел. Он услышал как-то от моих родителей, что я мальчик прилежный и очень люблю читать книжки, но что читать нечего. Старый депутат, будучи просвещеннее других, естественно, был покровителем всякой любознательности. На другой день вдруг присылает он человека за мною; меня повел сам отец. Аничков, расспросив хорошенько, что я читал, как понимаю прочитанное и что помню, остался очень доволен: велел подать связку книг и подарил мне... О счастие!.. "Детское чтение для сердца и разума"*, изданное безденежно при "Московских ведомостях" Н.И.Новиковым.

Я так обрадовался, что чуть не со слезами бросился на шею старику и, не помня себя, запрыгал и побежал домой, оставя своего отца беседовать с Аничковым. Помню, однако, благосклонный и одобрительный хохот хозяина, загремевший в моих ушах и постепенно умолкавший по мере моего удаления.

Боясь, чтоб кто-нибудь не отнял моего сокровища, я пробежал прямо через сени в детскую, лег в свою кроватку, закрылся пологом, развернул первую часть - и позабыл все меня окружающее. Когда отец воротился и со смехом рассказал матери все происходившее у Аничкова, она очень встревожилась, потому что и не знала о моем возвращении. Меня отыскали лежащего с книжкой.

Мать рассказывала мне потом, что я был точно как помешанный: ничего не говорил, не понимал, что мне говорят, и не хотел идти обедать. Должны были отнять книжку, несмотря на горькие мои слезы. Угроза, что книги отнимут совсем, заставила меня удержаться от слез, встать и даже обедать. После обеда я опять схватил книжку и читал до вечера. Разумеется, мать положила конец такому исступленному чтению: книги заперла в свой комод и выдавала мне по одной части, и то в известные, назначенные ею, часы. Книжек всего было двенадцать, и те не по порядку, а разрозненные. Оказалось, что это не полное собрание "Детского чтения", состоявшего из двадцати частей. Я читал свои книжки с восторгом и, несмотря на разумную бережливость матери, прочел все с небольшим в месяц. В детском уме моем произошел совершенный переворот, и для меня открылся новый мир... Я узнал в "рассуждении о громе", что такое молния, воздух, облака; узнал образование дождя и происхождение снега. Многие явления в природе, на которые я смотрел бессмысленно, хотя и с любопытством, получили для меня смысл, значение и стали еще любопытнее. Муравьи, пчелы и особенно бабочки с своими превращеньями из яичек в червяка, из червяка в хризалиду и наконец из хризалиды в красивую бабочку - овладели моим вниманием и сочувствием; я получил непреодолимое желание все это наблюдать своими глазами. Собственно нравоучительные статьи производили менее впечатления, но как забавляли меня "смешной способ ловить обезьян" и басня "о старом волке", которого все пастухи от себя прогоняли! Как восхищался я "золотыми рыбками"!

С некоторого времени стал я замечать, что мать моя нездорова. Она не лежала в постели, но худела, бледнела и теряла силы с каждым днем.

Нездоровье началось давно, но я этого сперва не видел и не понимал причины, от чего оно происходило. Только впоследствии узнал я из разговоров меня окружавших людей, что мать сделалась больна от телесного истощения и душевных страданий во время моей болезни. Ежеминутная опасность потерять страстно любимое дитя и усилия сохранить его напрягали ее нервы и придавали ей неестественные силы и как бы искусственную бодрость; но когда опасность миновалась - общая энергия упала, и мать начала чувствовать ослабление: у нее заболела грудь, бок, и наконец появилось лихорадочное состояние; те же самые доктора, которые так безуспешно лечили меня и которых она бросила, принялись лечить ее. Я услыхал, как она говорила моему отцу, что у нее начинается чахотка. Я не знаю, до какой степени это было справедливо, потому что больная была, как все утверждали, очень мнительна, и не знаю, притворно или искренно, но мой отец и доктора уверяли ее, что это неправда.

Я имел уже смутное понятие, что чахотка какая-то ужасная болезнь. Сердце у меня замерло от страха, и мысль, что я причиною болезни матери, мучила меня беспрестанно. Я стал плакать и тосковать, но мать умела как-то меня разуверить и успокоить, что было и не трудно при ее беспредельной нравственной власти надо мною.

Не имея полной доверенности к искусству уфимских докторов, мать решилась ехать в Оренбург, чтоб посоветоваться там с доктором Деобольтом, который славился во всем крае чудесными излечениями отчаянно больных. Она сама сказала мне об этом с веселым видом и уверила, что возвратится здоровою. Я совершенно поверил, успокоился, даже повеселел и начал приставать к матери, чтоб она ехала поскорее. Но для этой поездки надобно было иметь деньги, а притом куда девать, на кого оставить двух маленьких детей? Я вслушивался в беспрестанные разговоры об этом между отцом и матерью и наконец узнал, что дело уладилось: денег дал тот же мой книжный благодетель С.И.Аничков, а детей, то есть нас с сестрой, решились завезти в Багрово и оставить у бабушки с дедушкой. Я был очень доволен, узнав, что мы поедем на своих лошадях и что будем в поле кормить. У меня сохранилось неясное, но самое приятное воспоминание о дороге, которую мой отец очень любил; его рассказы о ней и еще более о Багрове, обещавшие множество новых, еще неизвестных мне удовольствий, воспламенили мое ребячье воображение.

Дедушку с бабушкой мне также хотелось видеть, потому что я хотя и видел их, но помнить не мог: в первый мой приезд в Багрово мне было восемь месяцев; но мать рассказывала, что дедушка был нам очень рад и что он давно зовет нас к себе и даже сердится, что мы в четыре года ни разу у него не побывали. Моя продолжительная болезнь, медленное выздоровление и потом нездоровье матери были тому причиной. Впрочем, мой отец ездил прошлого года в Багрово, однако на самое короткое время. По обыкновению, вследствие природного моего свойства делиться моими впечатлениями с другими, все мои мечты и приятные надежды я рассказал и старался растолковать маленькой моей сестрице, а потом объяснять и всем меня окружавшим. Начались сборы. Я собрался прежде всех: уложил свои книжки, то есть "Детское чтение" и "Зеркало добродетели", в которое, однако, я уже давно не заглядывал; не забыл также и чурочки, чтобы играть ими с сестрицей; две книжки "Детского чтения", которые я перечитывал уже в третий раз, оставил на дорогу и с радостным лицом прибежал сказать матери, что я готов ехать и что мне жаль только оставить Сурку. Мать сидела в креслах, печальная и утомленная сборами, хотя она распоряжалась ими, не вставая с места. Она улыбнулась моим словам и так взглянула на меня, что я хотя не мог понять выражения этого взгляда, но был поражен им. Сердце у меня опять замерло, и я готов был заплакать; но мать приласкала меня, успокоила, ободрила и приказала мне идти в детскую - читать свою любимую книжку и занимать сестрицу, прибавя, что ей теперь некогда с нами быть и что она поручает мне смотреть за сестрою; я повиновался и медленно пошел назад: какая-то грусть вдруг отравила мою веселость, и даже мысль, что мне поручают маленькую мою сестрицу, что в другое время было бы мне очень приятно и очень лестно, теперь не утешила меня. Сборы продолжались еще несколько дней, наконец, все было готово.

Вопросы

1. Какие особенности детского характера воплощены в образе Сережи Багрова?
2. В чем особенность авторского отношения к герою?
3. Что можно узнать о читательских предпочтениях Сережи Багрова?
4. Чем характер Сережи Багрова отличается от Алеши из повести Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители»?

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ УШИНСКИЙ (1824-1870)

Два плуга

Из одного и того же куска железа и в одной и той же мастерской были сделаны два плуга. Один из них попал в руки земледельца и немедленно пошел в работу, а другой долго и совершенно бесполезно провалялся в лавке купца.

Случилось через несколько времени, что оба земляка опять встретились. Плуг, бывший у земледельца, блестел, как серебро, и был даже еще лучше, чем в то время, когда он только что вышел из мастерской; плуг же, пролежавший без всякого дела в лавке, потемнел и покрылся ржавчиной.

- Скажи, пожалуйста, отчего ты так блестишь? – спросил заржавевший плуг у своего старого знакомца.

- От труда, мой милый, – отвечал тот, - а если ты заржавел и сделался хуже, чем был, то потому, что все это время ты пролежал на боку, ничего не делая.

Вопросы

1. В чем поучительность рассказа «Два плуга»?
2. Какие два отношения к жизни выражены в нем?

Неладно скроен, да крепко сшит

Беленький, гладенький зайчик сказал ежу:

- Какое у тебя, братец, некрасивое, колючее платье!

- Правда, - отвечал еж, - но мои колючки спасают меня от зубов собаки и волка; служит ли тебе так же твоя хорошенькая шкурка?

Зайчик вместо ответа только вздохнул.

Вопросы

1. Какие слова являются нравственным выводом?
2. В чем художественные особенности произведения?

Лиса и козел

Бежала лиса, на ворон зазевалась – и попала в колодец. Воды в колодце было немного: утонуть нельзя, да и выскочить тоже. Сидит лиса, горюет. Идет козел, умная голова; идет, бородищей трясет, рожищами мотает; заглянул от нечего делать в колодец, увидел там лису и спрашивает:

- Что ты там, лисонька, поделываешь?

- Отдыхаю, голубчик, - отвечает лиса. – Там наверху жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой – сколько хочешь.

А козлу давно пить хочется.

- Хороша ли вода-то?- спрашивает козел.

- Отличная! – отвечает лиса. – Чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь; здесь обоим нам место будет.

Прыгнул сдуру козел, чуть лисы не задавил, а она ему:

- Эх, бородатый дурень! И прыгнуть-то не умел – всю обрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

Чуть было не пропал козел с голоду в колодце; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

Вопросы

1. В чем сходство героев этого произведения с персонажами русских народных сказок?
2. В чем особенность языка сказки?

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ (1828-1910)

Три медведя

Одна девочка ушла из дома в лес. В лесу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла в лесу к домику.

Дверь была отворена: она посмотрела в дверь, видит, в домике никого нет, и вошла.

В домике этом жили три медведя. Один медведь был отец, звали его Михаил Иваныч. Он был большой и лохматый. Другой была медведица. Она была поменьше, и звали ее Настасья Петровна. Третий был маленький медвежонок, и звали его Мишутка. Медведей не было дома, - они ушли гулять по лесу.

В домике было две комнаты: одна – столовая, другая – спальня.

Девочка вошла в столовую и увидела на столе три чашки с похлебкой. Первая чашка, очень большая. Была Михайлы Ивановичева. Вторая чашка, поменьше, была Настасьи Петровнина.

Третья, синенькая чашечка, была Мишуткина. Подле каждой чашки лежала ложка: большая, средняя и маленькая.

Девочка взяла самую большую ложку и похлебала из самой большой чашки; потом взяла среднюю ложку и похлебала из средней чашки; потом взяла маленькую ложечку и похлебала из синенькой чашечки, и Мишуткина похлебка ей показалась лучше всех.

Девочка захотела сесть и видит у стола три стула: один большой – Михаила Иваныча, другой поменьше – Настасьи Петровнин, и третий, маленький, с синенькой подушечкой – Мишуткин.

Она полезла на большой стул и упала; потом села на средний стул, на нем было неловко; потом села на маленький стульчик и засмеялась – так было хорошо. Она взяла синенькую чашечку на колена и стала есть. Поела всю похлебку и стала качаться на стуле.

Стульчик проломился, и она упала на пол. Она встала, подняла стульчик и пошла в другую горницу. Там стояли три кровати: одна большая – Михайлы Иванычева, другая средняя – Настасьи Петровнина, третья маленькая – Мишенькина.

Девочка легла в большую – ей было слишком просторно; легла в среднюю – было слишком высоко; легла в маленькую – кроватка пришлась ей как раз впору, и она заснула.

А медведи пришли домой голодные и захотели обедать.

Большой медведь взял свою чашку, взглянул и заревел страшным голосом:

- КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ!

Настасья Петровна посмотрела свою чашку и зарычала не так громко:

- КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ!

А Мишутка увидал свою пустую чашечку и запищал тонким голосом:

- КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ И ВСЕ ВЫХЛЕБАЛ!

Михайло Иваныч взглянул на свой стул и зарычал страшным голосом:

- КТО СИДЕЛ НА МОЕМ СТУЛЕ И СДВИНУЛ ЕГО С МЕСТА!

Настасья Петровна взглянула на свой стул и зарычала не так громко:

- КТО СИДЕЛ НА МОЕМ СТУЛЕ И СДВИНУЛ ЕГО С МЕСТА!

Мишутка взглянул на свой сломанный стульчик и пропищал:

- КТО СИДЕЛ НА МОЕМ СТУЛЕ И СЛОМАЛ ЕГО!

Медведи пришли в другую горницу.

- КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЕ! – заревел Михайло Иваныч страшным голосом.

- КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЕ! – зарычала Настасья Петровна не так громко.

А Мишенька подставил скамеечку, полез в свою кроватку и запищал тонким голосом:

- КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ!

И вдруг он увидал девочку и завизжал так, как будто его режут:

- ВОТ ОНА! ДЕРЖИ, ДЕРЖИ! ВОТ ОНА! ВОТ ОНА! АЙ-Я-ЯЙ! ДЕРЖИ!

Он хотел ее укусить. Девочка открыла глаза, увидела медведей и бросилась к окну. Окно было открыто, она выскочила в окно и убежала. И медведи не догнали ее.

Вопросы

1. Какие традиционные для народной сказки приемы использует Л.Толстой в этой сказке?
2. Чем отличается сказка Л.Толстого от русских народных сказок?

Награда

Мужик нашел дорогой камень и понес его к царю. Пришел во дворец и стал спрашивать у царских слуг, как бы царя увидать.

Один царский слуга спросил: зачем ему царя. Мужик рассказал. Слуга и говорит:

- Хорошо, я скажу царю, но только отдай мне половину того, что тебе даст царь. А если не обещаешь, то не допущу тебя до царя.

Мужик обещал, слуга доложил царю. Царь взял камень и говорит:

- Какую тебе, мужик, награду дать?

Мужик говорит:

- Дай мне пятьдесят плетей, не хочу другой награды. Только у меня с твоим слугою уговор был, чтобы пополам делить награду. Так мне двадцать пять и ему двадцать пять.

Царь посмеялся и прогнал слугу, а мужику дал тысячу рублей.

Вопросы

1. Как царь отблагодарил мужика?
2. В чем смысл названия сказки?

Прыжок
(Быль)

Один корабль обошел вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было - она знала, что ею забавляются, и оттого еще больше расходилась.

Она подпрыгнула к двенадцатилетнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать ее. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи. Мальчик погрозил ей и крикнул на нее, но она еще злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по веревке на первую перекладину; но обезьяна еще ловчее и быстрее его, в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась еще выше.

- Так не уйдешь же ты от меня! - закричал мальчик и полез выше.

Обезьяна опять подманила его, полезла еще выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха. На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой за веревку, повесила шляпу на край последней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было аршина два, так что достать ее нельзя было иначе, как выпустить из рук веревку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладину.

На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделывали обезьяна и капитанский сын; но как увидали, что он пустил веревку и ступил на перекладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться - и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошел до края перекладины и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты. Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нес ружье, чтобы стрелять чаек. Он увидал сына на мачте и тотчас же прицелился в сына и закричал:

- В воду! Прыгай сейчас в воду! Застрелю!

Мальчик шатался, но не понимал.

- Прыгай, или застрелю!.. Раз, два... - и как только отец крикнул: «Три" - мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро шлепнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже двадцать молодцов матросов спрыгнули с корабля в море.

Секунд через сорок - они долги показались всем - вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидал это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтоб никто не видал, как он плачет.

Вопросы

1. Почему мальчик бросился за обезьяной на мачту корабля?
2. Почему капитан корабля дал команду мальчику прыгать с мачты в море?
3. Какие нравственные вопросы поднимает в рассказе Л.Толстой?

Акула

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный, с моря дул свежий ветер; но к вечеру погода изменилась: стало душно и точно из топленной печки несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары.

Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул: "Купаться!" - и в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе, и они вздумали плавать наперегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и что было силы поплыли к тому месту, где был бочонок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать.

Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему:

- Не выдавай! Понатужься!

Вдруг с палубы кто-то крикнул: "Акула!" - и все мы увидали в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

- Назад! Назад! Вернитесь! Акула! - закричал артиллерист. Но ребята не слыхали его, плыли дальше, смеялись и кричали ещё веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный как полотно, не шевелясь, смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в неё и, сгибая вёсла, понеслись что было силы к мальчикам; но они были ещё далеко от них, когда акула уже была не дальше двадцати шагов.

Мальчики сначала не слыхали того, что им кричали, и не видали акулы; но потом один из них оглянулся, и мы все услыхали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он повернул хобот, прилёг к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидали, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза.

Но когда дым разошёлся над водою, со всех сторон послышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее, и, наконец, со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл лицо, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

Вопросы

1. Какими приемами Л.Толстой показывает драматизм событий?
2. Почему Толстой не дает имен мальчикам и старому артиллеристу?
3. О каких важных человеческих чувствах идет речь в рассказе?

Лев и собачка

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но, как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев ощетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ощетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

Вопросы

1. Почему лев не растерзал собачку и принял ее?
2. Какие педагогические цели ставил перед собой писатель, создавая этот рассказ для детского чтения?
3. Можно ли рассказ назвать жестоким?

Филипок
(Быль)

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему: куда ты, Филипок, собрался? — В школу. — Ты еще мал, не ходи,— и мать оставила его дома. Ребята ушли в школу. Отец еще с утра уехал в лес, мать ушла на поденную работу. Остались в избе Филипок да бабушка на печке. Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашел, взял старую, отцовскую и пошел в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филипп шел по своей слободе, собаки не трогали его, они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчок. Филипок бросился бежать, собаки за ним. Филипок стал кричать, споткнулся и упал. Вышел мужик, отогнал собак и сказал: куда ты, постреленок, один бежишь? Филипок ничего не сказал, подобрал полы и пустился бежать во весь дух. Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе слышны гудят голоса ребят. На Филипка нашел страх: что, как учитель меня прогонит? И стал он думать, что ему делать. Назад идти — опять собака заест, в школу идти — учителя боится. Шла мимо школы баба с ведром и говорит: все учатся, а ты что тут стоишь? Филипок и пошел в школу. В сенцах снял шапку и отворил дверь. Школа вся была полна ребят. Все кричали свое, и учитель в красном шарфе ходил посередине.

— Ты что? — закричал он на Филипка. Филипок ухватился за шапку и ничего не говорил. — Да ты кто? — Филипок молчал. — Или ты немой? — Филипок так напугался, что говорить не мог. — Ну так иди домой, коли говорить не хочешь. — А Филипок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по голове и спросил у ребят, кто этот мальчик.

— Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришел в школу.

— Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтоб пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уж знал и немножко читать умел.

— Ну-ка, сложи свое имя. — Филипок сказал: хве-и-хви, —ле-и-ли, —пеок-пок. — Все засмеялись.

— Молодец,— сказал учитель. — Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал: Костюшка. Я бедовый, я сразу все понял. Я страсть какой ловкий! — Учитель засмеялся и сказал: а молитвы ты знаешь?

— Филипок сказал: знаю,— и начал говорить Богородицу; но всякое слово говорил не так. Учитель остановил его и сказал: ты погоди хвалиться, а поучись.

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.

Вопросы

1. Как в образе Филипка показаны черты ребенка младшего школьного возраста?
2. Каким характером наделил Л.Толстой своего героя?
3. Почему у рассказа есть подзаголовок «Быль»?

ДМИТРИЙ НАРКИСОВИЧ МАМИН-СИБИРЯК (1852-1912)

Аленушкины сказки

Присказка

Баю-баю-баю…

Один глазок у Аленушки спит, другой – смотрит; одно ушко у Аленушки спит, другое – слушает.

Спи, Аленушка, спи, красавица, а папа будет рассказывать сказки. Кажется, все тут: и сибирский кот Васька, и лохматый деревенский пес Постойко, и серая Мышка-норушка, и Сверчок за печкой, и пестрый Скворец в клетке. И забияка Петух.

Спи, Аленушка, сейчас сказка начинается. Вон уже в окно смотрит высокий месяц; вон косой заяц проковылял на своих валенках; волчьи глаза засветились желтыми огоньками; медведь Мишка сосет свою лапу. Подлетел к самому окну старый Воробей, стучит носом о стекло и спрашивает: скоро ли? Все тут, все в сборе, и все ждут Аленушкиной сказки.

Один глазок у Аленушки спит, другой – смотрит; одно ушко у Аленушки спит, другое – слушает.

Баю-баю-баю…

Сказка про Храброго Зайца – Длинные уши, Косые Глаза, Короткий Хвост

Родился зайчик в лесу и все боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнет птица, упадет с дерева ком снега, - у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся гол; а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

- Никого не боюсь! – крикнул он на весь лес – Вот не боюсь нисколько, и все тут!

Собрались старые зайцы, сбежались маленькие зайчата, приплелись старые зайчихи – все слушают, как хвастается Заяц – длинные уши, косые глаза, короткий хвост, - слушают и своим собственным ушам не верят. Не было еще, чтобы заяц не боялся никого.

- Эй ты, косой глаз, ты и волка не боишься?

- И волка не боюсь, и лисицы, и медведя – никого не боюсь!

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы т отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной заяц!.. Ах, какой смешной! И всем вдруг сделалось весело. Начали кувыркаться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

- Да что тут долго говорить! – кричал расхрабрившийся окончательно Заяц. – Ежели мне попадется волк, так я его сам съем…

- Ах, какой смешной Заяц! Ах, какой он глупый!..

Все видят, что и смешной и глупый, и все смеются.

Кричат зайцы про волка, а волк – тут как тут.

Ходил он, ходил в лесу по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: «Вот бы хорошо зайчиком закусить!» - как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, Серого Волка, поминают. Сейчас он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко подошел Волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше – хвастун Заяц – косые глаза, длинные уши, короткий хвост.

«Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем!» - подумал старый Волк и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью. А зайцы ничего не видят и веселятся пуще прежнего. Кончилось тем, что хвастун Заяц взобрался на пенек, уселся на задние лапки и заговорил:

- Слушайте вы, трусы! Слушайте и смотрите на меня. Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я…я…я…

Тут язык у хвастуна точно примерз.

Заяц увидел глядевшего на него Волка. Другие не видели, а он видел и не смел дохнуть.

Дальше случилась совсем необыкновенная вещь.

Заяц-хвастун подпрыгнул кверху, точно мячик, и со страха упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем прокатился по волчьей спине, перевернулся еще раз в воздухе и потом задал такого стрекача, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный Зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил.

Ему все казалось, что Волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и замертво свалился под куст.

А Волк в это время бежал в другую сторону. Когда Заяц упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И Волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а этот был какой-то бешеный…

Долго не могли прийти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался за пенек, кто завалился в ямку.

Наконец надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать, кто похрабрее.

- А ловко напугал Волка наш Заяц! – решили все. – Если бы не он, так не уйти бы нам живыми…Да где же он, наш бесстрашный Заяц?

Начали искать.

Ходили, ходили, нет нигде храброго Зайца. Уж не съел ли его другой волк? Наконец-таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

- Молодец, косой! – закричали все зайцы в один голос. – Ай да косой!.. Ловко ты напугал старого Волка. Спасибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь.

Храбрый заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

- А вы как бы думали? Эх вы, трусы…

С этого дня храбрый Заяц начал сам верить, что он действительно никого не боится. Баю-баю-баю…

Вопросы

1. Почему Заяц в сказке назван Храбрым? В чем его храбрость? Оправдывает ли он эту характеристику?
2. Традиционен ли образ Волка в данной сказке?

Сказка про Комара Комаровича – Длинный Нос и про Мохнатого Мишку – Короткий Хвост

1

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в болото. Комар Комарович – длинный нос прикорнул под широкий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

- Ох, батюшки!.. ой! караул!..

Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

- Что случилось?..Что вы орете?

А комары летают, жужжат, пищат, - ничего разобрать нельзя.

- Ой, батюшки!.. Пришел в наше болото медведь и завалился спать. Как лег в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров, как дохнул – проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передавил…

Комар Комарович – длинный нос сразу рассердился; рассердился и на медведя и на глупых комаров, которые пищали без толку.

- Эй, вы, перестаньте пищать! – крикнул он. –Вот я сейчас пойду и прогоню медведя…Очень просто! А вы орете только напрасно…

Еще сильнее рассердился Комар Комарович и полетел. Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили с испокон века, развалился и носом сопит, только свист идет, точно кто на трубе играет. Вот бессовестная тварь!..Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ да еще спит так сладко!

- Эй, дядя, ты это куда забрался? – закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз – никого не видно, открыл другой глаз – едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

- Тебе что нужно, приятель? – заворчал Миша и тоже начал сердиться. Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит.

- Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!..

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно рассердился.

- Да что тебе нужно, негодная тварь? – зарычал он.

- Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю…Вместе с шубой тебя съем.

Медведю стало смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

2

Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на все болото:

- Ловко я напугал мохнатого Мишку…В другой раз не придет.

Подивились комары и спрашивают:

- Ну, а сейчас-то медведь где?

- А не знаю, братцы…Сильно струсил, когда я ему сказал, что съем, если не уйдет. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: съем. Боюсь, как бы он не околел со страху, пока я к вам летаю…Что же, он сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили, как им быть с невежей медведем. Никогда еще в болоте не было такого страшного шума. Пищали, пищали и решили – выгнать медведя из болота.

- Пусть идет к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше…Еще отцы и деды наши вот в этом самом болоте жили.

Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя в покое: пусть его полежит, а когда выспится – сам уйдет; но на нее все так накинулись, что бедная едва успела спрятаться.

- Идем, братцы! – кричал больше всех Комар Комарович. – Мы ему покажем…да!

Полетели комары за Комар Комаровичем. Летят и пищат, даже самим страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

- Ну, я так и говорил: умер, бедняга. Со страху! – хвастался Комар Комарович. – Даже жаль немножко, вон какой здоровый медведище…

- Да он спит, братцы! – пропищал маленький комаришка, подлетевший к самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.

- Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный! – запищали все комары разом и подняли ужасный гвалт.- Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам спит как ни в чем не бывало…

А мохнатый Миша спит себе да носом посвистывает.

- Он притворяется, что спит! – крикнул Комар Комарович и полетел на медведя. – Вот я ему сейчас покажу…Эй, дядя, будет притворяться!

Как налетит Комар Комарович, как вопьется своим длинным носом прямо в черный медвежий нос, Миша так и вскочил, - хвать лапой по носу, а Комар Комаровича как не бывало.

- Что, дядя, не понравилось? – пищит Комар Комарович. – Уходи, а от хуже будет…Я теперь не один, Комар Комарович – длинный нос, а прилетели со мной и дедушка Комарище – длинный носище, и младший брат Комаришко – длинный носишко! Уходи, дядя…

- А я не уйду! – закричал медведь, усаживаясь на задние лапы. – Я вас всех передавлю…

- Ой, дядя, напрасно хвастаешь…

Опять полетел Комар Комарович и впился медведю прямо в глаз. Заревел медведь от боли, хватил себя лапой по морде, и опять в лапе ничего, только чуть глаз себе не вырвал когтем. А Комар Комарович вьется над самым медвежьим ухом и пищит:

- Я тебя съем, дядя…

3

Рассердился окончательно Миша. Выворотил вместе с корнем целую березу и принялся колотить ею комаров. Так и ломит со всего плеча. Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет, - все вьются над ним и пищат. Тогда ухватил Миша тяжелый камень и запустил им в комаров, - опять толку нет.

- Что, взял, дядя? – пищал Комар Комарович. – А я тебя все-таки съем…

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рев. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней выворотил!.. Все ему хотелось зацепить первого Комар Комаровича, - ведь вот тут, над самым ухом, вьется, а хватит медведь лапой, и опять ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел наконец Миша. Присел он на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку – давай кататься по траве, чтоб передавить все комариное царство. Катался, катался Миша. Однако и из этого ничего не вышло, а только еще больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох, - вышло того хуже. Комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

- Постойте, вот я вам задам!.. – ревел он так, что за пять верст было слышно. – Я вам покажу штуку…Я…я…я…

Отступили комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ревет:

- Ну-ка, подступитесь теперь ко мне…Все носы пообломаю!..

Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на медведя уже всем войском. Пищат, кружатся, лезут…Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся,да как сорвется с сука, точно мешок…Однако поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

- Ну, что, взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?..

Еще тоньше рассмеялись комары, а Комар Комарович так и трубит:

- Я тебя съем…я тебя съем…съем…съем!..

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

- Охота вам. Михайло Иваныч, беспокоить себя напрасно?.. Не обращайте вы на этих дрянных комаришек внимания. Не стоит.

- И то не стоит, - обрадовался медведь. – Я это так…Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я…я…

Как повернется Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович – длинный нос летит за ним, летит и кричит:

- Ой, братцы, держите! Убежит медведь... Держите!..

Собрались все комары, посоветовались и решили: «Не стоит! Пусть его уходит, - ведь болото-то осталось за нами!»

Вопросы

1. Почему маленький Комаришко одерживает верх над большим и сильным Медведем?
2. Как в сказке отразились нравственные идеалы автора?

Емеля-охотник

I

Далеко-далеко, в северной части Уральских гор, в непроходимой лесной глуши спряталась деревушка Тычки. В ней всего одиннадцать дворов, собственно десять, потому что одиннадцатая избушка стоит совсем отдельно, но у самого леса. Кругом деревни зубчатой стеной поднимается вечнозеленый хвойный лес. Из-за верхушек елей и пихт можно разглядеть несколько гор, которые точно нарочно обошли Тычки со всех сторон громадными синевато-серыми валами. Ближе других стоит к Тычкам горбатая Ручьева гора, с седой мохнатой вершиной, которая в пасмурную погоду совсем прячется в мутных, серых облаках. С Ручьевой горы сбегает много ключей и ручейков. Один такой ручеек весело катится к Тычкам и зиму и лето всех поит студеной, чистой, как слеза, водой.

Избы в Тычках выстроены без всякого плана, как кто хотел. Две избы стоят над самой речкой, одна — на крутом склоне горы, а остальные разбрелись по берегу, как овцы. В Тычках даже нет улицы, а между избами колесит избитая тропа. Да тычковским мужикам совсем и улицы, пожалуй, не нужно, потому что и ездить по ней не на чем: в Тычках нет ни у кого ни одной телеги. Летом эта деревушка бывает окружена непроходимыми болотами, топями и лесными трущобами, так что в нее едва можно пройти пешком только по узким лесным тропам, да и то не всегда. В ненастье сильно играют горные речки, и часто случается тычковским охотникам дня по три ждать, когда вода спадет с них.

Все тычковские мужики — записные охотники. Летом и зимой они почти не выходят из лесу, благо до него рукой подать. Всякое время года приносит с собой известную добычу: зимой бьют медведей, куниц, волков, лисиц; осенью — белку; весной — диких коз; летом — всякую птицу. Одним словом, круглый год стоит тяжелая и часто опасная работа.

В той избушке, которая стоит у самого леса, живет старый охотник Емеля с маленьким внучком Гришуткой. Избушка Емели совсем вросла в землю и глядит на свет божий всего одним окном; крыша на избушке давно прогнила, от трубы остались только обвалившиеся кирпичи. Ни забора, ни ворот, ни сарая — ничего не было у Емелиной избушки. Только под крыльцом из неотесанных бревен воет по ночам голодный Лыско — одна из самых лучших охотничьих собак в Тычках. Перед каждой охотой Емеля дня три морит несчастного Лыска, чтобы он лучше искал дичь и выслеживал всякого зверя.

— Дедко… а дедко!.. — с трудом спрашивал маленький Гришутка однажды вечером. — Теперь олени с телятами ходят?

— С телятами, Гришук, — ответил Емеля, доплетая новые лапти.

— Вот бы, дедко, теленочка добыть… А?

— Погоди, добудем… Жары наступили, олени с телятами в чаще прятаться будут от оводов, тут я тебе и теленочка добуду, Гришук!

Мальчик ничего не ответил, а только тяжело вздохнул. Гришутке всего было лет шесть, и он лежал теперь второй месяц на широкой деревянной лавке под теплой оленьей шкурой. Мальчик простудился еще весной, когда таял снег, и все не мог поправиться. Его смуглое личико побледнело и вытянулось, глаза сделались больше, нос обострился. Емеля видел, как внучонок таял не по дням, а по часам, но не знал, чем помочь горю. Поил какой-то травой, два раза носил в баню, — больному не делалось лучше. Мальчик почти ничего не ел. Пожует корочку черного хлеба, и только. Оставалась от весны соленая козлятина: но Гришук и смотреть на нее не мог.

«Ишь чего захотел: теленочка… — думал старый Емеля, доковыривая свой лапоть. — Ужо надо добыть…»

Емеле было лет семьдесят: седой, сгорбленный, худой, с длинными руками. Пальцы на руках у Емели едва разгибались, точно это были деревянные сучья. Но ходил он еще бодро и кое-что добывал охотой. Только вот глаза сильно начали изменять старику, особенно зимой, когда снег искрится и блестит кругом алмазной пылью. Из-за Емелиных глаз и труба развалилась, и крыша прогнила, и сам он сидит частенько в своей избушке, когда другие в лесу.

Пора старику и на покой, на теплую печку, да замениться некем, а тут вот еще Гришутка на руках очутился, о нем нужно позаботиться… Отец Гришутки умер три года назад от горячки, мать заели волки, когда она с маленьким Гришуткой зимним вечером возвращалась из деревни в свою избушку. Ребенок спасся каким-то чудом. Мать, пока волки грызли ей ноги, закрыла ребенка своим телом, и Гришутка остался жив.

Старому деду пришлось выращивать внучка, а тут еще болезнь приключилась. Беда не приходит одна…

II

Стояли последние дни июня месяца, самое жаркое время в Тычках. Дома оставались только старые да малые. Охотники давно разбрелись по лесу за оленями. В избушке Емели бедный Лыско уже третий день завывал от голода, как волк зимой.

— Видно, Емеля на охоту собрался, — говорили в деревне бабы.

Это была правда. Действительно, Емеля скоро вышел из своей избушки с кремневой винтовкой в руке, отвязал Лыска и направился к лесу. На нем были новые лапти, котомка с хлебом за плечами, рваный кафтан и теплая оленья шапка на голове. Старик давно уже не носил шляпы, а зиму и лето ходил в своей оленьей шапке, которая отлично защищала его лысую голову от зимнего холода и от летнего зноя.

— Ну, Гришук, поправляйся без меня… — говорил Емеля внуку на прощанье. — За тобой приглядит старуха Маланья, пока я за теленком схожу.

— А принесешь теленка-то, дедко?

— Принесу, сказал.

— Желтенького?

— Желтенького…

— Ну, я буду тебя ждать… Смотри, не промахнись, когда стрелять будешь…

Емеля давно собирался за оленями, да все жалел бросить внука одного, а теперь ему было как будто лучше, и старик решился попытать счастья. Да и старая Маланья поглядит за мальчонком, — все же лучше, чем лежать одному в избушке.

В лесу Емеля был как дома. Да и как ему не знать этого леса, когда он целую жизнь бродил по нем с ружьем да с собакой. Все тропы, все приметы — все знал старик на сто верст кругом. А теперь, в конце июня, в лесу было особенно хорошо: трава красиво пестрела распустившимися

цветами, в воздухе стоял чудный аромат душистых трав, а с неба глядело ласковое летнее солнышко, обливавшее ярким светом и лес, и траву, и журчавшую в осоке речку, и далекие горы. Да, чудно и хорошо было кругом, и Емеля не раз останавливался, чтобы перевести дух и оглянуться назад. Тропинка, по которой он шел, змейкой взбиралась на гору, минуя большие камни и крутые уступы. Крупный лес был вырублен, а около дороги ютились молодые березки, кусты жимолости, и зеленым шатром раскидывалась рябина. Там и сям попадались густые перелески из молодого ельника, который зеленой щеткой вставал по сторонам дороги и весело топорщился лапистыми и мохнатыми ветвями. В одном месте, с половины горы, открывался широкий вид на далекие горы и на Тычки. Деревушка совсем спряталась на дне глубокой горной котловины, и крестьянские избы казались отсюда черными точками. Емеля, заслонив глаза от солнца, долго глядел на свою избушку и думал о внучке.

— Ну, Лыско, ищи… — говорил Емеля, когда они спустились с горы и повернули с тропы в сплошной дремучий ельник.

Лыску не нужно было повторять приказание. Он отлично знал свое дело и, уткнув свою острую морду в землю, исчез в густой зеленой чаще. Только на время мелькнула его спина с желтыми пятнами.

Охота началась.

Громадные ели поднимались высоко к небу своими острыми вершинами. Мохнатые ветви переплетались между собой, образуя над головой охотника непроницаемый темный свод, сквозь который только кое-где весело глянет солнечный луч и золотым пятном обожжет желтоватый мох или широкий лист папоротника. Трава в таком лесу не растет, и Емеля шел по мягкому желтоватому мху, как по ковру.

Несколько часов брел охотник по этому лесу. Лыско точно в воду канул. Только изредка хрустнет ветка под ногой или перелетит пестрый дятел. Емеля внимательно осматривал все кругом: нет ли где какого-нибудь следа, не сломал ли олень рогами ветки, не отпечаталось ли на мху раздвоенное копыто, не объедена ли трава на кочках. Начало темнеть. Старик почувствовал усталость. Нужно было думать о ночлеге. «Вероятно, оленей распугали другие охотники», — думал Емеля. Но вот послышался слабый визг Лыска, и впереди затрещали ветви. Емеля прислонился к стволу ели и ждал.

Это был олень. Настоящий десятирогий красавец олень, самое благородное из лесных животных. Вон он приложил свои ветвистые рога к самой спине и внимательно слушает, обнюхивая воздух, чтобы в следующую минуту молнией пропасть в зеленой чаще. Старый Емеля завидел оленя, но он слишком далеко от него: не достать его пулей. Лыско лежит в чаще и не смеет дохнуть в ожидании выстрела; он слышит оленя, чувствует его запах… Вот грянул выстрел, и олень, как стрела, понесся вперед. Емеля промахнулся, а Лыско взвыл от забиравшего его голода. Бедная собака уже чувствовала запах жареной оленины, видела аппетитную кость, которую ей бросит хозяин, а вместо этого приходится ложиться спать с голодным брюхом. Очень скверная история…

— Ну, пусть его погуляет, — рассуждал вслух Емеля, когда вечером сидел у огонька под густой столетней елью. — Нам надо теленочка добывать, Лыско… Слышишь?

Собака только жалобно виляла хвостом, положив острую морду между передними лапами. На ее долю сегодня едва выпала одна сухая корочка, которую Емеля бросил ей.

III

Три дня бродил Емеля по лесу с Лыском и все напрасно: оленя с теленком не попадалось. Старик чувствовал, что выбивается из сил, но вернуться домой с пустыми руками не решался. Лыско тоже приуныл и совсем отощал, хотя и успел перехватить пару молодых зайчат.

Приходилось заночевать в лесу у огонька третью ночь. Но и во сне старый Емеля все видел желтенького теленка, о котором его просил Гришук; старик долго выслеживал свою добычу, прицеливался, но олень каждый раз убегал от него из-под носу. Лыско тоже, вероятно, бредил оленями, потому что несколько раз во сне взвизгивал и принимался глухо лаять.

Только на четвертый день, когда и охотник и собака совсем выбились из сил, они совершенно случайно напали на след оленя с теленком. Это было в густой еловой заросли на скате горы. Прежде всего Лыско отыскал место, где ночевал олень, а потом разнюхал и запутанный след в траве.

«Матка с теленком, — думал Емеля, разглядывая на траве следы больших и маленьких копыт. — Сегодня утром были здесь… Лыско, ищи, голубчик!..»

День был знойный. Солнце палило нещадно. Собака обнюхивала кусты и траву с высунутым языком; Емеля едва таскал ноги. Но вот знакомый треск и шорох… Лыско упал на траву и не шевелился. В ушах Емели стоят слова внучка: «Дедко, добудь теленка… И непременно, чтобы был желтенький». Вон и матка… Это был великолепный олень-самка. Он стоял на опушке леса и пугливо смотрел прямо на Емелю. Кучка жужжащих насекомых кружилась над оленем и заставляла его вздрагивать.

«Нет, ты меня не обманешь…» — думал Емеля, выползая из своей засады.

Олень давно почуял охотника, но смело следил за его движениями.

«Это матка меня от теленка отводит», — думал Емеля, подползая все ближе и ближе.

Когда старик хотел прицелиться в оленя, он осторожно перебежал несколько сажен далее и опять остановился. Емеля снова подполз со своей винтовкой. Опять медленное подкрадывание, и опять олень скрылся, как только Емеля хотел стрелять.

— Не уйдешь от теленка, — шептал Емеля, терпеливо выслеживая зверя в течение нескольких часов.

Эта борьба человека с животным продолжалась до самого вечера. Благородное животное десять раз рисковало жизнью, стараясь отвести охотника от спрятавшегося олененка; старый Емеля и сердился, и удивлялся смелости своей жертвы. Ведь все равно она не уйдет от него… Сколько раз приходилось ему убивать таким образом жертвовавшую собою мать. Лыско, как тень, ползал за хозяином, и когда тот совсем потерял оленя из виду, осторожно ткнул его своим горячим носом. Старик оглянулся и присел. В десяти саженях от него, под кустом жимолости, стоял тот самый желтенький теленок, за которым он бродил целых три дня. Это был прехорошенький олененок, всего нескольких недель, с желтым пушком и тоненькими ножками, красивая головка была откинута назад, и он вытягивал тонкую шею вперед, когда старался захватить веточку повыше. Охотник с замирающим сердцем взвел курок винтовки и прицелился в голову маленькому, беззащитному животному…

Еще одно мгновение, и маленький олененок покатился бы по траве с жалобным предсмертным криком; но именно в это мгновение старый охотник припомнил, с каким геройством защищала теленка его мать, припомнил, как мать его Гришутки спасла сына от волков своей жизнью. Точно что оборвалось в груди у старого Емели, и он опустил ружье. Олененок по-прежнему ходил около куста, общипывая листочки и прислушиваясь к малейшему шороху. Емеля быстро поднялся и свистнул, — маленькое животное скрылось в кустах с быстротой молнии.

— Ишь какой бегун… — говорил старик, задумчиво улыбаясь. — Только его и видел: как стрела… Ведь убежал, Лыско, наш олененок-то? Ну, ему, бегуну, еще надо подрасти… Ах ты, какой шустрый!..

Старик долго стоял на одном месте и все улыбался, припоминая бегуна.

На другой день Емеля подходил к своей избушке.

— А… дедко, принес теленка? — встретил его Гриша, ждавший все время старика с нетерпением.

— Нет, Гришук… видел его…

— Желтенький?

— Желтенький сам, а мордочка черная. Стоит под кустиком и листочки пощипывает… Я прицелился…

— И промахнулся?

— Нет, Гришук; пожалел малого зверя… матку пожалел… Как свистну, а он, теленок-то, как стреканет в чащу, — только его и видел. Убежал, пострел этакий…

Старик долго рассказывал мальчику, как он искал теленка по лесу три дня и как тот убежал от него. Мальчик слушал и весело смеялся вместе с старым дедом.

— А я тебе глухаря принес, Гришук, — прибавил Емеля, кончив рассказ. — Этого все равно волки бы съели.

Глухарь был ощипан, а потом попал в горшок. Больной мальчик с удовольствием поел глухариной похлебки и, засыпая, несколько раз спрашивал старика:

— Так он убежал, олененок-то?

— Убежал, Гришук…

— Желтенький?

— Весь желтенький, только мордочка черная да копытца.

Мальчик так и уснул и всю ночь видел маленького желтенького олененка, который весело гулял по лесу со своей матерью; а старик спал на печке и тоже улыбался во сне.

Вопросы

1. В чем особенности сюжета и композиции этого рассказа?
2. Почему старый Емеля не выстрелил в олененка?
3. Какие чувства воспитывает в маленьком читателе это произведение Д.Н.Мамина-Сибиряка?

ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ ГАРШИН (1855-1888)

Лягушка-путешественница

Жила-была на свете лягушка-квакушка. Сидела она в болоте, ловила комаров да мошку, весною громко квакала вместе со своими подругами. И весь век она прожила бы благополучно – конечно, в том случае, если бы не съел ее аист. Но случилось происшествие.

Однажды она сидела на сучке высунувшейся из воды коряги и наслаждалась теплым мелким дождиком.

«Ах, какая сегодня прекрасная мокрая погода! – думала она. – Какое это наслаждение – жить на свете!»

Дождик моросил по ее пестренькой лакированной спинке; капли его подтекали ей под брюшко и за лапки, и это было восхитительно приятно, так приятно, что она чуть-чуть не заквакала, но, к счастью, вспомнила, что была уже осень и что осенью лягушки не квакают, - на это есть весна, - и что заквакав, она может уронить свое лягушачье достоинство. Поэтому она промолчала и продолжала нежиться.

Вдруг тонкий, свистящий, прерывистый звук раздался в воздухе. Есть такая порода уток: когда они летят, то их крылья, рассекая воздух, точно поют, или, лучше сказать, посвистывают. Фью-фью-фью-фью – раздается в воздухе, когда летит высоко над вами стадо таких уток, а их самих даже и не видно: так они высоко летят. На этот раз утки, описав огромный полукруг, спустились и сели как раз в то самое болото, где жила лягушка.

- Кря, кря! – сказала одна из них. – Лететь еще далеко, надо покушать.

И лягушка сейчас же спряталась. Хотя она и знала, что утки не станут есть ее, большую и толстую квакушку, но все-таки, на всякий случай, она нырнула под корягу. Однако, подумав, она решилась высунуть из воды свою лупоглазую голову: ей было очень интересно узнать, куда летят утки.

-Кря, кря! – сказала другая утка. – Уже холодно становится! Скорей на юг! Скорей на юг!

И все утки стали громко крякать в знак одобрения.

- Госпожи утки! – осмелилась сказать лягушка. – Что такое юг, на который вы летите? Прошу извинения за беспокойство.

И утки окружили лягушку. Сначала у них явилось желание съесть ее, но каждая из них подумала, что лягушка слишком велика и не пролезет в горло. Тогда все они начали кричать, хлопая крыльями:

- Хорошо на юге! Теперь там тепло! Там есть такие славные, теплые болота! Какие там червяки! Хорошо на юге!

Они так кричали, что почти оглушили лягушку. Едва-едва она убедила их замолчать и попросила одну из них, которая казалась ей толще и умнее всех, объяснить ей, что такое юг. И когда та рассказала ей о юге, то лягушка пришла восторг, но в конце концов все-таки спросила, потому что была осторожна:

- А много ли там мошек и комаров?

- О! Целые тучи! – отвечала утка.

- Ква! – сказала лягушка и тут же обернулась посмотреть, нет ли здесь подруг, которые могли бы услышать ее и осудить за кваканье осенью. Она уж никак не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разик. – Возьмите меня с собой!

- Это мне удивительно! – воскликнула утка. – Как мы тебя возьмем? У тебя нет крыльев.

- Когда вы летите? – спросила лягушка.

- Скоро, скоро! – закричали все утки. – Кря, кря! Кря, кря! Тут холодно! На юг! На юг!

- Позвольте мне подумать только пять минут, - сказала лягушка. – Я сейчас вернусь, я, наверное, придумаю что-нибудь хорошее.

И она шлепнулась с сучка, на который было снова влезла, в воду, нырнула в тину и совершенно зарылась в ней, чтобы посторонние предметы не мешали ей размышлять.

Пять минут прошло, утки совсем было собрались лететь, как вдруг из воды, около сучка, на котором сидела лягушка, показалась ее морда, и выражение этой морды было самое сияющее, на какое только способна лягушка.

- Я придумала! Я нашла! – сказала она. – Пусть две из вас возьмут в свои клювы прутик, а я прицеплюсь за него посередине. Вы будете лететь, а я ехать. Нужно только, чтобы вы не крякали, а я не квакала, и все будет превосходно.

Хотя молчать и тащить хотя бы легкую лягушку три тысячи верст не бог знает какое удовольствие, но ее ум привел уток в такой восторг, что они единодушно согласились нести ее. Решили переменяться каждые два часа, и так как уток было, как говорится в загадке, столько, да еще столько, да полстолька, да четверть столька, а лягушка была одна, то нести ее приходилось не особенно часто.

Нашли хороший, прочный прутик, две утки взяли его в клювы, лягушка прицепилась ртом за середину, и все стадо поднялось на воздух. У лягушки захватило дух от страшной высоты, на которую ее подняли; кроме того, утки летели неровно и дергали прутик; бедная квакушка болталась в воздухе, как бумажный паяц, и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не оторваться и не шлепнуться на землю. Однако она скоро привыкла к своему положению и даже начала осматриваться. Под нею быстро проносились поля, луга, реки и горы, которые ей, впрочем, было очень трудно рассматривать, потому что, вися на прутике, она смотрела назад и немного вверх, но кое-что все-таки видела и радовалась и гордилась.

«Вот как я превосходно придумала», - думала она про себя.

А утки летели вслед за несшей ее передней парой, кричали и хвалили ее.

- Удивительно умная голова наша лягушка, - говорили они. – Даже между утками мало таких найдется.

Она едва удержалась, чтобы не поблагодарить их, но. Вспомнив, что, открыв рот, она свалится со страшной высоты, еще крепче стиснула челюсти и решилась терпеть. Она болталась таким образом целый день: несшие ее утки переменялись на лету, ловко подхватывая прутик. Это было очень страшно: не раз лягушка чуть было не квакнула от страха, но нужно было иметь присутствие духа, и она его имела.

Вечером вся компания остановилась в каком-то болоте; с зарею утки с лягушкой снова пустились в путь, но на этот раз путешественница, чтобы лучше видеть, что делается на пути, прицепилась спинкой и головой вперед, а брюшком назад. Утки летели над сжатыми полями, над пожелтевшими лесами и над деревнями, полными хлеба в скирдах; оттуда доносились людской говор и стук цепов, которыми молотили рожь. Люди смотрели на стаю уток и, замечая в ней что-то странное, показывали на нее руками. И лягушке ужасно захотелось лететь поближе к земле, показать себя и послушать, что о ней говорят. На следующем отдыхе она сказала:

- Нельзя ли нам лететь не так высоко? У меня от высоты кружится голова, и я боюсь свалиться, если мне вдруг сделается дурно.

И добрые утки обещали ей лететь пониже. На следующий день они летели так низко, что слышали голоса:

- Смотрите, смотрите! – кричали дети в одной деревне. – Утки лягушку несут!

Лягушка услышала это, и у нее прыгало сердце.

- Смотрите, смотрите! – кричали в другой деревне взрослые. – Вот чудо-то!

«Знают ли они, что это придумала я, а не утки?» - подумала квакушка.

- Смотрите, смотрите! – кричали в третьей деревне. – Экое чудо! И кто это придумал такую хитрую штуку?

Тут лягушка уже не выдержала и, забыв всякую осторожность, закричала изо всей мочи:

- Это я! Я!

И с этим криком она полетела вверх тормашками на землю. Утки громко закричали; одна из них хотела подхватить бедную спутницу на лету, но промахнулась. Лягушка, дрыгая всеми четырьмя лапками, быстро падала на землю; на так как утки летели очень быстро, то и она упала не прямо на то место, над которым закричала и где была твердая дорога, а гораздо дальше, что было для нее большим счастье, потому что она бултыхнулась в грязный пруд на краю деревни.

Она скоро вынырнула из воды и тотчас же опять сгоряча закричала во все горло:

- Это я! Это я придумала!

Но вокруг нее никого не было. Испуганные неожиданным плеском, местные лягушки все попрятались в воду. Когда они начали показываться из нее, то с удивлением смотрели на новую.

И она рассказала им чудную историю о том, как она думала всю жизнь и наконец изобрела новый, необыкновенный способ путешествия на утках; как у нее были свои собственные утки, которые носили ее, куда ей было угодно; как она побывала на прекрасном юге, где так хорошо, где такие прекрасные теплые болота и так много мошек и всяких других съедобных насекомых.

- Я заехала к вам посмотреть, как вы живете, - сказала она. – Я пробуду у вас до весны, пока не вернутся мои утки, которых я отпустила.

Но утки уж никогда не вернулись. Они думали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалели ее.

Вопросы

1. В чем художественное своеобразие сказки «Лягушка-путешественница»?
2. Умна или глупа лягушка в сказке В.Гаршина?
3. Чем сказка В.Гаршина похожа на сказки Г.-Х. Андерсена?
4. В чем нравственная ценность сказки В.Гаршина?

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ (1860-1904)

Белолобый

Голодная волчиха встала, чтобы идти на охоту. Ее волчата, все трое, крепко спали, сбившись в кучу, и грели друг друга. Она облизала их и пошла.

Был уже весенний месяц март, но по ночам деревья трещали от холода, как в декабре, и едва высунешь язык, как его начинало сильно щипать.

Волчиха была слабого здоровья, мнительная; она вздрагивала от малейшего шума и все думала о том, как бы дома без нее кто не обидел волчат. Запах человеческих и лошадиных следов, пни, сложенные дрова и темная унавоженная дорога пугали ее; ей казалось, будто за деревьями в потемках стоят люди и где-то за лесом воют собаки.

Она была уже не молода и чутье у нее ослабело, так что, случалось, лисий след она принимала за собачий и иногда даже, обманутая чутьем, сбивалась с дороги, чего с нею никогда не бывало в молодости. По слабости здоровья она уже не охотилась на телят и крупных баранов, как прежде, и уже далеко обходила лошадей с жеребятами, а питалась одною падалью; свежее мясо ей приходилось кушать очень редко, только весной, когда она, набредя на зайчиху, отнимала у нее детей или забиралась к мужикам в хлев, где были ягнята.

В верстах четырех от ее логовища, у почтовой дороги, стояло зимовье. Тут жил сторож Игнат, старик лет семидесяти, который все кашлял и разговаривал сам с собой; обыкновенно ночью он спал, а днем бродил по лесу с ружьем-одностволкой и посвистывал на зайцев. Должно быть, раньше он служил в механиках, потому что каждый раз, прежде чем остановиться, кричал себе: «Стоп, машина!» и прежде чем пойти дальше: «Полный ход!» При нем находилась громадная черная собака неизвестной породы, по имени Арапка. Когда она забегала далеко вперед, то он кричал ей: «Задний ход!»

Иногда он пел и при этом сильно шатался и часто падал (волчиха думала, что это от ветра) и кричал: «Сошел с рельсов!»

Волчиха помнила, что летом и осенью около зимовья паслись баран и две ярки, и когда она не так давно пробегала мимо, то ей послышалось, будто в хлеву блеяли. И теперь, подходя к зимовью, она соображала, что уже март и, судя по времени, в хлеву должны быть ягнята непременно. Ее мучил голод, она думала о том, с какою жадностью она будет есть ягненка, и от таких мыслей зубы у нее щелкали и глаза светились в потемках, как два огонька.

Изба Игната, его сарай, хлев и колодец были окружены высокими сугробами. Было тихо. Арапка, должно быть, спала под сараем.

По сугробу волчиха взобралась на хлев и стала разгребать лапами и мордой соломенную крышу. Солома была гнилая и рыхлая, так что волчиха едва не провалилась; на нее вдруг прямо в морду пахнуло теплым паром и запахом навоза и овечьего молока. Внизу, почувствовав холод, нежно заблеял ягненок. Прыгнув в дыру, волчиха упала передними лапами и грудью на что-то мягкое и теплое, должно быть, на барана, и в это время в хлеву что-то вдруг завизжало, залаяло и залилось тонким, подвывающим голоском, овцы шарахнулись к стенке, и волчиха, испугавшись, схватила, что первое попалось в зубы, и бросилась вон...

Она бежала, напрягая силы, а в это время Арапка, уже почуявшая волка, неистово выла, кудахтали в зимовье потревоженные куры, и Игнат, выйдя на крыльцо, кричал:

— Полный ход! Пошел к свистку!

И свистел, как машина, и потом — го-го-го-го!.. И весь этот шум повторяло лесное эхо.

Когда мало-помалу все это затихло, волчиха успокоилась немного и стала замечать, что ее добыча, которую она держала в зубах и волокла по снегу, была тяжелее и как будто тверже, чем обыкновенно бывают в эту пору ягнята; и пахло как будто иначе, и слышались какие-то странные звуки...

Волчиха остановилась и положила свою ношу на снег, чтобы отдохнуть и начать есть, и вдруг отскочила с отвращением. Это был не ягненок, а щенок, черный, с большой головой и на высоких ногах, крупной породы, с таким же белым пятном во весь лоб, как у Арапки. Судя по манерам, это был невежа, простой дворняжка. Он облизал свою помятую, раненую спину и, как ни в чем не бывало, замахал хвостом и залаял на волчиху. Она зарычала, как собака, и побежала от него. Он за ней. Она оглянулась и щелкнула зубами; он остановился в недоумении и, вероятно, решив, что это она играет с ним, протянул морду по направлению к зимовью и залился звонким радостным лаем, как бы приглашая мать свою Арапку поиграть с ним и с волчихой.

Уже светало, и когда волчиха пробиралась к себе густым осинником, то было видно отчетливо каждую осинку, и уже просыпались тетерева и часто вспархивали красивые петухи, обеспокоенные неосторожными прыжками и лаем щенка.

«Зачем он бежит за мной? — думала волчиха с досадой. — Должно быть, он хочет, чтобы я его съела».

Жила она с волчатами в неглубокой яме; года три назад во время сильной бури вывернуло с корнем высокую старую сосну, отчего и образовалась эта яма. Теперь на дне ее были старые листья и мох, тут же валялись кости и бычьи рога, которыми играли волчата. Они уже проснулись и все трое, очень похожие друг на друга, стояли рядом на краю своей ямы и, глядя на возвращавшуюся мать, помахивали хвостами. Увидев их, щенок остановился поодаль и долго смотрел на них; заметив, что они тоже внимательно смотрят на него, он стал лаять на них сердито, как на чужих.

Уже рассвело и взошло солнце, засверкал кругом снег, а он все стоял поодаль и лаял. Волчата сосали свою мать, пихая ее лапами в тощий живот, а она в это время грызла лошадиную кость, белую и сухую; ее мучил голод, голова разболелась от собачьего лая, и хотелось ей броситься на непрошенного гостя и разорвать его.

Наконец щенок утомился и охрип; видя, что его не боятся и даже не обращают на него внимания, он стал несмело, то приседая, то подскакивая, подходить к волчатам. Теперь, при дневном свете, легко уже было рассмотреть его... Белый лоб у него был большой, а на лбу бугор, какой бывает у очень глупых собак; глаза были маленькие, голубые, тусклые, а выражение всей морды чрезвычайно глупое. Подойдя к волчатам, он протянул вперед широкие лапы, положил на них морду и начал:

— Мня, мня... нга-нга-нга!..

Волчата ничего не поняли, но замахали хвостами. Тогда щенок ударил лапой одного волчонка по большой голове. Волчонок тоже ударил его лапой по голове. Щенок стал к нему боком и посмотрел на него искоса, помахивая хвостом, потом вдруг рванулся с места и сделал несколько кругов по насту. Волчата погнались за ним, он упал на спину и задрал вверх ноги, а они втроем напали на него и, визжа от восторга, стали кусать его, но не больно, а в шутку. Вороны сидели на высокой сосне и смотрели сверху на их борьбу, и очень беспокоились. Стало шумно и весело. Солнце припекало уже по-весеннему; и петухи, то и дело перелетавшие через сосну, поваленную бурей, при блеске солнца казались изумрудными.

Обыкновенно волчихи приучают своих детей к охоте, давая им поиграть добычей; и теперь, глядя, как волчата гонялись по насту за щенком и боролись с ним, волчиха думала: «Пускай приучаются».

Наигравшись, волчата пошли в яму и легли спать. Щенок повыл немного с голоду, потом также растянулся на солнышке. А проснувшись, опять стали играть.

Весь день и вечером волчиха вспоминала, как прошлою ночью в хлеву блеял ягненок и как пахло овечьим молоком, и от аппетита она все щелкала зубами и не переставала грызть с жадностью старую кость, воображая себе, что это ягненок. Волчата сосали, а щенок, который хотел есть, бегал кругом и обнюхивал снег.

«Съем-ка его...» — решила волчиха.

Она подошла к нему, а он лизнул ее в морду и заскулил, думая, что она хочет играть с ним. В былое время она едала собак, но от щенка сильно пахло псиной, и, по слабости здоровья, она уже не терпела этого запаха; ей стало противно, и она отошла прочь...

К ночи похолодело. Щенок соскучился и ушел домой.

Когда волчата крепко уснули, волчиха опять отправилась на охоту. Как и в прошлую ночь, она тревожилась малейшего шума, и ее пугали пни, дрова, темные, одиноко стоящие кусты можжевельника, издали похожие на людей. Она бежала в стороне от дороги, по насту. Вдруг далеко впереди на дороге замелькало что-то темное... Она напрягла зрение и слух: в самом деле, что-то шло впереди, и даже слышны были мерные шаги. Не барсук ли? Она осторожно, чуть дыша, забирая все в сторону, обогнала темное пятно, оглянулась на него и узнала. Это, не спеша, шагом, возвращался к себе в зимовье щенок с белым лбом.

«Как бы он опять мне не помешал», — подумала волчиха и быстро побежала вперед.

Но зимовье было уже близко. Она опять взобралась на хлев по сугробу. Вчерашняя дыра была уже заделана яровой соломой, и по крыше протянулись две новые слеги. Волчиха стала быстро работать ногами и мордой, оглядываясь, не идет ли щенок, но едва пахнуло на нее теплым паром и запахом навоза, как сзади послышался радостный, заливчатый лай. Это вернулся щенок. Он прыгнул к волчихе на крышу, потом в дыру и, почувствовав себя дома, в тепле, узнав своих овец, залаял еще громче... Арапка проснулась под сараем и, почуяв волка, завыла, закудахтали куры, и когда на крыльце показался Игнат со своей одностволкой, то перепуганная волчиха была уже далеко от зимовья.

— Фюйть! — засвистел Игнат. — Фюйть! Гони на всех парах!

Он спустил курок — ружье дало осечку; он спустил еще раз — опять осечка; он спустил в третий раз — и громадный огненный сноп вылетел из ствола и раздалось оглушительное «бу! бу!» Ему сильно отдало в плечо; и, взявши в одну руку ружье, а в другую топор, он пошел посмотреть, отчего шум...

Немного погодя он вернулся в избу.

— Что там? — спросил хриплым голосом странник, ночевавший у него в эту ночь и разбуженный шумом.

— Ничего... — ответил Игнат. — Пустое дело. Повадился наш Белолобый с овцами спать, в тепле. Только нет того понятия, чтобы в дверь, а норовит все как бы в крышу. Намедни ночью разобрал крышу и гулять ушел, подлец, а теперь вернулся и опять разворошил крышу.

— Глупый.

— Да, пружина в мозгу лопнула. Смерть не люблю глупых! — вздохнул Игнат, полезая на печь. — Ну, божий человек, рано еще вставать, давай спать полным ходом...

А утром он подозвал к себе Белолобого, больно оттрепал его за уши и потом, наказывая его хворостиной, все приговаривал:

— Ходи в дверь! Ходи в дверь! Ходи в дверь!

Вопросы

1. Как использование приема антропоморфизма помогает понять чувства и мысли волчицы?
2. Почему голодная волчица не съела щенка?
3. В чем комизм финальной сцены рассказа?
4. Какие эпизоды ярко демонстрируют психологизм в создании образов волчицы и щенка?

Ванька

Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под Рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли к заутрене, он достал из хозяйского шкапа пузырек с чернилами, ручку с заржавленным пером и, разложив перед собой измятый лист бумаги, стал писать. Прежде чем вывести первую букву, он несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный образ, по обе стороны которого тянулись полки с колодками, и прерывисто вздохнул. Бумага лежала на скамье, а сам он стоял перед скамьей на коленях.

«Милый дедушка, Константин Макарыч! — писал он. — И пишу тебе письмо. Поздравляю вас с Рождеством и желаю тебе всего от господа бога. Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался».

Ванька перевел глаза на темное окно, в котором мелькало отражение его свечки, и живо вообразил себе своего деда Константина Макарыча, служащего ночным сторожем у господ Живаревых. Это маленький, тощенький, но необыкновенно юркий и подвижной старикашка лет 65-ти, с вечно смеющимся лицом и пьяными глазами. Днем он спит в людской кухне или балагурит с кухарками, ночью же, окутанный в просторный тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку. За ним, опустив головы, шагают старая Каштанка и кобелек Вьюн, прозванный так за свой черный цвет и тело, длинное, как у ласки. Этот Вьюн необыкновенно почтителен и ласков, одинаково умильно смотрит как на своих, так и на чужих, но кредитом не пользуется. Под его почтительностью и смирением скрывается самое иезуитское ехидство. Никто лучше его не умеет вовремя подкрасться и цапнуть за ногу, забраться в ледник или украсть у мужика курицу. Ему уж не раз отбивали задние ноги, раза два его вешали, каждую неделю пороли до полусмерти, но он всегда оживал.

Теперь, наверно, дед стоит у ворот, щурит глаза на ярко-красные окна деревенской церкви и, притопывая валенками, балагурит с дворней. Колотушка его подвязана к поясу. Он всплескивает руками, пожимается от холода и, старчески хихикая, щиплет то горничную, то кухарку.

— Табачку нешто нам понюхать? — говорит он, подставляя бабам свою табакерку.

Бабы нюхают и чихают. Дед приходит в неописанный восторг, заливается веселым смехом и кричит:

— Отдирай, примерзло!

Дают понюхать табаку и собакам. Каштанка чихает, крутит мордой и, обиженная, отходит в сторону. Вьюн же из почтительности не чихает и вертит хвостом. А погода великолепная. Воздух тих, прозрачен и свеж. Ночь темна, но видно всю деревню с ее белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб, деревья, посребренные инеем, сугробы. Всё небо усыпано весело мигающими звездами, и Млечный Путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потерли снегом...

Ванька вздохнул, умокнул перо и продолжал писать:

«А вчерась мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосья на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмехаются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьет чем попадя. А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или щей, то хозяева сами трескают. А спать мне велят в сенях, а когда ребятенок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности... Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...»

Ванька покривил рот, потер своим черным кулаком глаза и всхлипнул.

«Я буду тебе табак тереть, — продолжал он, — богу молиться, а если что, то секи меня, как Сидорову козу. А ежели думаешь, должности мне нету, то я Христа ради попрошусь к приказчику сапоги чистить, али заместо Федьки в подпаски пойду. Дедушка милый, нету никакой возможности, просто смерть одна. Хотел было пешком на деревню бежать, да сапогов нету, морозу боюсь. А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и в обиду никому не дам, а помрешь, стану за упокой души молить, всё равно как за мамку Пелагею.

А Москва город большой. Дома всё господские и лошадей много, а овец нету и собаки не злые. Со звездой тут ребята не ходят и на клирос петь никого не пущают, а раз я видал в одной лавке на окне крючки продаются прямо с леской и на всякую рыбу, очень стоющие, даже такой есть один крючок, что пудового сома удержит. И видал которые лавки, где ружья всякие на манер бариновых, так что небось рублей сто кажное... А в мясных лавках и тетерева, и рябцы, и зайцы, а в котором месте их стреляют, про то сидельцы не сказывают.

Милый дедушка, а когда у господ будет елка с гостинцами, возьми мне золоченный орех и в зеленый сундучок спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи, для Ваньки».

Ванька судорожно вздохнул и опять уставился на окно. Он вспомнил, что за елкой для господ всегда ходил в лес дед и брал с собою внука. Веселое было время! И дед крякал, и мороз крякал, а глядя на них, и Ванька крякал. Бывало, прежде чем вырубить елку, дед выкуривает трубку, долго нюхает табак, посмеивается над озябшим Ванюшкой... Молодые елки, окутанные инеем, стоят неподвижно и ждут, которой из них помирать? Откуда ни возьмись, по сугробам летит стрелой заяц... Дед не может чтоб не крикнуть:

— Держи, держи... держи! Ах, куцый дьявол!

Срубленную елку дед тащил в господский дом, а там принимались убирать ее... Больше всех хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господ в горничных, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и от нечего делать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадриль. Когда же Пелагея умерла, сироту Ваньку спровадили в людскую кухню к деду, а из кухни в Москву к сапожнику Аляхину...

«Приезжай, милый дедушка, — продолжал Ванька, — Христом богом тебя молю, возьми меня отседа. Пожалей ты меня сироту несчастную, а то меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, всё плачу. А намедни хозяин колодкой по голове ударил, так что упал и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой... А еще кланяюсь Алене, кривому Егорке и кучеру, а гармонию мою никому не отдавай. Остаюсь твой внук Иван Жуков, милый дедушка приезжай».

Ванька свернул вчетверо исписанный лист и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку... Подумав немного, он умокнул перо и написал адрес: На деревню дедушке.

Потом почесался, подумал и прибавил: «Константину Макарычу». Довольный тем, что ему не помешали писать, он надел шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо в рубахе выбежал на улицу...

Сидельцы из мясной лавки, которых он расспрашивал накануне, сказали ему, что письма опускаются в почтовые ящики, а из ящиков развозятся по всей земле на почтовых тройках с пьяными ямщиками и звонкими колокольцами. Ванька добежал до первого почтового ящика и сунул драгоценное письмо в щель...

Убаюканный сладкими надеждами, он час спустя крепко спал... Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам... Около печи ходит Вьюн и вертит хвостом...

Вопросы

1. Как автор показывает реальность происходящего в рассказе «Ванька»?
2. Почему Ванька, «прежде чем вывести первую букву, несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный образ…»?
3. Как читателю удается понять, что письмо Ваньки не дойдет до адресата?

ГЛАВА 4. РУССКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН (1870-1953)

Листопад

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.
Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют
То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступает в пестрый терем свой.
Сегодня на пустой поляне,
Среди широкого двора,
Воздушной паутины ткани
Блестят, как сеть из серебра.

Сегодня целый день играет
В дворе последний мотылек
И, точно белый лепесток,
На паутине замирает,
Пригретый солнечным теплом;
Сегодня так светло кругом,
Такое мертвое молчанье
В лесу и в синей вышине,
Что можно в этой тишине
Расслышать листика шуршанье.
Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Стоит над солнечной поляной,
Завороженный тишиной;
Заквохчет дрозд, перелетая
Среди подседа, где густая
Листва янтарный отблеск льет;
Играя, в небе промелькнет
Скворцов рассыпанная стая —
И снова все кругом замрет.
Последние мгновенья счастья!
Уж знает Осень, что такой
Глубокий и немой покой —
Предвестник долгого ненастья.
Глубоко, странно лес молчал
И на заре, когда с заката
Пурпурный блеск огня и злата
Пожаром терем освещал.
Потом угрюмо в нем стемнело.
Луна восходит, а в лесу
Ложатся тени на росу...
Вот стало холодно и бело
Среди полян, среди сквозной
Осенней чащи помертвелой,
И жутко Осени одной
В пустынной тишине ночной.
Теперь уж тишина другая:
Прислушайся — она растет,
А с нею, бледностью пугая,
И месяц медленно встает.
Все тени сделал он короче,
Прозрачный дым навел на лес
И вот уж смотрит прямо в очи
С туманной высоты небес.

Вопросы

1. Какова тема стихотворения?
2. Какие метафоры, эпитеты и олицетворения позволяют создать образ Осени?

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ БАЛЬМОНТ

Снежинка

Светло-пушистая,
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не в высь лазурную,
На землю просится.

Под ветром веющим
Дрожит, взметается,
На нём, лелеющем,
Светло качается.

Его качелями
Она утешена,
С его метелями
Крутится бешено.

Но вот кончается
Дорога дальняя,
Земли касается
Звезда кристальная.

Летит пушистая
Снежинка смелая.
Какая чистая,
Какая белая!

Вопросы

1. С какой целью поэт использует в стихотворении прием психологического параллелизма?
2. Кто главная героиня стихотворения?
3. Какую эмоциональную окраску имеет стихотворение о снежинке?
4. Использование каких цветов помогает создать образ снежинки?

Осень

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее,
И от птичьего крика
В сердце стало грустнее.

Стаи птиц улетают
Прочь, за синее море.
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеется,
Нет в цветах благовонья.
Скоро Осень проснется
И заплачет спросонья.

Вопросы

1. О каких приметах осени пишет К.Бальмонт?
2. Какую эмоциональную окраску придают стихотворению эпитеты и метафоры?

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА (1892-1941)
В субботу

Темнеет... Готовятся к чаю...
Дремлет Ася под маминой шубой.

Я страшную сказку читаю
О старой колдунье беззубой.

О старой колдунье, о гномах,
О принцессе, ушедшей закатом.
Как жутко в лесах незнакомых
Бродить ей с невидящим братом!

Одна у колдуньи забота:
Подвести его к пропасти прямо!
Темнеет... Сегодня суббота,
И будет печальная мама.

Темнеет... Не помнишь о часе.
Из столовой позвали нас к чаю.
Клубочком свернувшейся Асе
Я страшную сказку читаю.

Вопросы

1. Каким предстает мир детства в стихотворении М.Цветаевой?
2. Какие факты личной биографии Цветаевой отражены в этом стихотворении?

Маме

Как много забвением темным
Из сердца навек унеслось!
Печальные губы мы помним
И пышные пряди волос,

Замедленный вздох над тетрадкой
И в ярких рубинах кольцо,
Когда над уютной кроваткой
Твое улыбалось лицо.

Мы помним о раненых птицах
Твою молодую печаль
И капельки слез на ресницах,
Когда умолкала рояль.

Вопросы

1. Каково отношение к матери героя стихотворения, автора? А читателя?
2. Как читатель понимает, что это воспоминание о детстве?

В классе

Скомкали фартук холодные ручки,
Вся побледнела, дрожит баловница.
Бабушка будет печальна: у внучки
Вдруг — единица!

Смотрит учитель, как будто не веря
Этим слезам в опустившемся взоре.
Ах, единица большая потеря!
Первое горе!

Слезка за слезкой упали, сверкая,
В белых кругах уплывает страница...
Разве учитель узнает, какая
Боль — единица?

Вопросы

1. Как М. Цветаева соотносит мир детства и мир знаний?
2. Что думает о взрослых, об учителе ребенок?

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛОК (1880-1921)

Вербочки

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.
Огонёчки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.

Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня!

В воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

Вопросы

1. Какие приметы свидетелььствуют о том, что это стихотворение вписывается в календарный круг?
2. Чем объяснить легкость и воздушность стихотворения?
3. Какое чувство лежит в основе этого стихотворения?

Ворона

Вот ворона на крыше покатой
Так с зимы и осталась лохматой...

А уж в воздухе - вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны...

Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:

Что белеет под нежною травкой?
Вон желтеют под серою лавкой

Прошлогодние мокрые стружки...
Это все у вороны - игрушки,

И уж так-то ворона довольна,
Что весна, и дышать ей привольно!..

Вопросы

1. Какое настроение создается в стихотворении «Ворона»?
2. Чьими глазами описан приход весны в первой части стихотворения? А во второй?
3. Почему слово «весна» звучит лишь в последней строке стихотворения?

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ ГУМИЛЕВ (1886-1921)

Рождество в Абиссинии

Месяц встал; ну что ж, охота?
Я сказал слуге: «Пора!
Нынче ночью у болота
Надо выследить бобра».

Но, осклабясь для ответа,
Чуть скрывая торжество,
Он воскликнул: «Что ты, гета,
Завтра будет Рождество.

И сегодня ночью звери:
Львы, слоны и мелкота —
Все придут к небесной двери,
Будут радовать Христа.

Ни один из них вначале
На других не нападет,
Ни укусит, ни ужалит,
Ни лягнет и ни боднет.

А когда, людьми не знаем,
В поле выйдет Светлый Бог,
Все с мычаньем, ревом, лаем
У его столпились ног.

Будь ты зрячим, ты б увидел
Там и своего бобра,
Но когда б его обидел,
Мало было бы добра».

Я ответил: «Спать пора!»

Вопросы

1. Как африканская тема связывается с темой детства в творчестве Н.Гумилева?
2. Какова тема этого стихотворения?

Жираф

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран

Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
- Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Вопросы

1. Какие описания жирафа напоминают творчество импрессионистов? С какой целью поэт использовал «живописный экспрессионизм» в этом стихотворении?
2. Кто невидимый собеседник автора? К кому он обращается на «ты»?
3. Чем интересно это стихотворение детям младшего школьного возраста?

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН (1895-1925)

С добрым утром!

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона.
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы,
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

Вопросы

1. Какой художественный образ создает поэт в этом стихотворении?
2. Чем объяснить широкое употребление поэтом метафор, эпитетов, аллитераций?

Береза

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.
На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.
И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.
А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

Вопросы

1. Как прием антропоморфизма помогает созданию образа белой березы?
2. Какие постоянные эпитеты использует С.Есенин и с какой целью?

Пороша

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу.
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна.
Словно белою косынкой
Повязалася сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А под самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много.
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

Вопросы

1. В чем С.Есенин продолжает традиции народной песенной лирики в этом стихотворении?
2. Какие чувства вызывает картина зимнего леса, созданная поэтом?

Поет зима, аукает…

Поет зима - аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

Вопросы

1. Кто лирический герой данного стихотворения?
2. Как употребление разговорной лексики помогает созданию образа холодной зимы?

Нивы сжаты, рощи голы...

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.
Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось...

Вопросы

1. Как в этом стихотворении нашло выражение чувство большой любви С.Есенина к родине?
2. Какие художественные приемы «очеловечивают» природу в этом стихотворении?

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КУПРИН (1870-1938)

Ю-ю

Если уж слушать, Ника, то слушай внимательно. Такой уговор. Оставь, милая девочка, в покое скатерть и не заплетай бахрому в косички...

Звали ее Ю-ю. Не в честь какого-нибудь китайского мандарина Ю-ю и не в память папирос Ю-ю, а просто так. Увидев ее впервые маленьким котенком, молодой человек трех лет вытаращил глаза от удивления, вытянул губы трубочкой и произнес: "Ю-ю". Точно свистнул. И пошло - Ю-ю.

Сначала это был только пушистый комок с двумя веселыми глазами и бело-розовым носиком. Дремал этот комок на подоконнике, на солнце; лакал, жмурясь и мурлыча, молоко из блюдечка; ловил лапой мух на окне; катался по полу, играя бумажкой, клубком ниток, собственным хвостом... И мы сами не помним, когда это вдруг вместо черно-рыже-белого пушистого комка мы увидели большую, стройную, гордую кошку, первую красавицу и предмет зависти любителей.

- Ника, вынь указательный палец изо рта. Ты уже большая. Через восемь лет - невеста. Ну что, если тебе навяжется эта гадкая привычка? Приедет из-за моря великолепный принц, станет свататься, а ты вдруг - палец в рот!

Вздохнет принц тяжело и уедет прочь искать другую невесту. Только ты и увидишь издали его золотую карету с зеркальными стеклами... да пыль от колес и копыт...

Выросла, словом, всем кошкам кошка. Темно-каштановая с огненными пятнами, на груди пышная белая манишка, усы в четверть аршина, шерсть длинная и вся лоснится, задние лапки в широких штанинах, хвост как ламповый ерш!..

Ника, спусти с колеи Бобика. Неужели ты думаешь, что щенячье ухо это вроде ручки от шарманки? Если бы так тебя кто-нибудь крутил за ухо? Брось, иначе не буду рассказывать...

Вот так. А самое замечательное в ней было - это ее характер. Ты заметь, милая Ника: живем мы рядом со многими животными и совсем о них ничего не знаем. Просто - не интересуемся. Возьмем, например, всех собак, которых мы с тобой знали. У каждой - своя особенная душа, свои привычки, свои характер. То же у кошек. То же у лошадей. И у птиц. Совсем как у людей...

Ну, скажи, видала ли ты когда-нибудь еще такую непоседу и егозу, как ты, Ника? Зачем ты нажимаешь мизинцем на веко? Тебе кажутся две лампы? И они то съезжаются, то разъезжаются? Никогда не трогай глаз руками...

И никогда не верь тому, что тебе говорят дурного о животных. Тебе скажут: осел глуп. Когда человеку хотят намекнуть, что он недалек умом, упрям и ленив, - его деликатно называют ослом. Запомни же, что, наоборот, осел - животное не только умное, но и послушное, и приветливое, и трудолюбивое. Но если его перегрузить свыше его сил или вообразить, что он скаковая лошадь, то он просто останавливается и говорит: "Этого я не могу.

Делай со мной что хочешь". И можно бить его сколько угодно - он не тронется с места. Желал бы я знать, кто в этом случае глупее и упрямее: осел или человек? Лошадь - совсем другое дело. Она нетерпелива, нервна и обидчива. Она сделает даже то, что превышает ее силы, и тут же подохнет от усердия...

Говорят еще: глуп, как гусь... А умнее этой птицы нет на свете. Гусь знает хозяев по походке. Например, возвращаешься домой среди ночи. Идешь по улице, отворяешь калитку, проходишь по двору - гуси молчат, точно их нет. А незнакомый вошел во двор - сейчас же гусиный переполох: "Га-га-га! Га-га-га! Кто это шляется по чужим домам?"

А какие они... Ника, не жуй бумагу. Выплюнь... А какие они славные отцы и матери, если бы ты знала. Птенцов высиживают поочередно - то самка, то самец. Гусь даже добросовестнее гусыни. Если она в свой досужный час заговорится через меру с соседками у водопойного корыта, по женскому обыкновению, - господин гусь выйдет, возьмет ее клювом за затылок и вежливо потащит домой, ко гнезду, к материнским обязанностям. Вот как-с! И очень смешно, когда гусиное семейство изволит прогуливаться. Впереди он, хозяин и защитник. От важности и гордости клюв задрал к небу. На весь птичник глядит свысока. Но беда неопытной собаке или легкомысленной девочке, вроде тебя, Ника, если вы ему не уступите дороги: сейчас же зазмеит лад землею, зашипит, как бутылка содовой воды, разинет жесткий клюв, а назавтра Ника ходит с огромным синяком на левой ноге, ниже колена, а собачка все трясет ущемленным ухом.

А за гусем - гусенята, желто-зеленые, как пушок на цветущем вербном барашке. Жмутся друг к дружке и пищат. Шеи у них голенькие, на ногах они не тверды - не веришь тому, что вырастут и станут как папаша. Маменька - сзади. Ну, ее просто описать невозможно - такое вся она блаженство, такое торжество! "Пусть весь мир смотрит и удивляется, какой у меня замечательный муж и какие великолепные дети. Я хоть и мать и жена, но должна сказать правду: лучше на свете не сыщешь". И уж переваливается с боку на бок, уж переваливается... И вся семья гусиная - точь-в-точь как добрая немецкая фамилия на праздничной прогулке.

И отметь еще одно, Ника: реже всего попадают под автомобили гуси и собачки таксы, похожие на крокодилов, а кто из них на вид неуклюжее, -трудно даже решить.

Или, возьмем, лошадь. Что про нее говорят? Лошадь глупа. У нее только красота, способность к быстрому бегу да память мест. А так - дура дурой, кроме того еще, что близорука, капризна, мнительна и непривязчива к человеку. Но этот вздор говорят люди, которые держат лошадь в темных конюшнях, которые не знают радости воспитать ее с жеребячьего возраста, которые никогда не чувствовали, как лошадь благодарна тому, кто ее моет, чистит, водит коваться, поит и задает корм. У такого человека на уме только одно: сесть на лошадь верхом и бояться, как бы она его не лягнула, не куснула, не сбросила. В голову ему не придет освежить лошади рот, воспользоваться в пути более мягкой дорожкой, вовремя попоить умеренно, покрыть попонкой или своим пальто на стоянке... За что же лошадь будет его уважать, спрашиваю я тебя?

А ты лучше спроси у любого природного всадника о лошади, и он тебе всегда ответит: умнее, добрее, благороднее лошади нет никого, - конечно, если только она в хороших, понимающих руках.

У арабов - лучшие, какие только ни на есть, лошади. Но там лошадь - член семьи. Там на нее, как на самую верную няньку, оставляют малых детей. Уж будь спокойна, Ника, такая лошадь и скорпиона раздавит копытом, и дикого зверя залягает. А если чумазый ребятенок уползет на четвереньках куда-нибудь в колючие кусты, где змеи, лошадь возьмет его нежненько за ворот рубашонки или за штанишки и оттащит к шатру: "Не лазай, дурачок, куда не следует".

И умирают иногда лошади в тоске но хозяину, и плачут настоящими слезами.

А вот как запорожские казаки пели о лошади и об убитом хозяине. Лежит он мертвый среди поля, а

Вокруг его кобыльчина ходе,
Хвостом мух отгоняв,
В очи ему заглядае,
Пырська ему в лице.

Ну-ка? Кто из них прав? Воскресный всадник или природный?..

Ах, ты все-таки не позабыла про кошку? Хорошо, возвращаюсь к ней. И правда: мой рассказ почти исчез в предисловии. Так, в Древней Греции был крошечный городишко с огромнейшими городскими воротами. По этому поводу какой-то прохожий однажды пошутил: смотрите бдительно, граждане, за вашим городом, а то он, пожалуй, ускользнет в эти ворота.

А жаль. Я бы хотел тебе рассказать еще о многих вещах: о том, как чистоплотны и умны оклеветанные свиньи, как вороны на пять способов обманывают цепную собаку, чтобы отнять у нее кость, как верблюды... Ну,ладно, долой верблюдов, давай о кошке.

Спала Ю-ю в доме, где хотела: на диванах, на коврах, на стульях, на пианино сверх нотных тетрадок. Очень любила лежать на газетах, подползши под верхний лист: в типографской краске есть что-то лакомое для кошачьего обоняния, а кроме того, бумага отлично хранит тепло.

Когда дом начинал просыпаться, - первый ее деловой визит бывал всегда ко мне и то лишь после того, как ее чуткое ухо улавливало утренний чистый детский голосок, раздававшийся в комнате рядом со мною.

Ю-ю открывала мордочкой и лапками неплотно затворяемую дверь, входила, вспрыгивала на постель, тыкала мне в руку или в щеку розовый нос и говорила коротко: "Муррм".

За всю свою жизнь она ни разу не мяукнула, а произносила только этот довольно музыкальный звук "муррм". Но было в нем много разнообразных оттенков, выражавших то ласку, то тревогу, то требование, то отказ, то благодарность, то досаду, то укор. Короткое "муррм" всегда означало: "Иди за мной".

Она спрыгивала на пол и, не оглядываясь, шла к двери. Она не сомневалась в моем повиновении.

Я слушался. Одевался наскоро, выходил в темноватый коридор. Блестя желто-зелеными хризолитами глаз, Ю-ю дожидалась меня у двери, ведущей в комнату, где обычно спал четырехлетний молодой человек со своей матерью. Я приотворял ее. Чуть слышное признательное "мрм", S-образное движение ловкого тела, зигзаг пушистого хвоста, и Ю-ю скользнула в детскую.

Там - обряд утреннего здорованья. Сначала - почти официальный долг почтения - прыжок на постель к матери. "Муррм! Здравствуйте, хозяйка!" Носиком в руку, носиком в щеку, и кончено; потом прыжок на пол, прыжок через сетку в детскую кроватку. Встреча с обеих сторон нежная.

"Муррм, муррм! Здравствуй, дружок! Хорошо ли почивал?"

- Ю-юшенька! Юшенька! Восторгательная Юшенька!

И голос с другой кровати:

- Коля, сто раз тебе говорили, не смей целовать кошку! Кошка -рассадник микробов...

Конечно, здесь, за сеткой, вернейшая и нежнейшая дружба. Но все-таки кошки и люди суть только кошки и люди. Разве Ю-ю не знает, что сейчас Катерина принесет сливки и гречневую размазню с маслом? Должно быть, знает.

Ю-ю никогда не попрошайничает. (За услугу благодарит кротко и сердечно.) Но час прихода мальчишки из мясной и его шаги она изучила до тонкости. Если она снаружи, то непременно ждет говядину на крыльце, а если дома - бежит навстречу говядине в кухню. Кухонную дверь она сама открывает с непостижимой ловкостью. В ней не круглая костяная ручка, как в детской, а медная, длинная. Ю-ю с разбегу подпрыгивает и виснет на ручке, обхватив ее передними лапками с обеих сторон, а задними упирается в стену. Два-три толчка всем гибким телом - кляк! - ручка поддалась, и дверь отошла. Дальше. Бывает, что мальчуган долго копается, отрезая и взвешивая. Тогда от нетерпения Ю-ю зацепляется когтями за закраину стола и начинает раскачиваться вперед и назад, как циркач на турнике. Но - молча.

Мальчуган - веселый, румяный, смешливый ротозей. Он страстно любит всех животных, а в Ю-ю прямо влюблен. Но Ю-к" не позволяет ему даже к себе. Надменный взгляд - и прыжок в сторону. Она горда! Она никогда не забывает, что в ее жилах течет голубая кровь от двух ветвей: великой сибирской и державной бухарской. Мальчишка для нее - всего лишь кто-то, приносящий ей ежедневно мясо. На все, что вне ее дома, вне ее покровительства и благоволения, она смотрит с царственной холодностью. Нас она милостиво приемлет.

Я любил исполнять ее приказания. Вот, например, я работаю над парником, вдумчиво отщипывая у дынь лишние побеги - здесь нужен большой расчет.

Жарко от летнего солнца и от теплой земли. Беззвучно подходит Ю-ю.

"Мрум!"

Это значит: "Идите, я хочу пить".

Разгибаюсь с трудом. Ю-ю уже впереди. Ни разу не обернется на меня. Посмею ли я отказаться или замедлить? Она ведет меня из огорода во двор, потом на кухню, затем по коридору в мою комнату. Учтиво отворяю я перед нею все двери и почтительно пропускаю вперед. Придя ко мне, она легко вспрыгивает на умывальник, куда проведена живая вода,

ловко находит на мраморных краях три опорных точки для трех лап - четвертая на весу для баланса, - взглядывает на меня через ухо и говорит:

"Мрум. Пустите воду".

Я даю течь тоненькой серебряной струйке. Изящно вытянувши шею, Ю-ю поспешно лижет воду узким розовым язычком.

Кошки пьют изредка, но долго и помногу. Иногда для шутливого опыта я слегка завинчиваю четырехлапую никелевую рукоятку. Вода идет по капельке.

Ю-ю недовольна. Нетерпеливо переминается в своей неудобной позе, оборачивает ко мне голову. Два желтых топаза смотрят на меня с серьезным укором.

"Муррум! Бросьте ваши глупости!.."

И несколько раз тычет носом в кран.

Мне стыдно. Я прошу прощения. Пускаю воду бежать как следует.

Или еще: Ю-ю сидит на полу перед оттоманкой; рядом с нею газетный лист. Я вхожу.

Останавливаюсь. Ю-ю смотрит на меня пристально неподвижными, немигающими глазами. Я гляжу на нее. Так проходит с минуту. Во взгляде Ю-ю я ясно читаю: "Вы знаете, что мне нужно, но притворяетесь. Все равно просить я не буду".

Я нагибаюсь поднять газету и тотчас слышу мягкий прыжок. Она уже на оттоманке. Взгляд стал мягче. Делаю из газеты двухскатный шалашик и прикрываю кошку. Наружу - только пушистый хвост, но и он понемногу втягивается, втягивается под бумажную крышу. Два-три раза лист хрустнул, шевельнулся - и конец. Ю-ю спит. Ухожу на цыпочках.

Бывали у меня с Ю-ю особенные часы спокойного семейного счастья. Это тогда, когда я писал по ночам: занятие довольно изнурительное, но если в него втянуться, в нем много тихой отрады.

Царапаешь, царапаешь пером, вдруг не хватает какого-то очень нужного слова. Остановился. Какая тишина! Шипит еле слышно керосин в лампе, шумит морской шум в ушах, и от этого ночь еще тише. И все люди спят, и все звери спят, и лошади, и птицы, и дети, и Колины игрушки в соседней комнате. Даже собаки и те не лают, заснули. Косят глаза, расплываются и пропадают мысли. Где я: в дремучем лесу или на верху высокой башни? И вздрогнешь от мягкого упругого толчка. Это Ю-ю легко вскочила с пола на стол. Совсем неизвестно, когда пришла.

Поворочается немного на столе, помнется, облюбовывая место, и сядет рядышком со мною, у правой руки, пушистым, горбатым в лопатках комком; все четыре лапки подобраны и спрятаны, только две передние бархатные перчаточки чуть-чуть высовываются наружу.

Я опять пишу быстро и с увлечением. Порою, не шевеля головою, брошу быстрый взор на кошку, сидящую ко мне в три четверти. Ее огромный изумрудный глаз пристально устремлен на огонь, а поперек его, сверху вниз,узкая, как лезвие бритвы, черная щелочка зрачка. Но как ни мгновенно движение моих ресниц, Ю-ю успевает поймать его и повернуть ко мне свою изящную морд чку. Щелочки вдруг превратились в блестящие черные круги, а вокруг них тонкие каемки янтарного цвета. Ладно, Ю-ю, будем писать дальше.

Царапает, царапает перо. Сами собою приходят ладные, уклюжие слова. В послушном разнообразии строятся фразы. Но уже тяжелеет голова, ломит спину, начинают дрожать пальцы правой руки: того и гляди, профессиональная судорога вдруг скорчит их, и перо, как заостренный дротик, полетит через всю комнату. Не пора ли?

И Ю-ю думает, что пора. Она уже давно выдумала развлечение: следит внимательно за строками, вырастающими у меня на бумаге, водя глазами за пером, и притворяется перед самой собою, что это я выпускаю из него маленьких, черных, уродливых мух. И вдруг хлоп лапкой по самой последней мухе. Удар меток и быстр: черная кровь размазана по бумаге. Пойдем спать, Ю-юшка. Пусть мухи тоже поспят до завтрева.

За окном уже можно различить мутные очертания милого моего ясеня. Ю-ю сворачивается у меня в ногах, на одеяле.

Заболел Ю-юшкин дружок и мучитель Коля. Ох, жестока была его болезнь; до сих пор страшно вспоминать о ней. Тут только я узнал, как невероятно цепок бывает человек и какие огромные, неподозреваемые силы он может обнаружить в минуты любви и гибели.

У людей, Ника, существует много прописных истин и ходячих мнений, которые они принимают готовыми и никогда не потрудятся их проверить. Так, тебе, например, из тысячи человек девятьсот девяносто девять скажут: "Кошка - животное эгоистическое. Она привязывается к жилью, а не к человеку". Они не поверят, да и не посмеют поверить тому, что я сейчас расскажу про Ю-ю. Ты, я знаю, Ника, поверишь!

Кошку к больному не пускали. Пожалуй, это и было правильным. Толкнет что-нибудь, уронит, разбудит, испугает. И ее недолго надо было отучать от детской комнаты. Она скоро поняла свое положение. Но зато улеглась, как собака, на голом полу снаружи, у самой двери, уткнув свой розовый носик в щель под дверью, и так пролежала все эти черные дни, отлучаясь только для еды и кратковременной прогулки. Отогнать ее было невозможно. Да и жалко было. Через нее шагали, заходя в детскую и уходя, ее толкали ногами,наступали ей на хвост и на лапки, отшвыривали порою в спешке и нетерпении. Она только пискнет, даст дорогу и опять мягко, но настойчиво возвращается на прежнее место. О таковом кошачьем поведении мне до этой поры не приходилось ни слышать, ни читать. На что уж доктора привыкли ничему не удивляться, но даже доктор Шевченко сказал однажды со снисходительной усмешкой:

- Комичный у вас кот. Дежурит! Это курьезно...

Ах, Ника, для меня это вовсе не было ни комично, ни курьезно. До сих пор у меня осталась в сердце нежная признательность к памяти Ю-ю за ее звериное сочувствие...

И вот что еще было странно. Как только в Колиной болезни за последним жестоким кризисом наступил перелом к лучшему, когда ему позволили все есть и даже играть в постели, - кошка каким-то особенно тонким инстинктом поняла, что пустоглазая и безносая отошла от Колина изголовья, защелкав челюстями от злости. Ю-ю оставила свой пост. Долго и бесстыдно отсыпалась она на моей кровати. Но при первом визите к Коле не обнаружила никакого волнения. Тот ее мял и тискал, осыпал ее всякими ласковыми именами, назвал даже от восторга почему-то Юшкевичем! Она же вывернулась ловко из его еще слабых рук, сказала "мрм", спрыгнула на пол и ушла. Какая выдержка, чтобы не сказать: спокойное величие души!..

Дальше, милая моя Ника, я тебе расскажу о таких вещах, которым, пожалуй, и ты не поверишь. Все, кому я это ни рассказывал, слушали меня с улыбкой - немного недоверчивой, немного лукавой, немного принужденно-учтивой. Друзья же порою говорили прямо: "Ну и фантазия у вас, у писателей! Право, позавидовать можно. Где же это слыхано и видано, чтобы кошка собиралась говорить по телефону?"

А вот собиралась-таки. Послушай, Ника, как это вышло.

Встал с постели Коля худой, бледный, зеленый; губы без цвета, глаза ввалились, ручонки на свет сквозные, чуть розоватые. Но уже говорил я тебе: великая сила и неистощимая - человеческая доброта. Удалось отправить Колю для поправки, в сопровождении матери, верст за двести в прекрасную санаторию. Санатория эта могла соединяться прямым проводом с Петроградом и, при некоторой настойчивости, могла даже вызвать наш дачный городишко, а там и наш домашний телефон. Это все очень скоро сообразила Колина мама, и однажды я с живейшей радостью и даже с чудесным удивлением услышал из трубки милые голоса: сначала женский, немного усталый и деловой, потом бодрый и веселый детский.

Ю-ю с отъездом двух своих друзей - большого и маленького - долго находилась в тревоге и в недоумении. Ходила по комнатам и все тыкалась носом в углы. Ткнется и скажет выразительно: "Мик!" Впервые за наше давнее знакомство я стал слышать у нее это слово. Что оно значило по-кошачьи, я не берусь сказать, но по-человечески оно ясно звучало примерно так: "Что случилось? Где они? Куда пропали?"

И она озиралась на меня широко раскрытыми желто-зелеными глазами; в них я читал изумление и требовательный вопрос.

Жилье она себе выбрала опять на полу, в тесном закутке между моим письменным столом и тахтою. Напрасно я звал ее на мягкое кресло и на диван - она отказывалась, а когда я переносил ее туда на руках, она, посидев с минутку, вежливо спрыгивала и возвращалась в свой темный, жесткий, холодный угол. Странно: почему в дни огорчения она так упорно наказывала самое себя? Не хотела ли она этим примером наказать нас, близких ей людей, которые при всем их всемогуществе не могли или не хотели устранить беды и горя?

Телефонный аппарат наш помещался в крошечной передней на круглом столике, и около него стоял соломенный стул без спинки. Не помню, в какой из моих разговоров с санаторней я застал Ю-ю сидящей у моих ног; знаю только, что это случилось в самом начале. Но вскоре кошка стала прибегать на каждый телефонный звонок и, наконец, совсем перенесла свое место жилья в переднюю.

Люди вообще весьма медленно и тяжело понимают животных; животные - людей гораздо быстрее и тоньше. Я понял Ю-ю очень поздно, лишь тогда, когда однажды среди моего нежного разговора с Колей она беззвучно прыгнула с пола мне на плечи, уравновесилась и протянула вперед из-за моей щеки свою пушистую мордочку с настороженными ушами.

Я подумал: "Слух у кошки превосходный, во всяком случае, лучше, чем у собаки, и уж гораздо острее человеческого". Очень часто, когда поздним вечером мы возвращались из гостей, Ю-ю, узнав издали наши шаги, выбегала к нам навстречу за третью перекрестную улицу. Значит, она хорошо знала своих.

И еще. Был у нас знакомый очень непоседливый мальчик Жоржик, четырех лет. Посетив нас в первый раз, он очень досаждал кошке: трепал ее за уши и за хвост, всячески тискал и носился с нею по комнатам, зажав ее поперек живота. Этого она терпеть не могла, хотя по своей всегдашней деликатности ни разу не выпустила когтей. Но зато каждый раз потом, когда приходил Жоржик - будь это через две недели, через месяц и даже больше, - стоило только Ю-ю услышать звонкий голосишко Жоржика, раздававшийся еще на пороге, как она стремглав, с жалобным криком бежала спасаться: летом выпрыгивала в первое отворенное окно, зимою ускользала под диван или под комод. Несомненно, она обладала хорошей памятью.

"Так что же мудреного в том, - думал я, - что она узнала Колин милый голос и потянулась посмотреть: где же спрятан ее любимый дружок?"

Мне очень захотелось проверить мою догадку. В тот же вечер я написал письмо в санаторию с подробным описанием кошкиного поведения и очень просил Колю, чтобы в следующий раз, говоря со мной по телефону, он непременно вспомнил и сказал в трубку все прежние ласковые слова, которые он дома говорил Ю-юшке. А я поднесу контрольную слуховую трубку к кошкиному уху.

Вскоре получил ответ. Коля очень тронут памятью Ю-ю и просит передать ей поклон. Говорить со мною из санатории будет через два дня, а на третий соберутся, уложатся и выедут домой.

И правда, на другой же день утром телефон сообщил мне, что со мной сейчас будут говорить из санатории. Ю-ю стояла рядом на полу. Я взял ее к себе на колени - иначе мне трудно было бы управляться с двумя трубками. Зазвенел веселый, свежий Колин голосок в деревянном ободке. Какое множество новых впечатлений и знакомств! Сколько домашних вопросов, просьб и распоряжений! Я едва-едва успел вставить мою просьбу:

- Дорогой Коля, я сейчас приставлю Ю-юшке к уху телефонную трубку.

Готово! Говори же ей твои приятные слова.

- Какие слова? Я не знаю никаких слов, - скучно отозвался голосок.

- Коля, милый, Ю-ю тебя слушает. Скажи ей что-нибудь ласковое.

Поскорее.

- Да я не зна-аю. Я не по-омню. А ты мне купишь наружный домик дляптиц, как здесь у нас вешают за окна?

- Ну, Коленька, ну, золотой, ну, добрый мальчик, ты же обещал с Ю-ю поговорить.

- Да я не знаю говорить по-кошкиному. Я не умею. Я забы-ыл.

В трубке вдруг что-то щелкнуло, крякнуло, и из нее раздался резкий голос телефонистки:

- Нельзя говорить глупости. Повесьте трубку. Другие клиенты дожидаются.

Легкий стук, и телефонное шипение умолкло.

Так и не удался наш с Ю-ю опыт. А жаль. Очень интересно мне было узнать, отзовется ли наша умная кошка или нет на знакомые ей ласковые слова своим нежным "муррум".

Вот и все про Ю-ю.

Не так давно она умерла от старости, и теперь у нас живет кот-воркот, бархатный живот. О нем, милая моя Ника, в другой раз.

Вопросы

1. Как юный читатель понимает, что речь в рассказе «Ю-ю» идет о кошке?
2. Какими приемами Куприну удалось создать образ удивительной кошки Ю-ю?

Сапсан

Я Сапсан Тридцать Шестой - большой и сильный пес редкой породы красно-песочной масти, четырех лет отроду, и вешу около шести с половиной пудов. Прошлой весной в чужом огромном сарае, Гед нас, собак, было заперто немного больше, чем семь (дальше я не умею считать), мне повесили на шею тяжелую желтую лепешку, и все меня хвалили.

Однако лепешка ничем не пахла.

Я - меделян. Надо говорить "неделян". В глубокую старину для народа раз в неделю устраивалась потеха: стравливали медведей с сильными собаками. Мой пращур Сапсан II в присутствии грозного царя Иоанна IV, взяв медведя-стервятника "по месту" за горло, бросил его на землю, Гед он был приколот главным царским псарем. В честь и память его лучшие из моих предков носили имя Сапсан. Такой родословной могут похвастаться немногие жалованные графы. С потомками древних человеческих фамилий меня сближает то, что кровь наша, по мнению знающих людей, голубого цвета. Название же Сапсан - киргизское, и значит оно - ястреб.

Первое во всем мире существо - Хозяин. Я вовсе не раб его, даже не слуга, и не сторож, как думают иные, а друг и покровитель. Люди, эти ходящие на задних лапах, голые, носящие чужие шкуры животные, до смешного неловки и беззащитны. Но зато они обладают каким-то непонятным для нас чудесным и немного страшным могуществом, а больше всех - Хозяин. Я люблю в нем эту странную власть, и он ценит во мне силу, ловкость, отвагу и ум. Так мы и живем.

Хозяин честолюбив. Когда мы с ним идем рядом по улице - я у его правой ноги, - за нами всегда слышаться лестные замечания: "Вот так собачище...целый лев... какая чудная морда" и так далее. Ни одним движением я не даю Хозяину понять, что слышу эти похвалы и что знаю, к кому они относятся. Но я чувствую, как мне по невидимым нитям передается его смешная, наивная, гордая радость. Чудак. Пусть тешится. Мне он еще милее со своими маленькими слабостями.

Я силен. Я сильнее всех собак на свете. Они это узнают еще издали по моему запаху, по виду, по взгляду. Я же на расстоянии вижу их души, лежащие передо мною на спинах, с лапами, поднятыми вверх. Строгие правила собачьего единоборства воспрещают мне трогать сдавшегося, и я не нахожу себе достойного соперника для хорошей драки... А как иногда хочется... Впрочем, большой тигровый дог с соседней улицы совсем перестал выходить из дома после того, как я его проучил за невежливость. Проходя мимо забора, за которым он жил, я теперь уже не чую его запаха и никогда не слышу издали его лая.

Люди не то. Они всегда давят слабого. Даже Хозяин, самый добрый из людей, иногда так бьет - вовсе не громкими, но жестокими - словами других, маленьких и трусливых, что мне становится стыдно и жалко. Я тихонько тычу его в руку носом, но он не понимает и отмахивается.

Мы, собаки, в смысле отгадывания мыслей в семь и еще много раз тоньше людей. Людям, чтобы понимать друг друга, нужны внешние отличия, слова, изменения голоса, взгляда и прикосновения. Я же познаю их души просто, одним внутренним чутьем. Я чувствую тайными, неведомыми, дрожащими путями, как их души краснеют, бледнеют, трепещут, завидуют, любят, ненавидят. Когда Хозяина нет дома, я издали знаю: счастье или несчастье постигло его, И я радуюсь или грущу.

Говорят про нас: такая-то собака добра, такая-то - зла. Нет. Зол или добр, храбр или труслив, доверчив или скрытен бывает только человек. А по нему и собаки, живущие с ним под одной кровлей.

Я позволю людям гладить себя. Но я предпочитаю, если мне протягивают открытую ладонь. Лапу когтями вверх я не люблю. Многолетний собачий опыт учит, что в ней может таиться камень (меньшая дочка Хозяина, моя любимица, не может выговорить "камень", а говорит "кабин"). Камень - вещь, которая летит далеко, попадает метко и ударяет больно. Это я видел на других собаках. Понятно, в меня никто не осмелился швырнуть камнем!

Какие глупости говорят люди, будто собаки не выдерживают человеческого взгляда. Я могу глядеть в глаза Хозяина хоть целый вечер, не отрываясь. Но мы, собаки, отводим глаза из чувства брезгливости. У большинства людей, даже у молодых, взгляд усталый, тупой и злой, точно у старых, больных, нервных, избалованных хрипучих мосек. Зато у детей глаза чисты, ясны и доверчивы.

Когда дети ласкают меня, я с трудом удерживаюсь, чтобы не лизнуть кого-нибудь из них прямо в розовую мордочку. Но Хозяин не позволяет, а иногда даже погрозит плеткой. Почему? Не понимаю. Даже и у него есть свои странности.

О косточке. Кто же не знает, что это самая увлекательная вещь в мире. Жилки, внутренность ноздреватая, вкусная, пропитанная мозгом. Над иным занимательным мосолком можно охотно можно охотно потрудиться от завтрака до обеда. И я так думаю: кость - всегда кость, хотя бы самая подержанная, а следовательно, ею всегда не поздно позабавиться. И потому я зарываю ее

в землю в саду или на огороде. Кроме того, я размышляю: вот было на ней мясо и нет его; почему же, если его нет, ему снова не быть?

И если кто-нибудь - человек, кошка или собака - проходит мимо места, где она закопана, я сержусь и рычу. Вдруг догадаются? Но чаще я сам забываю место, и тогда долго бываю не в духе.

У нас живет в доме пушистая кошка "Катя", необыкновенно важное и дерзкое существо. Она держит себя так надменно, будто бы весь дом и все, что в доме - люди и вещи, - принадлежит ей. На чужих собак она всегда бросается первая, вцепляясь в морду. Мы с ней живем дружно, Вечером, когда мне приносят мою миску с овсянкой и костями, я охотно позволяю ей подойти и полакать со мною. Но уговор: косточек не трогать. И она это хорошо помнит после того, как однажды я на нее очень громко прикрикнул. Зато и я соблюдаю договор: кошкиного молока не трогать! Однако играть с ней я не люблю. Непременно в игре забудется и оцарапает мне нос. А этого я терпеть не могу. Долго потом чихаю и тру нос лапами.

На днях Маленькая позвала меня к себе, в детскую и открыла шкафчик. Там на нижней полке лежала на боку наша кошка, и ее сосала целая куча смешных слепых котят. "Правда, сапсан, какие они восторгательные?" - сказала мне Маленькая.

Правда. Они мне очень понравились. Двух или трех я обнюхал, лизнул и носом перевернул с брюшка на спинку. Они пищали, точно мышата, и были теплые и мягкие, беспомощные и сердитые. Забеспокоившись, кошка приподняла голову и сказала жалобным голосом: "Ах, пожалуйста, Сапсан, поосторожнее, не наступите на них лапой, вы такой большой".

Вот глупая. Точно я сам не знаю?

Сегодня Хозяин взял меня в гости в дом, где мы еще никогда не бывали.

Там я увидел замечательное чудо: не щенка, а настоящую взрослую собаку, но такую маленькую, что она свободно поместилась бы в молей закрытой пасти, и там ей еще осталось бы довольно места, чтобы покружиться вокруг самой себя, прежде чем лечь. Вся она, со своими тоненькими, шаткими ножками и мокрыми выпуклыми черными глазами, походила на какого-то трясущегося паучка, но - скажу откровенно - более свирепого создания я еще никогда не встречал. Она с ожесточением накинулась на меня и закричала пронзительно: "Вон из моего дома! Вон сию же минуту! Иначе я растерзаю на части! Оторву хвост и голову! Вон! От тебя улицей пахнет!" И она еще прибавила несколько таких слов, что... Я испугался, пробовал залезть под диван, но прошла только голова, и диван поехал по полу, потом я забился в угол. Хозяин смеялся. Я поглядел на него укоризненно. Он ведь сам хорошо знает, что я не отступлю ни перед лошадью, ни перед быком, ни перед медведем. Просто - меня поразило и ужаснуло, что этот крошечный собачий комочек извергает из себя такой огромный запас злости.

После Хозяина всех ближе моему собачьему сердцу маленькая - так я зову его дочку. Никому бы, кроме нее, я не простил, если бы вздумали таскать меня за хвост и за уши, садиться на меня верхом или запрягать в повозку. Но я все терплю и, притворяясь, повизгиваю, как трехмесячный щенок. И радостно мне бывает по вечерам лежать неподвижно, когда она, набегавшись за день, вдруг задремлет на ковре, прикорнув головкой у меня на боку. И она, когда мы играем, тоже не обижается, если я иногда махну хвостом и свалю ее с ног.

Иногда мы с нею развозимся, и она начинает хохотать. Я это очень люблю, но сам не умею. Тогда я прыгаю вверх всеми четырьмя лапами и лаю громко, как только могу. И меня обыкновенно вытаскивают за ошейник на улицу. Почему?

Летом был такой случай на даче. Маленькая еще едва ходила и была препотешная. Мы гуляли втроем. Она, я и нянька. Вдруг все заметались – люди и животные. Посредине улицы мчалась собака, черная, в белых пятнах, с опущенной головой, с висящим хвостом, вся в пыли и пене. Нянька убежала, визжа. Маленькая села на землю и заплакала. Собака неслась прямо на нас. И от этого пса еще издали сразу повеяло на меня острым запахом безумия и беспредельно-бешеной злобы. От ужаса вся шерсть на мне вздыбилась, но я превозмог себя и загородил телом Маленькую.

Это уже было не единоборство, а смерь одному из нас. Я сжался, выждал краткий, точный миг и одним скачком опрокинул пеструю на землю. Потом поднял за шиворот на воздух и встряхнул. Она легла на землю без движения, плоская и теперь совсем не страшная. Но Маленькая очень перепугалась. Я привел ее домой. Всю дорогу она держала меня за ухо и прижималась ко мне, я чувствовал, как дрожало ее маленькое тельце.

Не бойся, моя Маленькая. Когда я с тобой, то ни один зверь, ни один человек на свете не посмеет тебя обидеть.

Не люблю я лунных ночей, и мне нестерпимо хочется выть, когда я гляжу на небо. Мне кажется, что оттуда смотрит кто-то большой, больше самого Хозяина, то, кого Хозяин так непонятно называет "Вечность" или иначе. Тогда я смутно предчувствую, что и моя жизнь когда-нибудь кончится, как кончается жизнь собак, жуков и растений. Придет ли тогда, перед концом, ко мне Хозяин?

Я не знаю. Я бы этого очень хотел. Но даже если он и не придет – моя последняя мысль все-таки будет о Нем.

Вопросы

1. Как повествование от 1-го лица помогает раскрыть образ преданного пса Сапсана?
2. В чем психологизм изображения Сапсана и Маленькой?
3. Какие чувства вызывает чтение этого рассказа у маленьких читателей?

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ РЕМИЗОВ (1877-1957)
Гуси-лебеди

Еще до рассвета, когда черти бились на кулачки, и собиралась заря в восход взойти, и вскидывал ветер шелковой плеткой, вышел из леса волк в поле погулять.

Канули черти в овраг, занялась заря, выкатилось в зорьке солнце. А под солнцем рай-дерево распустило свой сиреневый медовый цвет.

Гуси проснулись. Попросились гуси у матери в поле полетать. Не перечила мать, отпустила гусей в поле, сама осталась на озере, села яйцо нести. Несла яйцо, не заметила, как уж день подошел к вечеру.

Забеспокоилась мать, зовет детей:

- Гуси-лебеди, домой!

Кричат гуси:

— Волк под горой!

— Что он делает?

— Утку щиплет.

— Какую?

— Серую да белую.

— Летите, не бойтесь…

Побежали гуси с поля. А волк тут как тут. Перенял все стадо, потащил гусей под горку. Ему, серому, только того и надо.

— Готовьтесь, — объявил волк гусям, — я сейчас вас есть буду.

Взмолились гуси:

— Не губи нас, серый волк, мы тебе по лапочке отдадим по гусиной.

— Ничего не могу поделать, я — волк серый.

Пощипали гуси травки, сели в кучку, а уж солнышко заходит, домой хочется.

Волк в те поры точил себе зубы: иступил, лакомясь утками.

А мать, как почуяла, что неладное случилось с детьми, снялась с озера да в поле. Полетала по полю, покликала, видит — перышки валяются, да следом прямо и пришла к горке.

Стала она думать, как ей своих найти, — у волка были там и другие гуси, — думала, думала и придумала: пошла ходить по гусям да тихонько за ушко дергать. Который гусь пикнет, стало быть, ее, — матернин, а который закукарекает, не ее, — волков.

Так всех своих и нашла.

Уж и обрадовались гуси, содом подняли.

Бросил волк зубы точить, побежал посмотреть, в чем дело.

Тут-то они на него, на серого, и напали. Схватили волка за бока, поволокли на горку, разложили под рай-деревом да такую баню задали, не приведи Бог.

— Вы мне хвост-то не оторвите! — унимал гусей волк, отбрыкивался.

Пощипали-таки его изрядно, уморились да опять на озеро: пора и спать ложиться.

Поднялся волк не солоно хлебавши, пошел в лес.

Возныла темная туча, покрыла небо.

А во тьме белые томновали по лугу девки-пустоволоски да бабы-самокрутки, поливали одолень-траву.

Вылезли на берег водяники, поснимали с себя тину, сели на колоды и поплыли.

Шел серый волк, спотыкался о межу, думал-гадал об Иване-царевиче.
На озере гуси во сне гоготали.

Вопросы

1. В чем сходство сказки с русскими народными сказками?
2. Традиционен ли образ волка?
3. Почему в сказке широко употребляются просторечные слова?

ГЛАВА 5. ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 20-30-Х ГОДОВ

МАКСИМ ГОРЬКИЙ (1868-1936)
Самовар

Было это летней ночью на даче.

В маленькой комнате стоял на столе у окна пузатый самовар и смотрел в небо, горячо распевая:

Замечаете ли, чайник, что луна
Чрезвычайно в самовар влюблена?

Дело в том, что люди забыли прикрыть трубу самовара тушилкой и ушли, оставив чайник на конфорке; углей в самоваре было много, а воды мало – вот он и кипятился, хвастаясь пред всеми блеском своих медных боков.

Чайник был старенький, с трещиной на боку, и очень любил дразнить самовар. Он уж тоже начинал закипать; это ему не нравилось, – вот он поднял рыльце кверху и шипит самовару, подзадоривая его:

На тебя луна
Смотрит свысока,
Как на чудака, –
Вот тебе и на!

Самовар фыркает паром и ворчит:

Вовсе нет. Мы с ней – соседи,
Даже несколько родня:
Оба сделаны из меди!
Но она – тусклей меня,
Эта рыжая лунишка, –
Вон на ней какие пятна!
Ах, какой ты хвастунишка,
Даже слушать неприятно! –

зашипел чайник, тоже выпуская из рыльца горячий пар.

Этот маленький самовар и вправду очень любил хвастаться; он считал себя умницей, красавцем, ему давно уже хотелось, чтоб луну сняли с неба и сделали из нее поднос для него.

Форсисто фыркая, он будто не слышал, что сказал ему чай ник, – поет себе во всю мочь:

Фух, как я горяч!
Фух, как я могуч!
Захочу – прыгну, как мяч,
На луну выше туч!

А чайник шипит свое:

Вот извольте говорить
С эдакой особой.
Чем зря воду-то варить,
Ты – прыгни, попробуй!

Самовар до того раскалился, что посинел весь и дрожит-гудит:

Покиплю еще немножко,
А когда наскучит мне, –
Сразу выпрыгну в окошко
И женюся на луне!

Так они оба всё кипели и кипели, мешая спать всем, кто был на столе. Чайник дразнит:

Она тебя круглей.
Зато в ней нет углей, –
отвечает самовар.

Синий сливочник, из которого вылили все сливки, сказал пустой стеклянной сахарнице:

Всё пустое, всё пустое!
Надоели эти двое!
Да, их болтовня
Раздражает и меня, –

ответила сахарница сладеньким голосом. Она была толстая, широкая и очень смешлива, а сливочник – так себе: горбатенький господин унылого характера с одной ручкой; он всегда говорил что-нибудь печальное.

– Ах, – сказал он, –
Всюду – пусто, всюду – сухо,
В самоваре, на луне.

Сахарница, поежившись, закричала:

А в меня залезла муха
И щекочет стенки мне...
Ох, ох, я боюсь,
Что сейчас засмеюсь!
Это будет странно –
Слышать смех стеклянный... –

невесело сказал сливочник.

Проснулась чумазая тушилка и зазвенела:

Дзинь! Кто это шипит!
Что за разговоры?
Даже кит ночью спит,
А уж полночь скоро!

Но, взглянув на самовар, испугалась и звенит:

Ай, люди все ушли
Спать или шляться,
А ведь мой самовар
Может распаяться!
Как они могли забыть
Обо мне, тушилке?
Ну, придется им теперь
Почесать затылки!

Тут проснулись чашки и давай дребезжать:

Мы скромные чашки,
Нам всё – всё равно!
Все эти замашки
Мы знаем давно!
Нам ни холодно, ни жарко,
Мы привыкли ко всему!
Хвастун самоварко,
И не верим мы ему!

Заворчал чайник:

Ф-фу, как горячо,
Жарко мне отчайно.
Это не случайно,
Это чрезвычайно!
И лопнул!

А самовар чувствовал себя совсем плохо: вода в нем давно вся выкипела, а он раскалился, кран у него отпаялся и повис, как нос у пьяного, одна ручка тоже вывихнулась, но он всё еще храбрился и гудел, глядя на луну:

Ах, будь она ясней,
Не прячься она днем,
Я поделился б с ней

Водою и огнем!
Она со мной тогда
Жила бы не скучая,
И шел бы дождь всегда
Из чая!

Он уж почти не мог выговаривать слов и наклонялся набок, но всё еще бормотал:

А если днем она должна ложиться спать,
Чтоб по ночам светлей сияло ее донце, –
Я мог бы на себя и днем и ночью взять
Обязанности солнца!
И света и тепла земле я больше дам,
Ведь я его и жарче и моложе!
Светить и ночь и день ему не по годам, –
А это так легко для медной рожи!

Тушилка обрадовалась, катается по столу и звенит:

Ах, это очень мило!
Это очень лестно –
Я бы солнце потушила!
Ах, как интересно!

Но тут – крак! – развалился самовар на кусочки, кран клюкнулся в полоскательную чашку и разбил ее, труба с крышкой высунулась вверх, покачалась-покачалась и упала набок, отколов ручку у сливочника; тушилка, испугавшись, откатилась на край стола и бормочет:

Вот смотрите: люди вечно
Жалуются на судьбу,
А тушилку позабыли
Надеть на трубу!

А чашки, ничего не боясь, хохочут и поют:

Жил-был самовар,
Маленький, да пылкий,
И однажды не прикрыли
Самовар тушилкой!
Был в нем сильный жар,
А воды немного;
Распаялся самовар, –
Туда ему дорога,
Туда и до-ро-га-а!

Вопросы

1. Как М.Горький сочатает поэтический и прозаический планы повествования?
2. Как речь персонажей отражают их характеры?
3. Кого или что олицетворяет собой образ самовара?

Воробьишко

У воробьев совсем так же, как у людей: взрослые воробьи и воробьихи — пичужки скучные и обо всем говорят, как в книжках написано, а молодежь — живет своим умом.

Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик, а жил он над окошком бани, за верхним наличником, в теплом гнезде из пакли, моховинок и других мягких материалов. Летать он еще не пробовал, но уже крыльями махал и всё выглядывал из гнезда: хотелось поскорее узнать — что такое божий мир и годится ли он для него?

— Что, что? — спрашивала его воробьиха-мама.

Он потряхивал крыльями и, глядя на землю, чирикал:

— Чересчур черна, чересчур!

Прилетал папаша, приносил букашек Пудику и хвастался:

— Чив ли я? Мама-воробьиха одобряла его:

— Чив, чив!

А Пудик глотал букашек и думал: "Чем чванятся — червяка с ножками дали — чудо!"

И всё высовывался из гнезда, всё разглядывал.
— Чадо, чадо, — беспокоилась мать, — смотри — чебурахнешься!
— Чем, чем? — спрашивал Пудик.
— Да не чем, а упадешь на землю, кошка — чик! и слопает! — объяснял отец, улетая на охоту.
Так всё и шло, а крылья расти не торопились.

Подул однажды ветер — Пудик спрашивает:
— Что, что?
— Ветер дунет на тебя — чирик! и сбросит на землю — кошке! — объяснила мать.

Это не понравилось Пудику, он и сказал:
— А зачем деревья качаются? Пусть перестанут, тогда ветра не будет…

Пробовала мать объяснить ему, что это не так, но он не поверил — он любил объяснять всё по-своему.

Идет мимо бани мужик, машет руками.
— Чисто крылья ему оборвала кошка, — сказал Пудик, — одни косточки остались!
— Это человек, они все бескрылые! — сказала воробьиха.
— Почему?
них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на ногах прыгают, чу?
— Зачем?
— Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с папой мошек…
— Чушь! — сказал Пудик. — Чушь, чепуха! Все должны иметь крылья. Чать, на земле хуже, чем в воздухе!.. Когда я вырасту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме; он еще не знал, что если маме не верить, это плохо кончится.

Он сидел на самом краю гнезда и во всё горло распевал стихи собственного сочинения:

Эх, бескрылый человек,
У тебя две ножки,
Хоть и очень ты велик,
Едят тебя мошки!
А я маленький совсем,
Зато сам мошек ем.

Пел, пел да и вывалился из гнезда, а воробьиха за ним, а кошка — рыжая, зеленые глаза — тут как тут.

Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на серееньких ногах и чирикает:
— Честь имею, имею честь…
А воробьиха отталкивает его в сторону, перья у нее дыбом встали — страшная, храбрая, клюв раскрыла — в глаз кошке целит.
— Прочь, прочь! Лети, Пудик, лети на окно, лети…

Страх приподнял с земли воробьишку, он подпрыгнул, замахал крыльями — раз, раз и — на окне!
Тут и мама подлетела — без хвоста, но в большой радости, села рядом с ним, клюнула его в затылок и говорит:
— Что, что?
— Ну что ж! — сказал Пудик. — Всему сразу не научишься!

А кошка сидит на земле, счищая с лапы воробьихины перья, смотрит на них — рыжая, зеленые глаза — и сожалительно мяукает:
— Мяа-аконький такой воробушек, словно мы-ышка… мя-увы…

И всё кончилось благополучно, если забыть о том, что мама осталась без хвоста…

Вопросы

1. Почему Пудик не слушал предупреждений матери?
2. В чем поведение Пудика похоже на поведение ребенка?
3. Что нового внес М.Горький в изображение мира детства?

КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ ЧУКОВСКИЙ (1882-1969)

Доктор Айболит

1

Добрый доктор Айболит!
Он под деревом сидит.

Приходи к нему лечиться
И корова, и волчица,
И жучок, и червячок,
И медведица!

Всех излечит, исцелит
Добрый доктор Айболит!
2
И пришла к Айболиту лиса:
«Ой, меня укусила оса!»

И пришёл к Айболиту барбос:
«Меня курица клюнула в нос!»

И прибежала зайчиха
И закричала: «Ай, ай!
Мой зайчик попал под трамвай!
Мой зайчик, мой мальчик
Попал под трамвай!
Он бежал по дорожке,
И ему перерезало ножки,
И теперь он больной и хромой,
Маленький заинька мой!»

И сказал Айболит: «Не беда!
Подавай-ка его сюда!
Я пришью ему новые ножки,
Он опять побежит но дорожке».
И принесли к нему зайку,
Такого больного, хромого,
И доктор пришил ему ножки,
И заинька прыгает снова.
А с ним и зайчиха-мать
Тоже пошла танцевать,
И смеётся она и кричит:
«Ну, спасибо тебе. Айболит!»
3
Вдруг откуда-то шакал
На кобыле прискакал:
«Вот вам телеграмма
От Гиппопотама!»
«Приезжайте, доктор,
В Африку скорей
И спасите, доктор,
Наших малышей!»

«Что такое? Неужели
Ваши дети заболели?»

«Да-да-да! У них ангина,
Скарлатина, холерина,
Дифтерит, аппендицит,
Малярия и бронхит!

Приходите же скорее,
Добрый доктор Айболит!»

«Ладно, ладно, побегу,
Вашим детям помогу.
Только где же вы живёте?
На горе или в болоте?»

«Мы живём на Занзибаре,
В Калахари и Сахаре,
На горе Фернандо-По,
Где гуляет Гиппо-по
По широкой Лимпопо».

4

И встал Айболит, побежал Айболит.
По полям, но лесам, по лугам он бежит.
И одно только слово твердит Айболит:
«Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо!»

А в лицо ему ветер, и снег, и град:
«Эй, Айболит, воротися назад!»
И упал Айболит и лежит на снегу:
«Я дальше идти не могу».

И сейчас же к нему из-за ёлки
Выбегают мохнатые волки:
«Садись, Айболит, верхом,
Мы живо тебя довезём!»

И вперёд поскакал Айболит
И одно только слово твердит:
«Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо!»

5

Но вот перед ними море —
Бушует, шумит на просторе.
А в море высокая ходит волна.
Сейчас Айболита проглотит она.

«О, если я утону,
Если пойду я ко дну,
Что станется с ними, с больными,
С моими зверями лесными?»
Но тут выплывает кит:
«Садись на меня, Айболит,
И, как большой пароход,
Тебя повезу я вперёд!»

И сел на кита Айболит
И одно только слово твердит:
«Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо!»

6

И горы встают перед ним на пути,
И он по горам начинает ползти,
А горы всё выше, а горы всё круче,
А горы уходят под самые тучи!
«О, если я не дойду,
Если в пути пропаду,
Что станется с ними, с больными,
С моими зверями лесными?»

И сейчас же с высокой скалы
К Айболиту слетели орлы:
«Садись, Айболит, верхом,
Мы живо тебя довезём!»

И сел на орла Айболит
И одно только слово твердит:
«Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо!»
7
А в Африке,
А в Африке,
На чёрной
Лимпопо,
Сидит и плачет
В Африке
Печальный Гиппопо.

Он в Африке, он в Африке
Под пальмою сидит
И на море из Африки
Без отдыха глядит:
Не едет ли в кораблике
Доктор Айболит?

И рыщут по дороге
Слоны и носороги
И говорят сердито:
«Что ж нету Айболита?»

А рядом бегемотики
Схватились за животики:
У них, у бегемотиков,
Животики болят.

И тут же страусята
Визжат, как поросята.
Ах, жалко, жалко, жалко
Бедных страусят!

И корь, и дифтерит у них,
И оспа, и бронхит у них,
И голова болит у них,
И горлышко болит.

Они лежат и бредят:
«Ну что же он не едет,
Ну что же он не едет,
Доктор Айболит?»

А рядом прикорнула
Зубастая акула,
Зубастая акула
На солнышке лежит.

Ах, у её малюток,
У бедных акулят,
Уже двенадцать суток

Зубки болят!

И вывихнуто плечико
У бедного кузнечика;
Не прыгает, не скачет он,
А горько-горько плачет он
И доктора зовёт:
«О, где же добрый доктор?
Когда же он придёт?»
8
Но вот, поглядите, какая-то птица
Всё ближе и ближе по воздуху мчится.
На птице, глядите, сидит Айболит
И шляпою машет и громко кричит:
«Да здравствует милая Африка!»

И рада и счастлива вся детвора:
«Приехал, приехал! Ура! Ура!»
А птица над ними кружится,
А птица на землю садится.
И бежит Айболит к бегемотикам,
И хлопает их по животикам,
И всем по порядку
Даёт шоколадку,
И ставит и ставит им градусники!

И к полосатым
Бежит он тигрятам.
И к бедным горбатым
Больным верблюжатам,
И каждого гоголем,
Каждого моголем,
Гоголем-моголем,
Гоголем-моголем,
Гоголем-моголем потчует.

Десять ночей Айболит
Не ест, не пьёт и не спит,
Десять ночей подряд
Он лечит несчастных зверят
И ставит и ставит им градусники.
9
Вот и вылечил он их,
Лимпопо!
Вот и вылечил больных.
Лимпопо!
И пошли они смеяться,
Лимпопо!
И плясать и баловаться,
Лимпопо!

И акула Каракула
Правым глазом подмигнула
И хохочет, и хохочет,
Будто кто её щекочет.

А малютки бегемотики

Ухватились за животики
И смеются, заливаются —
Так что дубы сотрясаются.

Вот и Гиппо, вот и Попо,
Гиппо-попо, Гиппо-попо!
Вот идёт Гиппопотам.
Он идёт от Занзибара.
Он идёт к Килиманджаро —
И кричит он, и поёт он:
«Слава, слава Айболиту!
Слава добрым докторам!»

Вопросы

1. Кто такой доктор Айболит?
2. В чем оригинальность сюжета этой сказки для детей?

Муха-Цокотуха

Муха, Муха-Цокотуха,
Позолоченное брюхо!

Муха по полю пошла,
Муха денежку нашла.

Пошла Муха на базар
И купила самовар:

"Приходите, тараканы,
Я вас чаем угощу!"

Тараканы прибегали,
Все стаканы выпивали,

А букашки -
По три чашки
С молоком
И крендельком:
Нынче Муха-Цокотуха
Именинница!
Приходили к Мухе блошки,
Приносили ей сапожки,
А сапожки не простые -
В них застежки золотые.

Приходила к Мухе
Бабушка-пчела,
Мухе-Цокотухе
Меду принесла...

"Бабочка-красавица.
Кушайте варенье!
Или вам не нравится
Наше угощенье?"

Вдруг какой-то старичок
Паучок
Нашу Муху в уголок

Поволок -
Хочет бедную убить,
Цокотуху погубить!

"Дорогие гости, помогите!
Паука-злодея зарубите!
И кормила я вас,
И поила я вас,
Не покиньте меня
В мой последний час!"

Но жуки-червяки
Испугалися,
По углам, по щелям
Разбежалися:
Тараканы
Под диваны,
А козявочки
Под лавочки,
А букашки под кровать -
Не желают воевать!
И никто даже с места
Не сдвинется:
Пропадай-погибай,
Именинница!
А кузнечик, а кузнечик,
Ну, совсем как человечек,
Скок, скок, скок, скок!
За кусток,
Под мосток
И молчок!

А злодей-то не шутит,
Руки-ноги он Мухе верёвками крутит,
Зубы острые в самое сердце вонзает
И кровь у неё выпивает.

Муха криком кричит,
Надрывается,
А злодей молчит,
Ухмыляется.

Вдруг откуда-то летит
Маленький Комарик,
И в руке его горит
Маленький фонарик.

"Где убийца, где злодей?
Не боюсь его когтей!"

Подлетает к Пауку,
Саблю вынимает
И ему на всём скаку
Голову срубает!

Муху за руку берёт
И к окошечку ведёт:

"Я злодея зарубил,
Я тебя освободил
И теперь, душа-девица,
На тебе хочу жениться!"
Тут букашки и козявки
Выползают из-под лавки:
"Слава, слава Комару -
Победителю!"

Прибегали светляки,
Зажигали огоньки -
То-то стало весело,
То-то хорошо!

Эй, сороконожки,
Бегите по дорожке,
Зовите музыкантов,
Будем танцевать!

Музыканты прибежали,
В барабаны застучали.
Бом! бом! бом! бом!
Пляшет Муха с Комаром.

А за нею Клоп, Клоп
Сапогами топ, топ!

Козявочки с червяками,
Букашечки с мотыльками.
А жуки рогатые,
Мужики богатые,
Шапочками машут,
С бабочками пляшут.

Тара-ра, тара-ра,
Заплясала мошкара.

Веселится народ -
Муха замуж идёт
За лихого, удалого,
Молодого Комара!

Муравей, Муравей!
Не жалеет лаптей,-
С Муравьихою попрыгивает
И букашечкам подмигивает:

"Вы букашечки,
Вы милашечки,
Тара-тара-тара-тара-таракашечки!"

Сапоги скрипят,
Каблуки стучат,-
Будет, будет мошкара
Веселиться до утра:
Нынче Муха-Цокотуха
Именинница!

Вопросы

1. Как в сказке происходит быстрая смена праздничного настроения и игрового кошмара?
2. С какой целью используются в сказке многочисленные восклицания, реплики и патетические жесты?

Путаница

Замяукали котята:
"Надоело нам мяукать!
Мы хотим, как поросята,
Хрюкать!"

А за ними и утята:
"Не желаем больше крякать!
Мы хотим, как лягушата,
Квакать!"

Свинки замяукали:
Мяу, мяу!

Кошечки захрюкали:
Хрю, хрю, хрю!

Уточки заквакали:
Ква, ква, ква!

Курочки закрякали:
Кря, кря, кря!

Воробышек прискакал
И коровой замычал:
Му-у-у!

Прибежал медведь
И давай реветь:
Ку-ка-ре-ку!

Только заинька
Был паинька:
Не мяукал
И не хрюкал -
Под капустою лежал,
По-заячьи лопотал
И зверюшек неразумных
Уговаривал:
"Кому велено чирикать -
Не мурлыкайте!
Кому велено мурлыкать -
Не чирикайте!
Не бывать вороне коровою,
Не летать лягушатам под облаком!"

Но весёлые зверята -
Поросята, медвежата -
Пуще прежнего шалят,
Зайца слушать не хотят.
Рыбы по полю гуляют,
Жабы по небу летают,

Мыши кошку изловили,
В мышеловку посадили.

А лисички
Взяли спички,
К морю синему пошли,
Море синее зажгли.

Море пламенем горит,
Выбежал из моря кит:
"Эй, пожарные, бегите!
Помогите, помогите!"

Долго, долго крокодил
Море синее тушил
Пирогами, и блинами,
И сушёными грибами.

Прибегали два курчонка,
Поливали из бочонка.

Приплывали два ерша,
Поливали из ковша.

Прибегали лягушата,
Поливали из ушата.

Тушат, тушат - не потушат,
Заливают - не зальют.

Тут бабочка прилетала,
Крылышками помахала,
Стало море потухать -
И потухло.

Вот обрадовались звери!
Засмеялись и запели,
Ушками захлопали,
Ножками затопали.

Гуси начали опять
По-гусиному кричать:
Га-га-га!

Кошки замурлыкали:
Мур-мур-мур!

Птицы зачирикали:
Чик-чирик!

Лошади заржали:
И-и-и!

Мухи зажужжали:
Ж-ж-ж!

Лягушата квакают:
Ква-ква-ква!

А утята крякают:
Кря-кря-кря!

Поросята хрюкают:
Хрю-хрю-хрю!

Мурочку баюкают
Милую мою:
Баюшки-баю!
Баюшки-баю!

Вопросы

1. Какие несуразицы и нелепости происходят в стихотворении «Путаница»?
2. Как они отражают мир ребенка?
3. С какой целью использованы здесь звукоподражания?

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК (1887-1964)

Мяч

Мой веселый, звонкий мяч
Ты куда пустился вскачь,
Желтый, красный, голубой,
Не угнаться за тобой.
Я тебя ладонью хлопал,
Ты скакал и звонко топал,
Ты пятнадцать раз подряд
Прыгал в угол и назад.
А потом ты покатился
И уже не возвратился,
Закатился в огород,
Докатился до ворот.

Вот подкатился под ворота,
Добежал до поворота,
Там попал под колесо,
Лопнул, хлопнул, вот и все.

Вопросы

1. Как в данном стихотворении выражено игровое начало?
2. Как глаголы движения передают активность и непослушание мяча?

Вот какой рассеянный

Жил человек рассеянный
На улице Бассейной.
Сел он утром на кровать,
Стал рубашку надевать,
В рукава просунул руки -
Оказалось, это брюки.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!
Надевать он стал пальто -
Говорят ему: не то.
Стал натягивать гамаши
Говорят ему: не ваши.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!
Вместо шапки на ходу

Он надел сковороду.
Вместо валенок перчатки
Натянул себе на пятки.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!
Однажды на трамвае
Он ехал на вокзал
И, двери открывая,
Вожатому сказал:
- Глубокоуважаемый
Вагоноуважатый!
Вагоноуважаемый
Глубокоуважатый!
Во что бы то ни стало
Мне надо выходить.
Нельзя ли у трамвала
Вокзай остановить?
Вожатый удивился -
Трамвай остановился.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!
Он отправился в буфет
Покупать себе билет.
А потом помчался в кассу
Покупать бутылку квасу.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Побежал он на перрон,
Влез в отцепленный вагон,
Внёс узлы и чемоданы,
Рассовал их под диваны,
Сел в углу перед окном
И заснул спокойным сном...
- Это что за полустанок? -
Закричал он спозаранок.
А с платформы говорят:
- Это город Ленинград.
Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Удивился и сказал:
- Это что за остановка -
Бологое иль Поповка? -
А с платформы говорят:
- Это город Ленинград.
Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Потянулся и сказал:
- Что за станция такая,
Дибуны или Ямская?
А с платформы говорят:
- Это город Ленинград.
Закричал он: - Что за шутки!
Еду я вторые сутки,
А приехал я назад,

А приехал в Ленинград!
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Вопросы

1. В чем новизна тематики и жанровой формы данного стихотворения?
2. В чем анекдотичность сюжета стихотворения?

Багаж

Дама сдавала в багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку
И маленькую собачонку.
Выдали даме на станции
Четыре зелёных квитанции
О том, что получен багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка
И маленькая собачонка.
Вещи везут на перрон.
Кидают в открытый вагон.
Готово. Уложен багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка
И маленькая собачонка.
Но только раздался звонок,
Удрал из вагона щенок.
Хватились на станции Дно:
Потеряно место одно.
В испуге считают багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка...
- Товарищи!
Где собачонка?
Вдруг видят: стоит у колёс
Огромный взъерошенный пёс.
Поймали его - и в багаж,
Туда, где лежал саквояж,
Картина,
Корзина,

Картонка,
Где прежде была собачонка.
Приехали в город Житомир.
Носильщик пятнадцатый номер
Везёт на тележке багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку,
А сзади ведут собачонку.
Собака-то как зарычит.
А барыня как закричит:
- Разбойники! Воры! Уроды!
Собака - не той породы!
Швырнула она чемодан,
Ногой отпихнула диван,
Картину,
Корзину,
Картонку...
- Отдайте мою собачонку!
- Позвольте, мамаша. На станции,
Согласно багажной квитанции,
От вас получили багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку
И маленькую собачонку.
Однако
За время пути
Собака
Могла подрасти!

Вопросы

1. В чем анекдотичность сюжета стихотворения?
2. С какой целью автор вводит многократные перечисления багажа дамы?

Знаки препинания

У последней
Точки
На последней
Строчке
Собралась компания
Знаков препинания.
***
Прибежал Чудак -
Восклицательный знак.
Никогда он не молчит,
Оглушительно кричит:
- Ура! Долой! Караул! Разбой!
***
Притащился кривоносый

Вопросительный знак.
Задаёт он всем вопросы:
- Кто? Кого? Откуда? Как?
***
Явились запятые,
Девицы завитые.
Живут они в диктовке
На каждой остановке.
***
Прискакало двоеточие,
Прикатило многоточие.
И прочие, и прочие, и прочие...
***
Заявили запятые:
- Мы - особы занятые.
Не обходится без нас
Ни диктовка, ни рассказ.
***
- Если нет над нами точки,
Запятая - знак пустой! -
Отозвалась с той же строчки
Тётя точка с запятой.
***
Двоеточие, мигая,
Закричало: - Нет, постой!
Я важней, чем запятая
Или точка с запятой,-
***
Потому что я в два раза
Больше точки одноглазой.
В оба глаза я гляжу.
За порядком я слежу.
***
- Нет...- сказало многоточие,
Еле глазками ворочая,-
Если вам угодно знать,
Я важней, чем прочие.
Там, где нечего сказать,
Ставят многоточие...
***
Вопросительный знак
Удивился: - То есть как?
Восклицательный знак
Возмутился: -То есть как!
***
- Так,- сказала точка,
Точка-одиночка.-
Мной кончается рассказ.
Значит, я важнее вас.

Вопросы

1. Какие параллелизмы использует автор для создания ярких характеристик знаков препинания?
2. С какой целью в ткань стихотворения введена прямая речь?

САША ЧЕРНЫЙ (1880-1932)

Приставалка

- Отчего у мамочки
На щеках две ямочки?
- Отчего у кошки
Вместо ручек ножки?
- Отчего шоколадки
Не растут на кроватке?
- Отчего у няни
Волоса в сметане?
- Отчего у птичек
Нет рукавичек?
- Отчего лягушки
Спят без подушки?..

- Оттого, что у моего сыночка
Рот без замочка.

Вопросы

1. Какую роль играют повторы слов «отчего», «оттого» в данном стихотворении?
2. Какую характеристику можно дать лирическому герою стихотворения?

Уговор

Еж забрался в дом из леса!
Утром мы его нашли -
Он сидел в углу за печкой
И чихал в густой пыли.

Подошли мы - он свернулся.
Ишь как иглами оброс.
Через пять минут очнулся,
Лапки высунул и нос.

Почему ты к нам забрался -
Мы не спросим, ты пойми:
Со своими ли подрался,
Захотел ли жить с людьми...

Поживи... у нас неплохо.
Только раньше уговор:
Будешь ты чертополохом
Называться с этих пор!

Ты не должен драться с кошкой
И влезать к нам на кровать,
Потому что ты колючий,
Можешь кожу ободрать...

За день будешь получать ты
По три блюдца молока,
А по праздникам - ватрушку
И четыре червяка.

Днем играть ты должен с нами,
По ночам - ловить мышей,

Заболеешь - скажем маме,
Смажем иодом до ушей.

Вот и все, теперь подумай.
Целый день ведь впереди...
Если хочешь - оставайся,
А не хочешь - уходи!

Вопросы

1. Как интонация создает атмосферу доверительного разговора детей с ежиком?
2. Какие чувства вызывает поступок детей?

Кому что нравится

"Эй, смотри - у речки
Сняли кожу человечки!" -
Крикнул чижик молодой.
Подлетел и сел на вышке, -
Смотрит: голые детишки
С визгом плещутся водой.

Чижик клюв раскрыл в волненьи,
Чижик полон удивленья:
"Ай, какая детвора!
Ноги - длинные болталки,
Вместо крылышек - две палки,
Нет ни пуха, ни пера!"

Из - за ивы смотрит заяц
И качает, как китаец
Удивленной головой:
"Вот умора! Вот потеха!
Нет ни хвостика, ни меха…
Двадцать пальцев! Боже мой…"

А карась в осоке слышит,
Глазки выпучил и дышит:
"Глупый заяц, глупый чиж!…
Мех и пух, скажи пожалуй…
Вот чешуйки б не мешало!
Без чешуйки, брат, шалишь!"

Вопросы

1. В чем идейное содержание этого стихотворения?
2. Как оценка персонажей животного мира соотносится с миром людей?

Загадка

Под яблоней гуси галдят и шипят,
На яблоню смотрят сердито,
Обходят дозором запущенный сад
И клювами тычут в корыто...

Но ветер вдруг яблоню тихо качнул
- Бах! Яблоко хлопнулось с ветки:
И гуси, качаясь, примчались на гул,
За ними вприпрыжку наседки...

Утята вдоль грядок вразвалку спешат,
Бегут индюки от забора,
Под яблоней рыщут вперед и назад,
Кричат и дерутся. Умора!

Лежал на скамейке Ильюша-пострел
И губы облизывал. Сладко!
Кто вкусное яблоко поднял и съел?
Загадка...

Вопросы

1. Как поэту удалось раскрыть мир безмятежного детства?
2. Почему легко отгадать загадку?

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ (1893-1930)

Что такое хорошо и что такое плохо?

Крошка сын
к отцу пришел,
и спросила кроха:
- Что такое
хорошо
и что такое
плохо?-
У меня
секретов нет,-
слушайте, детишки,-
папы этого
ответ
помещаю
в книжке.

- Если ветер
крыши рвет,
если
град загрохал,-
каждый знает -
это вот
для прогулок
плохо.
Дождь покапал
и прошел.
Солнце
в целом свете.
Это -
очень хорошо
и большим
и детям.

Если
сын
чернее ночи,
грязь лежит
на рожице,-
ясно,
это

плохо очень
для ребячьей кожицы.

Если
мальчик
любит мыло
и зубной порошок,
этот мальчик
очень милый,
поступает хорошо.

Если бьет
дрянной драчун
слабого мальчишку,
я такого
не хочу
даже
вставить в книжку.

Этот вот кричит:
- Не трожь
тех,
кто меньше ростом!-
Этот мальчик
так хорош,
загляденье просто!
Если ты
порвал подряд
книжицу
и мячик,
октябрята говорят:
плоховатый мальчик.

Если мальчик
любит труд,
тычет
в книжку
пальчик,
про такого
пишут тут:
он
хороший мальчик.

От вороны
карапуз
убежал, заохав.
Мальчик этот
просто трус.
Это
очень плохо.

Этот,
хоть и сам с вершок,
спорит
с грозной птицей.
Храбрый мальчик,
хорошо,

в жизни
пригодится.
Этот
в грязь полез
и рад.
что грязна рубаха.
Про такого
говорят:
он плохой,
неряха.
Этот
чистит валенки,
моет
сам
галоши.
Он
хотя и маленький,
но вполне хороший.

Помни
это
каждый сын.
Знай
любой ребенок:
вырастет
из сына
свин,
если сын -
свиненок,
Мальчик
радостный пошел,
и решила кроха:
"Буду
делать хорошо,
и не буду -
плохо".

Вопросы

1. Назовите неологизмы, которые помогают раскрыть идею стихотворения.
2. Каков нравственный смысл стихотворения В.Маяковского?

Кем быть?

У меня растут года,
будет и семнадцать.
Где работать мне тогда,
чем заниматься?
Нужные работники -
столяры и плотники!
Сработать мебель мудрено:
сначала
мы
берем бревно
и пилим доски
длинные и плоские.
Эти доски
вот так

зажимает
стол-верстак.
От работы
пила
раскалилась добела.
Из-под пилки
сыплются опилки.
Рубанок
в руки -
работа другая:
сучки, закорюки
рубанком стругаем.
Хороши стружки -
желтые игрушки.
А если
нужен шар нам
круглый очень,
на станке токарном
круглое точим.
Готовим понемножку
то ящик,
то ножку.
Сделали вот столько
стульев и столиков!

Столяру хорошо,
а инженеру -
лучше,
я бы строить дом пошел,
пусть меня научат.
Я
сначала
начерчу
дом
такой,
какой хочу.
Самое главное,
чтоб было нарисовано
здание
славное,
живое словно.
Это будет
перед,
называется фасад.
Это
каждый разберет -
это ванна,
это сад.
План готов,
и вокруг
сто работ
на тыщу рук.
Упираются леса
в самые небеса.
Где трудна работка,
там
визжит лебедка;

подымает балки,
будто палки.
Перетащит кирпичи,
закаленные в печи.
По крыше выложили жесть.
И дом готов,
и крыша есть.
Хороший дом,
большущий дом
на все четыре стороны,
и заживут ребята в нем
удобно и просторно.

Инженеру хорошо,
а доктору -
лучше,
я б детей лечить пошел,
пусть меня научат.
Я приеду к Пете,
я приеду к Поле.
- Здравствуйте, дети!
Кто у вас болен?
Как живете,
как животик? -
Погляжу
из очков
кончики язычков.
- Поставьте этот градусник
под мышку, детишки.-
И ставят дети радостно
градусник под мышки.
- Вам бы
очень хорошо
проглотить порошок
и микстуру
ложечкой
пить понемножечку.
Вам
в постельку лечь
поспать бы,
вам -
компрессик на живот,
и тогда
у вас
до свадьбы
все, конечно, заживет.

Докторам хорошо,
а рабочим -
лучше,
я б в рабочие пошел,
пусть меня научат.
Вставай!
Иди!
Гудок зовет,
и мы приходим на завод.
Народа - уйма целая,

тысяча двести.
Чего один не сделает -
сделаем вместе,
Можем
железо
ножницами резать,
краном висящим
тяжести тащим;
молот паровой
гнет и рельсы травой.
Олово плавим,
машинами правим.
Работа всякого
нужна одинаково.
Я гайки делаю,
а ты
для гайки
делаешь винты.
И идет
работа всех
прямо в сборочный цех.
Болты,
лезьте
в дыры ровные,
части
вместе
сбей
огромные.
Там -
дым,
здесь -
гром.
Гро-
мим
весь
дом.
И вот
вылазит паровоз,
чтоб вас
и нас
и нес
и вез.

На заводе хорошо,
а в трамвае -
лучше,
я б кондуктором пошел,
пусть меня научат.
Кондукторам
езда везде.
С большою сумкой кожаной
ему всегда,
ему весь день
в трамваях ездить можно.
- Большие и дети,
берите билетик,
билеты разные,

бери любые -
зеленые,
красные
и голубые.-
Ездим рельсами.
Окончилась рельса,
и слезли у леса мы,
садись
и грейся.

Кондуктору хорошо,
а шоферу -
лучше,
я б в шоферы пошел,
пусть меня научат.
Фырчит машина скорая,
летит, скользя,
хороший шофер я -
сдержать нельзя.
Только скажите,
вам куда надо -
без рельсы
жителей
доставлю на дом.
Е-
дем,
ду-
дим:
"С пу-
ти
уй-
ди!"

Быть шофером хорошо,
а летчиком -
лучше,
я бы в летчики пошел,
пусть меня научат.
Наливаю в бак бензин,
завожу пропеллер.
"В небеса, мотор, вези,
чтобы птицы пели".
Бояться не надо
ни дождя,
ни града.
Облетаю тучку,
тучку-летучку.
Белой чайкой паря,
полетел за моря.
Без разговору
облетаю гору.
"Вези, мотор,
чтоб нас довез
до звезд
и до луны,
хотя луна
и масса звезд

совсем отдалены".

Летчику хорошо,
а матросу -
лучше,
я б в матросы пошел,
пусть меня научат.
У меня на шапке лента,
на матроске
якоря.
Я проплавал это лето,
океаны покоря.
Напрасно, волны, скачете -
морской дорожкой
на реях и по мачте
карабкаюсь кошкой.
Сдавайся, ветер вьюжный,
сдавайся, буря скверная,
открою
полюс
Южный,
а Северный -
наверное.

Книгу переворошив,
намотай себе на ус -
все работы хороши,
выбирай
на вкус!

Вопросы

1. Как содержание стихотворения доказывает, что В.В.Маяковский – один из основоположников детской литературы XX века?
2. С какой целью поэт использует слова разговорного стиля?
3. Что нового в ритмике стихотворения Маяковского?

ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ВЛАДИМИРОВ (1909-1931)

Барабан

Кто продырявил старый барабан?
Барабанил в барабан барабанщик наш,
Барабанил в барабан тарабарский марш.
Барабанил в барабан барабанщик Адриан.
Барабанил, барабанил, бросил барабан.
Пришёл баран, прибежал баран,
Прободал барабан, и пропал барабан.
Сел барабанщик па шарабан,
Торопился в Ленинград поправлять барабан.
– Вот, гражданин, с барабаном несчастье.
Где тут проживает барабанный мастер?
– Мастер барабанный –
На углу Караванной.
– Здравствуй, здравствуй, барабанный мастер!
Вот с барабаном – посмотри – несчастье.
Я Адриан – барабанщик Адриан,
Я барабанил в старый барабан,
Барабанил, барабанил, бросил барабан.

Пришёл баран, прибежал баран,
Прободал барабан, и пропал барабан.
Мастер барабанный сел на чурбан,
Мастер барабанный поправлял барабан.
Поправлял барабан, драный барабан,
И поправил барабан, старый барабан.
Барабанщик Адриан забрал барабан,
Забрал Адриан барабан в шарабан.
По дороге – шарабан,
В шарабане – Адриан.
Барабанит в шарабане барабанщик наш,
Барабанит, барабанит тарабарский марш!

Вопросы

1. Какие звуки, повторы создают образ барабана?
2. На каком приеме построено все стихотворение?

Чудаки

Я послал на базар чудаков,
Дал чудакам пятаков:
Один пятак
– На кушак,
Другой пятак – на колпак,
А третий пятак – так.
По пути на базар чудаки
Перепутали все пятаки:
Который пятак –
На кушак,
Который пятак –
На колпак,
А который пятак –
Так.
Только ночью пришли чудаки,
Принесли мне назад пятаки.
– Извините,
Но с нами беда:
Мы забыли –
Который – куда:
Который пятак – на кушак,
Который пятак – на колпак,
А который пятак –
Так.

Вопросы

1. Почему стихотворение называется «Чудаки»?
2. В чем перекличка этого стихотворения с жанром считалки?

Ниночкины покупки

Мама сказала Нине:
– Нина, купи в магазине:
Фунт мяса,
Бутылку кваса,
Сахарный песок,
Спичечный коробок,
Масло и компот.

Деньги – вот.
Нина сказала: – Несусь!
Бежит и твердит наизусть:
– Фунт мяса,
Бутылку кваса,
Сахарный песок,
Спичечный коробок,
Масло и компот.
Деньги в кармане – вот.

Народу в лавке масса.
Большая очередь в кассе,
Перед Ниной – шесть человек,
А Нине нужен чек
На фунт мяса,
Бутылку кваса,
Сахарный песок,
Спичечный коробок,
Масло и компот.
Деньги – вот.

Наконец, очередь Нинки.
Нина твердит без запинки:
– Дайте фунт кваса,
Бутылку мяса,
Спичечный песок,
Сахарный коробок,
Масло и компот.
Деньги – вот.

Кассир говорит в ответ:
– Такого, простите, нет!
Как же вам свесить квасу,
Не лезет в бутылку мясо...
На масло и компот
Чек – вот!
А про сахарный коробок
И спичечный песок
Никогда не слыхала я лично –
Верно, товар заграничный...

Вопросы

1. Каким оргинальным приемом раскрыто в стихотворении мировосприятие ребенка?
2. Какую роль играют фразы «Деньги – вот», «Чек – вот!» в стихотворении?

ДАНИИЛ ИВАНОВИЧ ХАРМС (1905-1942)

* * *

Шёл Петров однажды в лес.
Шёл и шёл и вдруг исчез.

Ну и ну, сказал Бергсон
Сон ли это? Нет, не сон.

Посмотрел и видит ров,
А во рву сидит Петров.

И Бергсон туда полез.
Лез и лез и вдруг исчез.

Удивляется Петров:
Я должно быть нездоров.

Видел я исчез Бергсон.
Сон ли это? Нет, не сон.

Вопросы

1. В чем необычность сюжета стиховорения?
2. Почему автор использовал в нем короткие смежные рифмы?

Из дома вышел человек
Песенка

Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком,
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком.

Он шел все прямо и вперед
И все вперед глядел.
Не спал, не пил,
Не пил, не спал,
Ни спал, ни пил, ни ел.

И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес
И с той поры,
И с той поры,
И с той поры исчез.

Но если как-нибудь его
Случится встретить вам,
Тогда скорей,
Тогда скорей.
Скорей скажите нам.

Вопросы

1. Как решена в стихотворении тема иронии?
2. В чем пародийность ситуации, созданной в этом стихотворении?

АГНИЯ ЛЬВОВНА БАРТО (1906-1981)

Игрушки

Мишка

Уронили Мишку на пол,
Оторвали Мишке лапу,
Всё равно его не брошу,
Потому что он - хороший.

Бычок

Идет бычок, качается,
Вздыхает на ходу:
Ох, доска кончается,
Сейчас я упаду!

Лошадка
Я люблю свою лошадку,
Причешу ей шёрстку гладко,
Гребешком приглажу хвостик
И верхом поеду в гости.
Слон
Спать пора! Уснул бычок,
Лег в коробку на бочок.
Сонный мишка лег в кровать,
Только слон не хочет спать.
Головой качает сон,
Он слонихе шлет поклон.
Зайка
Зайку бросила хозяйка -
Под дождем остался зайка.
Со скамейки слезть не мог,
Весь до ниточки промок.
Мячик
Наша Таня громко плачет:
Уронила в речку мячик.
Тише, Танечка, не плачь:
Не утонет в речке мяч.

Вопросы
1. Какой новый лирическй герой введен Барто в детскую литературу?
2. Как показана тема взаимоотношения ребенка и игрушки ?
3. В чем особенность сюжета и композиции цикла «Игрушки»?

Мы не заметили жука

Мы не заметили жука
И рамы зимние закрыли,
А он живой,
Он жив пока,
Жужжит в окне,
Расправив крылья.
И я зову на помощь маму:
Там жук живой!
Раскроем раму!

Вопросы
1. Как в стихотворении раскрыт образ ребенка?
2. Как личные местоимения помогают созданию образной ткани произведения?

Как Вовка бабушек выручил

На бульваре бабушки
Баюкают внучат,
Поют внучатам ладушки,
А малыши кричат.
Расплакались две Оленьки,
Им жарко в летний зной,
Андрей, в коляске, голенький,
Вопит как заводной.
Ладушки, ладушки… -
Ох, устали бабушки,
Ох, крикунью Ирочку

Нелегко унять.
Что ж, опять на выручку
Вовку нужно звать.
Вовка - добрая душа,
Позабавь-ка малыша!
Подошел он к бабушкам,
Встал он с ними рядышком,
Вдруг запрыгал и запел:
Ладушки, ладушки! -
Замолчали крикуны,
Так они удивлены:
Распевает ладушки
Мальчик вместо бабушки.
Засмеялись сразу обе
Маленькие Оленьки,
И Андрей не хмурит лобик,
А хохочет голенький.

Вовка пляшет на дорожке:
Ладушки, ладушки!
Вот какой у нас помощник!
Радуются бабушки.
Говорят ему: - Спасибо!
Так плясать
Мы не смогли бы!

Вопросы

1. Какую психологическую характеристику ребенку дает А.Барто в этом стихотворении?
2. Какие черты являются главными в характере Вовки?

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ (1883-1945)
Золотой ключик, или Приключения Буратино
Девочка с голубыми волосами хочет воспитывать Буратино

Наутро Буратино проснулся весёлый и здоровый как ни в чём не бывало.
Девочка с голубыми волосами ждала его в саду, сидя за маленьким столом, накрытым кукольной посудой.

Её лицо было свежевымыто, на вздёрнутом носике и щеках – цветочная пыльца. Ожидая Буратино, она с досадой отмахивалась от надоевших бабочек:
– Да ну вас, в самом деле…

Оглядела деревянного мальчишку с головы до ног, поморщилась. Велела ему сесть за стол и налила в крошечную чашечку какао.

Буратино сел за стол, подвернул под себя ногу. Миндальные пирожные он запихивал в рот целиком и глотал не жуя.

В вазу с вареньем залез прямо пальцами и с удовольствием их обсасывал.

Когда девочка отвернулась, чтобы бросить несколько крошек пожилой жужелице, он схватил кофейник и выпил всё какао из носика.

Поперхнулся, пролил какао на скатерть. Тогда девочка сказала ему строго:
– Вытащите из-под себя ногу и опустите её под стол. Не ешьте руками, для этого есть ложки и вилки. – От возмущения она хлопала ресницами. – Кто вас воспитывает, скажите, пожалуйста?
– Когда папа Карло воспитывает, а когда никто.
– Теперь я займусь вашим воспитанием, будьте покойны.
«Вот так влип!» – подумал Буратино.

На траве вокруг дома носился за маленькими птичками пудель Артемон. Когда они садились на деревья, он задирал голову, подпрыгивал и лаял с подвыванием.«Здорово птиц гоняет», – с завистью подумал Буратино.
От приличного сидения за столом у него по всему телу ползли мурашки.

Наконец мучительный завтрак окончился. Девочка велела ему вытереть с носа какао. Оправила складочки и бантики на платье, взяла Буратино за руку и повела в дом – заниматься воспитанием.

А весёлый пудель Артемон носился по траве и лаял; птицы, нисколько не боясь его, весело свистели; ветерок весело летал над деревьями.

– Снимите ваши лохмотья, вам дадут приличную куртку и штанишки, – сказала девочка.

Четверо портных – мастер-одиночка угрюмый рак Шепталло, серый Дятел с хохолком, большой жук Рогач и мышь Лизетта – шили из старых девочкиных платьев красивый мальчишеский костюм. Шепталло кроил, Дятел клювом протыкал дырки и шил, Рогач задними ногами сучил нитки, Лизетта их перегрызала.

Буратино было стыдно надевать девчонкины обноски, но пришлось всё-таки переодеться.

Сопя носом, он спрятал в карман новой куртки четыре золотые монеты.

– Теперь сядьте, положите руки перед собой. Не горбитесь, – сказала девочка и взяла кусочек мела. – Мы займёмся арифметикой… У вас в кармане два яблока…

Буратино хитро подмигнул:

– Врёте, ни одного…

– Я говорю, – терпеливо повторила девочка, – предположим, что у вас в кармане два яблока. Некто взял у вас одно яблоко. Сколько у вас осталось яблок?

– Два.

– Подумайте хорошенько.

Буратино сморщился – так здорово подумал.

– Два…

– Почему?

– Я же не отдам Некту яблоко, хоть он дерись!

– У вас нет никаких способностей к математике, – с огорчением сказала девочка. – Займёмся диктантом. – Она подняла к потолку хорошенькие глаза. – Пишите: «А роза упала на лапу Азора». Написали? Теперь прочтите эту волшебную фразу наоборот.

Нам уже известно, что Буратино никогда даже не видел пера и чернильницы.

Девочка сказала: «Пишите», – и он сейчас же сунул в чернильницу свой нос и страшно испугался, когда с носа на бумагу упала чернильная клякса.

Девочка всплеснула руками, у неё даже брызнули слёзы.

– Вы гадкий шалун, вы должны быть наказаны!

Она высунулась в окошко.

– Артемон, отведи Буратино в тёмный чулан!

Благородный Артемон появился в дверях, показывая белые зубы. Схватил Буратино за курточку и, пятясь, потащил в чулан, где по углам в паутине висели большие пауки. Запер его там, порычал, чтобы хорошенько напугать, и опять умчался за птичками.

Девочка, бросившись на кукольную кружевную кровать, зарыдала оттого, что ей пришлось поступить так жестоко с деревянным мальчиком. Но если уж взялась за воспитание, дело нужно довести до конца.

Буратино ворчал в тёмном чулане:

– Вот дура девчонка… Нашлась воспитательница, подумаешь… У самой фарфоровая голова, туловище, ватой набитое…

В чулане послышался тоненький скрип, будто кто-то скрежетал мелкими зубами:

– Слушай, слушай…

Он поднял испачканный в чернилах нос и в темноте различил висящую под потолком вниз головой летучую мышь.

– Тебе чего?

– Дождись ночи, Буратино.

– Тише, тише, – шуршали пауки по углам, – не качайте наших сетей, не отпугивайте наших мушек…

Буратино сел на сломанный горшок, подпёр щёку. Он был в переделках и похуже этой, но возмущала несправедливость.

– Разве так воспитывают детей?.. Это мученье, а не воспитание… Так не сиди да так не ешь… Ребёнок, может, ещё букваря не освоил – она сразу за чернильницу хватается… А кобель небось гоняет за птицами – ему ничего…

Летучая мышь опять пискнула:

– Дождись ночи, Буратино, я тебя поведу в Страну Дураков, там ждут тебя друзья – кот и лиса, счастье и веселье. Жди ночи.

Буратино первый раз в жизни приходит в отчаяние, но всё кончается благополучно. Глупый петух уморился, едва бежал, разинув клюв. Буратино отпустил наконец его помятый хвост.

– Ступай, генерал, к своим курам…

И один пошёл туда, где сквозь листву ярко блестело Лебединое озеро.

Вот и сосна на каменистом пригорке, вот и пещера. Вокруг разбросаны наломанные ветки. Трава примята следами колёс.

У Буратино отчаянно забилось сердце. Он соскочил с пригорка, заглянул под корявые корни…

Пещера была пуста!!!

Ни Мальвины, ни Пьеро, ни Артемона.

Только валялись две тряпочки. Он их поднял – это были оторванные рукава от рубашки Пьеро.

Друзья кем-то похищены! Они погибли! Буратино упал ничком – нос его глубоко воткнулся в землю.

Он только теперь понял, как дороги ему друзья. Пусть Мальвина занимается воспитанием, пусть Пьеро хоть тысячу раз подряд читает стишки, – Буратино отдал бы даже золотой ключик, чтобы увидеть снова друзей.

Около его головы бесшумно поднялся рыхлый бугорок земли, вылез бархатный крот с розовыми ладонями, пискляво чихнул три раза и сказал:

– Я слеп, но я отлично слышу. Сюда подъезжала тележка, запряжённая овцами. В ней сидели Лис, губернатор Города Дураков, и сыщики. Губернатор приказал: «Взять негодяев, которые поколотили моих лучших полицейских при исполнении обязанностей! Взять!»

Сыщики ответили: «Тяф!» Бросились в пещеру, и там началась отчаянная возня. Твоих друзей связали, кинули в тележку вместе с узлами и уехали.

Что за польза была лежать, уткнув нос в землю! Буратино вскочил и побежал по следам колёс. Обогнул озеро, вышел на поле с густой травой.

Шёл, шёл… У него не было никакого плана в голове. Надо спасти товарищей – вот и всё.

Дошёл до обрыва, откуда позапрошлой ночью сорвался в лопухи. Внизу увидел грязный пруд, где жила черепаха Тортила. По дороге к пруду спускалась тележка: её тащили две худые, как скелеты, овцы с ободранной шерстью.

На козлах сидел жирный кот в золотых очках с надутыми щеками – он служил при губернаторе тайным нашёптывателем в ухо. Позади него – важный Лис, губернатор… На узлах лежали Мальвина, Пьеро и весь забинтованный Артемон; всегда такой расчёсанный, хвост его волочился кисточкой по пыли.

Позади тележки шли два сыщика – доберман-пинчеры.Вдруг сыщики подняли собачьи морды и увидели наверху обрыва белый колпачок Буратино.

Сильными прыжками пинчеры начали взбираться по крутому косогору. Но прежде чем они доскакали до верха, Буратино – а ему уже никуда не скрыться, не убежать – сложил руки над головой и – ласточкой – с самого крутого места кинулся вниз, в грязный пруд, затянутый зелёной ряской.

Он описал в воздухе кривую и, конечно, угодил бы в пруд под защиту тётки Тортилы, если бы не сильный порыв ветра.

Ветер подхватил лёгонького деревянного Буратино, закружил, завертел его «двойным штопором», швырнул в сторону, и он, падая, шлёпнулся прямо в тележку, на голову губернатора Лиса.

Жирный кот в золотых очках от неожиданности свалился с козел, и так как он был подлец и трус, то притворился, что упал в обморок.

Губернатор Лис, тоже отчаянный трус, с визгом кинулся удирать по косогору и тут же залез в барсучью нору. Там ему пришлось несладко: барсуки сурово расправляются с такими гостями.

Овцы шарахнулись, тележка опрокинулась, Мальвина, Пьеро и Артемон вместе с узлами покатились в лопухи.

Всё это произошло так быстро, что вы, дорогие читатели, не успели бы сосчитать всех пальцев на руке.

Доберман-пинчеры огромными прыжками кинулись вниз с обрыва. Подскочив к опрокинутой тележке, увидели жирного кота в обмороке. Увидели в лопухах валяющихся деревянных человечков и забинтованного пуделя.

Но нигде не было видно губернатора Лиса.

Он исчез – будто сквозь землю провалился тот, кого сыщики должны охранять, как зеницу ока.Первый сыщик, подняв морду, издал собачий вопль отчаяния.

Второй сыщик сделал то же самое:

– Ай, ай, ай, – у-у-у!..

Они кинулись и обыскали весь косогор. Снова тоскливо взвыли, потому что им уже мерещились плётка и железная решётка.

Униженно виляя задами, они побежали в Город Дураков, чтобы наврать в полицейском отделении, будто губернатор был взят на небо живым – так по дороге они придумали в своё оправданье.

Буратино потихоньку ощупал себя – ноги, руки были целы. Он пополз в лопухи и освободил от верёвок Мальвину и Пьеро.

Мальвина, не говоря ни слова, обхватила Буратино за шею, но поцеловать не смогла – помешал его длинный нос.

У Пьеро по локоть были оторваны рукава, белая пудра осыпалась со щёк, и оказалось, что щёки у него обыкновенные – румяные, несмотря на его любовь к стихам.

– Я здорово дрался, – грубым голосом сказал он. – Кабы не подножка – нипочём бы меня не взять.

Мальвина подтвердила:

– Он дрался, как лев.

Она обхватила Пьеро за шею и поцеловала в обе щеки.

– Довольно, довольно лизаться, – проворчал Буратино, – бежимте. Артемона потащим за хвост.

Они ухватились все трое за хвост несчастной собаки и потащили её по косогору наверх.

– Пустите, я сам пойду, мне так унизительно, – стонал забинтованный пудель.

– Нет, нет, ты слишком слаб.

Но едва они взобрались до половины косогора, наверху показались Карабас Барабас и Дуремар. Лиса Алиса показывала лапой на беглецов, кот Базилио щетинил усы и отвратительно шипел.

– Ха-ха-ха, вот так ловко! – захохотал Карабас Барабас. – Сам золотой ключик идёт мне в руки!

Буратино торопливо придумывал, как выпутаться из новой беды. Пьеро прижал к себе Мальвину, намереваясь дорого продать жизнь. На этот раз не было никакой надежды на спасение.

Дуремар хихикал наверху косогора.

– Больную собачку-пуделя, синьор Карабас Барабас, вы мне отдайте, я её брошу в пруд пиявочкам, чтобы мои пиявочки разжирели…

Толстому Карабасу Барабасу лень было спускаться вниз, он манил беглецов пальцем, похожим на сардельку:

– Идите, идите ко мне, деточки…

– Ни с места! – приказал Буратино. – Погибать – так весело! Пьеро, говори какие-нибудь свои самые гадкие стишки. Мальвина, хохочи во всю глотку…

Мальвина, несмотря на некоторые недостатки, была хорошим товарищем. Она вытерла слёзы и засмеялась очень обидно для тех, кто стоял наверху косогора.

Пьеро сейчас же сочинил стихи и завыл неприятным голосом:

Лису Алису жалко –
Плачет по ней палка.
Кот Базилио нищий –
Вор, гнусный котище.
Дуремар, наш дурачок, –
Безобразнейший сморчок.
Карабас ты Барабас,
Не боимся очень вас…

А Буратино кривлялся и дразнился:

– Эй ты, директор кукольного театра, старый пивной бочонок, жирный мешок, набитый глупостью, спустись, спустись к нам – я тебе наплюю в драную бороду!

В ответ Карабас Барабас страшно зарычал, Дуремар поднял тощие руки к небу.

Лиса Алиса криво усмехнулась:

– Разрешите свернуть шеи этим нахалам?

Ещё минута, и всё было бы кончено… Вдруг со свистом промчались стрижи:

– Здесь, здесь, здесь!..

Над головой Карабаса Барабаса пролетела сорока, громко тараторя:

– Скорее, скорее, скорее!..

И наверху косогора появился старый папа Карло. Рукава у него были засучены, в руке – сучковатая палка, брови нахмурены…

Он плечом толкнул Карабаса Барабаса, локтем – Дуремара, дубинкой вытянул по спине лису Алису, сапогом швырнул в сторону кота Базилио…

После этого, нагнувшись и глядя с косогора вниз, где стояли деревянные человечки, сказал радостно:

– Сын мой, Буратино, плутишка, ты жив и здоров, – иди же скорее ко мне!

Вопросы и задания

1. Проведите сравнительный анализ особенностей содержания и формы произведения К.Коллоди «Приключения деревянной куклы» и сказки А.Толстого «Приключения Буратино».
2. В чем сходство Буратино с героями русских народных сказок?
3. В чем смысл заглавия сказки А.Н.Толстого?
4. Как проявляется авторское отношение к героям в сказке Толстого?

АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ ГАЙДАР (1914-1941)

Горячий камень

I

Жил на селе одинокий старик. Был он слаб, плел корзины, подшивал валенки, сторожил от мальчишек колхозный сад и тем зарабатывал свой хлеб.

Он пришел на село давно, издалека, но люди сразу поняли, что этот человек немало хватил горя. Был он хром, не по годам сед. От щеки его через губы пролег кривой рваный шрам. И поэтому, даже когда он улыбался, лицо его казалось печальным и суровым.

II

Однажды мальчик Ивашка Кудряшкин полез в колхозный сад, чтобы набрать там яблок и тайно насытиться ими до отвала. Но, зацепив штаниной за гвоздь ограды, он свалился в колючий крыжовник, оцарапался, взвыл и тут же был сторожем схвачен.

Конечно, старик мог бы стегануть Ивашку крапивой или, что еще хуже, отвести его в школу и рассказать там, как было дело.

Но старик сжалился над Ивашкой. Руки у Ивашки были в ссадинах, позади, как овечий хвост, висел клок от штанины, а по красным щекам текли слезы.

Молча вывел старик через калитку и отпустил перепуганного Ивашку восвояси, так и не дав ему ни одного тычка и даже не сказав вдогонку ни одного слова.

III

От стыда и горя Ивашка забрел в лес, заблудился и попал на болото.

Наконец он устал. Опустился на торчавший из мха голубой камень, но тотчас же с воплем подскочил, так как ему показалось, что он сел на лесную пчелу и она его через дыру штанов больно ужалила.

Однако никакой пчелы на камне не было. Этот камень был, как уголь, горячий, и на плоской поверхности его проступали закрытые глиной буквы.

Ясно, что камень был волшебный! - это Ивашка смекнул сразу. Он сбросил башмак и торопливо начал оббивать каблуком с надписей глину, чтобы поскорее узнать: что с этого камня может он взять для себя пользы и толку. И вот он прочел такую надпись:

КТО СНЕСЕТ ЭТОТ КАМЕНЬ НА ГОРУ
И ТАМ РАЗОБЬЕТ ЕГО НА ЧАСТИ,
ТОТ ВЕРНЕТ СВОЮ МОЛОДОСТЬ
И НАЧНЕТ ЖИТЬ СНАЧАЛА

Ниже стояла печать, но не простая, круглая, как в сельсовете, и не такая, треугольником, как на талонах в кооперативе, а похитрее: два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятые.

Тут Ивашка Кудряшкин огорчился. Ему было всего восемь лет - девятый. И жить начинать сначала, то есть опять на второй год оставаться в первом классе, ему не хотелось вовсе.

Вот если бы через этот камень, не уча заданных в школе уроков, можно было из первого класса перескакивать сразу в третий - это другое дело!

Но всем и давно уже известно, что такого могущества даже у самых волшебных камней никогда не бывает.

IV

Проходя мимо сада, опечаленный Ивашка опять увидел старика, который, кашляя, часто останавливаясь и передыхая, нес ведро известки, а на плече держал палку с мочальной кистью.

Тогда Ивашка, который был по натуре мальчиком добрым, подумал: "Вот идет человек, который очень свободно мог хлестнуть меня крапивой. Но он пожалел меня. Дай-ка теперь я его пожалею и верну ему молодость, чтобы он не кашлял, не хромал и не дышал так тяжко".

Вот с какими хорошими мыслями подошел к старику благородный Ивашка и прямо объяснил ему, в чем дело. Старик сурово поблагодарил Ивашку, но уйти с караула на болото отказался, потому что были еще на свете такие люди, которые, очень просто, могли бы за это время колхозный сад от фруктов очистить.

И старик приказал Ивашке, чтобы тот сам выволок камень из болота в гору. А он потом придет туда ненадолго и чем-нибудь скоренько по камню стукнет.

Очень огорчил Ивашку такой поворот дела.

Но рассердить старика отказом он не решился. На следующее утро, захватив крепкий мешок и холщовые рукавицы, чтобы не обжечь о камень руки, отправился Ивашка на болото.

V

Измазавшись грязью и глиной, с трудам вытянул Ивашка камень из болота и, высунув язык, лег у подножия горы на сухую траву.

"Вот! - думал он. - Теперь вкачу я камень на гору, придет хромой старик, разобьет камень, помолодеет и начнет жить сначала. Люди говорят, что хватил он немало горя. Он стар, одинок, избит, изранен и счастливой жизни, конечно, никогда не видел. А другие люди ее видели". На что он, Ивашка, молод, а и то уже три раза он такую жизнь видел. Это - когда он опаздывал на урок и совсем незнакомый шофер подвез его на блестящей легковой машине от конюшни колхозной до самой школы. Это - когда весной голыми руками он поймал в канаве большую щуку. И, наконец, когда дядя Митрофан взял его с собой в город на веселый праздник Первое мая.

"Так пусть же и несчастный старик хорошую жизнь увидит", - великодушно решил Ивашка.

Он встал и терпеливо потянул камень в гору.

VI

И вот перед закатом к измученному и продрогшему Ивашке, который, съежившись, сушил грязную, промокшую одежду возле горячего камня, пришел на гору старик.

- Что же ты, дедушка, не принес ни молотка, ни топора, ни лома? - вскричал удивленный Ивашка. - Или ты надеешься разбить камень рукою?

- Нет, Ивашка, - отвечал старик, - я не надеюсь разбить его рукой. Я совсем не буду разбивать камень, потому что я не хочу начинать жить сначала.

Тут старик подошел к изумленному Ивашке, погладил его по голове. Ивашка почувствовал, что тяжелая ладонь старика вздрагивает.

- Ты, конечно, думал, что я стар, хром, уродлив и несчастен, - говорил старик Ивашке - А на самом деле я самый счастливый человек на свете.

Ударом бревна мне переломило ногу, - но это тогда, когда мы - еще неумело - валили заборы и строили баррикады, поднимали восстание против царя, которого ты видел только на картинке.

Мне вышибли зубы, - но это тогда, когда, брошенные в тюрьмы, мы дружно пели революционные песни. Шашкой в бою мне рассекли лицо, - но это тогда, когда первые народные полки уже били и громили белую вражескую армию.

На соломе, в низком холодном бараке метался я в бреду, больной тифом. И грозней смерти звучали надо мной слова о том, что наша страна в кольце и вражья сила нас одолевает. Но, очнувшись вместе с первым лучом вновь сверкнувшего солнца, узнавал я, что враг опять разбит и что мы опять наступаем.

И, счастливые, с койки на койку протягивали мы друг другу костлявые руки и робко мечтали тогда о том, что пусть хоть не при нас, а после нас наша страна будет такой вот, как она сейчас, - могучей и великой. Это ли еще, глупый Ивашка, не счастье?! И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!

Тут старик замолчал, достал трубку и закурил.

- Да, дедушка! - тихо сказал тогда Ивашка. - Но раз так, - то зачем же я старался и тащил этот камень в гору, когда он очень спокойно мог бы лежать на своем болоте?

- Пусть лежит на виду, - сказал старик, - и ты посмотришь, Ивашка, что из этого будет.

VII

С тех пор прошло много лет, но камень тот тал и лежит на той горе неразбитым.

И много около него народу побывало. Подойдут, посмотрят, подумают, качнут головой и идут восвояси.

Был на той горе и я однажды. Что-то у меня была неспокойна совесть, плохое настроение. "А что, - думаю, - дай-ка я по камню стукну и начну жить сначала!"

Однако постоял-постоял и вовремя одумался.

"Э-э! - думаю, скажут, увидав меня помолодевшим, соседи. - Вот идет молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет то же начинать сначала".

Скрутил я тогда табачную цигарку. Прикурил, чтобы не тратить спичек, от горячего камня. И пошел прочь - своей дорогой.

Вопросы

1. Почему старик-сторож не наказал Ивашку за воровство колхозных яблок?
2. Как Ивашка решил отблагодарить старика?
3. Каково представление Ивашки о счастье и совпадает ли оно со взглядами старика? А со взглядами автора?
4. В чем нравственная ценность рассказа Гайдара? Актуален ли он для современных школьников?

Сказка про Военную Тайну, Мальчиша-Кибальчиша и его твердое слово

В те дальние-дальние годы, когда только что отгремела по всей стране война, жил да был Мальчиш-Кибальчиш.

В ту пору далеко прогнала Красная Армия белые войска проклятых буржуинов, и тихо стало на тех широких полях, на зеленых лугах, где рожь росла, где гречиха цвела, где среди густых садов да вишневых кустов стоял домишко, в котором жил Мальчиш, по прозванию Кибальчиш, да отец Мальчиша, да старший брат Мальчиша, а матери у них не было.

Отец работает - сено косит. Брат работает - сено возит. Да и сам Мальчиш то отцу, то брату помогает или просто с другими мальчишами прыгает да балуется.

Гоп!.. Гоп!.. Хорошо! Не визжат пули, не грохают снаряды, не горят деревни. Не надо от пуль на пол ложиться, не надо от снарядов в погреба прятаться, не надо от пожаров в лес бежать. Нечего буржуинов бояться. Некому в пояс кланяться. Живи да работай - хорошая жизнь!

Вот однажды -дело к вечеру - вышел Мальчиш-Кибальчиш на крыльцо. Смотрит он - небо ясное, ветер теплый, солнце к ночи за Черные Горы садится. И все бы хорошо, да что-то нехорошо. Слышится Мальчишу, будто то ли что-то гремит, то ли что-то стучит. Чудится Мальчишу, будто пахнет ветер не цветами с садов, не медом с лугов, а пахнет ветер то ли дымом с пожаров, то ли порохом с разрывов. Сказал он отцу, а отец усталый пришел.

- Что ты? - говорит он Мальчишу. - Это дальние грозы гремят за Черными Горами. Это пастухи дымят кострами за Синей Рекой, стада пасут да ужин варят. Иди, Мальчиш, и спи спокойно.

Ушел Мальчиш. Лег спать. Но не спится ему - ну, никак не засыпается.

Вдруг слышит он на улице топот, у окон - стук. Глянул Мальчиш-Кибальчиш, и видит он: стоит у окна всадник. Конь - вороной, сабля - светлая, папаха - серая, а звезда - красная.

- Эй, вставайте! - крикнул всадник. - Пришла беда, откуда не ждали. Напал на нас из-за Черных Гор проклятый буржуин. Опять уже свистят пули, опять уже рвутся снаряды. Бьются с буржуинами наши отряды, и мчатся гонцы звать на помощь далекую Красную Армию.

Так сказал эти тревожные слова краснозвездный всадник и умчался прочь. А отец Мальчиша подошел к стене, снял винтовку, закинул сумку и надел патронташ.

- Что же, - говорит старшему сыну, - я рожь густо сеял - видно, убирать тебе много придется. Что же, - говорит он Мальчишу, - я жизнь круто прожил, и пожить за меня спокойно, видно, тебе, Мальчиш, придется.

Так сказал он, крепко поцеловал Мальчиша и ушел. А много ему расцеловываться некогда было, потому что теперь уже всем и видно и слышно было, как гудят за лугами взрывы и горят за горами зори от зарева дымных пожаров...

День проходит, два проходит. Выйдет Мальчиш на крыльцо: нет... не видать еще Красной Армии. Залезет Мальчиш на крышу. Весь день с крыши не слезает. Нет, не видать. Лег он к ночи спать. Вдруг слышит он на улице топот, у окошка - стук. Выглянул Мальчиш: стоит у окна тот же

всадник. Только конь худой да усталый, только сабля погнутая, темная, только папаха простреленная, звезда разрубленная, а голова повязанная.

- Эй, вставайте! - крикнул всадник. - Было полбеды, а теперь кругом беда. Много буржуинов, да мало наших. В поле пули тучами, по отрядам снаряды тысячами. Эй, вставайте, давайте подмогу!

Встал тогда старший брат, сказал Мальчишу:

- Прощай, Мальчиш... Остаешься ты один... Щи в котле, каравай на столе, вода в ключах, а голова на плечах... Живи, как сумеешь, а меня не дожидайся.

День проходит, два проходит. Сидит Мальчиш у трубы на крыше, и видит Мальчиш, что скачет издалека незнакомый всадник.

Доскакал всадник до Мальчиша, спрыгнул с коня и говорит:

- Дай мне, хороший Мальчиш, воды напиться. Я три дня не пил, три ночи не спал, три коня загнал. Узнала Красная Армия про нашу беду. Затрубили трубачи во все трубы сигнальные. Забили барабанщики во все громкие барабаны. Развернули знаменосцы все боевые знамена. Мчится и скачет на помощь вся Красная Армия. Только бы нам, Мальчиш, до завтрашней ночи продержаться.

Слез Мальчиш с крыши, принес напиться. Напился гонец и поскакал дальше.

Вот приходит вечер, и лег Мальчиш спать. Но не спится Мальчишу -- ну, какой тут сон?

Вдруг он слышит на улице шаги, у окошка - шорох. Глянул Мальчиш и видит: стоит у окна все тот же человек. Тот, да не тот: и коня нет - пропал конь, и сабли нет - сломалась сабля, и папахи нет -слетела папаха, да и сам-то стоит - шатается.

- Эй, вставайте! -закричал он в последний раз. - И снаряды есть, да стрелки побиты. И винтовки есть, да бойцов мало. И помощь близка, да силы нету. Эй, вставайте, кто еще остался! Только бы нам ночь простоять да день продержаться.

Глянул Мальчиш-Кибальчиш на улицу: пустая улица. Не хлопают ставни, не скрипят ворота - некому вставать. И отцы ушли, и братья ушли - никого не осталось.

Только видит Мальчиш, что вышел из ворот один старый дед во сто лет. Хотел дед винтовку поднять, да такой он старый, что не поднимет. Хотел дед саблю нацепить, да такой он слабый, что не нацепит. Сел тогда дед на завалинку, опустил голову и заплакал.

Больно тогда Мальчишу стало. Выскочил тогда Мальчиш-Кибальчиш на улицу и громко-громко крикнул:

- Эй же, вы, мальчиши, мальчиши-малыши! Или нам, мальчишам, только в палки играть да в скакалки скакать? И отцы ушли, и братья ушли. Или нам, мальчишам, сидеть дожидаться, чтоб буржуины пришли и забрали нас в свое проклятое буржуинство?

Как услышали такие слова мальчиши-малыши, как заорут они на все голоса! Кто в дверь выбегает, кто в окно вылезает, кто через плетень скачет.

Все хотят идти на подмогу. Лишь один Мальчиш-Плохиш захотел идти в буржуинство. Но такой был хитрый этот Плохиш, что никому ничего не сказал, а подтянул штаны и помчался вместе со всеми, как будто бы на подмогу.

Бьются мальчиши от темной ночи до светлой зари. Лишь один Плохиш не бьется, а все ходит да высматривает, как бы это буржуинам помочь. И видит Плохиш, что лежит за горкой громада ящиков, а спрятаны в тех ящиках черные бомбы, белые снаряды да желтые патроны. "Эге, - подумал Плохиш, - вот это мне и нужно".

А в это время спрашивает Главный Буржуин у своих буржуинов:

- Ну что, буржуины, добились вы победы?

- Нет, Главный Буржуин, - отвечают буржуины, - мы отцов и братьев разбили, и совсем была наша победа, да примчался к ним на подмогу Мальчиш-Кибальчиш, и никак мы с ним все еще не справимся.

Очень удивился и рассердился тогда Главный Буржуин, и закричал он грозным голосом:

- Может ли быть, чтобы не справились с Мальчишем? Ах вы, негодные трусищи-буржуищи! Как это вы не можете разбить такого маловатого? Скачите скорей и не возвращайтесь назад без победы.

Вот сидят буржуины и думают: что же это такое им сделать? Вдруг видят: вылезает из-за кустов Мальчиш-Плохиш и прямо к ним.

- Радуйтесь! - кричит он им. - Это все я, Плохиш, сделал. Я дров нарубил, я сена натащил, и зажег я все ящики с черными бомбами, с белыми снарядами да с желтыми патронами. То-то сейчас грохнет!

Обрадовались тогда буржуины, записали поскорее Мальчиша-Плохиша в свое буржуинство и дали ему целую бочку варенья да целую корзину печенья.

Сидит Мальчиш-Плохиш, жрет и радуется.

Вдруг как взорвались зажженные ящики! И так грохнуло, будто бы тысячи громов в одном месте ударили и тысячи молний из одной тучи сверкнули.

- Измена! - крикнул Мальчиш-Кибальчиш.

- Измена! -крикнули все его верные мальчиши.

Но тут из-за дыма и огня налетела буржуинская сила, и схватила, и скрутила она Мальчиша-Кибальчиша. Заковали Мальчиша в тяжелые цепи. Посадили Мальчиша в каменную башню. И помчались спрашивать: что же с пленным Мальчишем прикажет теперь Главный Буржуин делать?

Долго думал Главный Буржуин, а потом придумал и сказал:

- Мы погубим этого Мальчиша. Но пусть он сначала расскажет нам всю их Военную Тайну. Вы идите, буржуины, и спросите у него:

- Отчего, Мальчиш, бились с Красной Армией Сорок Царей да Сорок Королей, бились, бились, да только сами разбились?

- Отчего, Мальчиш, и все тюрьмы полны, и все каторги забиты, и все жандармы на углах, и все войска на ногах, а нет нам покоя ни в светлый день, ни в темную ночь?

- Отчего, Мальчиш, проклятый Кибальчиш, и в моем Высоком Буржуинстве, и в другом -- Равнинном Королевстве, и в третьем - Снежном Царстве, и в четвертом - Знойном Государстве в тот же день в раннюю весну и в тот же день в позднюю осень на разных языках, но те же песни поют, в разных руках, но те же знамена несут, те же речи говорят, то же думают и то же делают?

Вы спросите, буржуины:

- Нет ли, Мальчиш, у Красной Армии военного секрета?

И пусть он расскажет секрет.

- Нет ли у наших рабочих чужой помощи?

И пусть он расскажет, откуда помощь.

- Нет ли, Мальчиш, тайного хода из вашей страны во все другие страны, по которому как у вас кликнут, так у нас откликаются, как у вас запоют, так у нас подхватывают, что у вас скажут, над тем у нас задумаются?

Ушли буржуины, да скоро назад вернулись:

- Нет, Главный Буржуин, не открыл нам Мальчиш-Кибальчиш Военной Тайны. Рассмеялся он нам в лицо.

- Есть, - говорит он, - и могучий секрет у крепкой Красной Армии. И когда б вы ни напали, не будет вам победы.

- Есть, - говорит, - и неисчислимая помощь, и сколько бы вы в тюрьмы ни кидали, все равно не перекидаете, и не будет вам покоя ни в светлый день, ни в темную ночь.

- Есть, - говорит, - и глубокие тайные ходы. Но сколько бы вы ни искали, все равно не найдете. А и нашли бы, так не завалите, не заложите, не засыплете. А больше я вам, буржуинам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, и ввек не догадаться.

Нахмурился тогда Главный Буржуин и говорит:

- Сделайте же, буржуины, этому скрытному Мальчишу-Кибальчишу самую страшную Муку, какая только есть на свете, и выпытайте от него Военную Тайну, потому что не будет нам ни житья, ни покоя без этой важной Тайны.

Ушли буржуины, а вернулись теперь они не скоро.

Идут и головами покачивают.

- Нет, - говорят они, - начальник наш Главный Буржуин. Бледный стоял он, Мальчиш, но гордый, и не сказал он нам Военной Тайны, потому что такое уж у него твердое слово. А когда мы уходили, то опустился он на пол, приложил ухо к тяжелому камню холодного пола, и, ты поверишь ли, о Главный Буржуин, улыбнулся он так, что вздрогнули мы, буржуины, и страшно нам стало, что не услышал ли он, как шагает по тайным ходам наша неминучая погибель?..

- Что это за страна? - воскликнул тогда удивленный Главный Буржуин. -- Что же это такая за непонятная страна, в которой даже такие малыши знают Военную Тайну и так крепко держат свое твердое слово? Торопитесь же, буржуины, и погубите этого гордого Мальчиша. Заряжайте же пушки, вынимайте сабли, раскрывайте наши буржуинские знамена, потому что слышу я, как трубят тревогу наши сигнальщики и машут флагами наши махальщики. Видно, будет у нас сейчас не легкий бой, а тяжелая битва.

И погиб Мальчиш-Кибальчиш...

Но... видели ли вы, ребята, бурю? Вот так же, как громы, загремели и боевые орудия. Так же, как молнии, засверкали огненные взрывы. Так же, как ветры, ворвались конные отряды, и так же, как тучи, пронеслись красные знамена. Это так наступала Красная Армия.

А видели ли вы проливные грозы в сухое и знойное лето? Вот так же, как ручьи, сбегая с пыльных гор, сливались в бурливые, пенистые потоки, так же при первом грохоте войны забурлили в Горном Буржуинстве восстания, и откликнулись тысячи гневных голосов и из Равнинного Королевства, и из Снежного Царства, и из Знойного Государства.

И в страхе бежал разбитый Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее неразгаданной Военной Тайной.

А Мальчиша-Кибальчиша схоронили на зеленом бугре у Синей Реки. И поставили над могилой большой красный флаг.

Плывут пароходы - привет Мальчишу!
Пролетают летчики - привет Мальчишу!
Пробегут паровозы - привет Мальчишу!
А пройдут пионеры - салют Мальчишу!

Вопросы

1. Как раскрыта тема гражданской войны в «Сказке о Военной Тайне…» А.П.Гайдара?
2. Каковы взгляды А.Гайдара на проблему детского подвига? Какое воплощение они нашли в образе Мальчиша-Кибальчиша?
3. Каково гражданско-патриотическое звучание «Сказки о Военной Тайне…» А.П.Гайдара?

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ БАЖОВ (1879-1950)
Серебряное копытце

Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя. Семьи у Кокована не осталось, он и придумал взять в дети сиротку. Спросил у соседей, - не знают ли кого, а соседи и говорят:

- Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми ее.

- Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как? Чему я ее учить-то стану?

Потом подумал-подумал и говорит:

- Знавал я Григория, да и жену его тоже. Оба веселые да ловкие были. Если девчоночка по родителям пойдет, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму ее. Только пойдет ли?

Соседи объясняют:

- Плохое житье у нее. Приказчик избу Григорьеву отдал кому-то горюну и велел за это сиротку кормить, пока не подрастет. А у того своя семья больше десятка. Сами не досыта едят. Вот хозяйка и взъедается на сиротку, попрекает ее куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдет от такого житья! Да и уговоришь, поди-ка.

- И то правда, - отвечает Кокованя, - уговорю как-нибудь.

В праздничный день и пришел он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит, полна изба народу, больших и маленьких. На топчане, у печки, девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно. Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

- Это у вас Григорьева-то подаренка?

Хозяйка отвечает:

- Она самая. Мало одной-то, так кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да еще корми ее!

Кокованя и говорит:

- Неласковые, видно, твои ребята. У ней вон мурлычет.

Потом и спрашивает у сиротки:

- Ну, как, подаренушка, пойдешь ко мне жить?

Девчоночка удивилась:

- Ты, дедо, как узнал, что меня Даренкой зовут?

- Да так, - отвечает, - само вышло. Не думал, не гадал нечаянно попал.

- Ты хоть кто? - спрашивает девчоночка.
- Я, говорит, вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю да все увидеть не могу.
- Застрелишь его?
- Нет, - отвечает Кокованя. - Простых козлов стреляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.
- Тебе на что это?
- А вот пойдешь ко мне жить, так все и расскажу, - ответил Кокованя.

Девчоночке любопытно стало про козла-то узнать. И то видит - старик веселый да ласковый. Она и говорит:
- Пойду. Только ты эту кошку Муренку тоже возьми. Гляди, какая хорошая.
- Про это, - отвечает Кокованя, - что и говорить. Такую звонкую кошку не взять - дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет.

Хозяйка слышит их разговор. Рада-радехонька, что Кокованя сиротку к себе зовет. Стала скорей Даренкины пожитки собирать. Боится, как бы старик не передумал.

Кошка будто тоже понимает весь разговор. Трется у ног-то да мурлычет:
- Пр-равильно придумал. Пр-равильно.

Вот и повел Кокованя сиротку к себе жить. Сам большой да бородатый, а она махонькая и носишко пуговкой. Идут по улице, и кошчонка ободранная за ними попрыгивает.

Так и стали жить вместе дед Кокованя, сиротка Даренка да кошка Муренка. Жили-поживали, добра много не наживали, а на житье не плакались, и у всякого дело было.

Кокованя с утра на работу уходил. Даренка в избе прибирала, похлебку да кашу варила, а кошка Муренка на охоту ходила - мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им. Старик был мастер сказки сказывать, Даренка любила те сказки слушать, а кошка Муренка лежит да мурлычет:
- Пр-равильно говорит. Пр-равильно.

Только после всякой сказки Даренка напомнит:
- Дедо, про козла-то скажи. Какой он?

Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:
- Тот козел особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем - там и появится дорогой камень. Раз топнет - один камень, два топнет - два камня, а где ножкой бить станет - там груда дорогих камней. Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Даренки только и разговору, что об этом козле.
- Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокованя, что ростом козел не выше стола, ножки тоненькие, головка легонькая. А Даренка опять спрашивает:
- Дедо, а рожки у него есть?
- Рожки-то, - отвечает, - у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у него на пять веток.
- Дедо, а он кого ест?
- Никого, - отвечает, - не ест. Травой да листом кормится. Ну, сено тоже зимой в стожках подъедает.
- Дедо, а шерстка у него какая?
- Летом, - отвечает, - буренькая, как вот у Муренки нашей, а зимой серенькая.
- Дедо, а он душной?

Кокованя даже рассердился:
- Какой же душной? Это домашние козлы такие бывают, а лесной козел, он лесом и пахнет.

Стал осенью Кокованя в лес собираться. Надо было ему поглядеть, в которой стороне козлов больше пасется. Даренка и давай проситься:
- Возьми меня, дедо, с собой. Может, я хоть сдалека того козлика уви жу.

Кокованя и объясняет ей:
- Сдалека-то его не разглядишь. У всех козлов осенью рожки есть. Не разберешь, сколько на них веток. Зимой вот - дело другое. Простые козлы безрогие ходят, а этот. Серебряное копытце, всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой. Тогда его сдалека признать можно.

Этим и отговорился. Осталась Даренка дома, а Кокованя в лес ушел. Дней через пять воротился Кокованя домой, рассказывает Даренке:
- Ныне в Полдневской стороне много козлов пасется. Туда и пойду зимой.

- А как же, - спрашивает Даренка, - зимой-то в лесу ночевать станешь?
- Там, - отвечает, - у меня зимний балаган у покосных ложков поставлен. Хороший балаган, с очагом, с окошечком. Хорошо там.

Даренка опять спрашивает:
- Серебряное копытце в той же стороне пасется?
- Кто его знает. Может, и он там.
Даренка тут и давай проситься:
- Возьми меня, дедо, с собой. Я в балагане сидеть буду. Может, Серебряное копытце близко подойдет, - я и погляжу.
Старик сперва руками замахал:
- Что ты! Что ты! Статочное ли дело зимой по лесу маленькой девчонке ходить! На лыжах ведь надо, а ты не умеешь. Угрузнешь в снегу-то. Как я с тобой буду? Замерзнешь еще!

Только Даренка никак не отстает:
- Возьми, дедо! На лыжах-то я маленько умею.
Кокованя отговаривал-отговаривал, потом и подумал про себя:
"Сводить разве? Раз побывает, в другой не запросится".

Вот он и говорит:
- Ладно, возьму. Только, чур, в лесу не реветь и домой до времени не проситься.
Как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться. Уложил Кокованя на ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и другое, что ему надо. Даренка тоже узелок себе навязала. Лоскуточков взяла кукле платье шить, ниток клубок, иголку да еще веревку.
"Нельзя ли, - думает, - этой веревкой Серебряное копытце поймать?"
Жаль Даренке кошку свою оставлять, да что поделаешь. Гладит кошку-то на прощанье, разговаривает с ней:
- Мы, Муренка, с дедом в лес пойдем, а ты дома сиди, мышей лови. Как увидим Серебряное копытце, так и воротимся. Я тебе тогда все расскажу. Кошка лукаво посматривает, а сама мурлычет:
- Пр-равильно придумала. Пр-равильно.
Пошли Кокованя с Даренкой. Все соседи дивуются:
- Из ума выжился старик! Такую маленькую девчонку в лес зимой повел! Как стали Кокованя с Даренкой из заводу выходить, слышат - собачонки что-то сильно забеспокоились. Такой лай да визг подняли, будто зверя на улицах увидали. Оглянулись, - а это Муренка серединой улицы бежит, от собак отбивается. Муренка к той поре поправилась. Большая да здоровая стала. Собачонки к ней и подступиться не смеют.
Хотела Даренка кошку поймать да домой унести, только где тебе! Добежала Муренка до лесу, да и на сосну. Пойди поймай! Покричала Даренка, но не могла кошку приманить. Что делать? Пошли дальше. Глядят - Муренка стороной бежит. Так и до балагана добралась. Вот и стало их в балагане трое. Даренка хвалится:
- Веселее так-то.
Кокованя поддакивает:
- Известно, веселее.
А кошка Муренка свернулась клубочком у печки и звонко мурлычет:
- Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Козлов в ту зиму много было. Это простых-то. Кокованя каждый день то одного, то двух к балагану притаскивал. Шкурок у них накопилось, козлиного мяса насолили - на ручных санках не увезти. Надо бы в завод за лошадью сходить, да как Даренку с кошкой в лесу оставить! А Даренка попривыкла в лесу-то. Сама говорит старику:
- Дедо, сходил бы ты в завод за лошадью. Надо ведь солонину домой перевезти.
Кокованя даже удивился:
- Какая ты у меня разумница, Дарья Григорьевна. Как большая рассудила. Только забоишься, поди, одна-то.
- Чего, - отвечает, - бояться. Балаган у нас крепкий, волкам не добиться. И Муренка со мной. Не забоюсь. А ты поскорее ворочайся все-таки!

Ушел Кокованя. Осталась Даренка с Муренкой. Днем-то привычно было без Коковани сидеть, пока он козлов выслеживал... Как темнеть стало, запобаивалась. Только глядит - Муренка лежит спокойнехонько. Даренка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и

видит - по лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела, - это козел бежит. Ножки тоненькие, головка легонькая, а на рожках по пяти веточек.

Выбежала Даренка поглядеть, а никого нет. Воротилась да и говорит:

- Видно, задремала я. Мне и показалось.

Муренка мурлычет:

- Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Легла Даренка рядом с кошкой, да и уснула до утра.

Другой день прошел. Не воротился Кокованя. Скучненько стало Даренке, а не плачет. Гладит Муренку да приговаривает:

- Не скучай, Муренушка! Завтра дедо непременно придет. Муренка свою песенку поет:

- Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Посидела опять Даренушка у окошка, полюбовалась на звезды. Хотела спать ложиться, вдруг по стенке топоток прошел. Испугалась Даренка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом где дверка, а там и сверху запостукивало. Не громко, будто кто легонький да быстрый ходит. Даренка и думает: "Не козел ли тот вчерашний прибежал?"

И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит, а козел - тут, вовсе близко. Правую переднюю ножку поднял - вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках. Даренка не знает, что ей делать, да и манит его как домашнего:

- Ме-ка! Ме-ка!

Козел на это как рассмеялся. Повернулся и побежал. Пришла Даренушка в балаган, рассказывает Муренке:

- Поглядела я на Серебряное копытце. И рожки видела, и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой дорогие камни выбивает. Другой раз, видно, покажет. Муренка, знай, свою песенку поет:

- Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Третий день прошел, а все Коковани нет. Вовсе затуманилась Даренка. Слезки запокапывали. Хотела с Муренкой поговорить, а ее нету. Тут вовсе испугалась Даренушка, из балагана выбежала кошку искать. Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Даренка - кошка близко на покосном ложке сидит, а перед ней козел. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит. Муренка головой покачивает, и козел тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать. Бежитбежит козел, остановится и давай копытцем бить. Муренка подбежит, козел дальше отскочит и опять копытцем бьет. Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились.

Тут вспрыгнул козел на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зеленые, бирюзовые - всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козел стоит - и все бьет да бьет серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются. Вдруг Муренка скок туда же. Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Муренки, ни Серебряного копытца не стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагреб, да Даренка запросила:

- Не тронь, дедо, завтра днем еще на это поглядим.

Кокованя и послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало. Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагреб. Все бы хорошо, да Муренки жалко. Больше ее так и не видали, да и Серебряное копытце тоже не показался. Потешил раз, - и будет.

А по тем покосным ложкам, где козел скакал, люди камешки находить стали. Зелененькие больше. Хризолитами называются. Видали?

Вопросы и задания

1. Какие традиции русского фольклора использованы П.П.Бажовым в сказке «Серебряное копытце»?
2. В чем своеобразие жанра сказа в творчестве Бажова?
3. Попробуйте составить характеристику Даренки (портрет, речь, отношение к людям, к Кокованe, к Муренке, авторское отношение к героине).
4. Как в образе Коковани воплотились черты героев народной волшебной сказки?

ГЛАВА 6. ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА 20-30-Х ГОДОВ

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ПРИШВИН (1873-1954)

Золотой луг

У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава. Бывало, идем куда-нибудь на свой промысел - он впереди, я в пяту.

"Сережа!" - позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет. И так мы эти неинтересные цветы срывали только для забавы. Но раз мне удалось сделать открытие. Мы жили в деревне, перед окном у нас был луг, весь золотой от множества цветущих одуванчиков. Это было очень красиво. Все говорили: "Очень красиво! Луг золотой". Однажды я рано встал удить рыбу и заметил, что луг был не золотой, а зеленый. Когда же я возвращался около полудня домой, луг был опять весь золотой. Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я пошел, отыскал одуванчик, и оказалось, что он сжал свои лепестки, как все равно если бы у нас пальцы со стороны ладони были желтые и, сжав в кулак, мы закрыли бы желтое. Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони, и от этого луг становится опять золотым.

С тех пор одуванчик стал для нас одним из самых интересных цветов, потому что спать одуванчики ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали.

Вопросы и задания

1. В чем смысл названия рассказа «Золотой луг»?
2. Докажите, что в этом рассказе писатель смотрит на мир глазами ребенка.

Беличья память

Сегодня, разглядывая на снегу следы зверушек и птиц, вот что я по этим следам прочитал: белка пробилась сквозь снег в мох, достала там с осени спрятанные два ореха, тут же их съела - я скорлупки нашел. Потом отбежала десяток метров, опять нырнула, опять оставила на снегу скорлупу и через несколько метров сделала третью полазку.

Что за чудо? Нельзя же подумать, чтобы она чуяла запах ореха через толстый слой снега и льда. Значит, помнила с осени о своих орехах и точное расстояние между ними.

Но самое удивительное - она не могла отмеривать, как мы, сантиметры, а прямо на глаз с точностью определяла, ныряла и доставала. Ну как было не позавидовать беличьей памяти и смекалке!

Вопросы

1. В чем своеобразие пришвинской миниатюры?
2. В чем видит чудо автор-рассказчик?

Лисичкин хлеб

Однажды я проходил в лесу целый день и под вечер вернулся домой с богатой добычей. Снял с плеч тяжелую сумку и стал свое добро выкладывать на стол.

- Это что за птица? - спросила Зиночка.

- Терентий, - ответил я.

И рассказал ей про тетерева: как он живет в лесу, как бормочет весной, как березовые почки клюет, ягодки осенью в болотах собирает, зимой греется от ветра под снегом. Рассказал ей тоже про рябчика, показал ей, что серенький, с хохолком, и посвистел в дудочку по-рябчиному и ей дал посвистеть. Еще я высыпал на стол много белых грибов, и красных, и черных. Еще у меня была в кармане кровавая ягодка костяника, и голубая черника, и красная брусника. Еще я принес с собой ароматный комочек сосновой смолы, дал понюхать девочке и сказал, что этой смолкой деревья лечатся.

- Кто же их там лечит? - спросила Зиночка.

- Сами лечатся, - ответил я. - Придет, бывает, охотник, захочется ему отдохнуть, он и воткнет топор в дерево и на топор сумку повесит, а сам ляжет под деревом. Поспит, отдохнет. Вынет из

дерева топор, сумку наденет, уйдет. А из ранки от топора из дерева побежит эта ароматная смолка и ранку эту затянет.

Тоже нарочно для Зиночки принес я разных чудесных трав по листику, по корешку, по цветочку: кукушкины слезки, валерьянка, петров крест, заячья капуста. И как раз под заячьей капустой лежал у меня кусок черного хлеба: со мной это постоянно бывает, что, когда не возьму хлеба в лес - голодно, а возьму - забуду съесть и назад принесу. А Зиночка, когда увидала у меня под заячьей капустой черный хлеб, так и обомлела:

- Откуда же это в лесу взялся хлеб?
- Что же тут удивительного? Ведь есть же там капуста!
- Заячья...
- А хлеб - лисичкин. Отведай. Осторожно попробовала и начала есть:
- Хороший лисичкин хлеб!

И съела весь мой черный хлеб дочиста. Так и пошло у нас: Зиночка, копуля такая, часто и белый-то хлеб не берег, а как я из леса лисичкин хлеб принесу, съест всегда его весь и похвалит:

- Лисичкин хлеб куда лучше нашего!

Вопросы

1. Почему рассказ назван «Лисичкин хлеб»?
2. Как в этом рассказе отразились взгляды М.Пришвина на взаимоотношения человека и природы?
3. Как раскрывается образ девочки Зиночки?

Дедушкин валенок

Хорошо помню - дед Михей в своих валенках проходил лет десять. А сколько лет в них он до меня ходил, сказать не могу. Поглядит, бывало, себе на ноги и скажет:

- Валенки опять проходились, надо подшить.

И принесет с базара кусок войлока, вырежет из него подошву, подошьет, и опять валенки идут, как новенькие.

Так много лет прошло, и стал я думать, что на свете все имеет конец, все умирает и только одни дедушкины валенки вечные.

Случилось, у деда началась сильная ломота в ногах. Никогда дед у нас не хворал, а тут стал жаловаться, позвал даже фельдшера.

- Это у тебя от холодной воды, - сказал фельдшер, - тебе надо бросить рыбу ловить.
- Я только и живу рыбой, - ответил дед, - ногу в воде мне нельзя не мочить.
- Нельзя не мочить, - посоветовал фельдшер, - надевай, когда в воду лезешь, валенки.

Этот совет вышел деду на пользу: ломота в ногах прошла. Но только после дед избаловался, в реку стал лазить только в валенках, и, конечно, тер их беспощадно о придонные камешки. Сильно подались от этого валенки, и не только в подошвах, но и выше, на месте изгиба подошвы, показались трещинки.

'Верно, это правда, - подумал я, - что всему на свете конец бывает, не могут и валенки деду служить без конца: валенкам приходит конец'.

Люди стали деду указывать на валенки:

- Пора, дед, валенкам твоим дать покой, пора их отдать воронам на гнезда.

Не тут-то было! Дед Михей, чтобы снег в трещинки не забивался, окунул их в воду - и на мороз. Конечно, на морозе вода в трещинках валенка замерзла и лед заделал трещинки. А дед после того валенки еще раз окунул в воду, и весь валенок от этого покрылся льдом. Вот какие валенки после этого стали теплые и прочные: мне самому в дедушкиных валенках приходилось незамерзающее болото зимой переходить - и хоть бы что...

И я опять вернулся к той мысли, что, пожалуй, дедушкиным валенкам никогда и не будет конца.

Но случилось однажды - дед наш захворал. Когда пришлось ему по нужде выйти, надел в сенях валенки, а когда вернулся, забыл их снять в сенях и оставить на холоду. Так в обледенелых валенках и залез на горячую печку.

Не то, конечно, беда, что вода от растаявших валенок с печки натекла в ведро с молоком, - это что! А вот, беда, что валенки бессмертные в этот раз кончились. Да иначе и быть не могло. Если налить в бутылку воды и поставить на мороз, вода обратится в лед, льду будет тесно, и бутылку он

разорвет. Так и этот лед в трещинках валенка, конечно, шерсть везде разрыхлил и порвал, и, когда все растаяло, все стало трухой...

Наш упрямый дед, как только поправился, попробовал валенки еще раз заморозить и походил даже немного, но вскоре весна пришла, валенки в сенцах растаяли и вдруг расползлись.

- Верно, правда, - сказал дед в сердцах, - пришла пора отдыхать в вороньих гнездах.

И в сердцах швырнул валенок с высокого берега в репейники, где я в то время ловил щеглов и разных птичек.

- Почему же валенки только воронам? - сказал я. - Всякая птичка весною тащит в гнездо шерстинку, пушинку, соломинку.

Я спросил об этом деда как раз в то время, как он замахнулся было вторым валенком.

- Всяким птичкам, - согласился дед, - нужна шерсть на гнездо - и зверькам всяким, мышкам, белочкам, всем это нужно, для всех полезная вещь.

И тут вспомнил дед про нашего охотника, что давно ему охотник напоминал о валенках: пора, мол, их отдать ему на пыжи. И второй валенок не стал швырять и велел мне отнести его охотнику.

Тут вскоре началась птичья пора. Вниз, к реке, на репейники, полетели всякие весенние птички и, поклевывая головки репейников, обратили свое внимание на валенок. Каждая птичка его заметила и, когда пришла пора вить гнезда, с утра до ночи стали разбирать на клочки дедушкин валенок. За одну какую-то неделю весь валенок по клочку растащили птички на гнезда, устроились, сели на яйца и высиживали, а самцы пели. На тепле валенка вывелись и выросли птички и, когда стало холодно, тучами улетели в теплые края. Весною они опять вернутся, и многие в дуплах своих, в старых гнездах найдут опять остатки дедушкина валенка. Те же гнездышки, что на земле были сделаны и на кустах, тоже не пропадут: с кустов все лягут на землю, а на земле их мышки найдут и растащат остатки валенка на свои подземные гнезда.

Много в моей жизни походил я по лесам и, когда приходилось найти птичье гнездышко с подстилом из войлока, думал, как маленький:

«Все на свете имеет конец, все умирает, и только одни дедушкины валенки вечные».

Вопросы

1. Какова тема рассказа «Дедушкин валенок»?
2. Каким характером, по-вашему, обладает дед Михей? Какие черты можно отнести к русскому национальному характеру?

БОРИС СТЕПАНОВИЧ ЖИТКОВ (1882-1938)

Про слона

Мы подходили на пароходе к Индии. Утром должны были прийти. Я сменился с вахты, устал и никак не мог заснуть: всё думал, как там будет. Вот как если б мне в детстве целый ящик игрушек принесли и только завтра можно его распаковать. Всё думал: вот утром сразу открою глаза - и индусы, чёрные, заходят вокруг, забормочут непонятно, не то что на картинке. Бананы прямо на кусте, город новый - всё зашевелится, заиграет. И слоны! Главное, слонов мне хотелось посмотреть. Всё не верилось, что они там не так, как в зоологическом, а запросто ходят, возят: по улице вдруг такая громада прёт!

Заснуть не мог, прямо ноги от нетерпения чесались. Ведь это, знаете,когда сушей едешь, совсем не то: видишь, как всё постепенно меняется. А тут две недели океан - вода и вода - и сразу новая страна. Как занавес в театре подняли.

Наутро затопали на палубе, загудели. Я бросился к иллюминатору, к окну,- готово: город белый на берегу стоит; порт, суда, около борта шлюпки; в них чёрные люди в белых чалмах - зубы блестят, кричат что-то; солнце светит со всей силы, жмёт, кажется, светом давит. Тут я как с ума сошёл, задохнулся прямо: как будто я - не я, и всё это сказка. Есть ничего с утра не хотел.

Товарищи дорогие, я за вас по две вахты в море стоять буду - на берег отпустите скорей!

Выскочили вдвоём на берег. В порту, в городе всё бурлит, кипит, народ толчётся, а мы - как оголтелые и не знаем, что смотреть, и не идём, а будто нас что несёт (да и после моря по берегу всегда странно ходить). Смотрим - трамвай. Сели в трамвай, сами толком не знаем, зачем едем, лишь бы дальше - очумели прямо. Трамвай нас мчит, мы глазеем по сторонам и не заметили, как выехали на окраину. Дальше не идём. Вылезли. Дорога. Пошли по дороге. Придём куда-нибудь!

Тут мы немного успокоились и заметили, что здорово жарко. Солнце над самой маковкой стоит; тень от тебя не ложится, а вся тень под тобой: идёшь и тень свою топчешь.

Порядочно уже прошли, уж людей не стало встречаться, смотрим -навстречу слон. С ним четверо ребят - бегут рядом по дороге. Я прямо глазам не поверил: в городе ни одного не видали, а тут запросто идёт по дороге. Мне казалось, что из зоологического вырвался. Слон нас увидел и остановился. Нам жутковато стало: больших при нём никого нет, ребята одни. А кто его знает,что у него на уме? Мотанёт раз хоботом - и готово.

А слон, наверно, про нас так думал: идут какие-то необыкновенные,неизвестные, - кто их знает? И стал. Сейчас хобот загнул крючком, мальчишка старший стал на крюк на этот, как на подножку, рукой за хобот придерживается, и слон его осторожно отправил себе на голову. Тот там уселся между ушами, как на столе. Потом слон тем же порядком отправил ещё двоих сразу, а четвёртый был маленький, лет четырёх, должно быть, - на нём только рубашонка была коротенькая, вроде лифчика. Слон ему подставляет хобот - иди, мол, садись. А он выкрутасы разные делает, хохочет, убегает. Старший кричит ему сверху, а он скачет и дразнит - не возьмёшь, мол. Слон не стал ждать, опустил хобот и пошёл - сделал вид, что он на его фокусы и смотреть не хочет. Идёт, хоботом мерно покачивает, а мальчишка вьётся около ног, кривляется. И как раз когда он ничего не ждал, слон вдруг хоботом - цап! Да так ловко! Поймал его за рубашонку сзади и подымает наверх осторожно. Тот руками, ногами, как жучок. Нет уж, никаких тебе! Поднял слон, осторожно отпустил себе на голову, а там ребята его приняли. Он там, на слоне, всё ещё воевать пробовал.

Мы поравнялись, идём стороной дороги, а слон - с другого боку и на нас внимательно и осторожно глядит. А ребята тоже на нас пялятся и шепчутся меж собой. Сидят, как на дому, на крыше.

"Вот, - думаю, - здорово: им нечего там бояться. Если б и тигр попался навстречу, слон тигра поймает, схватит хоботищем поперёк живота, сдавит, швырнёт выше дерева и, если на клыки не подцепит, всё равно будет ногами топтать, пока в лепёшку не растопчет".

А тут мальчишку взял, как козявку, двумя пальчиками: осторожно и бережно.

Слон прошёл мимо нас; смотрим, сворачивает с дороги и попёр в кусты. Кусты плотные, колючие, стеной растут. А он через них, как через бурьян -только ветки похрустывают, - перелез и пошёл к лесу. Остановился около дерева, взял хоботом ветку и пригнул ребятам. Те сейчас же повскакали на ноги, схватились за ветку и что-то с неё обирают. А маленький подскакивает, старается тоже себе ухватить, возится, будто он не на слоне, а на земле стоит. Слон пустил ветку и другую пригнул. Опять та же история. Тут уж маленький совсем, видно, в роль вошёл: совсем залез на эту ветку, чтоб ему тоже досталось, и работает. Все кончили, слон пустил ветку, а маленький-то, смотрим, так и полетел с веткой. Ну, думаем, пропал - полетел теперь, как пуля, в лес. Бросились мы туда. Да нет, куда там! Не пролезть через кусты: колючие, и густые, и путаные. Смотрим, слон в листьях хоботом шарит. Нащупал этого маленького - он там, видно, обезьянкой уцепился, - достал его и посадил на место. Потом слон вышел на дорогу впереди нас и пошёл обратно.

Мы - за ним. Он идёт и по временам оглядывается, на нас косится: чего, мол, сзади идут какие-то?

Так мы за слоном пришли к дому. Вокруг плетень. Слон отворил хоботом калиточку и осторожно просунулся во двор; там ребят спустил на землю. Во дворе индуска на него начала кричать чего-то. Нас она сразу не заметила. А мы стоим, через плетень смотрим.

Индуска орёт на слона - слон нехотя повернулся и пошёл к колодцу. У колодца вырыты два столба, и между ними вьюшка: на ней верёвка намотана и ручка сбоку. Смотрим, слон взялся хоботом за ручку и стал вертеть; вертит, как будто пустую, вытащил - целая бадья там на верёвке, вёдер десять. Слон упёрся корнем хобота в ручку, чтобы не вертелась, изогнул хобот, подцепил бадью и, как кружку с водой, поставил на борт колодца. Баба набрала воды, ребят тоже заставила таскать - она как раз стирала. Слон опять бадью спустил и полную выкрутил наверх. Хозяйка опять его начала ругать. Слон пустил бадью в колодец, тряхнул ушами и пошёл прочь - не стал воду больше доставать, пошёл под навес. А там в углу двора на хлипких столбиках навес был устроен - слону под него только-только подлезть. Сверху камыш накидан и какие-то листья длинные. Тут как раз индус, сам хозяин. Увидал нас. Мы говорим - слона пришли смотреть. Хозяин немного знал по-английски. Спросил, кто мы; всё на мою русскую фуражку показывает. Я говорю - русские. А он и не знал, что такое русские.

- Не англичане?

- Нет, - говорю, - не англичане.

Он обрадовался, засмеялся, сразу другой стал; позвал к себе.

Я спрашиваю:

- Чего это слон не выходит?

- А это он, - говорит, - обиделся, и, значит, не зря. Теперь нипочём работать не станет, пока не отойдёт.

Смотрим, слон вышел из-под навеса, в калитку и прочь со двора. Думаем, теперь совсем уйдёт. А индус смеётся. Слон пошёл к дереву, оперся боком и ну тереться. Дерево здоровое - прямо всё ходуном ходит. Это он чешется так вот, как свинья об забор.

Почесался, набрал пыли в хобот и туда, где чесал, пылью, землёй как дунет! Раз, и ещё, и ещё... Это он прочищает, чтобы не заводилось ничего в складках: вся кожа у него твёрдая, как подошва, а в складках - потоньше, а в южных странах всяких насекомых кусачих масса.

Ведь смотрите, какой: об столбики в сарае не чешется, чтобы не развалить, осторожно даже пробирается туда, а чесаться ходит к дереву. Я говорю индусу:

- Какой он у тебя умный!

А он хохочет.

- Ну, - говорит, - если бы я полтораста лет прожил, не тому ещё выучился бы. А он, - показывает на слона, - моего деда нянчил.

Я глянул на слона - мне показалось, что не индус тут хозяин, а слон, слон тут самый главный.

Я спрашиваю:

- Старый он у тебя?

- Нет, - говорит, - ему полтораста лет, он в самой поре! Вон у меня слонёнок есть, его сын, - двадцать лет ему, совсем ребёнок. К сорока годам в силу только входить начинает. Вот погодите, придёт слониха, увидите: он маленький.

Пришла слониха, и с ней слонёнок - с лошадь величиной, без клыков; он за матерью, как жеребёнок, шёл.

Ребята индусовы бросились матери помогать, стали прыгать, куда-то собираться. Слон тоже пошёл; слониха и слонёнок - с ними. Индус бъясняет,
что на речку. Мы тоже с ребятами.

Они нас не дичились. Все пробовали говорить - они по-своему, мы по-русски - и хохотали всю дорогу. Маленький больше всех к нам приставал всё мою фуражку надевал и что-то кричал смешное - может быть, про нас.

Воздух в лесу пахучий, пряный, густой.

Шли лесом. Пришли к реке.

Не река, а поток - быстрый, так и мчит, так берег и гложет. К воде обрывчик в аршин. Слоны вошли в воду, взяли с собой слонёнка. Поставили, где ему по грудь вода, и стали его вдвоём мыть. Наберут со дна песку с водой в хобот и, как из кишки, его поливают. Здорово так - только брызги летят.

А ребята боятся в воду лезть - больно уж быстрое течение, унесёт. Скачут на берегу и давай в слона камешками кидать. Ему нипочём, он даже
внимания не обращает - всё своего слонёнка моет. Потом, смотрю, набрал в хобот воды и вдруг как повернёт на мальчишек и одному прямо в пузо как дунет струёй - тот так и сел. Хохочет - заливается.

Слон опять своего мыть. А ребята ещё пуще камешками его донимать. Слон только ушами трясёт: не приставайте, мол, видите, некогда баловаться! И как раз когда мальчишки не ждали, думали - он водой на слонёнка дунет, он сразу хобот повернул да в них. Те рады, кувыркаются.

Слон вышел на берег; слонёнок ему хобот протянул, как руку. Слон заплёл свой хобот об его и помог ему на обрывчик вылезть.

Пошли все домой: трое слонов и четверо ребят.

На другой день я уж расспросил, где можно слонов поглядеть на работе.

На опушке леса, у речки, нагорожен целый город тёсаных брёвен: штабеля стоят, каждый вышиной с избу. Тут же стоял один слон. И сразу видно было, что он уж совсем старик: кожа на нём совсем обвисла и заскорузла, и хобот,как тряпка, болтается. Уши обгрызенные какие-то. Смотрю, из лесу идёт другой слон. В хоботе качается бревно - громадный брус обтёсанный. Пудов, должно быть, во сто. Носильщик грузно переваливается, подходит к старому слону.
Старый подхватывает бревно с одного конца, а носильщик опускает бревно и перебирается хоботом в другой конец. Я смотрю: что же это они будут делать? А слоны вместе, как по команде, подняли бревно на хоботах вверх и аккуратно положили на штабель. Да так ровно и правильно, как плотник на постройке.

И ни одного человека около них.

Я потом узнал, что этот старый слон и есть главный артельщик: он уже состарился на этой работе.

Носильщик ушёл не спеша в лес, а старик повесил хобот, повернулся задом к штабелю и стал смотреть на реку, как будто хотел сказать: "Надоело мне это, и не глядел бы".

А из лесу идёт уже третий слон с бревном.

Мы туда, откуда выходили слоны.

Прямо стыдно рассказывать, что мы тут увидели. Слоны с лесных разработок таскали эти брёвна к речке. В одном месте у дороги - два дерева по бокам, да так, что слону с бревном не пройти. Слон дойдёт до этого места, опустит бревно на землю, подвернёт колени, подвернёт хобот и самым носом, самым корнем хобота толкает бревно вперёд. Земля, каменья летят, трёт и пашет бревно землю, а слон ползёт и пихает. Видно, как трудно ему на коленях ползти. Потом встанет, отдышится и не сразу за бревно берётся. Опять повернёт его поперёк дороги, опять на коленки. Положит хобот на землю и коленками накатывает бревно на хобот. Как хобот не раздавит! Глядь, снова уже встал и несёт. Качается, как грузный маятник, бревнище на хоботе.

Их было восемь - всех слонов-носильщиков, и каждому приходилось пихать бревно носом: люди не хотели спилить те два дерева, что стояли на дороге.

Нам неприятно стало смотреть, как тужится старик у штабеля, и жаль было слонов, что ползли на коленках. Мы недолго постояли и ушли.

Вопросы

1. Какими художественными приемами создан образ слона?
2. Как автор подчеркивает главные характерные черты героя – трудолюбие и выносливость?

Храбрый утенок

Каждое утро хозяйка выносила утятам полную тарелку рубленых яиц. Она ставила тарелку возле куста, а сама уходила.

Как только утята подбегали к тарелке, вдруг из сада вылетала большая стрекоза и начинала кружиться над ними.

Она так страшно стрекотала, что перепуганные утята убегали и прятались в траве. Они боялись, что стрекоза их всех перекусает.

А злая стрекоза садилась на тарелку, пробовала еду и потом улетала. После этого утята уже целый день не подходили к тарелке. Они боялись, что стрекоза прилетит опять. Вечером хозяйка убирала тарелку и говорила: "Должно быть, наши утята заболели, что-то они ничего не едят". Она и не знала, что утята каждый вечер голодные ложились спать.

Однажды к утятам пришел в гости их сосед, маленький утенок Алеша. Когда утята рассказали ему про стрекозу, он стал смеяться.

- Ну и храбрецы! - сказал он. - Я один прогоню эту стрекозу. Вот вы увидите завтра.

- Ты хвастаешь, - сказали утята, - завтра ты первый испугаешься и побежишь.

На другое утро хозяйка, как всегда, поставила на землю тарелку с рублеными яйцами и ушла.

- Ну, смотрите, - сказал смелый Алеша, - сейчас я буду драться с вашей стрекозой.

Только он сказал это, как вдруг зажужжала стрекоза. Прямо сверху она полетела на тарелку.

Утята хотели убежать, но Алеша не испугался. Не успела стрекоза сесть на тарелку, как Алеша схватил ее клювом за крыло. Насилу она вырвалась и с поломанным крылом улетела.

С тех пор она никогда не прилетала в сад, и утята каждый день наедались досыта. Они не только ели сами, но и угощали храброго Алешу за то, что он спас их от стрекозы.

Вопросы

1. В чем сходство и отличие писательской манеры Б.Житкова и Д.Н.Мамина-Сибиряка в создании характеров насекомых и животных?
2. Почему Алеша не испугался стрекозы?

ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ (1894-1959)

Музыкант

Старый медвежатник сидел на завалинке и пиликал на скрипке. Он очень любил музыку и старался сам научиться играть. Плохо у него выходило, но старик и тем был доволен, что у него своя музыка. Мимо проходил знакомый колхозник и говорит старику:

— Брось-ка ты свою скрипку-то, берись за ружье. Из ружья у тебя лучше выходит. Я сейчас медведя видел в лесу.

Старик отложил скрипку, расспросил колхозника, где он видел медведя. Взял ружье и пошел в лес. В лесу старик долго искал медведя, но не нашел даже и следа его.

Устал старик и присел на пенек отдохнуть.

Тихо-тихо было в лесу. Ни сучок нигде не треснет, ни птица голосу не подаст. Вдруг старик услыхал: «Дзенн!..» Красивый такой звук, как струна пропела.

Немного погодя опять: «Дзенн!..»

Старик удивился: «Кто же это в лесу на струне играет?»

А из лесу опять: «Дзенн!..» — да так звонко, ласково.

Старик встал с пенька и осторожно пошел туда, откуда слышался звук. Звук слышался с опушки.

Старик подкрался из-за елочки и видит: на опушке разбитое грозой дерево, из него торчат длинные щепки. А под деревом сидит медведь, схватил одну щепку лапой. Медведь потянул к себе щепку и отпустил ее. Щепка выпрямилась, задрожала, и в воздухе раздалось: «Дзенн!..» — как струна пропела.

Медведь наклонил голову и слушает.

Старик тоже слушает: хорошо поет щепка!

Замолк звук, — медведь опять за свое: оттянул щепку и пустил.

Вечером знакомый колхозник еще раз проходит мимо избы медвежатника. Старик опять сидел на завалинке со скрипкой. Он пальцем дергал одну струну, и струна тихонечко пела: «Дзинн!..»

Колхозник спросил старика:

— Ну что, убил медведя?

— Нет, — ответил старик.

— Что ж так?

— Да как же в него стрелять, когда он такой же музыкант, как и я?

И старик рассказал колхознику, как медведь играл на расщепленном грозой дереве.

Вопросы

1. В чем смысл названия рассказа?
2. Как проявляется авторское отношение к медведю-музыканту в этом произведении?

Подкидыш

Мальчишки разорили гнездо каменки, разбили ее яички. Из разбитых скорлупок выпали голые, слепенькие птенчики.

Только одно из шести яичек мне удалось отобрать у мальчишек целым.

Я решил спасти спрятанного в нем птенчика.

Но как это сделать?

Кто выведет его из яйца?

Кто вскормит?

Я знал неподалеку гнездо другой птички — пеночки-пересмешки. Она только что отложила свое четвертое яичко.

Но примет ли пересмешка подкидыша? Яйцо каменки чисто голубое. Оно больше и совсем не похоже на яички пересмешки: те — розовые с черными точечками. И что будет с птенцом каменки? Ведь он вот-вот должен выйти из яйца, а маленькие пересмешки выклюнутся только еще дней через двенадцать.

Станет ли пересмешка выкармливать подкидыша?

Гнездо пересмешки помещалось на березе так невысоко, что я мог достать его рукой.

Когда я подошел к березе, пересмешка слетела с гнезда. Она порхала по ветвям соседних деревьев и жалобно посвистывала, словно умоляла не трогать ее гнезда.

Я положил голубое яичко к ее розовым, отошел и спрятался за куст.

Пересмешка долго не возвращалась к гнезду. А когда, наконец, подлетела, не сразу уселась в него: видно было, что она с недоверием разглядывает чужое голубое яйцо.

Но все-таки она села в гнездо. Значит, приняла чужое яйцо. Подкидыш стал приемышем.

Но что будет завтра, когда маленькая каменка выклюнется из яйца?

Когда утром на следующий день я подошел к березе, с одной стороны гнезда торчал носик, с другой — хвост пересмешки.

Сидит!

Когда она слетела, я заглянул в гнездо. Там было четыре розовых яичка и рядом с ними — голый слепенький птенчик каменки.

Я спрятался и скоро увидел, как прилетела пересмешка с гусеничкой в клюве и сунула ее в рот маленькой каменке.

Теперь я был уже почти уверен, что пересмешка выкормит моего подкидыша.

Прошло шесть дней. Я каждый день подходил к гнезду и каждый раз видел торчащие из гнезда клювик и хвост пересмешки.

Очень меня удивляло, как она поспевает и каменку кормить, и высиживать свои яйца.

Я скорей отходил прочь, чтобы не помешать ей в этом важном деле.

На седьмой день не торчали над гнездом ни клювик, ни хвост.

Я подумал: «Все кончено! Пересмешка покинула гнездо. Маленькая каменка умерла с голоду».

Но нет, в гнезде лежала живая каменка. Она спала и даже не тянула вверх головку, не разевала рта: значит, была сыта. Она так выросла за эти дни, что покрывала своим тельцем чуть видные из-под нее розовые яички.

Тогда я догадался, что приемыш отблагодарил свою новую мать: теплотой своего тельца он грел ее яички — высиживал ее птенцов.

Так оно и было.

Пересмешка кормила приемыша, приемыш высиживал ее птенцов.

Он вырос и вылетел из гнезда у меня на глазах.

И как раз к этому времени выклюнулись птенчики из розовых яичек.

Пересмешка принялась выкармливать своих родных птенцов и выкормила их на славу.

Вопросы

1. Какую роль выполняют вопросительные и восклицательные предложения в этом рассказе В.Бианки?

2.Как позиция автора-рассказчика помогает пробудить любознательность ребенка, его лучшие человеческие качества?

КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ ПАУСТОВСКИЙ (1892-1968)

Заячьи лапы

К ветеринару в наше село пришел с Урженского озера Ваня Малявин и принес завернутого в рваную ватную куртку маленького теплого зайца. Заяц плакал и часто моргал красными от слез глазами…

— Ты что, одурел? — крикнул ветеринар. — Скоро будешь ко мне мышей таскать, оголец!

— А вы не лайтесь, это заяц особенный, — хриплым шепотом сказал Ваня. — Его дед прислал, велел лечить.

— От чего лечить-то?

— Лапы у него пожженные.

Ветеринар повернул Ваню лицом к двери, толкнул в спину и прикрикнул вслед:

— Валяй, валяй! Не умею я их лечить. Зажарь его с луком — деду будет закуска.

Ваня ничего не ответил. Он вышел в сени, заморгал глазами, потянул носом и уткнулся в бревенчатую стену. По стене потекли слезы. Заяц тихо дрожал под засаленной курткой.

— Ты чего, малый? — спросила Ваню жалостливая бабка Анисья; она привела к ветеринару свою единственную козу. — Чего вы, сердешные, вдвоем слезы льете? Ай случилось что?

— Пожженный он, дедушкин заяц, — сказал тихо Ваня. — На лесном пожаре лапы себе пожег, бегать не может. Вот-вот, гляди, умрет.

— Не умрет, малый, — прошамкала Анисья. — Скажи дедушке свому, ежели большая у него охота зайца выходить, пущай несет его в город к Карлу Петровичу.

Ваня вытер слезы и пошел лесами домой, на Урженское озеро. Он не шел, а бежал босиком по горячей песчаной дороге. Недавний лесной пожар прошел стороной на север около самого озера. Пахло гарью и сухой гвоздикой. Она большими островами росла на полянах.

Заяц стонал.

Ваня нашел по дороге пушистые, покрытые серебряными мягкими волосами листья, вырвал их, положил под сосенку и развернул зайца. Заяц посмотрел на листья, уткнулся в них головой и затих.

— Ты чего, серый? — тихо спросил Ваня. — Ты бы поел.

Заяц молчал.

— Ты бы поел, — повторил Ваня, и голос его задрожал. — Может, пить хочешь?

Заяц повел рваным ухом и закрыл глаза.

Ваня взял его на руки и побежал напрямик через лес — надо было поскорее дать зайцу напиться из озера.

Неслыханная жара стояла в то лето над лесами. Утром наплывали вереницы плотных белых облаков. В полдень облака стремительно рвались вверх, к зениту, и на глазах уносились и исчезали где-то за границами неба. Жаркий ураган дул уже две недели без передышки. Смола, стекавшая по сосновым стволам, превратилась в янтарный камень.

Наутро дед надел чистые онучи и новые лапти, взял посох и кусок хлеба и побрел в город. Ваня нес зайца сзади. Заяц совсем притих, только изредка вздрагивал всем телом и судорожно вздыхал.

Суховей вздул над городом облако пыли, мягкой, как мука. В ней летал куриный пух, сухие листья и солома. Издали казалось, что над городом дымит тихий пожар.

На базарной площади было очень пусто, знойно; извозчичьи лошади дремали около водоразборной будки, и на головах у них были надеты соломенные шляпы. Дед перекрестился.

— Не то лошадь, не то невеста — шут их разберет! — сказал он и сплюнул.

Долго спрашивали прохожих про Карла Петровича, но никто толком ничего не ответил. Зашли в аптеку. Толстый старый человек в пенсне и в коротком белом халате сердито пожал плечами и сказал:

— Это мне нравится! Довольно странный вопрос! Карл Петрович Корш — специалист по детским болезням — уже три года как перестал принимать пациентов. Зачем он вам?

Дед, заикаясь от уважения к аптекарю и от робости, рассказал про зайца.

— Это мне нравится! — сказал аптекарь. — Интересные пациенты завелись в нашем городе. Это мне замечательно нравится!

Он нервно снял пенсне, протер, снова нацепил на нос и уставился на деда. Дед молчал и топтался. Аптекарь тоже молчал. Молчание становилось тягостным.

— Почтовая улица, три! — вдруг в сердцах крикнул аптекарь и захлопнул какую-то растрепанную толстую книгу. — Три!

Дед с Ваней добрели до Почтовой улицы как раз вовремя — из-за Оки заходила высокая гроза. Ленивый гром потягивался за горизонтом, как заспанный силач распрямлял плечи, и нехотя потряхивал землю. Серая рябь пошла по реке. Бесшумные молнии исподтишка, но стремительно и сильно били в луга; далеко за полянами уже горел стог сена, зажженный ими. Крупные капли дождя падали на пыльную дорогу, и вскоре она стала похожа на лунную поверхность: каждая капля оставляла в пыли маленький кратер.

Карл Петрович играл на рояле нечто печальное и мелодичное, когда в окне появилась растрепанная борода деда.

Через минуту Карл Петрович уже сердился.

— Я не ветеринар, — сказал он и захлопнул крышку рояля. Тотчас же в лугах проворчал гром. — Я всю жизнь лечил детей, а не зайцев.

— Что ребенок, что заяц — все одно, — упрямо пробормотал дед. — Все одно! Полечи, яви милость! Ветеринару нашему такие дела неподсудны. Он у нас коновал. Этот заяц, можно сказать, спаситель мой: я ему жизнью обязан, благодарность оказывать должен, а ты говоришь — бросить!

Еще через минуту Карл Петрович — старик с седыми взъерошенными бровями, — волнуясь, слушал спотыкающийся рассказ деда.

Карл Петрович в конце концов согласился лечить зайца. На следующее утро дед ушел на озеро, а Ваню оставил у Карла Петровича ходить за зайцем.

Через день вся Почтовая улица, заросшая гусиной травой, уже знала, что Карл Петрович лечит зайца, обгоревшего на страшном лесном пожаре и спасшего какого-то старика. Через два дня об этом уже знал весь маленький город, а на третий день к Карлу Петровичу пришел длинный юноша в фетровой шляпе, назвался сотрудником московской газеты и попросил дать беседу о зайце.

Зайца вылечили. Ваня завернул его в ватное тряпье и понес домой. Вскоре историю о зайце забыли, и только какой-то московский профессор долго добивался от деда, чтобы тот ему продал зайца. Присылал даже письма с марками на ответ. Но дед не сдавался. Под его диктовку Ваня написал профессору письмо:

«Заяц не продажный, живая душа, пусть живет на воле. При сем остаюсь Ларион Малявин».

Этой осенью я ночевал у деда Лариона на Урженском озере. Созвездия, холодные, как крупинки льда, плавали в воде. Шумел сухой тростник. Утки зябли в зарослях и жалобно крякали всю ночь.

Деду не спалось. Он сидел у печки и чинил рваную рыболовную сеть. Потом поставил самовар — от него окна в избе сразу запотели и звезды из огненных точек превратились в мутные шары. Во дворе лаял Мурзик. Он прыгал в темноту, ляскал зубами и отскакивал — воевал с непроглядной октябрьской ночью. Заяц спал в сенях и изредка во сне громко стучал задней лапой по гнилой половице.

Мы пили чай ночью, дожидаясь далекого и нерешительного рассвета, и за чаем дед рассказал мне, наконец, историю о зайце.

В августе дед пошел охотиться на северный берег озера. Леса стояли сухие, как порох. Деду попался зайчонок с рваным левым ухом. Дед выстрелил в него из старого, связанного проволокой ружья, но промахнулся. Заяц удрал.

Дед пошел дальше. Но вдруг затревожился: с юга, со стороны Лопухов, сильно тянуло гарью. Поднялся ветер. Дым густел, его уже несло белой пеленой по лесу, затягивало кусты. Стало трудно дышать.

Дед понял, что начался лесной пожар и огонь идет прямо на него. Ветер перешел в ураган. Огонь гнало по земле с неслыханной скоростью. По словам деда, даже поезд не мог бы уйти от такого огня. Дед был прав: во время урагана огонь шел со скоростью тридцати километров в час.

Дед побежал по кочкам, спотыкался, падал, дым выедал ему глаза, а сзади был уже слышен широкий гул и треск пламени.

Смерть настигала деда, хватала его за плечи, и в это время из-под ног у деда выскочил заяц. Он бежал медленно и волочил задние лапы. Потом только дед заметил, что они у зайца обгорели.

Дед обрадовался зайцу, будто родному. Как старый лесной житель, дед знал, что звери гораздо лучше человека чуют, откуда идет огонь, и всегда спасаются. Гибнут они только в тех редких случаях, когда огонь их окружает.

Дед побежал за зайцем. Он бежал, плакал от страха и кричал: «Погоди, милый, не беги так-то шибко!»

Заяц вывел деда из огня. Когда они выбежали из леса к озеру, заяц и дед — оба упали от усталости.

Дед подобрал зайца и понес домой. У зайца были опалены задние ноги и живот. Потом дед его вылечил и оставил у себя.

— Да, — сказал дед, поглядывая на самовар так сердито, будто самовар был всему виной, — да, а перед тем зайцем, выходит, я сильно провинился, милый человек.

— Чем же ты провинился?

— А ты выдь, погляди на зайца, на спасителя моего, тогда узнаешь. Бери фонарь!

Он взял со стола фонарь и вышел в сенцы. Заяц спал. Я нагнулся над ним с фонарем и заметил, что левое ухо у зайца рваное. Тогда я понял все.

Вопросы

1. Почему мальчик Ваня, его дед решили спасти зайца?
2. Почему врач Карл Петрович Корш взялся лечить зайца?
3. Как заяц отблагодарил своих друзей? Как удалось деду спастись от лесного пожара?

Кот-ворюга

Мы пришли в отчаяние. Мы не знали, как поймать этого рыжего кота. Он обворовывал нас каждую ночь. Он так ловко прятался, что никто из нас его толком не видел. Только через неделю удалось, наконец, установить, что у кота разорвано ухо и отрублен кусок грязного хвоста.

Это был кот, потерявший всякую совесть, кот — бродяга и бандит. Звали его за глаза Ворюгой.

Он воровал все: рыбу, мясо, сметану и хлеб. Однажды он даже разрыл в чулане жестяную банку с червями. Их он не съел, но на разрытую банку сбежались куры и склевали весь наш запас червей.

Объевшиеся куры лежали на солнце и стонали. Мы ходили около них и ругались, но рыбная ловля все равно была сорвана.

Почти месяц мы потратили на то, чтобы выследить рыжего кота.

Деревенские мальчишки помогали нам в этом. Однажды они примчались и, запыхавшись, рассказали, что на рассвете кот пронесся, приседая, через огороды и протащил в зубах кукан с окунями.

Мы бросились в погреб и обнаружили пропажу кукана; на нем было десять жирных окуней, пойманных на Прорве.

Это было уже не воровство, а грабеж средь бела дня. Мы поклялись поймать кота и вздуть его за бандитские проделки.

Кот попался этим же вечером. Он украл со стола кусок ливерной колбасы и полез с ним на березу.

Мы начали трясти березу. Кот уронил колбасу, она упала на голову Рувиму. Кот смотрел на нас сверху дикими глазами и грозно выл.

Но спасения не было, и кот решился на отчаянный поступок. С ужасающим воем он сорвался с березы, упал на землю, подскочил, как футбольный мяч, и умчался под дом.

Дом был маленький. Он стоял в глухом, заброшенном саду. Каждую ночь нас будил стук диких яблок, падавших с веток на его тесовую крышу.

Дом был завален удочками, дробью, яблоками и сухими листьями. Мы в нем только ночевали. Все дни, от рассвета до темноты, мы проводили на берегах бесчисленных протоков и озер. Там мы ловили рыбу и разводили костры в прибрежных зарослях.

Чтобы пройти к берегу озер, приходилось вытаптывать узкие тропинки в душистых высоких травах. Их венчики качались над головами и осыпали плечи желтой цветочной пылью.

Возвращались мы вечером, исцарапанные шиповником, усталые, сожженные солнцем, со связками серебристой рыбы, и каждый раз нас встречали рассказами о новых босяцких выходках рыжего кота.

Но, наконец, кот попался. Он залез под дом в единственный узкий лаз. Выхода оттуда не было.

Мы заложили лаз старой рыболовной сетью и начали ждать. Но кот не выходил. Он противно выл, как подземный дух, выл непрерывно и без всякого утомления.

Прошел час, два, три… Пора было ложиться спать, но кот выл и ругался под домом, и это действовало нам на нервы.

Тогда был вызван Ленька, сын деревенского сапожника. Ленька славился бесстрашием и ловкостью. Ему поручили вытащить из-под дома кота.

Ленька взял шелковую леску, привязал к ней за хвост пойманную днем плотицу и закинул ее через лаз в подполье.

Вой прекратился. Мы услышали хруст и хищное щелканье — кот вцепился зубами в рыбью голову. Он вцепился мертвой хваткой. Ленька потащил за леску. Кот отчаянно упирался, но Ленька был сильнее, и, кроме того, кот не хотел выпускать вкусную рыбу.

Через минуту голова кота с зажатой в зубах плотицей показалась в отверстии лаза.

Ленька схватил кота за шиворот и поднял над землей. Мы впервые его рассмотрели как следует.

Кот зажмурил глаза и прижал уши. Хвост он на всякий случай подобрал под себя. Это оказался тощий, несмотря на постоянное воровство, огненно-рыжий кот-беспризорник с белыми подпалинами на животе.

Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил:

— Что же нам с ним делать?

— Выдрать! — сказал я.

— Не поможет, — сказал Ленька. — У него с детства характер такой. Попробуйте его накормить как следует.

Кот ждал, зажмурив глаза.

Мы последовали этому совету, втащили кота в чулан и дали ему замечательный ужин: жареную свинину, заливное из окуней, творожники и сметану.

Кот ел больше часа. Он вышел из чулана пошатываясь, сел на пороге и мылся, поглядывая на нас и на низкие звезды зелеными нахальными глазами.

После умывания он долго фыркал и терся головой о пол. Это, очевидно, должно было обозначать веселье. Мы боялись, что он протрет себе шерсть на затылке.

Потом кот перевернулся на спину, поймал свой хвост, пожевал его, выплюнул, растянулся у печки и мирно захрапел.

С этого дня он у нас прижился и перестал воровать.

На следующее утро он даже совершил благородный и неожиданный поступок.

Куры влезли на стол в саду и, толкая друг друга и переругиваясь, начали склевывать из тарелок гречневую кашу.

Кот, дрожа от негодования, прокрался к курам и с коротким победным криком прыгнул на стол.

Куры взлетели с отчаянным воплем. Они перевернули кувшин с молоком и бросились, теряя перья, удирать из сада.

Впереди мчался, икая, голенастый петух-дурак, прозванный «Горлачом».

Кот несся за ним на трех лапах, а четвертой, передней лапой бил петуха по спине. От петуха летели пыль и пух. Внутри его от каждого удара что-то бухало и гудело, будто кот бил по резиновому мячу.

После этого петух несколько минут лежал в припадке, закатив глаза, и тихо стонал. Его облили холодной водой, и он отошел.

С тех пор куры опасались воровать. Увидев кота, они с писком и толкотней прятались под домом.

Кот ходил по дому и саду, как хозяин и сторож. Он терся головой о наши ноги. Он требовал благодарности, оставляя на наших брюках клочья рыжей шерсти.

Мы переименовали его из Ворюги в Милиционера.

Хотя Рувим и утверждал, что это не совсем удобно, но мы были уверены, что милиционеры не будут на нас за это в обиде.

Вопросы

1. Какие художественные средства использует К.Паустовский при создании образа кота-ворюги?
2. Почему кот получил такую кличку?
3. Каким характером наделяет автор кота?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ЧАРУШИН (1901-1965)

Волчишко

Жил в лесу волчишко с матерью.

Вот как-то раз ушла мать на охоту.

А волчишку поймал человек, сунул его в мешок и принёс в город. Посреди комнаты мешок положил.

Долго не шевелился мешок. Потом забарахтался в нём волчишко и вылез. В одну сторону посмотрел — испугался: человек сидит, на него смотрит.

В другую сторону посмотрел — чёрный кот фыркает, пыжится, самого себя вдвое толще, еле стоит. А рядом пёс зубы скалит.

Совсем забоялся волчишко. Полез в мешок обратно, да не влезть — лежит пустой мешок на полу, как тряпка.

А кот пыжился, пыжился да как зашипит! Прыгнул на стол, блюдце свалил. Разбилось блюдце.

Пёс залаял.

Человек закричал громко: «Ха! Ха! Ха! Ха!»

Забился волчишко под кресло и там стал жить-дрожать.

Кресло посреди комнаты стоит.

Кот со спинки кресла вниз посматривает.

Пёс вокруг кресла бегает.

Человек в кресле сидит — дымит.
А волчишко еле жив под креслом.
Ночью человек уснул, и пёс уснул, и кот зажмурился.
Коты — они не спят, а только дремлют.
Вылез волчишко осмотреться.
Походил, походил, понюхал, а потом сел и завыл.
Пёс залаял.
Кот на стол прыгнул.

Человек на кровати сел. Замахал руками, закричал. А волчишко опять под кресло залез. Стал тихонечко там жить.

Утром ушёл человек. Молока налил в плошку. Стали кот с собакой молоко лакать.

Вылез из-под кресла волчишко, подполз к двери, а дверь-то открыта!

Из двери на лестницу, с лестницы на улицу, с улицы по мосту, с моста в огород, из огорода в поле.
А за полем стоит лес.
А в лесу мать-волчиха.
Обнюхались, обрадовались и дальше побежали по лесу.
А теперь волчишко вот каким стал волком.

Вопросы

1. Какие чувства испытал волчишко, когда побывал в доме человека?
2. На чьей стороне симпатии автора? Как это показано?

Кошка Маруська

У деревенского охотника Никиты Ивановича Пистончикова жила пестрая кошка Маруська. Плешивая кошка, худая, тощая, потому что Никита Иванович ее очень плохо кормил.

Весной кошка Маруська с голоду стала ходить в лес на охоту.

Потихоньку, крадучись, чтобы деревенские собаки ее не видели, уйдет она из деревни и охотится в лесу. То мышку поймает, то изловит какую-нибудь птицу.

Пошла она так однажды охотиться, да и осталась совсем жить в лесу.

Скоро кошка Маруська потолстела, похорошела, гладкой стала. Ходит по лесу, как разбойник, гнезда разоряет, — живет в свое удовольствие.

А хозяин ее — Никита Иванович Пистончиков — о ней совсем забыл.

Но вот пришла осень. Птицы из лесу улетели. Только мыши остались на добычу кошке Маруське.

Потом и настоящая зима настала. Мыши стали жить под снегом. Редко-редко когда выбегут. Пробегут поверху немного и опять уйдут в свои подснежные ходы-переходы.

Плохо тут пришлось Маруське. И холодно и голодно. Как прокормиться?

Стала устраивать засады. Залезет на дерево и лежит на суку: ждет, не пробежит ли под деревом мышка или заяц. А если пробежит, Маруська тогда сверху и кинется.

Недобычливая такая охота. Отощала кошка, похудела, стала злющей-презлющей, как дикий зверь.

Однажды Никита Иванович собрался на охоту. Надел заячью шапку-ушанку, овчинный полушубок, взял ружье, взял мешок для добычи и пошел на лыжах в лес. Идет он по лесу и разные звериные следы разбирает.

Вот заяц прыгал - наследил, вот лиса прошла, а вот белка от дерева к дереву проскакала.

Проходит он мимо высокой толстой ели, и вдруг как свалится ему прямо на голову какой-то зверь. Когтями его заячью шапку рвет, шипит, ворчит.

Никита хвать зверя обеими руками - так вместе с шапкой и снял с головы. Хотел бросить зверя наземь - глядит: да это его пестрая кошка Маруська! Тощая-претощая, одна кожа да кости.

— Эх ты, — засмеялся Никита Иванович, — горе-охотник! Заячью шапку с зайцем спутала.

Пожалел он ее, принес домой и с тех пор стал кормить как следует.

Вопросы

1. Как в рассказе показано доброе отношение человека к природе?
2. Дайте словесное описание кошки Маруськи.

ГЛАВА 7. ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 40-50-Х ГОДОВ

ЛЕОНИД ПАНТЕЛЕЕВ (1908-1987)
Честное слово

Мне очень жаль, что я не могу вам сказать, как зовут этого маленького человека, и где он живет, и кто его папа и мама. В потемках я даже не успел как следует разглядеть его лицо. Я только помню, что нос у него был в веснушках и что штанишки у него были коротенькие и держались не на ремешке, а на таких лямочках, которые перекидываются через плечи и застегиваются где-то на животе.

Как-то летом я зашел в садик, - я не знаю, как он называется, на Васильевском острове, около белой церкви. Была у меня с собой интересная книга, я засиделся, зачитался и не заметил, как наступил вечер.

Когда в глазах у меня зарябило и читать стало совсем трудно, я захлопнул книгу, поднялся и пошел к выходу.

Сад уже опустел, на улицах мелькали огоньки, и где-то за деревьями звенел колокольчик сторожа.

Я боялся, что сад закроется, и шел очень быстро. Вдруг я остановился. Мне послышалось, что где-то в стороне, за кустами, кто-то плачет.

Я свернул на боковую дорожку - там белел в темноте небольшой каменный домик, какие бывают во всех городских садах; какая-то будка или сторожка. А около ее стены стоял маленький мальчик лет семи или восьми и, опустив голову, громко и безутешно плакал.

Я подошел и окликнул его:

- Эй, что с тобой, мальчик?

Он сразу, как по команде, перестал плакать, поднял голому, посмотрел на меня и сказал:

- Ничего.

- Как это ничего? Тебя кто обидел?

- Никто.

- Так чего ж ты плачешь?

Ему еще трудно было говорить, он еще не проглотил всех слез, еще всхлипывал, икал, шмыгал носом.

- Давай пошли, - сказал я ему. - Смотри, уже поздно, уже сад закрывается.

И я хотел взять мальчика за руку. Но мальчик поспешно отдернул руку и сказал:

- Не могу.

- Что не можешь?

- Идти не могу.

- Как? Почему? Что с тобой?

- Ничего, - сказал мальчик.

- Ты что - нездоров?

- Нет, - сказал он, - здоров.

- Так почему ж ты идти не можешь?

- Я - часовой, - сказал он.

- Как часовой? Какой часовой?

- Ну, что вы - не понимаете? Мы играем.

- Да с кем же ты играешь?

Мальчик помолчал, вздохнул и сказал:

- Не знаю.

Тут я, признаться, подумал, что, наверно, мальчик все-таки болен и что у него голова не в порядке.

- Послушай, - сказал я ему. - Что ты говоришь? Как же это так? Играешь и не знаешь - с кем?

- Да, - сказал мальчик. - Не знаю. Я на скамейке сидел, а тут какие-то большие ребята подходят и говорят: "Хочешь играть в войну?" Я говорю: "Хочу". Стали играть, мне говорят: "Ты сержант". Один большой мальчик... он маршал был... он привел меня сюда и говорит: "Тут у нас пороховой склад – в этой будке. А ты будешь часовой... Стой здесь, пока я тебя не сменю". Я говорю: "Хорошо". А он говорит: "Дай честное слово, что не уйдешь".

- Ну?

- Ну, я и сказал: "Честное слово - не уйду".

- Ну и что?
- Ну и вот. Стою-стою, а они не идут.
- Так, - улыбнулся я. - А давно они тебя сюда поставили?
- Еще светло было.
- Так где же они?
Мальчик опять тяжело вздохнул и сказал:
- Я думаю, - они ушли.
- Как ушли?
- Забыли.
- Так чего ж ты тогда стоишь?
- Я честное слово сказал...
Я уже хотел засмеяться, но потом спохватился и подумал, что смешного тут ничего нет и что мальчик совершенно прав. Если дал честное слово, так надо стоять, что бы ни случилось - хоть лопни. А игра это или не игра – все равно.
- Вот так история получилась! - сказал я ему. - Что же ты будешь делать?
- Не знаю, - сказал мальчик и опять заплакал.
Мне очень хотелось ему как-нибудь помочь. Но что я мог сделать? Идти искать этих глупых мальчишек, которые поставили его на караул взяли с него честное слово, а сами убежали домой? Да где ж их сейчас найдешь, этих мальчишек?..
Они уже небось поужинали и спать легли, и десятые сны видят.
А человек на часах стоит. В темноте. И голодный небось...
- Ты, наверно, есть хочешь? - спросил я у него.
- Да, - сказал он, - хочу.
- Ну, вот что, - сказал я, подумав. - Ты беги домой, поужинай, а я пока за тебя постою тут.
- Да, - сказал мальчик. - А это можно разве?
- Почему же нельзя?
- Вы же не военный.
Я почесал затылок и сказал:
- Правильно. Ничего не выйдет. Я даже не могу тебя снять с караула. Это может сделать только военный, только начальник...
И тут мне вдруг в голову пришла счастливая мысль. Я подумал, что если освободить мальчика от честного слова, снять его с караула может только военный, так в чем же дело? Надо, значит, идти искать военного.
Я ничего не сказал мальчику, только сказал: "Подожди минутку", - а сам, не теряя времени, побежал к выходу...
Ворота еще не были закрыты, еще сторож ходил где-то в самых дальних уголках сада и дозванивал там в свой колокольчик.
Я стал у ворот и долго поджидал, не пройдет ли мимо какой-нибудь лейтенант или хотя бы рядовой красноармеец. Но, как назло, ни один военный не показывался на улице. Вот было мелькнули на другой стороне улицы какие-то черные шинели, я обрадовался, подумал, что это военные моряки, перебежал улицу и увидел, что это не моряки, а мальчишки-ремесленники. Прошел высокий железнодорожник в очень красивой шинели с зелеными нашивками. Но и железнодорожник с его замечательной шинелью мне тоже был в эту минуту ни к чему.
Я уже хотел несолоно хлебавши возвращаться в сад, как вдруг увидел – за углом, на трамвайной остановке - защитную командирскую фуражку с синим кавалерийским околышем. Кажется, еще никогда в жизни я так не радовался, как обрадовался в эту минуту. Сломя голову я побежал к остановке. И вдруг, не успел добежать, вижу - к остановке подходит трамвай, и командир, молодой кавалерийский майор, вместе с остальной публикой собирается протискиваться в вагон.
Запыхавшись, я подбежал к нему, схватил за руку и закричал:
- Товарищ майор! Минуточку! Подождите! Товарищ майор!
Он оглянулся, с удивлением на меня посмотрел и сказал:
- В чем дело?
- Видите ли, в чем дело, - сказал я. - Тут, в саду, около каменной будки, на часах стоит мальчик... Он не может уйти, он дал честное слово...
Он очень маленький... Он плачет...

Командир захлопал глазами и посмотрел на меня с испугом. Наверное, он тоже подумал, что я болен и что у меня голова не в порядке.

- При чем же тут я? - сказал он.

Трамвай его ушел, и он смотрел на меня очень сердито.

Но когда я немножко подробнее объяснил ему, в чем дело, он не стал раздумывать, а сразу сказал:

- Идемте, идемте. Конечно. Что же вы мне сразу не сказали?

Когда мы подошли к саду, сторож как раз вешал на воротах замок. Я попросил его несколько минут подождать, сказал, что в саду у меня остался мальчик, и мы с майором побежали в глубину сада.

В темноте мы с трудом отыскали белый домик. Мальчик стоял на том же месте, где я его оставил, и опять - но на этот раз очень тихо - плакал. Я окликнул его. Он обрадовался, даже вскрикнул от радости, а я сказал:

- Ну, вот, я привел начальника.

Увидев командира, мальчик как-то весь выпрямился, вытянулся и стал на несколько сантиметров выше.

- Товарищ караульный, - сказал командир. - Какое вы носите звание?

- Я - сержант, - сказал мальчик.

- Товарищ сержант, приказываю оставить вверенный вам пост.

Мальчик помолчал, посопел носом и сказал:

- А у вас какое звание? Я не вижу, сколько у вас звездочек...

- Я - майор, - сказал командир.

И тогда мальчик приложил руку к широкому козырьку своей серенькой кепки и сказал:

- Есть, товарищ майор. Приказано оставить пост.

И сказал это он так звонко и так ловко, что мы оба не выдержали и расхохотались.

И мальчик тоже весело и с облегчением засмеялся.

Не успели мы втроем выйти из сада, как за нами хлопнули ворота и сторож несколько раз повернул в скважине ключ.

Майор протянул мальчику руку.

- Молодец, товарищ сержант, - сказал он. - Из тебя выйдет настоящий воин. До свидания.

Мальчик что-то пробормотал и сказал: "До свиданья".

А майор отдал нам обоим честь и, увидев, что опять подходит его трамвай, побежал к остановке.

Я тоже попрощался с мальчиком и пожал ему руку.

- Может быть, тебя проводить? - спросил я у него.

- Нет, я близко живу. Я не боюсь, - сказал мальчик.

Я посмотрел на его маленький веснушчатый нос и подумал, что ему, действительно, нечего бояться. Мальчик, у которого такая сильная воля и такое крепкое слово, не испугается темноты, не испугается хулиганов, не испугается и более страшных вещей.

А когда он вырастет... Еще не известно, кем он будет, когда вырастет, но кем бы он ни был, можно ручаться, что это будет настоящий человек.

Я подумал так, и мне стало очень приятно, что я познакомился с этим мальчиком.

И я еще раз крепко и с удовольствием пожал ему руку.

Вопросы

1. Какой теме посвящен рассказ Пантелеева «Честное слово»?
2. Почему маленький мальчик не уходил с поста?
3. Как вы понимаете слова автора: «Он будет настоящим человеком»?

ВАЛЕНТИНА АЛЕКСАНДРОВНА ОСЕЕВА (1902-1969)

Синие листья

У Кати было два зелёных карандаша. А у Лены ни одного. Вот и просит Лена Катю:

— Дай мне зелёный карандаш. А Катя и говорит:

— Спрошу у мамы.

Приходят на другой день обе девочки в школу. Спрашивает Лена:

— Позволила мама?

А Катя вздохнула и говорит:
— Мама-то позволила, а брата я не спросила.
— Ну что ж, спроси ещё у брата, — говорит Лена. Приходит Катя на другой день.
— Ну что, позволил брат? — спрашивает Лена.
— Брат-то позволил, да я боюсь, сломаешь ты карандаш.
— Я осторожненько, — говорит Лена.
— Смотри, — говорит Катя, — не чини, не нажимай крепко, в рот не бери. Да не рисуй много.
— Мне, — говорит Лена, — только листочки на деревьях нарисовать надо да травку зелёную.
— Это много, — говорит Катя, а сама брови хмурит. И лицо недовольное сделала. Посмотрела на неё Лена и отошла. Не взяла карандаш. Удивилась Катя, побежала за ней:
— Ну, что ж ты? Бери!
— Не надо, — отвечает Лена. На уроке учитель спрашивает:
— Отчего у тебя, Леночка, листья на деревьях синие?
— Карандаша зелёного нет.
— А почему же ты у своей подружки не взяла? Молчит Лена. А Катя покраснела как рак и говорит:
— Я ей давала, а она не берёт. Посмотрел учитель на обеих:
— Надо так давать, чтобы можно было взять.

Вопросы

1. В чем смысл заглавия рассказа?
2. Над какой проблемой заставляет задуматься рассказ?

Сыновья

Две женщины брали воду из колодца. Подошла к ним третья. И старенький старичок на камушек отдохнуть присел. Вот говорит одна женщина другой:
— Мой сынок ловок да силен, никто с ним не сладит.
— А мой поёт, как соловей. Ни у кого голоса такого нет, — говорит другая. А третья молчит.
— Что же ты про своего сына не скажешь? — спрашивают её соседки.
— Что ж сказать? — говорит женщина. — Ничего в нём особенного нету.

Вот набрали женщины полные вёдра и пошли. А старичок — за ними.Идут женщины, останавливаются. Болят руки, плещется вода, ломит спину.

Вдруг навстречу три мальчика выбегают.

Один через голову кувыркается, колесом ходит — любуются им женщины.

Другой песню поёт, соловьём заливается — заслушались его женщины.

А третий к матери подбежал, взял у неё вёдра тяжёлые и потащил их.

Спрашивают женщины старичка:
— Ну что? Каковы наши сыновья?
— А где же они? — отвечает старик. — Я только одного сына вижу!

Вопросы

1. Как решается конфликт в рассказе «Сыновья»?
2. Какие речевые средства выразительности помогают достичь убедительности в развитии событий?

Волшебное слово

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.
- Подвиньтесь, - сказал ему Павлик и присел на край.
Старик подвинулся и, взглянув на красное, сердитое лицо мальчика, сказал:
- С тобой что-то случилось?
- Ну и ладно! А вам-то что? - покосился на него Павлик.
- Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...
- Ещё бы! - сердито буркнул мальчик.- Я скоро совсем убегу из дому
- Убежишь?

- Убегу! Из-за одной Ленки убегу.- Павлик сжал кулаки. - Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не даёт! А у самой сколько!
- Не даёт? Ну, из-за этого убегать не стоит.
- Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.
- Пустяки! - сказал старик. - Один поругает, другой пожалеет.
- Никто меня не жалеет! - крикнул Павлик.-Брат на лодке едет кататься, а меня не берёт. Я ему говорю: “Возьми лучше, всё равно я от тебя не отстану, вёсла утащу, сам в лодку залезу!”

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.
- Что же, не берёт тебя брат?
- А почему вы всё спрашиваете? Старик разгладил длинную бороду:
- Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.
- Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни- тихим голосом, глядя прямо в глаза...
- А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:
- Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.
- Я попробую, - усмехнулся Павлик,- я сейчас же попробую. - Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски - зелёные, синие, красные - лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой.
“Обманул старик! - с досадой подумал мальчик. - Разве такая поймёт волшебное слово!..”

Павлик боком подошёл к сестре и потянул её за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:
- Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы её разжались, и, снимая руку со стола, она смущённо пробормотала:
- Ка-кую тебе?
- Мне синюю, - робко сказал Павлик. Он взял краску, подержал её в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

“Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?”
Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки.

Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:
- Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста.

Бабушка выпрямилась.

Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке.
- Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой! - приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал её в обе щеки.
“Волшебник! Волшебник!” - повторял он про себя, вспоминая старика.

За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата. Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:
- Возьми меня, пожалуйста. За столом сразу все замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.
- Возьми его, - вдруг сказала сестра. - Что тебе стоит!
- Ну, отчего же не взять? - улыбнулась бабушка. - Конечно, возьми.
- Пожалуйста, - повторил Павлик. Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы:
- Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся!
“Помогло! Опять помогло!”

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

Вопросы

1. Какие элементы сказки введены В.Осеевой в рассказ? С какой целью?

2. В чем особенность композиции произведения?
3. Каково воспитательное значение рассказа «Волшебное слово»?

Печенье

Мама высыпала на тарелку печенье. Бабушка весело зазвенела чашками. Все уселись за стол. Вова придвинул тарелку к себе.

— Дели по одному, — строго сказал Миша.

Мальчики высыпали все печенье на стол и разложили его на две кучки.

— Ровно? — спросил Вова.

Миша смерил глазами кучки:

— Ровно... Бабушка, налей нам чаю!

Бабушка подала обоим чай. За столом было тихо. Кучки печенья быстро уменьшались.

— Рассыпчатые! Сладкие! — говорил Миша.

— Угу! — отзывался с набитым ртом Вова.

Мама и бабушка молчали. Когда все печенье было съедено, Вова глубоко вздохнул, похлопал себя по животу и вылез из-за стола. Миша доел последний кусочек и посмотрел на маму — она мешала ложечкой неначатый чай. Он посмотрел на бабушку — она жевала корочку черного хлеба...

Вопросы

1. Почему мама не пила чай, только «мешала ложечкой неначатый чай», а бабушка «жевала корочку черного хлеба...»?
2. В чем проявилось мастерство В.Осеевой в жанре короткого рассказа?

ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ КАТАЕВ (1897-1986)

Цветик-семицветик

Жила девочка Женя. Однажды послала ее мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином для папы, две баранки с маком для мамы, две баранки с сахаром для себя и одну маленькую розовую баранку для братика Павлика. Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идет, по сторонам зевает, вывески читает, ворон считает. А тем временем сзади пристала незнакомая собака да все баранки одну за другой и съела: съела папины с тмином, потом мамины с маком, потом Женины с сахаром. Почувствовала Женя, что баранки стали что-то чересчур легкие. Обернулась, да уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю, розовую Павликову бараночку доедает, облизывается.

- Ах, вредная собака! - закричала Женя и бросилась ее догонять. Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит – место совсем незнакомое, больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала. Вдруг откуда ни возьмись - старушка.

- Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке все и рассказала. Пожалела старушка Женю, привела ее в свой садик и говорит:

- Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растет у меня в садике один цветок, называется - цветик-семицветик, он все может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он все устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: желтый, красный, зеленый, синий, оранжевый, фиолетовый и голубой.

- Этот цветик, - сказала старушка, - не простой. Он может исполнить все, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли -
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы сделалось то-то или то-то. И это тотчас сделается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы та проводила ее до ближнего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало. Что делать? Женя уже собиралась, по своему обыкновению, заплакать, даже нос наморщила, как гармошку, да вдруг вспомнила про заветный цветок.

- А ну-ка, посмотрим, что это за цветик-семицветик!

Женя поскорее оторвала желтый лепесток, кинула его и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли -
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я была дома с баранками! Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках - связка баранок!

Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: "Это и вправду замечательный цветок, его непременно надо поставить в самую красивую вазочку!" Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминой вазочкой, которая стояла на самой верхней полке.

В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон - семь или восемь. Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и - бац! - раскололась на мелкие кусочки.

- Ты опять что-то разбила, тяпа! Растяпа! - закричала мама из кухни. – Не мою ли самую любимую вазочку?

- Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! - закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли -
Быть по-моему вели.
Вели, чтобы мамина любимая вазочка сделалась целая!

Не успела она это сказать, как черепки сами собой поползли друг к другу и стали срастаться. Мама прибежала из кухни - глядь, а ее любимая вазочка как ни в чем не бывало стоит на своем месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала ее гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчики играют в папанинцев: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка.

- Мальчики, мальчики, примите меня поиграть!
- Чего захотела! Не видишь - это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берем.
- Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?
- Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.
- Значит, не принимаете?
- Не принимаем. Уходи!
- И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам - кошкин хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли -
Быть по-моему вели.
Вели, чтобы я сейчас же была на Северном полюсе!

Не успела она это сказать, как вдруг откуда ни возьмись налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок. Женя, как была в летнем

платьице с голыми ногами, одна-одинешенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

- Ай, мамочка, замерзаю! - закричала Женя и стала плакать, но слезы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе.

А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей и прямехонько к девочке, один другого страшней: первый - нервный, второй - злой, третий – в берете, четвертый - потертый, пятый - помятый, шестой - рябой, седьмой – самый большой. Не помня себя от страха, Женя схватила обледеневшими пальчиками цветик-семицветик, вырвала зеленый лепесток, кинула и закричала что есть мочи:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли -
Быть по-моему вели.
Вели, чтоб я сейчас же очутилась опять на нашем дворе!

И в тот же миг она очутилась опять во дворе. А мальчики на нее смотрят и смеются:

- Ну и где же твой Северный полюс?
- Я там была.
- Мы не видели. Докажи!
- Смотрите - у меня еще висит сосулька.
- Это не сосулька, а кошкин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на другой двор водиться с девочками. Пришла, видит - у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трехколесный велосипед, а у одной - большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошках. Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали желтые, как у козы.

"Ну, - думает, - я вам сейчас покажу, у кого игрушки!" Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли -
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы все игрушки, какие есть на свете, были мои! И в тот же миг откуда ни возьмись со всех сторон повалили к Жене игрушки.

Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки: "папа-мама", "папа-мама". Женя сначала очень обрадовалась, но кукол оказалось так много, что они сразу заполнили весь двор, переулок, две улицы и половину площади. Невозможно было сделать шагу, чтобы не наступить на куклу. Вокруг, представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол? А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из Ленинграда, Харькова, Киева, Львова и других советских городов еще не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам Советского Союза. Женя даже слегка испугалась. Но это было только начало. За куклами сами собой покатились мячики, шарики, самокаты, трехколесные велосипеды, тракторы, автомобили, танки, танкетки, пушки. Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать еще громче. По воздуху летели миллионы игрушечных самолетов, дирижаблей, планеров. С неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и деревьях.

Движение в городе остановилось. Постовые милиционеры влезли на фонари и не знали, что им делать.

- Довольно, довольно! - в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову. -
Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь...
Но не тут-то было! Игрушки все валили и валили...
Уже весь город был завален до самых крыш игрушками.

Женя по лестнице - игрушки за ней. Женя на балкон - игрушки за ней. Женя на чердак - игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли -
Быть по-моему вели.
Вели, чтоб игрушки поскорей убирались обратно в магазины.
И тотчас все игрушки исчезли.

Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток.

- Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила - и никакого удовольствия. Ну, ничего. Вперед буду умнее.

Пошла она на улицу, идет и думает:

"Чего бы мне еще все-таки велеть? Велю-ка я себе, пожалуй, два кило "мишек". Нет, лучше два кило "прозрачных". Или нет... Лучше сделаю так: велю полкило "мишек", полкило "прозрачных", сто граммов халвы, сто граммов орехов и еще, куда ни шло, одну розовую баранку для Павлика. А что толку? Ну, допустим, все это я велю и съем. И ничего не останется. Нет, велю я себе лучше трехколесный велосипед. Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Еще, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят! Нет. Лучше я себе велю билет в кино или в цирк. Там все-таки весело. А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка. Хотя, по правде сказать, какой толк в новых сандалетах? Можно велеть чего-нибудь еще гораздо лучше. Главное, не надо торопиться".

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие синие глаза, веселые, но смирные. Мальчик был очень симпатичный - сразу видно, что не драчун, и Жене захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке очень ясно увидела свое лицо с двумя косичками, разложенными по плечам.

- Мальчик, мальчик, как тебя зовут?
- Витя. А тебя как?
- Женя. Давай играть в салки?
- Не могу. Я хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

- Как жалко! - сказала Женя. - Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.
- Ты мне тоже очень нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.
- Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик! - воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветик-семицветик. - Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний, голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голоском, дрожащим от счастья:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли -
Быть по-моему вели.
Вели, чтобы Витя был здоров!

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.

Вопросы

1. Какие задания девочки Жени исполнял цветик-семицветик?
2. В чем проявились доброта и великодушие Жени?
3. Каково воспитательное звучание сказки «Цветик-семицветик»?

ГЛАВА 8. ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 60-80-Х ГОДОВ

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА БЛАГИНИНА (1903-1989)

Вот какая мама!

Мама песню напевала,
Одевала дочку.
Одевала-надевала
Белую сорочку.
Белая сорочка —
Тоненькая строчка.

Мама песенку тянула
Обувала дочку.
По резинке пристегнула
К каждому чулочку.
Светлые чулочки
На ногах у дочки.

Мама песенку допела,
Мама девочку одела:
Платье красное в горошках,
Туфли новые на ножках…

Вот как мама угодила —
К Маю дочку нарядила.
Вот какая мама —
Золотая прямо!

Вопросы

1. Каким настроением проникнуто это стихотворение?
2. В чем необычность стихотворения «Вот какая мама!»?

Посидим в тишине

Мама спит, она устала…
Ну и я играть не стала!
Я волчка не завожу,
А уселась и сижу.

Не шумят мои игрушки,
Тихо в комнате пустой.
А по маминой подушке
Луч крадется золотой.

И сказала я лучу:
– Я тоже двигаться хочу!

Я бы многого хотела:
Вслух читать и мяч катать,
Я бы песенку пропела,
Я б могла похохотать,

Да мало ль я чего хочу!
Но мама спит, и я молчу.

Луч метнулся по стене,

А потом скользнул ко мне.
– Ничего, – шепнул он будто,
– Посидим и в тишине!..

Вопросы

1. Как раскрывается в стихотворении тема матери и дочери?
2. Какой мотив является основным?
3. Какие чувства вызывает стихотворение «Посидим в тишине»?

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЛКОВ (1913-2009)

Песенка друзей

Мы едем, едем, едем
В далёкие края.
Весёлые соседи,
Счастливые друзья.

Нам весело живется,
Мы песенку поём,
А в песне той поётся
Про то, как мы живем:

Красота! Красота!
Мы везем с собой кота,
Чижика, собаку, Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая.
Вот компания какая!
Вот компания какая!

Мы ехали, мы пели
И с песенкой простой
Все вместе, как сумели,
Приехали домой.

Нам солнце вслед светило,
Нас ветер обдувал,
И весело нам было,
И каждый напевал:

Красота! Красота!
Мы везем с собой кота,
Чижика, собаку, Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая.
Вот компания какая!
Вот компания какая!

Вопросы

1. В чем проявляется песенное начало стихотворения С. Михалкова для детей «Песенка друзей»?
2. Какие черты детей младшего детского возраста ярко и точно переданы автором?

Мы с приятелем

Мы с приятелем вдвоем
Замечательно живем!
Мы такие с ним друзья -
Куда он,

Туда и я!

Мы имеем по карманам:
Две резинки,
Два крючка,
Две больших стеклянных пробки,
Двух жуков в одной коробке,
Два тяжелых пятачка.

Мы живем в одной квартире,
Все соседи знают нас.
Только мне звонить - четыре,
А ему - двенадцать раз.

И живут в квартире с нами
Два ужа
И два ежа,
Целый день поют над нами
Два приятеля-чижа.

И про наших двух ужей,
Двух ежей
И двух чижей
Знают в нашем новом доме
Все двенадцать этажей.

Мы с приятелем вдвоем
Просыпаемся,
Встаем,
Открываем настежь двери,
В школу с книжками бежим...
И гуляют наши звери
По квартирам по чужим.

Забираются ужи
К инженерам в чертежи.

Управдом в постель ложится
И встает с нее дрожа:
На подушке не лежится -
Под подушкой два ежа!

Раньше всех чижи встают
И до вечера поют.
Дворник радио включает -
Птицы слушать не дают!

Тащат в шапках инженеры
К управдому
Двух ужей,
А навстречу инженерам
Управдом несет ежей.

Пишет жалобу сосед:
«Никому покою нет!
Зоопарк отсюда близко.
Предлагаю: всех зверей

Сдать юннатам под расписку
По возможности скорей».

Мы вернулись из кино -
Дома пусто и темно.
Зажигаются огни.
Мы ложимся спать одни.

Еж колючий,
Уж ползучий,
Чиж певучий -
Где они?

Мы с приятелем вдвоем
Просыпаемся,
Встаем,
По дороге к зоопарку
Не смеемся, не поем.

Неужели зоосад
Не вернет зверей назад?

Мы проходим мимо клеток,
Мимо строгих сторожей.
Сто чижей слетают с веток,
Выбегают сто ежей.

Только разве отличишь,
Где какой летает чиж!
Только разве разберешь,
Где какой свернулся еж!

Сто ужей на двух ребят
Подозрительно шипят,
Сто чижей кругом поют,
Сто чижей зерно клюют.

Наши птицы, наши звери
Нас уже не узнают.

Солнце село.
Поздний час.
Сторожа выводят нас.

- Не пора ли нам домой? -
Говорит приятель мой.

Мы такие с ним друзья -
Куда он,
Туда и я!

Вопросы

1. В чем проявилось мастерство С.Михалкова в изображении характерных черт мальчишки - младшего школьника?
2. В чем юмористический взгляд С.Михалкова на детство и детские шалости?

А что у вас?

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел, Борис молчал,
Николай ногой качал.
Дело было вечером,
Делать было нечего.

Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.
Тут сказал ребятам Боря
Просто так:

- А у меня в кармане гвоздь.
А у вас?

- А у нас сегодня гость.
А у вас?

- А у нас сегодня кошка
Родила вчера котят.
Котята выросли немножко,
А есть из блюдца не хотят.

- А у нас на кухне газ.
А у вас?

- А у нас водопровод.
Вот.

- А из нашего окна
Площадь Красная видна.
А из вашего окошка
Только улица немножко.

- Мы гуляли по Неглинной,
Заходили на бульвар,
Нам купили синий-синий,
Презелёный красный шар.

- А у нас огонь погас -
Это раз.
Грузовик привёз дрова -
Это два.
А в-четвёртых, наша мама
Отправляется в полёт,
Потому что наша мама
Называется пилот.

С лесенки ответил Вова:
- Мама - лётчик?
Что ж такого!
Вот у Коли, например,
Мама - милиционер.
А у Толи и у Веры
Обе мамы - инженеры.

А у Лёвы мама - повар.
Мама - лётчик?
Что ж такого!

- Всех важней,- сказала Ната,-
Мама вагоновожатый,
Потому что до Зацепы
Водит мама два прицепа.

И спросила Нина тихо:
- Разве плохо быть портнихой?
Кто трусы ребятам шьёт?
Ну конечно, не пилот.
Лётчик водит самолёты -
Это очень хорошо.

Повар делает компоты -
Это тоже хорошо.

Доктор лечит нас от кори,
Есть учительница в школе.

Мамы разные нужны.
Мамы всякие важны.
Дело было вечером,
Спорить было нечего.

Вопросы

1. Какими приемами поэту удалось передать возрастные и психологические особенности героев этого стихотворения?
2. Какую роль играет смежная рифма в этом стихотворении?

ИРИНА ПЕТРОВНА ТОКМАКОВА (род.в 1929 г.)
Где спит рыбка

Ночью темень. Ночью тишь.
Рыбка, рыбка, где ты спишь?

Лисий след ведёт к норе,
След собачий к конуре.

Белкин след ведёт к дуплу,
Мышкин - к дырочке в полу.

Жаль, что в речке, на воде,
Нет следов твоих нигде.
Только темень, только тишь.
Рыбка, рыбка, где ты спишь?

Вопросы

1. От чьего имени ведется повествование в этом стихотворении?
2. Образ какого ребенка создает И.Токмакова?

Весна

К нам весна шагает
Быстрыми шагами,

И сугробы тают
Под её ногами.
Чёрные проталины
На полях видны.
Верно, очень тёплые
Ноги у весны.

Вопросы

1. Какую эмоциональную окраску имеет это стихотворение?
2. Как метафора «весна шагает» раскывает образ весны в этом стихотворении?

Зернышко

Выйди, выйди, солнышко,
Мы посеем зернышко.
Скоро вырастет росток,
Потянется на восток,
Потянется на восток,
Перекинется мосток.
По мосточку пойдем,
В гости к солнышку придем.

Вопросы

1. Как И.Токмакова использует образы и ритмы народных потешек в этом стихотворении?
2. Чем близко такое стихотворение ребенку дошкольного и младшего школьного возраста?

Скороговорка

Был кашеваром кашалот,
А кашеедом – кит.
Но простудился кашалот,
Стал сильно кашлять он, и вот –
Стал кашеедом кашалот,
А кашеваром – кит.

Вопросы

1. В чем своеобразие стихотворения «Скороговорка»?
2. На каком приеме оно построено?

Разговор Лютика и Жучка

- Лютик, Лютик, что хохочешь?
- Да ведь ты меня щекочешь,
Так листочки мне щекочешь,
Что не хочешь - захохочешь!

Вопросы

1. Каков взгляд на мир и на природу у автора этого стихотворения?
2. Как поэту удалось через образы Лютика и Жучка показать характерные черты образа ребенка?

Ручей

Бежал ручей по камешкам,
Бежал, бежал, бежал...
Потом в глубокой лужице
Лежал, лежал, лежал...

То снова он помчался вскачь,
То будто бы уснул...
Увидел речку — прыг туда
И сразу утонул!

Вопросы

1. Какие разговорные интонации детской речи И.Токмакова использовала при создании образа ручья?
2. Почему данное стихотворение включено в программу изучения в начальной школе?

БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАХОДЕР (1918-2000)

Моя Вообразилия

В моей Вообразилии,
В моей Вообразилии
Болтают с вами запросто
Настурции и Лилии;
Умеют Львы косматые
Скакать верхом на палочке,
А мраморные статуи
Сыграют с вами в салочки!

Ура, Вообразилия,
Моя Вообразилия!
У всех, кому захочется,
Там вырастают крылья;
И каждый обязательно
Становится кудесником,
Будь он твоим ровесником
Или моим ровесником!..

В моей Вообразилии,
В моей Вообразилии -
Там царствует фантазия
Во всем своем всесилии;
Там все мечты сбываются,
А наши огорчения
Сейчас же превращаются
В смешные приключения!

В мою Вообразилию
Попасть совсем несложно:
Она ведь исключительно
Удобно расположена!

И только тот, кто начисто
Лишен воображения, -
Увы, не знает, как войти
В ее расположение!..

Вопросы

1. Что это за страна – Вообразилия? Кому закрыт доступ в эту страну?
2. Какая интонация является ведущей в этом стихотворении?

Приятная встреча

Встретились Бяка и Бука.
Никто не издал ни звука.
Никто не подал и знака -
Молчали Бука и Бяка.

И Бука
Думал со скукой:
"Чего он так смотрит - букой?"
А Бяка думал:
"Однако
Какой он ужасный
Бяка..."

Вопросы

1. Почему встреча названа поэтом «приятной»?
2. В чем специфика лирических образов Бяки и Буки?

Считалия

Из окошка мне видна
Расчудесная Страна,
Где живут Считалочки.
Каждый там не раз бывал,
Кто когда-нибудь играл
В прятки или в салочки...

Чудесный край!. . . . . .
. . . . . .
Сам Заяц Белый вас встречает,
Как будто в вас души не чает.
Неутомимо, в сотый раз
Он повторяет свой рассказ -
И вот уже вы там, как дома!
Все так привычно, так знакомо:

И многошумный Лес Дубовый
(Хотя он здесь шумит века,
Но с виду он совсем как новый),
И Мост, Дорога и Река -
Здесь ехал Грека через Реку
И сунул руку в реку Грека.

Тут шла Собака через Мост -
Четыре лапы, пятый - хвост!

Вот знаменитые Вареники
(Их ели Энеке и Бенеке);

Там, помнится, Кады-Мады
Корове нес ведро воды...

А вот Крылечко Золотое,
Горячим солнцем залитое
И днем и ночью.
А на нем,
Набегавшись, сидят рядком,

Сидят, обнявшись, как родные,
Цари, Сапожники, Портные...
А ты кем будешь? Выбирай!

. . . . . .
Страна чудес! Чудесный край!

. . . . . .
Здесь - аты-баты, аты-баты! -
Не на войну, а на базар
Шагают добрые Солдаты
И покупают самовар,

Здесь за стеклянными дверями -
Веселый Попка с Пирогами.
Он пироги не продает,
А так ребятам раздает...

И счастье даром здесь дается!
А горе - если иногда
Посмеет заглянуть сюда -
Надолго здесь не остается:
Ведь здесь и горе не беда!

Здесь весело блестят слезинки,
Здесь плачут так, что хоть пляши!
Здесь - в самой маленькой корзинке
Все, что угодно для души!
Да, все - буквально все на свете!
И то, чего не видел свет!
И разве только смерти нет -
Ее не принимают дети...

(Здесь иногда в нее играют,
Поскольку здесь - не то, что тут
Лишь понарошку умирают,
По-настоящему живут!)

Здесь и не то еще бывает:
На небо месяц выплывает,
А вслед за ним встает Луна...
Здесь Мальчик Девочке - слуга!

Здесь своеволие в почете,
Но строго властвует закон,
И - если нет ошибки в счете -
Послушно все выходят вон...

И я здесь побывал когда-то...

И, повинуясь счету лет,
Я тоже вышел вон, ребята,
И мне, увы, возврата нет.

Мне вход закрыт бесповоротно,
Хотя из каждого двора
Так беззаботно и свободно
Сюда вбегает детвора,

Хоть нет границы, нет ограды,
Хотя сюда - рукой подать,
И может статься, были б рады
Меня здесь снова повидать...

Вопросы

1. О какой стране пишет Б.Заходер в этом стихотворении?
2. Почему словосочетание «чудесный край» несколько раз встречается в тексте этого стихотворения?
3. Насколько точно, ярко и своеобразно удалось поэту передать чуство беззаботного счастья ребенка и радости детства?

ЯКОВ ЛАЗАРЕВИЧ АКИМ (род.в 1923 г.)
Маленькая Майка

Вышла Майка
На крылечко
В первый ясный
День весны.
Смотрит
Девочка постарше
В мяч играет у стены.
Хлоп в ладоши
И поймала.
Покружилась
И поймала.
Через ножку
И поймала.
Скачет мячик у стены,
Все кругом удивлены.
– Знаешь что,-
Сказала Майка,-
Брошу я,
А ты поймай-ка.
Я сумею,
Я не вру.
Ну, прими меня
В игру!
Но девочка постарше
Недобрая была.
Сказала важно девочка:
– Куда тебе, мала!
Маленькая Майка
Всхлипнула разок
И, позабыв про мячик,
Пошла играть в песок.
Насыплет в ложку
Опрокинет.
На ладошку
Опрокинет.
Хвать в пригоршню
Опрокинет.
Ну и сайки, ну блины!
Все кругом удивлены.
Но вот подходит
К Майке
Девочка с мячом

И говорит:
– Давай-ка
Мы крендель испечём.
Стоит она
У ящика
С услужливым лицом:
– Я буду покупателем,
Ты будешь продавцом.
Но маленькая Майка
Даром что мала
Девчонке-задаваке
Такой ответ дала:
– Нет, для нашего песка
Ты, пожалуй, велика!

Вопросы

1. В чем игровое начало этого стихотворения?
2. Какими средствами достигается создание поэтом образа играющей в мяч девочки?

Мама

Мама! Так тебя люблю,
Что не знаю прямо!
Я большому кораблю
Дам названье "МАМА".

Вопросы

1. В чем нравственный смысл стихотворения?
2. Почему поэт выбирает форму повествования от 1-го лица?

Моя родня

Мама с папой - моя родня.
Нет роднее родни у меня.
И сестренка родня, и братишка,
И щенок лопоухий Тишка.
Я родных своих очень люблю.
Скоро всем подарки куплю.
Папе будет моторная лодка,
Маме в кухню волшебная щетка,
Молоток настоящий братишке,
Мяч сестренке, конфета Тишке.
А еще есть друг у меня,
Друг Сережка мне тоже родня.
Я к нему прибегаю с утра,
Без него мне игра не игра.
Все секреты ему говорю,
Все на свете ему подарю.

Вопросы

1. В чем психологизм стихотворения «Моя родня»?
2. Какие художественные средства позволяют создать ситуацию внутреннего монолога героя?

ВАЛЕНТИН ДМИТРИЕВИЧ БЕРЕСТОВ (1928-1998)

Про машину

Вот девочка Марина,
А вот ее машина.

- На, машина, чашку,
Ешь, машина, кашку.
Вот тебе кроватка.
Спи, машина, сладко.
Я тобою дорожу,
Я тебя не завожу,
Чтобы ты не утомилась,
Чтобы ты не простудилась,
Чтоб не бегала в пыли,
Спи, машина, не шали.

Вдруг машина заболела:
Не пила, она, не ела,
На скамейке не сидела,
Не играла, не спала,
Невеселая была.

Навестил больную Мишка,
Угостил конфетой "Мишка".
Приходила кукла Катя
В белом чистеньком халате,
Над больною целый час
Не смыкала Катя глаз.

Доктор знает все на свете.
Первоклассный доктор - Петя
(Петя кончил первый класс).
И машину доктор спас.

Доктор выслушал больную,
Грузовую,
Заводную,
Головою покачал
И сказал:
- Почему болеет кузов?
Он не может жить без грузов.
Потому мотор простужен,
Что мотору воздух нужен.
Надоело
Жить без дела, -
И машина заболела.
Ей не нужно тишины,
Ей движения нужны.
Как больную нам спасти?
Ключик взять -
И завести!

Вопросы

1. Кто самый любимый герой В.Берестова?
2. Какую роль в стихотворении играет детская игра?
3. Каков диагноз болезни кузова машины?

Читалочка

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать,

Не надо бабушку трясти:
«Прочти, пожалуйста! Прочти!»

Не надо умолять сестрицу:
«Ну, почитай ещё страницу!»

Не надо звать,
Не надо ждать,
А можно взять
И почитать!

Вопросы

1. К кому относится стихотворение «Читалочка»?
2. Кто главный герой этого произведения?
3. Почему «Читалочку» называют образцом поэтической риторики?
4. Чем объяснить включение этого стихотворения во все школьные буквари?

Дверь

Вот дверь. Тебя внесли в неё кульком,
А вывозили из неё в коляске.
А вот и сам, укутан башлыком,
Ты тянешь на порог свои салазки.
Ты — первоклассник. На дворе метель.
В руке набитый книжками портфель.
Растёшь. Ползут зарубки вверх по двери.
Ключ от неё уже тебе доверен.
Всё та же дверь. А всё ж ведёт она
В иную жизнь, в иные времена.

Вопросы

1. В чем иносказательный смысл стихотворения «Дверь»?
2. Какие жизненные этапы намечает в нем поэт?

Коза

В дверь вошло животное,
До того голодное:
Съело веник и метлу,
Съело коврик на полу,
Занавеску на окне
И картину на стене,
Со стола слизнуло справку
И опять пошло на травку.

Вопросы

1. В чем заключается комическая гипербола обжорства в этом стихотворении?
2. Какие общие черты можно увидеть в образе Козы и Робина-Бобина из стихотворения К.Чуковского?

РОМАН СЕМЕНОВИЧ СЕФ (1931-2009)

Спящее стихотворение

Клыки большие
Спрятав,
В лесу
Заснули волки.
И ёжики заснули,
Убрав
Свои иголки,
У ослика
Заснули
Велюровые ушки,
Спит хобот
У слонёнка
И пятачок
У хрюшки.
Заснули
У телёнка
Мохнатые реснички,
И эти
Кончились
Стихи-
Заснули
На страничке.

Вопросы

1. Чем стихотворение напоминает колыбельную песню?
2. С какой целью поэт использовал короткие строки?

О том, у кого три глаза

У этого
Милого существа
Три глаза
И только одна голова.
Зато
Голова это очень умна –
Все время
Подмигивает она,
Красный,
Зеленый
И желтый глаз
Поочередно
Смотрят на вас.
Один из них
Говорит: ИДИ!
Второй умоляет:
Чуть-чуть ПОДОЖДИ!
А третий командует:
СМИРНО СТОЙ!
Закрыта дорога
Перед тобой.
Но если ты лошадь
Или трамвай,
Тогда, пожалуйста –
Проезжай.
Один глаз

Погас,
Другой глаз
Погас,
И вот загорается
ТРЕТИЙ ГЛАЗ.
При виде
Зеленого огонька
Мчат машины
Во весь опор.
И глядит,
Глядит на них свысока
УЛИЧНЫЙ…
(СВЕТОФОР)

Вопросы

1. Как односоставные предложения помогают созданию образа главного героя стихотворения?
2. Какой принцип построения загадки использован в этом стихотворении?

Добрый человек

Столяр гулял в густом лесу
Среди больших стволов.
И, улыбнувшись, он сказал:
– Как много тут столов.
Охотник зайцев настрелял
Пять штук за шесть минут.
И, улыбнувшись, он сказал:
– Как много зайцев тут.
Шел утром добрый человек.
Стряхнув с ветвей росу,
Он улыбнулся и сказал:
– Как хорошо в лесу!

Вопросы

1. Почему столяр и охотник не заметили красоты леса?
2. С каким скрытым наставлением обращается поэт к ребенку?

Дорога

Может стать дорогой
Север,
Может стать дорогой
Юг,
Может стать дорогой
Море,
Может – небо,
Может – луг.
Как прекрасно
Жить на свете,
Как прекрасно
Быть в пути –
Было бы желанье ехать,
Плыть,
Лететь
Или идти.

Вопросы

1. Что главное в жизни, по мнению поэта?
2. Какой стихотворный размер использован поэтом?

Таракан

Залез в бутылку
Таракан,
А вылезти
Не смог.
От злости
Бедный таракан
В бутылке
Занемог.
Он сдох
В начале января,
Прижав усы
К затылку.
Кто часто сердиться,
Тот зря
Не должен
Лезть в бутылку.

Вопросы

1. В чем дидактичность данного стихотворения?
2. С какой целью поэт использует игру метафор?

Карандаш

Высокий, стройный карандаш
Стал через месяц
Низким,
Коротеньким
Огрызком.
Зато сумел он
Записать
Сто шестьдесят
Стихов в тетрадь,
Их прочитают
Дети.
Наверное,
Прекрасней нет
Судьбы
На белом свете.

Вопросы

1. Как в этом стихотворении Сефа воплотились особенности его поэзии: «…союз строгой дидактики и чистой радости, разумности и фантазии»?
2. Чем это стихотворение сближается с басней?

Тишина

Слушай,
Что это звенит?
Может быть,
Ползет в зенит
Реактивный самолет?

Сам летит
И сам поет?
Может быть
Мохнатый жук
Только что
Покинул сук?
Жук ничем не знаменит,
Скучно –
Вот он и звенит?
Нет ни мухи,
Ни жука,
Нет ни грома,
Ни гудка.
Вслушайся:
Звенит одна
В целом свете
Тишина.

Вопросы

1. Какие достижения Р.Р.Сефа в детской поэзии позволили литературоведам назвать его наследником Корнея Чуковского в детской литературе XX века?
2. Каким образом в этом стихотворении раскрывается тема красоты?

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ НОСОВ (1908-1976)
Живая шляпа

Шляпа лежала на комоде, котенок Васька сидел на полу возле комода, а Вовка и Вадик сидели за столом и раскрашивали картинки. Вдруг позади них что-то плюхнулось - упало на пол. Они обернулись и увидели на полу возле комода шляпу.

Вовка подошел к комоду, нагнулся, хотел поднять шляпу - и вдруг как закричит:

- Ай-ай-ай! - и бегом в сторону.
- Чего ты? - спрашивает Вадик.
- Она жи-жи-живая!
- Кто живая?
- Шля-шля-шля-па.
- Что ты! Разве шляпы бывают живые?
- По-посмотри сам!

Вадик подошел поближе и стал смотреть на шляпу. Вдруг шляпа поползла прямо к нему. Он как закричит:

- Ай! - и прыг на диван. Вовка за ним.

Шляпа вылезла на середину комнаты и остановилась. Ребята смотрят на нее и трясутся от страха. Тут шляпа повернулась и поползла к дивану.

- Ай! Ой! - закричали ребята.

Соскочили с дивана - и бегом из комнаты. Прибежали на кухню и дверь за собой закрыли.

- Я у-у-хо-хо-жу! - говорит Вовка.
- Куда?
- Пойду к себе домой.
- Почему?
- Шляпы бо-боюсь! Я первый раз вижу, чтоб шляпа по комнате ходила.
- А может быть, ее кто-нибудь за веревочку дергает?
- Ну, пойди посмотри.
- Пойдем вместе. Я возьму клюшку. Если она к нам полезет, я ее клюшкой тресну.
- Постой, я тоже клюшку возьму.
- Да у нас другой клюшки нет.
- Ну, я возьму лыжную палку.

Они взяли клюшку и лыжную палку, приоткрыли дверь и заглянули в комнату.

- Где же она? - спрашивает Вадик.

- Вон там, возле стола.
- Сейчас я ее как тресну клюшкой! - говорит Вадик. - Пусть только подлезет ближе, бродяга такая!
Но шляпа лежала возле стола и не двигалась.
- Ага, испугалась! - обрадовались ребята. - Боится лезть к нам.
- Сейчас я ее спугну, - сказал Вадик.
Он стал стучать по полу клюшкой и кричать:
- Эй ты, шляпа!
Но шляпа не двигалась.
- Давай наберем картошки и будем в нее картошкой стрелять, - предложил Вовка.
Они вернулись на кухню, набрали из корзины картошки и стали швырять ее в шляпу" Швыряли, швыряли, наконец Вадик попал. Шляпа как подскочит кверху!
- Мяу! - закричало что-то. Глядь, из-под шляпы высунулся серый хвост, потом лапа, а потом и сам котенок выскочил.
- Васька! - обрадовались ребята.
- Наверно, он сидел на полу, а шляпа на него с комода упала, - догадался Вовка.
Вадик схватил Ваську и давай его обнимать!
- Васька, миленький, как же ты под шляпу попал?
Но Васька ничего не ответил, он только фыркал и жмурился от света.

Вопросы

1. Почему рассказ навзан «Живая шляпа»?
2. В чем разница между характерами Вадика и Вовки?

Мишкина каша

Один раз, когда я жил с мамой на даче, ко мне в гости приехал Мишка. Я так обрадовался, что и сказать нельзя! Я очень по Мишке соскучился. Мама тоже была рада его приезду.

- Это очень хорошо, что ты приехал, - сказала она. - Вам вдвоём здесь веселей будет. Мне, кстати, завтра надо в город поехать. Я, может быть, задержусь. Проживёте тут без меня два дня?

- Конечно, проживём, - говорю я. - Мы не маленькие!
- Только вам тут придётся самим обед готовить. Сумеете?
- Сумеем, - говорит Мишка. - Чего там не суметь!
- Ну, сварите суп и кашу. Кашу ведь просто варить.
- Сварим и кашу. Чего там её варить! - говорит Мишка. Я говорю:
- Ты смотри, Мишка, а вдруг не сумеем! Ты ведь не варил раньше.
- Не беспокойся! Я видел, как мама варит. Сыт будешь, не помрёшь с голоду. Я такую кашу сварю, что пальцы оближешь!

Наутро мама оставила нам хлеба на два дня, варенья, чтобы мы чай пили, показала, где какие продукты лежат, объяснила, как варить суп и кашу, сколько крупы положить, сколько чего. Мы всё слушали, только я ничего не запомнил. “Зачем, - думаю, - раз Мишка знает”.

Потом мама уехала, а мы с Мишкой решили пойти на реку рыбу ловить. Наладили удочки, накопали червей.

- Постой, - говорю я. - А обед кто будет варить, если мы на реку уйдём?
- Чего там варить! - говорит Мишка. - Одна возня! Съедим весь хлеб, а на ужин сварим кашу. Кашу можно без хлеба есть.

Нарезали мы хлеба, намазали его вареньем и пошли на реку. Сначала выкупались, потом разлеглись на песке. Греемся на солнышке и хлеб с вареньем жуём. Потом стали рыбу ловить. Только рыба плохо клевала: поймали всего с десяток пескариков. Целый день мы на реке проболтались. К вечеру вернулись домой. Голодные!

- Ну, Мишка, - говорю, - ты специалист. Что варить будем? Только такое, чтоб побыстрей. Есть очень хочется.
- Давай кашу, - говорит Мишка. - Кашу проще всего.
- Ну что ж, кашу так кашу.

Растопили плиту. Мишка насыпал в кастрюлю крупы. Я говорю:

- Сыпь побольше. Есть очень хочется!

Он насыпал полную кастрюлю и воды налил доверху.

Не много ли воды? - спрашиваю. - Размазня получится.

- Ничего, мама всегда так делает. Ты только за печкой смотри, а я уж сварю, будь спокоен.

Ну, я за печкой смотрю, дрова подкладываю, а Мишка кашу варит, то есть не варит, а сидит да на кастрюлю смотрит, она сама варится.

Скоро стемнело, мы зажгли лампу. Сидим и ждём, когда каша сварится. Вдруг смотрю: крышка на кастрюле приподнялась, и из-под неё каша лезет.

- Мишка, - говорю, - что это? Почему каша лезет?
- Куда?
- Шут её знает куда! Из кастрюли лезет!

Мишка схватил ложку и стал кашу обратно в кастрюлю впихивать. Мял её, мял, а она будто пухнет в кастрюле, так и вываливается наружу.

- Не знаю, - говорит Мишка, - с чего это она вылезать вздумала. Может быть, готова уже?

Я взял ложку, попробовал: крупа совсем твёрдая.

- Мишка, - говорю, - куда же вода девалась? Совсем сухая крупа!
- Не знаю, - говорит. - Я много воды налил. Может быть, дырка в кастрюле?

Стали мы кастрюлю осматривать: никакой дырки нет.

- Наверно, испарилась, - говорит Мишка. - Надо ещё подлить.

Он переложил лишнюю крупу из кастрюли в тарелку и подлил в кастрюлю воды. Стали варить дальше. Варили, варили - смотрим, опять каша наружу лезет.

- Ах, чтоб тебя! - говорит Мишка. - Куда же ты лезешь?

Схватил ложку, опять стал лишнюю крупу откладывать. Отложил и снова бух туда кружку воды.

- Вот видишь, - говорит, - ты думал, что воды много, а её ещё подливать приходится.

Варим дальше. Что за комедия! Опять вылезает каша. Я говорю:

- Ты, наверно, много крупы положил. Она разбухает, и ей тесно в кастрюле становится.
- Да, - говорит Мишка, - кажется, я немного много крупы переложил. Это всё ты виноват: “Клади, говорит, побольше. Есть хочется!”
- А откуда я знаю, сколько надо класть? Ты ведь говорил, что умеешь варить.
- Ну и сварю, не мешай только.
- Пожалуйста, не буду тебе мешать. Отошёл я в сторонку, а Мишка варит, то есть не варит, а только и делает, что лишнюю крупу в тарелки перекладывает. Весь стол уставил тарелками, как в ресторане, и всё время воды подливает.

Я не вытерпел и говорю:

- Ты что-то не так делаешь. Так ведь до утра можно варить!
- А что ты думаешь, в хорошем ресторане всегда обед с вечера варят, чтоб наутро поспел.
- Так то, - говорю, - в ресторане! Им спешить некуда, у них еды много всякой.
- А нам-то куда спешить?
- Нам надо поесть да спать ложиться. Смотри, скоро двенадцать часов.
- Успеешь, - говорит, - выспаться.

И снова бух в кастрюлю воды. Тут я понял, в чём дело.

- Ты, - говорю, - всё время холодную воду льёшь, как же она может свариться.
- А как, по-твоему, без воды, что ли, варить?
- Выложить, - говорю, - половину крупы и налить воды сразу побольше, и пусть себе варится.

Взял я у него кастрюлю, вытряхнул из неё половину крупы.

- Наливай, - говорю, - теперь воды доверху. Мишка взял кружку, полез в ведро.
- Нету, - говорит, - воды. Вся вышла.
- Что же мы делать будем? Как за водой идти, темнота какая! - говорю. - И колодца не увидишь.
- Чепуха! Сейчас принесу

Он взял спички, привязал к ведру верёвку и пошёл к колодцу. Через минуту возвращается.

- А вода где? - спрашиваю.
- Вода... там, в колодце.
- Сам знаю, что в колодце. Где ведро с водой?
- И ведро, - говорит, - в колодце.
- Как - в колодце?
- Так, в колодце.
- Упустил?
- Упустил.
- Ах ты, - говорю, - размазня! Ты что ж, нас уморить голодом хочешь? Чем теперь воды достать?

- Чайником можно. Я взял чайник и говорю:
- Давай верёвку.
- А её нет, верёвки.
- Где же она?
- Там.
- Где - там?
- Ну... в колодце.
- Так ты, значит, с верёвкой ведро упустил?
- Ну да.

Стали мы другую верёвку искать. Нет нигде.

- Ничего, - говорит Мишка, - сейчас пойду попрошу у соседей.
- С ума, - говорю, - сошёл! Ты посмотри на часы: соседи спят давно.

Тут, как нарочно, обоим нам пить захотелось; кажется, сто рублей за кружку воды отдал бы! Мишка говорит:

- Это всегда так бывает: когда нет воды, так ещё больше пить хочется. Поэтому в пустыне всегда пить хочется, потому что там нет воды.

Я говорю;

- Ты не рассуждай, а ищи верёвку.
- Где же её искать? Я везде смотрел. Давай леску от удочки привяжем к чайнику.
- А леска выдержит?
- Может быть, выдержит.
- А если не выдержит?
- Ну, если не выдержит, то... оборвётся...
- Это и без тебя известно.

Размотали мы удочку, привязали к чайнику леску и пошли к колодцу. Я опустил чайник в колодец и набрал воды. Леска натянулась, как струна, вот-вот лопнет.

- Не выдержит! - говорю. - Я чувствую.
- Может быть, если поднимать осторожно, то выдержит, - говорит Мишка.

Стал я поднимать потихоньку. Только приподнял над водой, плюх - и нет чайника.

- Не выдержала? - спрашивает Мишка.
- Конечно, не выдержала. Чем теперь доставать воду?
- Самоваром, - говорит Мишка.
- Нет, уж лучше самовар просто бросить в колодец, по крайней мере возиться не надо. Верёвки-то нет.
- Ну, кастрюлей.
- Что у нас, - говорю, - по-твоему, кастрюльный магазин?
- Тогда стаканом.
- Это сколько придётся возиться, пока стаканом воды наносишь!
- Что же делать? Надо ведь кашу доваривать. И пить до зарезу хочется.
- Давай, - говорю, - кружкой. Кружка всё-таки больше стакана.

Пришли домой, привязали леску к кружке так, чтоб она не переворачивалась. Вернулись к колодцу. Вытащили по кружке воды, напились. Мишка говорит:

- Это всегда так бывает. Когда пить хочется, так кажется, что целое море выпьешь, а когда станешь пить, так одну кружку выпьешь и больше уже не хочется, потому что люди от природы жадные...

Я говорю:

- Нечего тут на людей наговаривать! Тащи лучше кастрюлю с кашей сюда, мы прямо в неё воды натаскаем, чтоб не бегать двадцать раз с кружкой.

Мишка принёс кастрюлю и поставил на край колодца. Я её не заметил, зацепил локтем и чуть не столкнул в колодец.

- Ах ты, растяпа! - говорю. - Зачем мне кастрюлю под локоть сунул? Возьми её в руки и держи крепче. И отойди от колодца подальше, а не то и каша полетит в колодец.

Мишка взял кастрюлю и отошёл от колодца. Я натаскал воды.

Пришли мы домой. Каша у нас остыла, печь погасла. Растопили мы снова печь и опять принялись кашу варить. Наконец она у нас закипела, сделалась густая и стала пыхтеть: “Пых, пых!”

- О! - говорит Мишка. - Хорошая каша получилась, знатная!

Я взял ложку, попробовал:
- Тьфу! Что это за каша! Горькая, несолёная и воняет гарью.
Мишка тоже хотел попробовать, но тут же выплюнул.
- Нет, - говорит, - умирать буду, а такую кашу не стану есть!
- Такой каши наешься, и умереть можно! - говорю я.
- Что ж делать?
- Не знаю.
- Чудаки мы! - говорит Мишка. - У нас же пескари есть!
- Я говорю:
- Некогда теперь уже с пескарями возиться! Скоро светать начнёт.
- Так мы их варить не будем, а зажарим. Это ведь быстро - раз, и готово.
- Ну давай, - говорю, - если быстро. А если будет, как каша, то лучше не надо.
- В один момент, вот увидишь.

Мишка почистил пескарей и положил на сковородку. Сковородка нагрелась, пескари и прилипли к ней. Мишка стал отдирать пескарей от сковородки ножом, все бока ободрал им.
- Умник! - говорю. - Кто же рыбу без масла жарит! Мишка взял бутылку с подсолнечным маслом. Налил масла на сковородку и сунул в печь прямо на горячие угли, чтоб поскорее зажарились. Масло зашипело, затрещало и вдруг вспыхнуло на сковородке пламенем. Мишка вытащил сковородку из печки - масло на ней пылает. Я хотел водой залить, а воды у нас во всём доме ни капли нет. Так оно и горело, пока всё масло не выгорело. В комнате дым и смрад, а от пескарей одни угольки остались.
- Ну, - говорит Мишка, - что теперь жарить будем?
- Нет, - говорю я, - больше я тебе ничего жарить не дам. Мало того, что ты продукты испортишь, так ты ещё пожар устроишь. Из-за тебя весь дом сгорит. Довольно!
- Что же делать? Есть-то ведь хочется! Попробовали мы сырую крупу жевать - противно. Попробовали сырой лук - горько. Масло попробовали без хлеба есть - тошно. Нашли банку из-под варенья. Ну, мы её вылизали и легли спать. Уже совсем поздно было.

Наутро проснулись голодные. Мишка сразу полез за крупой, чтоб варить кашу. Я как увидел, так меня даже в дрожь бросило.
- Не смей! - говорю. - Сейчас я пойду к хозяйке, тёте Наташе, попрошу, чтобы она нам кашу сварила.

Мы пошли к тёте Наташе, рассказали ей всё, обещали, что мы с Мишкой все сорняки у неё на огороде выполем, только пусть она поможет нам кашу сварить. Тётя Наташа сжалилась над нами: напоила нас молоком, дала пирогов с капустой, а потом усадила завтракать. Мы всё ели и ели, так - что тёти Наташин Вовка на нас удивлялся, какие мы голодные были.

Наконец мы наелись, попросили у тёти Наташи верёвку и пошли доставать из колодца ведро и чайник. Много мы провозились и, если бы Мишка не придумал якорёк из проволоки смастерить, так бы ничего и не достали. А якорьком, как крючком, подцепили и ведро и чайник. Ничего не пропало - всё вытащили. А потом мы с Мишкой и Вовкой сорняки на огороде пололи.

Мишка говорил:
- Сорняки - это чепуха! Совсем нетрудное дело. Гораздо легче, чем кашу варить!

Вопросы

1. Каковы приемы создания комического в рассказе?
2. Какие психологичесике черты детского возраста раскрыты в образах Мишки и Коли?

ВИКТОР ЮЗЕФОВИЧ ДРАГУНСКИЙ (1913-1972)
Друг детства

Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал,кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далекие звезды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далекий Сингапур, и купить там забавную обезьянку. А то мне

до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

- Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полоски для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на утлом челноке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбину и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе как дым, вот и все дела.

Когда я все это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксером, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга - просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжелую кожаную "грушу" - такой продолговатый тяжелый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так нагляделся на все на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать, в случае чего.

Я сказал папе:

- Папа, купи мне грушу!

- Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

- Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксерскую грушу!

- А тебе зачем? - сказал папа.

- Тренироваться, - сказал я. - Потому что я буду боксером и буду всех побивать. Купи, а?

- Сколько же стоит такая груша? - поинтересовался папа.

- Пустяки какие-нибудь, - сказал я. - Рублей десять или пятьдесят.

- Ты спятил, братец, - сказал папа. - Перебейся как-нибудь без груши.
Ничего с тобой не случится.

И он оделся и пошел на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

- Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку. И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетеную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колес и на веревочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлепкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погремушек, и много еще разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого Мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

- Вот. Это тот самый, что тебе тетя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший Мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Еще лучше! И покупать не надо! Двай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут ее позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил Мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный - желтый стеклянный, а другой большой белый - из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было не важно, потому что Мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, то вот он уже заранее сдается...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим Мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянькал его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная

милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные тверденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеется разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

- Ты что, - сказала мама, она уже вернулась из коридора. - Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слезы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

- Ты о чем, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксером.

Вопросы

1. Кто главный герой рассказа?
2. Какие воспоминания Дениски о своем детстве являются типичными для детей нашей страны?
3. Почему Дениска передумал быть боксером?

Он живой и светится…

Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму. Она,наверно, задерживалась в институте, или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверно, пили чай с бубликами и брынзой, а моей мамы все еще не было...

И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались темные облака - они были похожи на бородатых стариков...

И мне захотелось есть, а мамы все не было, и я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждет меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял ее сидеть на песке и скучать. И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:

- ЗдорОво!

И я сказал:

- ЗдорОво!

Мишка сел со мной и взял в руки самосвал.

- Ого! - сказал Мишка. - Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Ее можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой?

Я сказал:

- Нет, не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало еще темнее. Я смотрел на ворота, чтоб не пропустить, когда придет мама. Но она все е шла. Видно, встретила тетю Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня. Я лег на песок.

Тут Мишка говорит:

- Не дашь самосвал?

- Отвяжись, Мишка.

Тогда Мишка говорит:

- Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса!

Я говорю:

- Сравнил Барбадос с самосвалом...

А Мишка:

- Ну, хочешь, я дам тебе плавательный круг?

Я говорю:

- Он у тебя лопнутый.

А Мишка:

- Ты его заклеишь!

Я даже рассердился:

- А плавать где? В ванной? По вторникам?

И Мишка опять надулся. А потом говорит:

- Ну, была не была! Знай мою доброту! На!

И он протянул мне коробочку от спичек. Я взял ее в руки.

- Ты открой ее, - сказал Мишка, - тогда увидишь!

Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зеленый огонек, как будто где-то далеко-далеко от меня горелакрошечная звездочка, и в то же время я сам держал ее сейчас в руках. - Что это, Мишка, - сказал я шепотом, - что это такое?

- Это светлячок, - сказал Мишка. - Что, хорош? Он живой, не думай.

- Мишка, - сказал я, - бери мой самосвал, хочешь? Навсегда бери, насовсем! А мне отдай эту звездочку, я ее домой возьму...

И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог наглядеться: какой он зеленый, словно в сказке, и как он хоть и близко, на ладони, а светит,словно издалека... И я не мог ровно дышать, и я слышал, как стучит мое сердце, и чуть-чуть кололо в носу, как будто хотелось плакать.

И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете.

Но тут пришла мама, и я очень обрадовался, и мы пошли домой. А когда стали пить чай с бубликами и брынзой, мама спросила:

- Ну, как твой самосвал?

А я сказал:

- Я, мама, променял его.

Мама сказала:

- Интересно! А на что?

Я ответил:

- На светлячка! Вот он, в коробочке живет. Погаси-ка свет!

И мама погасила свет, и в комнате стало темно, и мы стали вдвоем смотреть на бледно-зеленую звездочку.

Потом мама зажгла свет.

- Да, - сказала она, - это волшебство! Но все-таки как ты решился отдать такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?

- Я так долго ждал тебя, - сказал я, - и мне было так скучно, а этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете.

Мама пристально посмотрела на меня и спросила:

- А чем же, чем же именно он лучше?

Я сказал:

- Да как же ты не понимаешь?! Ведь он живой! И светится!..

Вопросы

1. Каким вы представляете себе Дениску Кораблева?
2. Каков взгляд Дениски на мир?
3. Почему Дениска с легкостью обменял самосвал на светлячка?

Что любит Мишка

Один раз мы с Мишкой вошли в зал, где у нас бывают уроки пения. Борис Сергеевич сидел за своим роялем и что-то играл потихоньку. Мы с Мишкой сели на подоконник и не стали ему мешать, да он нас и не заметил вовсе, а продолжал себе играть, и из-под пальцев у него очень быстро выскакивали разные звуки. Они разбрызгивались, и получалось что-то очень приветливое и радостное. Мне очень понравилось, и я бы мог долго так сидеть и слушать, но Борис Сергеевич скоро перестал играть. Он закрыл крышку рояля, и увидел нас, и весело сказал:

- О! Какие люди! Сидят, как два воробья на веточке! Ну, так что скажете?

Я спросил:

- Это вы что играли, Борис Сергеевич?

Он ответил:

- Это Шопен. Я его очень люблю.

Я сказал:

- Конечно, раз вы учитель пения, вот вы и любите разные песенки.

Он сказал:

- Это не песенка. Хотя я и песенки люблю, но это не песенка. То, что я играл, называется гораздо большим словом, чем просто "песенка".

Я сказал:

- Каким же? Словом-то?

Он серьезно и ясно ответил:

- Му-зы-ка. Шопен - великий композитор. Он сочинил чудесную музыку. А я люблю музыку больше всего на свете.

Тут он посмотрел на меня внимательно и сказал:

- Ну, а ты что любишь? Больше всего на свете?

Я ответил:

- Я много чего люблю.

И я рассказал ему, что я люблю. И про собаку, и про строганье, и про слоненка, и про красных кавалеристов, и про маленькую лань на розовых копытцах, и про древних воинов, и про прохладные звезды, и про лошадиные лица, все, все...

Он выслушал меня внимательно, у него было задумчивое лицо, когда он слушал, а потом он сказал:

- Ишь! А я и не знал. Честно говоря, ты ведь еще маленький, ты не бижайся, а смотри-ка - любишь как много! Целый мир.

Тут в разговор вмешался Мишка. Он надулся и сказал:

- А я еще больше Дениски люблю разных разностей! Подумаешь!!

Борис Сергеевич рассмеялся:

- Очень интересно! Ну-ка, поведай тайну своей души. Теперь твоя очередь, принимай эстафету! Итак, начинай! Что же ты любишь?

Мишка поерзал на подоконнике, потом откашлялся и сказал:

- Я люблю булки, плюшки, батоны и кекс! Я люблю хлеб, и торт, и пирожные, и пряники, хоть тульские, хоть медовые, хоть глазурованные. ушки люблю тоже, и баранки, бублики, пирожки с мясом, повидлом, капустой и с рисом.

Я горячо люблю пельмени, и особенно ватрушки, если они свежие, но черствые тоже ничего. Можно овсяное печенье и ванильные сухари. А еще я люблю кильки, сайру, судака в маринаде, бычки в томате, частик в собственном соку, икру баклажанную, кабачки ломтиками и жареную картошку.

Вареную колбасу люблю прямо безумно, если докторская, - на спор, что съем целое кило! И столовую люблю, и чайную, и зельц, и копченую, и полукопченую, и сырокопченую! Эту вообще я люблю больше всех. Очень люблю макароны с маслом, вермишель с маслом, рожки с маслом, сыр с дырочками и без дырочек, с красной коркой или с белой - все равно.

Люблю вареники с творогом, творог соленый, сладкий, кислый; люблю яблоки, тертые с сахаром, а то яблоки одни самостоятельно, а если яблоки очищенные, то люблю сначала съесть яблочко, а уж потом, на закуску - кожуру! Люблю печенку, котлеты, селедку, фасолевый суп, зеленый горошек,вареное мясо, ириски, сахар, чай, джем, боржом, газировку с сиропом, яйца всмятку, вкрутую, в мешочке, могу и сырые. Бутерброды люблю прямо с чем попало, особенно если толсто намазать картофельным пюре или пшенной кашей.

Так.. Ну, про халву говорить не буду - какой дурак не любит халвы? А еще я люблю утятину, гусятину и индятину. Ах, да! Я всей душой люблю мороженое. За семь, за девять. За тринадцать, за пятнадцать, за девятнадцать. За двадцать две и за двадцать восемь.

Мишка обвел глазами потолок и перевел дыхание. Видно, он уже здорово устал. Но Борис Сергеевич пристально смотрел на него, и Мишка поехал дальше.

Он бормотал:

- Крыжовник, морковку, кету, горбушу, репу, борщ, пельмени, хотя пельмени я уже говорил, бульон, бананы, хурму, компот, сосиски, колбасу, хотя я про колбасу тоже говорил.

Мишка выдохся и замолчал. По его глазам было видно, что он ждет, когда Борис Сергеевич его похвалит. Но тот смотрел на Мишку немного недовольно и даже как будто строго. Он тоже словно ждал чего-то от Мишки: что, мол,Мишка еще скажет. Но Мишка молчал. У них получилось, что они оба друг от друга чего-то ждали и молчали.

Первый не выдержал Борис Сергеевич.

- Что ж, Миша, - сказал он, - ты многое любишь, спору нет, но все, что ты любишь, оно какое-то одинаковое, чересчур съедобное, что ли.Получается, что ты любишь целый продуктовый магазин. И только... А люди? Кого ты любишь? Или из животных?

Тут Мишка весь встрепенулся и покраснел.

- Ой, - сказал он смущенно, - чуть не забыл! Еще - котят! И бабушку!

Вопросы

1. Как раскрывается авторское «я» в рассказах о Дениске?
2. В чем психологическая достоверность этого рассказа?

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ (1924-2001)

Капалуха

Мы приближались к альпийским уральским лугам, куда гнали колхозный скотна летнюю пастьбу.

Тайга поредела. Леса были сплошь хвойные, покоробленные ветрами и северной стужей. Лишь кое-где среди редколапых елей, пихт и лиственниц пошевеливали робкой листвой берёзки и осинки да меж деревьев развёртывал свитые улитками ветви папоротник.

Стадо телят и бычков втянулось на старую, заваленную деревьями просеку. Бычки и телята, да и мы тоже, шли медленно и устало, с трудом перебирались через сучковатый валежник.

В одном месте на просеку выдался небольшой бугорочек, сплошь затянутый бледнолистым доцветающим черничником. Зелёные пупырышки будущих черничных ягод выпустили чуть заметные серые былиночки-лепестки, и они как-то незаметно осыпались. Потом ягодка начнётся увеличиваться, багроветь, затем синеть и, наконец, сделается чёрной с седоватым налётом.

Вкусна ягода черника, когда созреет, но цветёт она скромно, пожалуй, скромнее всех других ягодников.

У черничного бугорка поднялся шум. Побежали телята, задрав хвосты, закричали ребятишки, которые гнали скот вместе с нами.

Я поспешил к бугорку и увидел, как по нему с распущенными крыльями бегает кругами глухарка (охотники чаще называют её капалухой).

— Гнездо! Гнездо! — кричали ребята. Я стал озираться по сторонам, ощупывать глазами черничный бугор, но никакого гнезда нигде не видел.

— Да вот же, вот! — показали ребятишки на зелёную корягу, возле которой я стоял.

Я глянул, и сердце моё забилось от испуга — чуть было не наступил на гнездо. Нет, оно не на бугорке было свито, а посреди просеки, под упруго выдавшимся из земли корнем. Обросшая мхом со всех сторон и сверху тоже, затянутая седыми космами, эта неприметная хатка была приоткрыта в сторону черничного бугорка. В хатке утеплённое мхом гнездо. В гнезде четыре рябоватых светло-коричневых яйца. Яйца чуть поменьше куриных. Я потрогал одно яйцо пальцем — оно было тёплое, почти горячее.

— Возьмём! — выдохнул мальчишка, стоявший рядом со мною.

— Зачем?

— Да так!

— А что будет с капалухой? Вы поглядите на неё! Капалуха металась в стороне. Крылья у неё всё ещё разброшены, и она мела ими землю. На гнезде она сидела с распущенными крыльями, прикрывала своих будущих детей, сохраняла для них тепло. Потому и закостенели от неподвижности крылья птицы. Она пыталась и не могла взлететь. Наконец взлетела на ветку ели, села над нашими головами. И тут мы увидели, что живот у неё голый вплоть до шейки и на голой, пупыристой груди часто-часто трепещется кожа. Это от испуга, гнева и бесстрашия билось птичье сердце.

— А пух-то она выщипала сама и яйца греет голым животом, чтобы каждую каплю своего тепла отдать зарождающимся птицам, — сказал подошедший учитель.

— Это как наша мама. Она всё нам отдаёт. Всё-всё, каждую капельку... — грустно, по-взрослому сказал кто-то из ребят и, должно быть застеснявшись этих нежных слов, произнесённых впервые в жизни, недовольно крикнул: — А ну пошли стадо догонять!

И все весело побежали от капалухиного гнезда. Капалуха сидела на сучке, вытянув вслед нам шею. Но глаза её уже не следили за нами. Они целились на гнездо, и, как только мы немного отошли, она плавно слетела с дерева, заползла в гнездо, распустила крылья и замерла.

Глаза её начали затягиваться дрёмной плёнкой. Но вся она была настороже, вся напружинена. Сердце капалухи билось сильными толчками, наполняя теплом и жизнью четыре крупных яйца, из которых через неделю-две, а может, и через несколько дней появятся головастые глухарята.

И когда они вырастут, когда звонким зоревым апрельским утром уронят свою первую песню в большую и добрую тайгу, может быть, в песне этой будут слова, непонятные нам птичьи слова о матери, которая отдает детям всё, иной раз даже жизнь свою.

Вопросы

1. В чем заключается самоотверженная любовь капалухи?
2. Кто помог ребятам увидеть и понять эту любовь?
3. Какие чувства воспитывает этот рассказ?

Зачем я убил коростеля?

Это было давно, лет, может, сорок назад. Ранней осенью я возвращался с рыбалки по скошенному лугу и возле небольшой, за лето высохшей бочажины, поросшей тальником, увидел птицу.

Она услышала меня, присела в скошенной щетинке осоки, притаилась, но глаз мой чувствовала, пугалась его и вдруг бросилась бежать, неуклюже завалилась на бок.

От мальчишки, как от гончей собаки, не надо убегать - непременно бросится он в погоню, разожжется в нем дикий азарт. Берегись тогда живая душа.

Я догнал птицу в борозде и, слепой от погони, охотничьей страсти, захлестал ее сырым удилищем.

Я взял в руки птицу с завядшим, вроде бы бескостным тельцем. Глаза ее были прищемлены мертвыми, бесцветными веками, шейка, будто прихваченный морозом лист, болталась. Перо на птице было желтовато, со ржавинкой по бокам, а спина словно бы темноватыми гнилушками посыпана.

Я узнал птицу - был коростель. Дергач, по-нашему. Все другие его друзья-дергачи покинули наши места, отправились в теплые края - зимовать. А этот уйти не смог. У него не было одной лапки - в сенокос он попал под литовку. Вот потому-то он и бежал от меня так неуклюже, потому я и догнал его.

Вопросы

1. Почему автор-рассказчик вспоминает историю сорокалетней давности?
2. Какие выводы делает юный читатель после знакомства с этой историей?

Стрижонок Скрип

Стрижонок вылупился из яичка в темной норке и удивленно пискнул. Ничего не было видно. Лишь далеко-далеко тускло мерцало пятнышко света. Стрижонок испугался этого света, плотнее приник к теплой и мягкой маме-стрижихе. Она прижала его крылышком к себе. Он задремал, угревшись под крылом. Где-то шел дождь, падали одна за другой капли. И стрижонку казалось, что это мама-стрижиха стучит клювом по скорлупке яйца. Она так же стучала, перед тем как выпустить его наружу.

Стрижонок проснулся оттого, что ему стало холодно. Он пошевелился и услышал, как вокруг него завозились и запищали голенькие стрижата, которых мама-стрижиха тоже выклевала из яиц.

А самой мамы не было.

— Скрип! — позвал ее стрижонок.

— Скрип! Скрип! Скрип! — повторили за ним братья и сестры.

Видно, всем понравилось, что они научились звать маму, и они громче и дружней запищали:

— Скрип! Скрип! Скрип!

И тут далекое пятнышко света потухло. Стрижата притихли.

— Скрип! — послышалось издалека.

«Так это же мама прилетела!» — догадались стрижата и запищали веселей.

Мама принесла в клюве капельку дождя и отдала ее Скрипу — первому стрижонку.

Какая это была вкусная капля! Стрижонок Скрип проглотил ее и пожалел, что капля такая маленькая.

— Скрип! — сказал он. Еще, мол, хочу.

— Скрип-скрип! — радостно ответила мама-стрижиха. Сейчас, дескать, сейчас.

И опять ее не стало. И опять стрижата тоскливо запищали. А первый стрижонок кричал громче всех. Ему очень уж понравилось, как мама-стрижиха поила его из клюва.

И когда снова закрылся свет вдали, он что было духу закричал:

— Скрип! — и даже полез навстречу маме. Но тут же был откинут крылом на место, да так бесцеремонно, что чуть было кверху лапками не опрокинулся. И каплю вторую мама-стрижиха отдала не ему, а другому стрижонку.

Обидно. Примолк стрижонок Скрип, рассердился на маму и братьев с сестренками, которые тоже, оказывается, хотели пить. Когда мама принесла мошку и отдала ее другому стрижонку, Скрип попытался отнять ее. Тогда мама-стрижиха так долбанула Скрипа клювом по голове, что у него пропала всякая охота отбирать еду у других.

Понял стрижонок, какая у них серьезная и строгая мама. Ее не разжалобишь писком.

Так начал жизнь в норке стрижонок Скрип вместе с братьями и сестрами. Таких норок в глиняном берегу над рекой было очень много. В каждой норке жили стрижата, а точнее, ласточки-береговушки. И были у них папы и мамы. А вот у стрижонка Скрипа папы не было. Его сшибли из рогатки мальчишки. Он упал в воду, и его унесло куда-то. Конечно, стрижата не знали об этом.

Маме-стрижихе было очень тяжело одной прокормить детей. Но она была хорошая мать. С рассвета и до вечера носилась она над берегом и водой, схватывала на лету мошек, комариков, дождевые капли. Приносила их детям. А мальчишки, сидевшие с удочками на берегу, думали, что стрижиха и все стрижи играют над рекой.

Стрижонок Скрип подрос. У него появились перья, и ему все время хотелось есть. Иногда ему удавалось отобрать у братца или сестренки мошку, и тогда они жалобно и недовольно пищали. За это Скрипу попадало от мамы-стрижихи. Но ему так хотелось есть, так хотелось есть!

А еще ему хотелось выглянуть из норки и посмотреть, что же оно там такое, дальше этого пятнышка света, откуда мама-стрижиха приносит еду и ветреные запахи на крыльях.

Пополз стрижонок Скрип. И чем дальше он полз, перебирая слабыми лапками, тем больше и ярче делался свет.

Боязно!

Но Скрип был храбрый стрижонок, он полз и полз.

Наверное, он выпал бы из норки и разбился, как разбиваются такие вот неразумные птенцы. Но тут появилась мама-стрижиха, схватила его, уволокла в глубь норки — и раз-раз его клювом по голове. Сказала сердито:

— Скрип-скрип! — и еще по голове, и еще по голове.

Очень рассердилась мама-стрижиха, очень сильно била Скрипа. Должно быть, там, за норкой, опасно, раз мама-стрижиха так волнуется. Конечно, откуда Скрипу было знать, сколько врагов у маленьких проворных стрижей!

Сидит на вершине березы страшный быстрый сокол и подстерегает их. Скоком-прыгом подходит к норкам клюватая ворона. Тихо ползет меж камней черная гадюка.

Побольше подрос Скрип, догадываться стал об этом. Ему делалось жутко, когда там, за норкой, раздавалось пронзительное «тиу!». Тогда мама-стрижиха бросала все, даже мошку или каплю воды, и, тоже крикнув грозное «тиу!», мчалась из норки.

И все стрижи с криком «тиу!» высыпали из норок и набрасывались на врага. Пусть этот враг хоть сокол, хоть коршун, хоть кто, пусть он хоть в сто раз больше стрижей, они все равно не боялись его. Дружно налетали стрижи, все как один. Коршун и ворона скорей-скорей убирались в лес, а гадюка пряталась под камень и со страху шипела.

Однажды мама-стрижиха вылетела на битву с врагом — разбойником соколом.

Сокол был не только быстрым, но и хитрым. Он сделал вид, что отступает. Вожак стрижей — Белое брюшко — дал отбой, крикнув победоносное «тиу!». Но мама-стрижиха еще гналась за коршуном, чтобы уж навсегда отвадить его летать к стрижиным норкам.

Тут сокол круто развернулся, ударил маму-стрижиху и унес в когтях. Только щепотка перьев кружилась в воздухе. Перья упали в воду, и их унесло…

Долго ждал стрижонок Скрип маму. Он звал ее. И братцы и сестренки тоже звали. Мама-стрижиха не появлялась, не приносила еду.

Потускнело пятнышко света. Настала ночь. Утихло все на реке. Утихли стрижи и стрижата, пригретые папами и мамами. И только Скрип был с братьями и сестренками без мамы.

Сбились в кучу стрижата. Холодно без мамы, голодно. Видно, пропадать придется.

Но Скрип еще не знал, какой дружный народ стрижи! Ночью к ним нырнул вожак Белое брюшко, пощекотал птенцов клювом, обнял их крыльями, и они пригрелись, уснули. А когда рассвело, в норку к Скрипу наведалась соседка-стрижиха и принесла большого комара. Потом залетали еще стрижи и стрижихи и приносили еду и капли воды. А на ночь к осиротевшим стрижатам снова прилетел вожак Белое брюшко.

Выросли стрижата. Не пропали. Пришла пора покидать им родную норку, как говорят, становиться на крыло — самим добывать себе пищу и строить свой дом.

Это было радостно и жутко!

Скрип помнит, как появился в норке вожак Белое брюшко. Вместо того чтобы дать ему мошку или капельку, он ухватил Скрипа за шиворот и поволок из норки. Скрип упирался, пищал. Белое брюшко не обращал внимания на писк Скрипа, подтащил его к устью норки и вытолкнул наружу.

Ну что было делать Скрипу? Не падать же! Он растопырил крылья и… полетел! И тут на него набросились все стрижи, старые и молодые. Все-все! И погнали его от норки всей стаей навстречу ветру, навстречу ослепительному солнцу.

— Скрип! Скрип! — испуганно закричал стрижонок, захлебнувшись ветром, и увидел под собою воду. — Скрип! Скрип!

«А если я упаду?» — с ужасом подумал он.

Но стрижи не давали ему упасть. Они гоняли его кругами над водой, над берегом, над лесом.

Потом крики стрижей остались позади. Свист крыльев и гомон птичий угасли. И тут стрижонок Скрип с удивлением увидел, что он уже сам, один, летает над рекой! И от этого сделалось так радостно, что он взмыл высоко-высоко и крикнул оттуда солнцу, реке, всему миру: «Скрип!» — и закружился, закружился над рекой, над лесом. Даже в облако один раз залетел. Но там ему не понравилось — темновато и одиноко. Он спикировал вниз и заскользил над водою, чуть не касаясь ее брюшком.

А потом Скрип и сам стал помогать стрижам — вытаскивал из норок стрижат и тоже гнал их над рекой вместе со всеми стрижами и кричал:

— Скрип! Скрип! Держи его! Догоняй!..

И ему было весело смотреть, как метались и заполошно кричали молоденькие стрижата, обретая полет, вечный полет.

Скрип много съел в этот день мошек, много выпил воды. Ел и пил он жадно, потому что стрижи всегда в движении, всегда в полете, и оттого надо им все время есть, все время пить. Но день кончился. Он еще раз плюхнулся белым брюшком на воду, схватил капельку воды, отряхнулся и поспешил к своей норке. Но найти ее не смог. Ведь снаружи он никогда не видел свою норку, а сейчас все норки казались ему одинаковыми. Норок много, разве их различишь?

Скрип сунулся в одну норку — не пускают, в другую — не пускают. Все стрижиные дома заняты. Что же делать? Не ночевать же на берегу! На берегу страшно. В норке лучше.

И Скрип начал делать свою норку. Выскребал глину остренькими когтями, выклевывал ее и уносил к воде; снова возвращался к яру и опять клевал, скреб, а в землю подался чуть-чуть.

Устал Скрип, есть захотел и решил, что такой норки ему вполне хватит. Он немного покормился над рекой и завалился спать в свою совсем еще не глубокую норку.

Неподалеку рыбачили мальчишки. Они пришли к стрижиному яру. Один мальчишка засунул руку в норку и вынул Скрипа. Что только пережил Скрип, пока его держали в руках и поглаживали, как ему казалось, громадными пальцами!

Но ничего попались ребятишки, хорошие, выпустили Скрипа. Он полетел над рекой и со страху крикнул:

— Тиу!

Все стрижи высыпали из норок, глядят — никого нет. Ребятишки уже ушли, сокол не летает. Чуть было не побили стрижи Скрипа, но пожалели — молодой еще.

Тут понял Скрип, что в маленькой норке не житье, и принялся снова работать. Он так много раз подлетал к своей норке, чтобы унести глину, так пробивался в глубь яра, что норку эту отличал уже ото всех.

Как-то опять пришли мальчишки, засунули руку, чтобы вытащить Скрипа, а достать не могут. Скрип вертел головою и, должно быть, насмешливо думал: «Шалишь, братцы мальчишки! И вообще совесть надо иметь!»

Хорошо, спокойно жилось в своей норке. Теперь Скрип наедался и напивался досыта, сделался стремительным, сильным. Но вот отчего-то сделались беспокойными стрижи. Они почти не находились в норках, а все летали, кружились, лепились на проводах и часами сидели молча, прижавшись один к одному. А потом с визгом рассыпались в разные стороны, присаживались к осенним лужам, заботливо клевали глину и снова сбивались в стаи, и снова тревожно кружились. Эта тревога передалась и Скрипу. Он стал ждать, сам не зная чего, и в конце августа, на рассвете, вдруг услышал призывный голос вожака Белое брюшко.

— Тиу! — крикнул вожак.

В голосе его на этот раз не было угрозы. Он звал в отлет.

Взмыл Скрип и видит: все небо клубится. Тучи стрижей летят к горизонту.

— Тиу! — звал вожак.

И стайка Скрипа помчалась вдаль, смешалась с другими стаями. Стрижей было так много, что они почти заслонили собой разгорающуюся в небе зарю.

— Скрип! Скрип! — тревожно и тоскливо кричали стрижи, прощаясь до следующего лета с родным краем.

— Скрип! До свидания! — крикнул и стрижонок Скрип и помчался за леса, за горы, за край земли.

— До свидания, Скрип! До свидания! Прилетай в свою норку! — кричали вслед Скрипу мальчишки-рыбаки.

Стрижи улетают в одну ночь и уносят с собою лето. Прилетают они в одну ночь и приносят с собою лето.

Скучно без стрижей на реке. Чего-то не хватает.

Где ты, маленький Скрип? В каких краях и странах? Возвращайся скорее! Приноси нам на крыльях лето!

Вопросы

1. Как в рассказе раскрывается тема материнства?
2. Какие трудности пришлось преодолеть стрижонку,чтобы выжить?

ЭДУАРД НИКОЛАЕВИЧ УСПЕНСКИЙ (род.в 1937 г.)
Крокодил Гена и его друзья

ВСТУПЛЕНИЕ, КОТОРОЕ МОЖНО И НЕ ЧИТАТЬ

Наверное, у каждого из вас, ребята, есть своя любимая игрушка. А может быть, даже две или пять.

У меня, например, когда я был маленьким, было три любимых игрушки:громадный резиновый крокодил по имени Гена, маленькая пластмассовая кукла Галя и неуклюжий плюшевый зверек со странным названием- Чебурашка.

Чебурашку сделали на игрушечной фабрике, но сделали так плохо, что невозможно было сказать, кто же он такой: заяц, собака, кошка или вообще австралийский кенгуру? Глаза у него были большие и желтые, как у филина, голова круглая, заячья, а хвост коротень-кий и пушистый, такой, какой бывает обычно у маленьких медвежат.

Мои родители утверждали, что Чебурашка - это неизвестный науке зверь, который водится в жарких тропических лесах.

Сначала я очень боялся этого неизвестного науке Чебурашку и даже не хотел оставаться с ним в одной комнате. Но постепенно я привык к его странной внешности, подружился с ним и стал любить его не меньше, чем резинового крокодила Гену и пластмассовую куклу Галю.

С тех пор прошло очень много времени, но я все равно помню своих маленьких друзей и вот написал о них целую книгу.

Разумеется, в книге они будут живые, а не игрушечные.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В одном густом тропическом лесу жил да был очень забавный зверек. Звали его Чебурашка. Вернее, сначала его никак не звали, пока он жил в своем тропичес-ком лесу. А назвали его Чебурашкой потом, когда он из леса уехал и встретился с людьми. Ведь это же люди дают зверям имена. Это они сказали слону, что он слон, жирафу - что он жираф, а зайцу - что он заяц, Но слон, если бы подумал, мог бы догадаться, что он слон. Ведь у него же очень простое имя. А каково зверю с таким сложным именем, как гиппопотам.

Поди догадайся, что ты не ги-потам, не по-потам, а именно гип-по-по-там.

Так вот и наш зверек: он никогда не задумывался над тем, как его зовут, а просто жил себе да жил в далеком тропическом лесу.

Однажды он проснулся утром рано, заложил лапы за спину и отправился немного погулять и подышать свежим воздухом.

Гулял он себе, гулял и вдруг около большого фруктового сада увидел несколько ящиков с апельсинами. Недолго думая, Чебурашка забрался в один из них и стал завтракать. Он сьел целых

два апельсина и так объелся, что ему трудно стало передвигаться. Поэтому он прямо на фруктах и улегся спать.

Спал Чебурашка крепко, он, конечно не слышал, как подошли рабочие и заколотили все ящики.

После этою апельсины вместе с Чебурашкой погрузили на корабль и отправили в далекое путешествие.

Ящики долго плавали по морям и океанам и в конце концов оказались во фруктовом магазине очень большого города. Когда их открыли, в одном апельсинов почти не было, а был только толстый-претолстый Чебурашка.

Продавцы вытащили Чебурашку из его каюты и посадили на стол. Но Чебурашка не мог сидеть на столе: он слишком много времени провел в ящике, и у него затекли лапы. Он сидел, сидел, смотрел по сторонам, а потом взял да и чебурахнулся со стола на стул.

Но и на стуле он долго не усидел - чебурахнулся снова. На пол.

- Фу ты, Чебурашка какой! - сказал про него директор магазина, - Совсем не может сидеть на месте! Так наш зверек и узнал, что его имя - Чебурашка, - Но как же мне с тобой поступить? - спросил директор. - Не продавать же тебя вместо апельсинов?

- Не знаю, - ответил Чебурашка - Как хотите, так и поступайте.

Директору пришлось взять Чебурашку под мышку и отнести его в главный городской зоопарк.

Но в зоопарк Чебурашку не приняли. Во-первых, зоопарк был переполнен. А во-вторых. Чебурашка оказался совершенно неизвестным науке зверем Никто не знал, куда же его поместить- то ли к зайцам то ли к тиграм, то ли вообще к морским черепахам.

Тогда директор снова взял Чебурашку под мышку и пошел к своему дальнему родственнику, тоже директору магазина. В этом магазине продавали уцененные товары.

- Ну что же, - сказал директор номер два, - мне нравится этот зверь. Он похож на бракованную игрушку! Я возьму его к себе на работу. Пойдешь ко мне?

- Пойду, - ответил Чебурашка. - А что мне делать?

- Надо будет стоять в витрине и привлекать внимание прохожих. Понятно?

- Понятно, - сказал зверек. - А где я буду жить?

- Жить?.. Да хотя бы вот здесь! - Директор показал Чебурашке старую телефонную будку, стоявшую у входа в магазин. - Это и будет твой дом!

Так вот и остался Чебурашка работать в этом большом магазине и жить в этом маленьком домике. Безусловно, этот дом был не самый лучший в городе. Но зато под рукой у Чебурашки всегда находился телефон-автомат, и он мог звонить кому хочешь, прямо не выходя из собственного дома.

Правда, пока ему некому было звонить, но это его нисколько не огорчало.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В том городе, где оказался Чебурашка, жил да был крокодил, по имени Гена. Каждое утро он просыпался в своей маленькой квартире, умывался, завтракал и отправлялся на работу в зоопарк. А работал он в зоопарке крокодилом.

Придя на место, он раздевался, вешал на гвоздик костюм, шляпу и тросточку и ложился на солнышке у бассейна. На его клетке висела табличка с надписью:

АФРИКАНСКИЙ КРОКОДИЛ ГЕНА
ВОЗРАСТ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ
КОРМИТЬ И ГЛАДИТЬ РАЗРЕШАЕТСЯ

Когда кончался рабочий день, Гена тщательно оде-вался и шагал домой, в свою маленькую квартиру, Дома он читал газеты, курил трубку и весь вечер играл сам с собой в крестики-нолики.

Однажды, когда он проиграл сам себе сорок партий подряд, ему стало очень и очень грустно.

"А почему я все время один? - подумал он. - Мне надо обязательно завести себе друзей".

И, взяв карандаш, он написал такое объявление;

Молодой кракодил пятидесяти лет хочет зависти себе друзей. С предложениями обращаться по адресу:

Большая Пирожная улица, дом 15, корпус Ы. Звонить три с половиной раза В тот же вечер он развесил объявления по городу и стал ждать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На другой день поздно вечером к нему в дверь кто-то позвонил. На пороге стояла маленькая, очень серьезная девочка.

- В вашем объявлении, - сказала она, - целых три ошибки.

- Не может быть! - воскликнул Гена: он думал, что их по крайней мере восемнадцать. - Какие же?

- Во-первых, слово "крокодил" пишется через "о", а во-вторых, какой же вы молодой, если вам пятьдесят лет?

- А крокодилы живут триста лет, поэтому я еще очень молод,- возразил Гена.

- Все равно - надо писать грамотно. Давайте знакомиться. Меня зовут Галя. Я работаю в детском театре.

- А меня зовут Гена. Я работаю в зоопарке. Крокодилом.

- А что мы будем сейчас делать?

- Ничего. Давайте просто побеседуем. Но в это время в дверь снова позвонили. - Кто там? - спросил крокодил

- Это я, Чебурашка! И в комнате появился какой-то неизвестный зверь. Он был коричневый, с большими вытаращенными глазами и коротким пушистым хвостом.

- Кто вы такой? - обратилась к нему Галя.

- Не знаю,-ответил гость.

- Совсем-совсем не знаете? - спросила девочка.

- Совсем-совсем...

- А вы, случайно, не медвежонок?

- Не знаю, - сказал Чебурашка. - Может быть, я медвежонок.

- Нет, - вмешался крокодил, - он даже ни капельки не медвежонок. У медведей глаза маленькие, а у него вон какие здоровые!

- Так, может быть, он щенок! - задумалась Галя.

- Может быть, - согласился гость. - А щенки лазают по деревьям?

- Нет, не лазают, - ответил Гена, - Они больше лают.

- Как?

- Вот так: ав-ав! - пролаял крокодил.

- Нет, я так не умею, - огорчился Чебурашка. Значит, я не щенок!

- А я знаю, кто вы такой, - снова сказала Галя. - Вы, наверное, леопард.

- Наверное, - согласился Чебурашка. Ему было все равно. - Наверное, я леопард!

Леопардов никто не видел, поэтому все отошли подальше. На всякий случай.

- Давайте посмотрим в словаре. - предложила Галя. - Там все слова объясняются, на любую букву.

(Если вы, ребята, не знаете, что такое словарь, я вам расскажу. Это специальная книжка. В ней собраны все слова, какие есть на свете, и рассказывается, что каждое слово значит.)

- Давайте посмотрим в словаре, - согласился Чебурашка. - А на какую букву будем смотреть?

- На букву "РР-РР-РРЫ", -- сказала Галя, - потому что леопарды РР РР-РРЫЧАТ,

- И на букву "К", - добавил Гена, - потому что Леопарды К...УСАЮТСЯ.

Конечно, Галя и Гена были оба не правы, потому что леопарда надо было смотреть не на букву "РР-РР-РРЫ" и не на букву "К", а на букву "Л".

Ведь он же ЛЕОПАРД, а не РР-РР РРЫОПАРД в тем более не К...ОПАРД.

- Но я не рычу и не кусаюсь. - сказал Чебурашка, - значит, я не леопард!..

После этого он снова обратился к крокодилу:

- Скажите, а если вы так и не узнаете, кто я такой, вы не станете со мной дружить?

- Почему? - ответил Гена. - Все зависит от вас. Если вы окажетесь хорошим товарищем, мы будем рады подружиться с вами. Правильно? - спросил он у девочки.

- Конечно! - согласилась Галя. - Будем очень рады!

- Ура! - закричал Чебурашка. - Ура! - и подпрыгнул чуть ли не до самого потолка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

- А что мы будем сейчас делать? - спросил Чебурашка, после того как все перезнакомились.

- Давайте играть в крестики-нолики, - сказал Гена.

- Нет, - сказала Галя, - давайте лучше организуем кружок "Умелые руки".
- Но у меня нет рук! - возразил Чебурашка.
- И у меня, - поддержал его крокодил. - У меня только ноги.
- Может быть, нам организовать кружок "Умелые ноги"? - предложил Чебурашка.
- Или "Умелый хвост"? - добавил крокодил.
- Но у меня, к сожалению, нет хвоста, - сказала Галя.

И все замолчали.

В это время Чебурашка посмотрел на маленький будильник, стоявший на столе.

- А вы знаете, уже поздно. Нам пора расходиться. - Ему совсем не хотелось, чтобы новые друзья сочли его навязчивым.
- Да, - согласился крокодил. - Нам действительно пора расходиться!

На самом деле ему некуда было расходиться, но зато он очень хотел спать.

В эту ночь Гена, как всегда, спал спокойно.

Что касается Чебурашки ~ он спал плохо. Ему все не верилось, что у него появились такие друзья.

Чебурашка долго ворочался в постели, часто вскакивал и в задумчивости шагал из угла в угол по своей маленькой телефонной будке.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Теперь Гена, Галя и Чебурашка почти каждый вечер проводили вместе. После работы они собирались у крокодила дома, мирно беседовали, пили кофе и играли в крестики-нолики. И все-таки Чебурашке не верилось, что у него наконец появились настоящие друзья

- Интересно, - подумал он однажды, - а если бы я сам пригласил крокодила в гости, пришел бы он ко мне или нет? Конечно, пришел бы. - успокаивал себя Чебурашка. - Ведь мы с ним друзья! А если нет?"

Чтобы долго не раздумывать, Чебурашка снял теле-фонную трубку и позвонил крокодилу.

- Алло, Гена, привет! - начал он. - Ты чего делаешь?
- Ничего, - ответил крокодил.
- Знаешь что? Приходи ко мне в гости.
- В гости? - удивился Гена. - Зачем?
- Кофе пить, - сказал Чебурашка. Это было первое, что пришло ему в голову.
- Ну что же, - сказал крокодил, - я с удовольствием приду.

"Ура!" - чуть было не закричал Чебурашка. Но потом подумал, что ничего тут особенного нет. Один товарищ приходит в гости к другому. И надо не кричать "ура", а в первую очередь позаботиться о том, как его лучше встретить.

Поэтому он сказал крокодилу:

- Только ты захвати с собой, пожалуйста, чашки, а то у меня нету ну никакой посуды!
- Что ж, захвачу. - И Гена стал собираться. Но Чебурашка позвонил опять.

Вопросы

1. Какие проблемы поднимает автор в повести «Крокодил Гена и его друзья»?
2. Какие качества персонажей Э.Успенского сделали их любимыми героями детей?
3. Как юмор и смех в произведениях Э.Успенского помогают раскрыть психологию детей и взрослых?

РАДИЙ ПЕТРОВИЧ ПОГОДИН (1925-1993)

Где ты, где ты, где ты?
Сказка про жеребенка Мишу и его друзей

В других городах,может быть, не так**,** а в городе Новгороде все иначе. Даже время там как заколдованное. Когда скучно, грустно, дождь и слякоть, когда делать нечего, время медленно ползет, будто в гору крутую.

Когда игры, забавы, солнце - время летит стрелой. Побегал, попрыгал, песенку спел, глядь - уже ночь на дворе.

- Ой, не напрыгался!
- Ой, не накувыркался!
- Ой, не хочу, не буду, не слышу!.. Сказку давай.

- Говоришь, сказку? Пожалуйста.

Вопросы

1. Почему в детстве время летит стремительно?
2. Почему в Новгороде «все иначе»?

Про жеребенка Мишу

В городе Новгороде проживал один жеребенок.

Ты, конечно, скажешь, что жеребята проживают в деревне. Например в деревне Коржи Новгородской области. Согласен.

И все-таки в городе проживал один жеребенок. Мишей звали. Был он золотистого рыжего цвета. На груди пятно, на ногах вроде носочки белые.

Жеребенок Миша носил шляпу-панаму с бантиком, потому что погода тем летом стояла жаркая.

Вопросы

1. Что необычного в образе жеребенка Миши?
2. Почему автор выбирает форму прямого обращения к читателю?

Я пришел подарить конфету

Однажды жеребенок Миша гулял по городу. Со всеми здоровался. А мальчишкам и девочкам - малышам - дарил конфеты. Он вынимал их из мешка - всевозможные конфеты в разрисованных фантиках - и очень вежливо всем дарил. Причем улыбался и говорил:

- Ешь на здоровье.

Безусловно, все были очень довольны. И мальчишки, и девочки, и сам жеребенок Миша. Но вот беда, когда у жеребенка в мешке не осталось уже ни одной конфеты, к нему подбежал Попугаев Вовка. Запыхавшийся, взъерошенный.

- Давай, - сказала Вовка, - конфету.

Жеребенок знал, что конфеты уже кончились, но все же заглянул в свой мешок и сказал с сожалением, что конфеты уже все кончились.

- Как кончились?! - закричал Попугаев Вовка. - Как другим дарить, так не кончились, а как я подбежал, так все!

- Извини, - сказал жеребенок. - Что поделаешь, я тебе в следующий раз подарю.

- Не хочу в следующий! Я что, хуже! Я, может быть, даже лучше! А ты... - Попугаев Вовка глянул по сторонам и закричал так, чтобы все окружающие услышали: - Ты отвратительный, безобразный, ушастый, глупый осел! Не умеешь дарить - и не брался бы.

- Может быть, - печально сказал жеребенок Миша. - Может быть, я совершил ошибку.

На следующий день жеребенок Миша купил конфету, очень красивую и очень сладкую. Он пошел к Попугаеву Вовке, постучал и сказал, когда ему отворили:

- Добрый день, Вова. Я пришел подарить тебе конфету. Смотри, какая она красивая.

Вовка засмеялся, как показалось жеребенку, слишком громко – прямо захохотал:

- Нашел что дарить! Да у меня конфет сколько хочешь. Я на них даже смотреть не желаю.

Жеребенок Миша отправился в сквер, сел на голубую скамейку и долго размышлял над вопросом, почему понятное вдруг становится непонятным.

Вопросы

1. Почему Попугаев Вовка «закричал так, чтобы все окружающие услышали»?
2. Какие качества характера жеребенка Миши проявилсиь в случае с Вовкой?
3. Как вы думаете, поймет ли жеребенок Миша, «почему понятное вдруг становится непонятным»?

Лучше я сам побегаю

Мише дали самокат - покататься. Встал Миша на самокат. Стоит - ждет. Долго стоял. Прохожие спрашивают:

- Миша, чего ж ты стоишь?

- А он почему-то не едет, - отвечает им Миша. - Самокат, а не катится.

- Он и не покатится, - объясняют ему. - Нужно ногой отталкиваться, тогда покатится.

- Что же это за самокат, если нужно ногой отталкиваться? Это неправильно, - сказал Миша. - Это разочарование.

Прохожие стали смеяться. А в небе летел самолет.

- Вот самолет, - сказал им Миша. - Это правильно. На нем ногой отталкиваться не нужно. Самолет сам летит.

Жеребенок Миша возвратил самокат. И вот что решил:

- Лучше я сам побегаю.

Вопросы

1. Как понимал Жеребенок Миша значение слова «самокат»?
2. Похожа ли такая трактовка на понимание значения слов детьми от «двух до пяти» из одноименной книги К.Чуковского?

Чтобы все разглядеть поближе

Однажды жеребенок Миша гулял по берегу реки. С удовольствием бегал и на ходу рвал цветы. Вдруг он услышал:

- Осторожнее, не наступи на меня!

Жеребенок Миша посмотрел себе под ноги и увидел черепаху. Она медленно ползла и, как показалось Мише, скучала.

- Чего ж ты так медленно ходишь? - сказал жеребенок Миша. - Давай я научу тебя быстро бегать. На медленной скорости ничего не увидишь.

- Ты заблуждаешься, - сказала ему черепаха. - Это ты ничего не увидишь на твоей большой скорости. Одно мелькание. Что для тебя цветы?

Трава, которую можно жевать на ходу. А на самом деле каждый цветок - откровение.

Поскольку Миша был воспитанным жеребенком и привык уважительно относится к мнению старших, а черепаха была, безусловно, старше его лет на сто, он наклонился к самой земле и принялся во все вглядываться.

Действительно, даже простые цветки колокольчики все были разные. Один посветлее, другой поузористее. В каждом из них копошилась жизнь. Маленькие мошки, старательные жучки, ленивые козявки. В травяных зарослях змеились тропинки...

Все это открылось Мише таким неожиданно новым, что он позабыл гулянье, скаканье, беганье. Он шагал очень медленно, чтобы все разглядеть поближе.

Таким образом он и наткнулся на серебристый шар, в котором происходило гудение.

"Что за цветок?" - подумал Миша, шевельнув серебристый шар носом. Звук в шаре тотчас усилился. В Мишин нос впилось Ядовитое жало. Жеребенок Миша подпрыгнул, Жеребенок Миша помчался в испуге. А Ядовитое жало гудело и настигало.

Жеребенок бежал со всех ног. Но Ядовитое жало все же настигло его, кольнуло в затылок, да так больно, что жеребенок Миша взвился в воздух. А когда опустился на землю, услышал громкие крики и аплодисменты.

- Молодец, жеребенок Миша! Это был великолепный прыжок. Слава твоим замечательным сильным ногам.

- Слава черепахе, которая медленно ходит, - сказал жеребенок Миша.

Вопросы

1. В чем мудрость совета черепахи?
2. Какие открытия делает жеребенок Миша,когда начинает медленно ходить?

Мышонок Терентий нашел выход

Мышонок Терентий был сиротой. Бабушку его съел кот. Маму унесла сова.

Папа ушел за сыром и не вернулся. Осталась у мышонка Терентия только прабабушка Агриппина.

Прабабушка Агриппина знала все проходы под стенами Новгородской крепости, все каменные погреба, бездонные колодцы и множество других тайн. У всех щелей и трещин, которые вели наверх, она поставила мелом крестики.

Это означало, что мышонку Терентию здесь проход запрещен.

Но кому не хочется знать, что же там, наверху?!

Мышонок Терентий приставал с этим вопросом ко всем встречным - даже к паукам и сороконожкам. Сороконожки, существа робкие, убегали. Мыши отвечали уклончиво. А пауки! Вместо разумного ответа они ворчали, пыхтели и даже фыркали.

Один толстенный паук просто-напросто повернулся к мышонку спиной, подошел к стене и невежливо исчез.

Мышонок очень удивился. Он знал, что толстые пауки могут лазать по тоненькой паутине, но чтобы они так невежливо исчезали в стене!

Мышонок сунул свой нос в то место, где исчез паук. Нос тоже исчез. Мышонок сунул туда свою голову.

- Ой, - сказал он. - Это, оказывается, щель! Про эту щель прабабушка Агриппина, наверно, не знает. Иначе бы она и ее пометила крестиком. Мышонок Терентий лез вперед без остановок. Нос его дрожал, потому что там впереди пахло чем-то неподземным. Щель повернула. Возникло сияние. В этом сиянии шагал мохнатый толстенный паук. Он казался громадным. Сияние все разрасталось, а паук уменьшался. Наконец сияние превратилось в свет, льющийся со всех сторон, а громадный мохнатый паук - в обыкновенное насекомое. Потом он и вовсе исчез.

Потому что мышонок Терентий вдруг и сразу все вместе увидел: голубое небо, синюю-синюю реку, желтый песок, зеленую траву и почти малиновые стены крепости.

Известно: кто сможет все это увидеть не по отдельности, а все сразу, тот непременно станет художником.

- Какой восторг! - прошептал мышонок Терентий. - Это не описать словами.

Мудрая прабабушка Агриппина сидела неподалеку в тени лопухов, глядела на своего правнука, вытирала глаза платочком и говорила сама себе:

- Я знала. Я всегда знала, что он найдет выход.

Вопросы

1. Что общего между мышонком Терентием и ребенком?
2. Какие открытия делает Терентий, осваивая мир?

ГЕНРИХ ВЕНИАМИНОВИЧ САПГИР (1928-1999)

Из книги "Кискины записки"

Я
трехцветная кошка
Настурция.
Моя родина — не Персия,
не Турция.
Сижу в уголочке,
Пишу эти строчки.
Читайте киски
Мои записки.

***

Мяу! Наконец тепло. Весна.
В апреле кошкам не до сна.
Не понимаю, как в апреле
Ребята могут спать в постели.
Гуляли бы себе по крышам
Под месяцем большим и рыжим.

***
Прыжок без парашюта
С восьмого этажа!
Живая почему-то.
Вернулась, вся дрожа.
Нет, не верю случаю.
Может я — летучая.

Вопросы

1. Какие характерные черты кошки мы видим в образе кошки Настурции?
2. Почему повествование ведется от 1-го лица?

Из книги “Дети в саду”

1.
в дет саду
дети в крова
кто уплыва
кто улета
все на виду
а воспита
гладит кота
вдруг воспита
крикнул: встава

2.
в дет саду
дети вскочи
чижики-чи
робышки-во
кто кого!
кавые глаз
тателю сказ
- А Петя спи
он – матрос
он опис
весь матрас

3.
в дет саду
сняли штани
все как одни
он опозда
и замара
в дет саду
по коридо
сидя в ряду
все дружно ду
голову всу
можно его
я нарису?
так хорошо?
вот голова
сверху горшо
Петя не пла
это коро
в красный горо

4.
в дет саду
140 ду
Петя бунту
на третьем году
все гуля
где им веля
делают то
казано что
время поспа
время посра
Петя бы ра
Петя не мо
Петя! ура
сделай им мо
море им сделай!

Вопросы

1. В чем оригинальность формы этого стихотворения?
2. Какие приемы модернистской поэтики использует Г.Сапгир?
3. На повторе каких согласных и гласных построена звукопись в этом стихотворении?

Это снег!

Рано-рано
Выпал снег.
Удивился человек:
"Это снег?
Не может быть!
На дворе?
Не может быть!
На траве?
Не может быть!
В октябре?
Не может быть!!!
Неужели это снег?!" -
Не поверил человек.

Вопросы

1. Какие повторы использует Г.Сапгир для создания образа снега?
2. С какой целью использованы восклицательные и вопросительные предложения?

ЮННА ПЕТРОВНА МОРИЦ (род. в 1937 г.)

Ёжик резиновый

По роще калиновой,
По роще осиновой
На именины к щенку
В шляпе малиновой
Шёл ёжик резиновый
С дырочкой в правом боку.

Были у ёжика
Зонтик от дождика,
Шляпа и пара галош.
Божьей коровке,
Цветочной головке
Ласково кланялся ёж.

Здравствуйте, ёлки!
На что вам иголки?
Разве мы-волки вокруг?
Как вам не стыдно!
Это обидно,
Когда ощетинился друг.

Милая птица,
Извольте спуститься-
Вы потеряли перо.
На красной аллее,
Где клёны алеют,
Ждёт вас находка в бюро.
Небо лучистое,
Облако чистое.
На именины к щенку
Ёжик резиновый
Шёл и насвистывал
Дырочкой в правом боку.

Много дорожек
Прошёл этот ёжик.
А что подарил он дружку?
Об этом он Ване
Насвистывал в ванне
Дырочкой в правом боку!

Вопросы

1. Почему ежик резиновый с «дырочкой в правом боку»?
2. Чем это стихотворение нравится детям и взрослым?

Сон

На дворе темным-темно.
Я лежу, смотрю кино :
Сон присел на табуретку,
Вышивает птичью клетку,
В клетке пляшет крокодил!..
Как он в клетку угодил?

Вот проснёмся -
Разберёмся!

Вопросы

1. Что необычного в этом стихотворении?
2. Какое чудо происходит в нем?

Большой секрет для маленькой компании

Не секрет, что друзья не растут в огороде
Не продашь и не купишь друзей.
И поэтому я все бреду по дороге
С патефоном волшебным в тележке своей.

Под грустное рычание,
Под бодрое мычание,
Под дружеское ржание
Рождается на свет

Большой секрет для маленькой
Для маленькой такой компании,
Для скромной такой компании
Огромный такой секрет!

Не секрет, что друзья это честь и отвага,
Это верность, отвага и честь,
А отвага и честь это рыцарь и шпага,
Всем глотателям шпаг никогда их на съесть.
Не секрет,что друзья убегают вприпрыжку -
Не хотят на цепочке сидеть.
Их заставить нельзя ни за какие коврижки
От безделья и скуки балдеть.

Не секрет, что друзья в небеса обожают
Уноситься на крыльях и без,
Но бросаются к нам, если нас обижают,
К нам бросаются даже с небес!

Ах, было б только с кем
Ах, было б только с кем
Ах, было б только с кем
Поговорить!

Вопросы

1. В чем своеобразие взгляда Мориц на мир детства?
2. Какие открытия делает ребенок-читатель в стихотворении «Большой секрет для маленькой компании»?

ЮРИЙ ИОСИФОВИЧ КОВАЛЬ (1938-1995)

Сороки

С улицы послышался крик, треск и хохот.

Я подбежал к окну и увидел, что около дома катается по земле клубок, из которого торчат хвосты и перья.

Дрались две сороки. Лупили друг друга крыльями, царапались и кричали. А третья сидела на крыше сарая и наблюдала.

— Вы что! — крикнул я в форточку. — Взбесились?!

Напугавшись, одна сорока сразу улетела на крышу сарая, а другая осталась лежать на земле.

Я вышел на улицу поглядеть — жива ли?

Приподнявшись, она недовольно зашипела — тебя, дескать, тут не хватало. Волоча крылья, кое-как проковыляла она по земле, с трудом поднялась в воздух и тоже села на крышу сарая.

Те две другие сразу закричали, застрекотали:

— Проваливай! Проваливай!

Побитая сорока пыталась объясниться, но ее и слушать не хотели — гнали прочь.

Тут я понял, что это два сорочьих жениха дрались из-за невесты и победитель прогонял теперь побежденного.

Чуть не плача, полетел неудачный жених к лесу и низко летел над землей, вот-вот собираясь опуститься.

Но над лесом сорочун повыше поднялся в небо, веселей замахал крыльями. Оглянувшись в последний раз, он застрекотал и полетел теперь совсем уж свободно и как будто даже радовался, что так получилось.

Вопросы

1. Какую роль в рассказе играет образ рассказчика?
2. В чем необычность сюжета рассказа?

Про чайку и чибиса

Меня не любят чайки.

Когда прохожу я по берегу озера — стараются уплыть подальше. А летят надо мной — кричат недовольно.

Когда-то, лет двадцать назад, на охоте я убил чайку. А зачем это сделал — сейчас и сам не пойму, дурак был. Чайки, видно, запомнили, что я дурак, и думают — до сих пор не изменился. Обидно мне стало, потому что, по-моему, я все-таки изменился.

Стал думать, а как другие-то птицы относятся ко мне.

Дятлы уважают, и я их тоже. Воробьи и синицы как будто относятся неплохо — зимой я подкармливаю их салом и коноплей.

Скворцы и ласточки-касатки, конечно, любят, потому что любят всех людей.

А чибисы?

Иду как-то по дороге, а на пашне — чибис.

Увидел меня и давай метаться, хлопать крыльями над головой, кричать.

«Что ж такое? — подумал я. — Неужто и он помнит про ту чайку?»

Когда я отошел подальше, чибис опустился на землю и пошел пешком по пашне к своим детям. Ему было наплевать на меня, только что прошедшего мимо.

Вопросы

1. С какой целью автор использует слова разговорного стиля?
2. Что нового узнает читатель о чайках и чибисах?
3. Как разные птицы относятся к автору-рассказчику? Чем можно объяснить такое поведение?

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ ГОЛЯВКИН (1929 - 2001)

Не успел

Нарисовал Мишутка рисунок.

- Вот, - говорит, - это конь.
- Твой конь больше на обезьяну похож.
- Это и есть обезьяна.
- Ты же сказал, что это конь.
- Я нечаянно сказал, что это конь.
- Может быть, это не обезьяна?
- Может быть, - говорит Мишутка.
- Как же ты сам не знаешь, что рисовал? Может быть, ты утюг рисовал?
- Какой утюг? - удивился Мишутка.
- Который у нас в кухне стоит.
- Ага, утюг, - говорит Мишутка.
- Ты уверен, что ты утюг рисовал?
- А что? - насторожился Мишутка.
- Может, это и не утюг? Может, что-нибудь другое? Например, курица или верблюд? Мишутка подумал и говорит:
- Может быть.
- Так что же это: курица? Верблюд? Утюг? Мишутка сказал:
- Я хотел нарисовать обезьяну, курицу, верблюда и утюг, но не успел.

Вопросы

1. Каков лирический герой данного произведения?
2. Как автор показывает дисгармоничность мира в представлении ребенка?

Настоящая дружба

У Андрюшки было много друзей во дворе. Некоторые даже ходили уже в школу,но такого маленького друга у него ещё никогда не было.

Этот новый друг Вадик знал несколько слов и большую часть времени спал в коляске. И тем не менее он был настоящий друг.

При виде Андрюши он ещё издали кричал:

- А-а-а!

Всё, что у него было в руках, он протягивал своему другу и говорил:

- На!

А однажды, когда на Андрюшу залаяла большая собака, Вадик так громко заплакал, что собака поджала хвост и замолчала.

Зато Андрюша, как друг, водил малыша за руку, и благодаря этому Вадик быстро научился самостоятельно ходить. Ведь Андрюша сам в своё время не
сразу научился ходить самостоятельно и, наверное, помнил об этом.

А когда мама Вадика отлучалась, всегда следил, чтобы друг его не вывалился из коляски, и Вадик, хорошо понимая это, протягивал ему руки и говорил:

- Угу.

Андрюша часто дарил ему какую-нибудь свою игрушку, и Вадик радостно кричал:

- Ага!

Теперь Андрюша ходит уже в школу и, говорят, не очень-то смирно сидит за партой, а Вадик вовсю бегает и ни минуты не желает сидеть в коляске.

И они по-прежнему друзья.

Вопросы

1. В чем заключается секрет настоящей дружбы, по мнению В.Голявкина?
2. Каковы художественные особенности рассказа?

Горка

- Эх, съехать бы с горки на санках, - мечтали малыши Петя и Вася,: - а не возить друг друга за верёвочку по ровному месту.

Но возле их дома горок не было.

И они решили написать заявление, как это делают взрослые. Они напишут заявление и бросят его в почтовый ящик. И взрослые позаботятся, чтобы у них была горка, когда прочтут заявление.

Но тут возникли сложности.

Во-первых, они не знали, что такое заявление, а только слышали. А во-вторых, не умели писать, потому что не ходили в школу. Но всё-таки они вышли из положения. Спросили у первоклассника, что такое заявление, и тот сказал:

- Это такая бумажка, которая заявляет.

- Как раз мы хотим заявить, что нам нужна горка, - сказали малыши, - но мы
не умеем писать. Первоклассник сказал:

- Пожалуйста, я напишу вам такое заявление, и потом мы все вместе будем кататься с этой горки.

И он написал:

"Заявляем, что нам нужна горка".

И все втроём бросили в почтовый ящик это заявление.

И вот пришли рабочие и стали строить деревянную горку возле их дома.

- Ура! - закричали ребята. - Получили наше заявление! Наконец-то строят нам горку!

- Мы строим уже десятую горку в вашем районе, - ответили строители.

И малыши подумали: "Вот это да! На одно наше заявление построили десять горок!"

Вопросы

1. В чем несоответствие между миром взрослых и детей?
2. Докажите, что краткость украшает этот рассказ, что писатель прав, говоря: «В маленьком рассказе всегда чувствуется большое вдохновение автора».

Два подарка

В день рождения папа подарил Алёше ручку с золотым пером. На ручке были выгравированы золотые слова: "Алёше в день рождения от папы".

На другой день Алёша со своей новой ручкой пошёл в школу. Он был очень горд: ведь не у каждого в классе ручка с золотым пером и золотыми буквами!

А тут учительница забыла дома свою ручку и попросила на время у ребят. И Алёша первый протянул ей своё сокровище. И при этом подумал: "Мария Николаевна обязательно заметит, какая замечательная у него ручка, прочтёт надпись и скажет что-нибудь вроде: "Ах, каким красивым почерком написано!" или: "Какая прелесть!" Тогда Алёша скажет: "А вы взгляните на золотое перо, Мария Николаевна, самое настоящее золотое!"

Но учительница не стала разглядывать ручку и ничего такого не сказала. Она спросила урок у Алёши, но он его не выучил. И тогда Мария Николаевна поставила в журнал двойку золотым пером и вернула ручку.

Алёша, растерянно глядя на своё золотое перо, сказал:

- Как же так получается?.. Вот так получается!..
- Ты о чём, Алёша? - не поняла учительница.
- О золотом пере... - сказал Алёша. - Разве можно ставить двойки золотым пером?
- Значит, сегодня у тебя не золотые знания, - сказала учительница.
- Выходит, папа подарил мне ручку, чтобы мне ею двойки ставили? – сказал Алёша. – Вот так номер! Какой же это подарок?!

Учительница улыбнулась и сказала:

- Ручку тебе папа подарил, а сегодняшний подарок ты себе сам сделал.

Вопросы

1. Почему учительница Мария Николаевна поставила двойку Алеше в журнал его же ручкой с золотым пером?
2. Какие художественные приемы использует Голявкин при создании образа Алеши?

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КОЗЛОВ (1939-2010)

Снежный цветок

- Давай никуда не улетать, Ежик. Давай навсегда сидеть на нашем крыльце, а зимой - в доме, а весной - снова на крыльце, и летом - тоже. А у нашего крыльца будут потихоньку отрастать крылья. И однажды мы с тобой вместе проснемся высоко над землей. "Это кто там бежит внизу такой темненький?" - спросишь ты. - "А рядом - еще один?" - Да это мы с тобой, - скажу я. "Это наши тени", - добавишь ты.

- Ав! ав! ав! - лаяла собака.

Падал снег - и дом, и бочка посреди двора, и собачья конура, и сама собака были белые и пушистые.

Пахло снегом и новогодней елкой, внесенной с мороза, и запах этот горчил мандаринной корочкой.

- Ав!ав! ав! - опять залаяла собака.

"Она, наверное, унюхала меня", - подумал Ежик и стал отползать от домика лесника.

Ему было грустно одному идти через лес, и он стал думать, как в полночь он встретится с Осликом и Медвежонком на Большой поляне под голубой елкой.

"Мы развесим сто рыжих грибов-лисичек, - думал Ежик, - и нам станет светло и весело. Может быть, прибегут зайцы, и тогда мы станем водить хоровод. А если придет Волк, я его уколю иголкой, Медвежонок стукнет лапой, а Ослик копытцем".

А снег все падал и падал. И лес был такой пушистый, такой лохматый и меховой, что Ежику захотелось вдруг сделать что-то совсем необыкновенное: ну, скажем, взобраться на небо и принести звезду.

И он стал себе представлять, как он со звездой опускается на Большую поляну и дарит Ослику и Медвежонку звезду.

"Возьмите, пожалуйста", - говорит он. А Медвежонок отмахивается лапами и говорит: "Ну, что ты? У тебя ведь одна..." И Ослик рядом кивает головой - мол, что ты, у тебя ведь всего одна! - а он все-таки заставляет их послушаться, взять звезду, а сам снова убегает на небо.

"Я вам пришлю еще!" - кричит он. И когда уже поднимается совсем высоко, слышит еле доносящееся: "Что ты, Ежик, нам хватит одной..."

А он все-таки достает вторую и вновь опускается на поляну - и всем весело, все смеются и пляшут.

"И нам! И нам!" - кричат зайцы.

Он достает и им. А для себя ему не надо. Он и так счастлив, что весело всем... "Вот, - думал Ежик, взбираясь на огромный сугроб, - если б рос где-нибудь цветок "ВСЕМ-ВСЕМ ХОРОШО И ВСЕМ-ВСЕМ ВЕСЕЛО", я бы раскопал снег, достал его и поставил посреди Большой поляны. И зайцам, и Медвежонку, и Ослику - всем-всем, кто бы его увидел, сразу стало хорошо и весело!"

И тут, будто услышав его, старая пушистая Елка сняла белую шапку и сказала:

- Я знаю, где растет такой цветок, Ежик. Через двести сосен от меня, за Кривым оврагом, у обледенелого пня, бьет Незамерзающий Ключ. Там, на самом дне, стоит твой цветок!

- Ты мне не приснилась, Елка? - спросил Ежик.

- Нет, - сказала Елка и снова надела шапку.

И Ежик побежал, считая сосны, к Кривому оврагу, перебрался через него, нашел обледенелый пень и увидел Незамерзающий Ключ. Он наклонился над ним и вскрикнул от удивления.

Совсем близко, покачивая прозрачными лепестками, стоял волшебный цветок. Он был похож на фиалку или подснежник, а может быть, просто на большую снежинку, не тающую в воде.

Ежик протянул лапу, но не достал. Он хотел вытащить цветок палкой, но побоялся поранить.

"Я прыгну в воду, - решил Ежик, - глубоко нырну и осторожно возьму его лапами".

Он прыгнул и, когда открыл под водой глаза, не увидел цветка. "Где же он?" - подумал Ежик. И вынырнул на берег.

На дне по-прежнему покачивался чудесный цветок.

- Как же так!.. - заплакал Ежик. И снова прыгнул в воду, но опять ничего не увидел.

Семь раз нырял Ежик в Незамерзающий Ключ...

Продрогший до последней иголки, бежал он через лес домой.

"Как же это? - всхлипывал он. - Как же так?"

И сам не знал, что на берегу превращается в белую, как цветок, снежинку.

И вдруг Ежик услышал музыку, увидел Большую поляну с серебряной елкой посредине, Медвежонка, Ослика и зайцев, водящих хоровод.

"Тара-тара-там-та-та!.." - играла музыка. Кружился снег, на мягких лапах плавно скользили зайцы, и сто рыжих лампочек освещали это торжество.

- Ой! - воскликнул Ослик. - Какой удивительный снежный цветок!

Все закружились вокруг Ежика и, улыбаясь, танцуя, стали любоваться им.

- Ах, как всем-всем хорошо и весело! - сказал Медвежонок.

- Какой чудесный цветок! Жаль только, что нет Ежика...

"Я здесь!" - хотел крикнуть Ежик.

Но он так продрог, что не мог вымолвить ни слова.

Вопросы

1. Какие приемы повествования использует С.Козлов?
2. Почему Ежику хотелось найти цветок «ВСЕМ-ВСЕМ ХОРОШО И ВСЕМ-ВСЕМ ВЕСЕЛО»?

Ежик в тумане

Тридцать комариков выбежали на поляну и заиграли на своих писклявых скрипках. Из-за туч вышла луна и, улыбаясь, поплыла по небу.

"М-м-м-у!.." - вздохнула корова за рекой. Завыла собака, и сорок лунных зайцев побежали по дорожке.

Над рекой поднялся туман, и грустная белая лошадь утонула в нем по грудь, и теперь казалось - большая белая утка плывет в тумане и, отфыркиваясь, опускает в него голову.

Ежик сидел на горке под сосной и смотрел на освещенную лунным светом долину, затопленную туманом. Красиво было так, что он время от времени вздрагивал: не снится ли ему все это?

А комарики не уставали играть на своих скрипочках, лунные зайцы плясали, а собака выла.

"Расскажу - не поверят!" - подумал Ежик и стал смотреть еще внимательнее, чтобы запомнить до последней травинки всю красоту.

"Вот и звезда упала, - заметил он, - и трава наклонилась влево, и от елки осталась одна вершина, и теперь она плывет рядом с лошадью...

"А интересно, - думал Ежик, - если лошадь ляжет спать, она захлебнется в тумане?"

И он стал медленно спускаться с горы, чтобы тоже попасть в туман и посмотреть, как там внутри.

- Вот, - сказал Ежик. - Ничего не видно. И даже лапы не видно. Лошадь! - позвал он.

Но лошадь ничего не сказала.

"Где же лошадь?" - подумал Ежик. И пополз прямо. Вокруг было глухо темно и мокро, лишь высоко вверху сумрак слабо светился. Полз он долго-долго, и вдруг почувствовал, что земли под ним нет и он куда-то летит.

Бул-тых!..

"Я в реке!" - сообразил Ежик, похолодев от страха. И стал бить лапами во все стороны.

Когда он вынырнул, было по-прежнему темно, и Ежик даже не знал, где берег.

"Пускай река сама несет меня!" - решил он. Как мог, глубоко вздохнул, и его понесло вниз по течению.

Река шуршала камышами, бурлила на перекатах, и Ежик чувствовал, что совсем промок и скоро утонет.

Вдруг кто-то дотронулся до его задней лапы.

- Извините, - беззвучно сказал кто-то. - Кто вы и как сюда попали?

- Я - Ежик, - тоже беззвучно ответил Ежик. - Я упалв реку.

- Тогда садитесь ко мне на спину, - беззвучно проговорил кто-то. - Я отвезу вас на берег.

Ежик сел на чью-то узкую скользкую спину и через минуту оказался на берегу.

- Спасибо, - вслух сказал он.

- Не за что, - беззвучно выговорил кто-то, кого Ежик даже не видел, и пропал в волнах.

"Вот так история... - размышлял Ежик, отряхиваясь.- Разве кто поверит?!"

И заковылял в тумане.

Вопросы

1. Какие чудеса происходят в сказке «Ежик в тумане»?
2. В чем художественное своеобразие произведения «Ежик в тумане»?

ЕВГЕНИЙ ЛЬВОВИЧ ШВАРЦ (1896-1958)
Сказка о потерянном времени

Жил-был мальчик по имени Петя Зубов. Учился он в третьем классе четырнадцатой школы и все время отставал, и по русскому письменному, и по арифметике, и даже по пению.

- Успею! - говорил он в конце первой четверти. - Во второй вас всех догоню.

А приходила вторая - он надеялся на третью. Так он опаздывал да отставал, отставал да и опаздывал и не тужил. Все "успею" да "успею".

И вот однажды пришел Петя Зубов в школу, как всегда с опозданием. Вбежал в раздевалку. Шлепнул портфелем по загородке и крикнул:

- Тетя Наташа! Возьмите мое пальтишко!

А тетя Наташа спрашивает откуда-то из-за вешалок:

- Кто меня зовет?

- Это я. Петя Зубов, - отвечает мальчик.

- А почему у тебя сегодня голос такой хриплый? - спрашивает тетя Наташа.

- А я и сам удивляюсь, - отвечает Петя. - Вдруг охрип ни с того ни с сего.

Вышла тетя Наташа из-за вешалок, взглянула на Петю, да как вскрикнет:

- Ой!

Петя Зубов тоже испугался и спрашивает:

- Тетя Наташа, что с вами?

- Как что? - отвечает тетя Наташа. - Вы говорили, что вы Петя Зубов, а на самом деле вы, должно быть, его дедушка.

- Какой же я дедушка? - спрашивает мальчик. - Я - Петя, ученик третьего класса.

- Да вы посмотрите в зеркало! - говорит тетя Наташа.

Взглянул мальчик в зеркало и чуть не упал. Увидел Петя Зубов, что превратился он в высокого, худого, бледного старика. Выросли у него окладистая борода, усы. Морщины покрыли сеткою лицо.

Смотрел на себя Петя, смотрел, и затряслась его седая борода.

Крикнул он басом:

- Мама! - и выбежал прочь из школы.

Бежит и думает:

"Ну, уж если и мама меня не узнает, тогда все пропало".

Прибежал Петя домой и позвонил три раза.

Мама открыла ему дверь.

Смотрит она на Петю и молчит. И Петя молчит тоже. Стоит, выставив свою седую бороду, и чуть не плачет.

- Вам кого, дедушка? - спросила мама наконец.

- Ты меня не узнаешь? - прошептал Петя.

- Простите, нет, - ответила мама.

Отвернулся бедный Петя и пошел куда глаза глядят.

Идет он и думает:

- Какой я одинокий, несчастный старик. Ни мамы, ни детей, ни внуков, ни друзей... И главное, ничему не успел научиться. Настоящие старики - те или доктора, или мастера, или академики, или учителя. А кому я нужен, когда всего только ученик третьего класса? Мне даже и пенсии не дадут - ведь я всего только три года работал. Да и как работал - на двойки да на тройки. Что же со мною будет? Бедный я старик! Несчастный я мальчик? Чем же все это кончится?

Так Петя думал и шагал, шагал и думал - и сам не заметил, как вышел за город и попал в лес. И шел он по лесу, пока не стемнело.

"Хорошо бы отдохнуть", - подумал Петя и вдруг увидел, что в стороне, за елками, белеет какой-то домик. Вошел Петя в домик - хозяев нет. Стоит посреди комнаты стол. Над ним висит керосиновая лампа. Вокруг стола -четыре табуретки. Ходики тикают на стене. А в углу горою навалено сено. Лег Петя в сено, зарылся в него поглубже, согрелся, поплакал тихонько, утер слезы бородой и уснул.

Просыпается Петя - в комнате светло, керосиновая лампа горит под стеклом. А вокруг стола сидят ребята - два мальчика и две девочки. Большие окованные медью счеты лежат перед ними. Ребята считают и бормочут.

- Два года, да еще пять, да еще семь, да еще три... Это вам, Сергей Владимирович, а это ваши, Ольга Капитоновна, а это вам, Марфа Васильевна, а это ваши, Пантелей Захарович.

Что это за ребята? Почему они такие хмурые? Почему кряхтят они, и охают, и вздыхают, как настоящие старики? Почему называют друг друга по имени-отчеству? Зачем собрались они ночью здесь, в одинокой лесной избушке?

Замер Петя Зубов, не дышит, ловит каждое слово. И страшно ему стало от того, что услышал он.

Не мальчики и девочки, а злые волшебники и злые волшебницы сидели за столом! Вот ведь как, оказывается, устроено на свете: человек, которыйпонапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет. И злые волшебники разведали об этом и давай ловить ребят, теряющих время понапрасну. И вот поймали волшебники Петю Зубова, и еще одного мальчика, и еще двух девочек и превратили их в стариков. Состарились бедные дети, и сами этого не заметили: ведь человек, напрасно теряющий время, не замечает, как стареет. А время, потерянное ребятами, - забрали волшебники себе. И стали волшебники малыми ребятами, а ребята - старыми стариками.

Как быть?

Что делать?

Да неужели же не вернуть ребятам потерянной молодости?

Подсчитали волшебники время, хотели уже спрятать счеты в стол, но Сергей Владимирович, главный из них, не позволил. Взял он счеты и подошел к ходикам.

Покрутил стрелки, подергал гири, послушал, как тикает маятник, и опять защелкал на счетах.

Считал, считал он, шептал, шептал, пока не показали ходики полночь. Тогда смешал Сергей Владимирович костяшки и еще раз проверил, сколько получилось у него.

Потом подозвал он волшебников к себе и заговорил негромко:

- Господа волшебники! Знайте - ребята, которых мы превратили сегодня в стариков, еще могут помолодеть.

- Как? - воскликнули волшебники.

- Сейчас скажу, - ответил Сергей Владимирович.

Он вышел на цыпочках из домика, обошел его кругом, вернулся, запер дверь на задвижку и поворошил сено палкой.

Петя Зубов замер как мышка.

Но керосиновая лампа светила тускло, и злой волшебник не увидел Пети. Подозвал он остальных волшебников к себе поближе и заговорил негромко:

- К сожалению, так устроено на свете: от любого несчастья может спастись человек. Если ребята, которых мы превратили в стариков, разыщут завтра друг друга, придут ровно в двенадцать часов ночи сюда к нам и повернут стрелку ходиков на семьдесят семь кругов обратно, то дети снова станут детьми, а мы погибнем.

Помолчали волшебники. Потом Ольга Капитоновна сказала:

- Откуда им все это узнать?

А Пантелей Захарович проворчал:

- Не придут они сюда к двенадцати часам ночи. Хоть на минуту, да опоздают?

А Марфа Васильевна пробормотала:

- Да куда им! Да где им! Эти лентяи до семидесяти семи и сосчитать не сумеют, сразу собьются.

- Так-то оно так, - ответил Сергей Владимирович. - А все-таки пока что держите ухо востро. Если доберутся ребята до ходиков, тронут стрелки - нам тогда и с места не сдвинуться. Ну, а пока нечего время терять - идем на работу.

И волшебники, спрятав счеты в стол, побежали, как дети, но при этомкряхтели, охали и вздыхали, как настоящие старики.

Дождался Петя Зубов, пока затихли в лесу шаги. Выбрался из домика. И, не теряя напрасно времени, прячась за деревьями и кустами, побежал, помчался в город искать стариков-школьников.

Город еще не проснулся. Темно было в окнах, пусто на улицах, только милиционеры стояли на постах. Но вот забрезжил рассвет. Зазвенели первые трамваи. И увидел наконец Петя Зубов - идет не спеша по улице старушка с большой корзинкой.

Подбежал к ней Петя Зубов и спрашивает:

- Скажите, пожалуйста, бабушка, - вы не школьница?

- Что, что? - спросила старушка сурово.

- Вы не третьеклассница? - прошептал Петя робко.

А старушка как застучит ногами да как замахнется на Петю корзинкой. Еле Петя ноги унес. Отдышался он немного - дальше пошел. А город уже совсем проснулся. Летят трамваи, спешат на работу люди. Грохочут грузовики - скорее, скорее надо сдать грузы в магазины, на заводы, на желеную дорогу. Дворники счищают снег, посыпают панель песком, чтобы пешеходы не скользили, не падали, не теряли времени даром. Сколько раз видел все это Петя Зубов и только теперь понял, почему так боятся люди не успеть, опоздать, отстать.

Оглядывается Петя, ищет стариков, но ни одного подходящего не находит. Бегут по улицам старики, но сразу видно - настоящие, не третьеклассники.

Вот старик с портфелем. Наверное, учитель. Вот старик с ведром и кистью - это маляр. Вот мчится красная пожарная машина, а в машине старик - начальник пожарной охраны города. Этот, конечно, никогда в жизни не терял времени понапрасну.

Ходит Петя, бродит, а молодых стариков, старых детей, нет как нет. Жизнь кругом так и кипит. Один он, Петя, отстал, опоздал, не успел, ни на что не годен, никому не нужен.

Ровно в полдень зашел Петя в маленький скверик и сел на скамеечку отдохнуть.

И вдруг вскочил.

Увидел он - сидит недалеко на другой скамеечке старушка и плачет.

Хотел подбежать к ней Петя, но не посмел.

- Подожду! - сказал он сам себе. - Посмотрю, что она дальше делать будет.

А старушка перестала плакать, сидит, ногами болтает. Потом достала из одного кармана газету, а из другого кусок ситного с изюмом. Развернула старушка газету, - Петя ахнул от радости: ""Пионерская правда"!" - и принялась старушка читать и есть. Изюм выковыривает, а самый ситный не трогает.

Кончила старушка читать, спрятала газету и ситный и вдруг что-то увидала в снегу. Наклонилась она и схватила мячик. Наверное, кто-нибудь из детей, гравших в сквере, потерял этот мячик в снегу.

Оглядела старушка мячик со всех сторон, обтерла его старательно платочком, встала, подошла не спеша к дереву и давай играть в "трешки". Бросился к ней Петя через снег, через кусты. Бежит и кричит:

- Бабушка! Честное слово, вы школьница!

Старушка подпрыгнула от радости, схватила Петю за руки и отвечает:

- Верно, верно! Я ученица третьего класса Маруся Поспелова. А вы кто такой?

Рассказал Петя Марусе, кто он такой. Взялись они за руки, побежали искать остальных товарищей. Искали час, другой, третий. Наконец зашли во второй двор огромного дома. И видят: за дровяным сараем прыгает старушка. Нарисовала мелом на асфальте классы и скачет на одной ножке, гоняет камешек.

Бросились Петя и Маруся к ней.

- Бабушка! Вы школьница?

- Школьница, - отвечает старушка. - Ученица третьего класса Наденька Соколова. А вы кто такие?

Рассказали ей Петя и Маруся, кто они такие. Взялись все трое за руки, побежали искать последнего своего товарища.

Но он как сквозь землю провалился. Куда только ни заходили старики - и во дворы, и в сады, и в детские театры, и в детское кино, и в Дом Занимательной Науки, - пропал мальчик, да и только.

А время идет. Уже стало темнеть. Уже в нижних этажах домов зажегся свет. Кончается день. Что делать? Неужели все пропало?

Вдруг Маруся закричала:

- Смотрите! Смотрите!

Посмотрели Петя и Наденька и вот что увидели: летит трамвай, девятый номер. А на "колбасе" вистстаричок. Шапка лихо надвинута на ухо, бородаразвевается по ветру. Едет старик и посвистывает. Товарищи его ищут, с ног сбились, а он катается себе по всему городу и в ус не дует!

Бросились ребята за трамваем вдогонку. На их счастье, зажегся на перекрестке красный огонь, остановился трамвай. Схватили ребята "колбасника" за полы, оторвали от "колбасы".

- Ты школьник? - спрашивают.

- А как же? - отвечает он. - Ученик второго класса Зайцев Вася. А вам чего?

Рассказали ему ребята, кто они такие.

Чтобы не терять времени даром, сели они все четверо в трамвай и поехали за город к лесу.

Какие-то школьники ехали в этом же трамвае. Встали они, уступают нашим старикам место:

- Садитесь, пожалуйста, дедушки, бабушки.

Смутились старики, покраснели и отказались.

А школьники, как нарочно, попались вежливые, воспитанные, просят стариков, уговаривают:

- Да садитесь же! Вы за свою долгую жизнь наработались, устали. Сидите теперь, отдыхайте.

Тут, к счастью, подошел трамвай к лесу, соскочили наши старики - и в чащу бегом.

Но тут ждала их новая беда. Заблудились они в лесу.

Наступила ночь, темная-темная. Бродят старики по лесу, падают, спотыкаются, а дороги не находят.

- Ах время, время! - говорит Петя. - Бежит оно, бежит. Я вчера не заметил дороги обратно к домику - боялся время потерять. А теперь вижу, что иногда лучше потратить немножко времени, чтобы потом его сберечь. Совсем выбились из сил старички. Но, на их счастье, подул ветер, очистилось небо от туч, и засияла на небе полная луна.

Влез Петя Зубов на березу и увидел - вон он, домик, в двух шагах белеют его стены, светятся окна среди густых елок.

Спустился Петя вниз и шепнул товарищам:

- Тише! Ни слова! За мной!

Поползли ребята по снегу к домику. Заглянули осторожно в окно.

Ходики показывают без пяти минут двенадцать. Волшебники лежат на сене, берегут украденное время.

- Они спят! - сказала Маруся.

- Тише! - прошептал Петя.

Тихо-тихо открыли ребята дверь и поползли к ходикам. Без одной минуты двенадцать встали они у часов. Ровно в полночь протянул Петя руку к стрелкам и - раз, два, три - закрутил их обратно, справа налево.

С криком вскочили волшебники, но не смогли двинуться с места. Стоят и растут, растут. Вот превратились они во взрослых людей, вот седые волосызаблестели у них на висках, покрылись морщинами щеки.

- Поднимите меня, - закричал Петя. - Я делаюсь маленьким, я не достаю до стрелок! Тридцать один, тридцать два, тридцать три!

Подняли товарищи Петю на руки. На сороковом обороте стрелок волшебники стали дряхлыми, сгорблеимыми старичками. Все ближе пригибало их к земле, все ниже становились они. И вот на семьдесят седьмом и последнем обороте стрелок вскрикнули злые волшебники и пропали, как будто их и не было на свете.

Посмотрели ребята друг на друга и засмеялись от радости. Они снова стали детьми. С бою взяли, чудом вернули они потерянное напрасно время. Они-то спаслись, но ты помни: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет.

Вопросы

1. Назовите черты сходства «Сказки о потерянном времени» Е.Шварца с русскими народными волшебными сказкми.
2. Каков главный нравственный вывод «Сказки о потерянном времени» Е.Шварца?
3. В чем секрет долголетия сказки Е.Л.Шварца?
4. Почему она традиционно включается в программу чтения начальной школы?

ГЛАВА 9. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ АЛЕКСЕЕВ (1922 - 2008)

История крепостного мальчика

Глава первая

Родное село

Село называлось Закопанка. Стояло оно над самой рекой. С одной стороны начинались поля. Уходили они далеко-далеко, куда глаз видел. С другой — был парк и усадьба господ Воротынских. А за рекой, за крутым берегом, шел лес. Темный-темный… Страшно было в лесу, а Митька бегал. Не боялся, хотя и фамилия у него была Мышкин.

Прожил Митька в Закопанке десять лет, и с ним ничего не случалось. И вдруг…

Как сейчас помнит Митька то утро. Прибежала в избу дворовая девка Маланья, закричала:

— Аксинья, Аксинья, барыня Кузьму кличут!

Собрался отец, ушел. А когда вернулся, страшно и посмотреть: осунулся, посерел. Отозвал Кузьма Аксинью за дверь и стал о чем-то шептаться. Митька приложил ухо к двери. Только о чем говорил отец, так разобрать и не смог. И лишь по тому, как заплакала мать, как заголосила на разные лады, понял: случилось недоброе.

— Тять, тять! — приставал Митька к отцу. — Скажи, что такое, а, тять?

Только отец стал какой-то недобрый, все отмахивался и ничего не говорил.

А вскоре прибежали Митькины дружки, позвали на улицу.

— Митяй, а вас продают! — закричали ребята. — И Гришку продают, и Маньку продают, и Савву одноглазого продают!

Митька сначала и понять не мог, а потом понял. Вспомнил: год назад тоже продавали. Все плакали. Только продавали тогда кого-то другого, не Митьку, а теперь, выходит, его продавать будут. А как, он и не знал. И зачем продавать? Митьке и здесь неплохо.

Вопросы

1. В чем проявилось мастерство С.Алексеева в создании атмосферы крепостной России?
2. Какими приемами автору удалось создать психологически достоверную картину приближающейся беды?

Продали

Шумно, празднично в воскресный день на ярмарке в большом селе Чудове. Скоморохи прыгают, гармоника играет, распевают песни подвыпившие мужики.

И все разумно на ярмарке. Ряды идут по базарной площади. В одном ряду гусей и разную птицу торгуют, в другом стоят возы с мукой и зерном, в третьем продают огородную мелочь. А дальше идут скотные ряды. Тут коровы, козы, овцы… А рядом со скотным и еще один ряд.

Здесь продают людей.

Выстроились в ряд мужики и бабы, а перед ними прохаживаются баре да управляющие — те, кто ведет торг.

Подходят господа к мужикам, меряют с ног до головы взглядом, заставляют открывать рот — зубы смотрят, ладони рассматривают. Потом торгуются.

На базар в Чудово привезли и закопанских мужиков.

Сгрудились они в одну кучу, стоят, как овцы. Смотрит Митька по сторонам: и боязно и интересно.

Рядом с Митькой по одну сторону — мать и отец, по другую — кривой Савва…

— Ты чуть что — реви, — поучает Савва Митьку. — Баре, они ох как слез не любят! Может, не купят.

Однако реветь Митьке нет надобности. Продает закопанских мужиков староста Степан Грыжа. Кричит Грыжа, нахваливает товар. Да только к закопанским мужикам никто не подходит.

— Сегодня покупателев нет, — сказал Савва. — Мужик к осени не в цене.

Успокоился Митька, осмелел, стал в носу ковырять: ждет, когда повезут назад в Закопанку.

Да только под самый конец базара появилась в людском ряду старая барыня. А за барыней, словно на привязи, шел мужик. Борода нечесаная, рожа заспанная, в руках кнут. Прошла барыня по людскому ряду раз, два, взглянула на Митьку и остановилась. Грыжа сразу ожил.

— Добрая баба! — заговорил, показывая на Митькину мать. — И мужик при ней. Баба смирная, работящая.

А барыня только на Митьку смотрит и ничего не говорит.

— Добрая баба… — опять начинает Грыжа.

— Но, но! — прикрикнула барыня. — Ты мне зубы не заговаривай. Мальчишкой мы интересуемся.

Замялся староста, умолк: неудобно как-то мальца одного продавать.

А барыня снова:

— Ты что, язык проглотил? Сколько мальчишка, спрашиваю?

Замер Митька, ждет, что скажет Грыжа. А кривой Савва Митьку в бок: мол, пора, пускай слезы. Взвыл Митька, как под ножом, — даже Грыжа вздрогнул. А барыня хоть бы что. Подошла, Митькины руки пощупала, в рот заглянула, за ухо подергала.

— Так сколько? — снова спросила Грыжу.

Помялся староста, а потом решил: хоть какая, да прибыль, — проговорил:

— Пять рублей.

— Что? Да ты где такие цены, бесстыжий, выискал! Два с полтиной.

— Четыре, — скинул Грыжа.

— Три, — набавила барыня.

Однако Грыжа уперся. Ушла барыня. Кривой Савва толкнул Митьку; тот смолк, вытер слезы, даже улыбнулся.

Но барыня не отступилась. Походила, потолкалась по рядам, вернулась снова. Стала около Митьки.

— Ест много? — спросила Грыжу.

— Ест? — переспросил староста. — Да не, чего ему много есть. Мало ест, больше пьет воду.

— Так какой он мужик, раз ест мало, — сказала барыня.

Понял Грыжа, что дал маху, стал выкручиваться:

— Так это он зимой ест мало, когда работы нет. А летом — у-у, что птенец прожорлив!

Барыня снова ощупала Митьку, осмотрела со всех сторон, сказала:

— Три. Красная цена ему три.

За три рубля и отдали Митьку.

Взял нечесаный мужик, что был с барыней, мальчика за руку, дернул. А Аксинья, Митькина мать, как заголосит, как бросится к сыну.

— Дитятко мое! — запричитала. — Ох, люди добрые, сил моих нет… — Прижала к себе Митьку. — Не пущу, — кричит, — не отдам!

Подбежал Грыжа, оттолкнул Аксинью. А бородатый мужик обхватил Митьку, приподнял, словно куль, взвалил на плечи.

— Ой, ой! — взвыла Аксинья и вдруг смирилась; обмякла, осела и рухнула на землю.

Забился Митька, как карась на уде, заколотил по спине нечесаного мужика ногами. А тот лишь прижал крепче и потащил к выходу.

Впереди, поднимая подол длинного платья, шла барыня. Сзади голосила мать. А на площади прыгали скоморохи, играла гармоника и подвыпившие мужики тянули песню…

Вопросы

1. Какие чувства вызывает у читателя сцена продажи людей на ярмарке?
2. Как автор показывает безысходность бесправного положения крестьян?

Как жили

Была барыня Мавра Ермолаевна помещицей из бедных. Жила одна, детей не имела. И был у нее всего один дом, десятина земли да две души крепостных — кучер Архип и кухарка Варвара.

Когда-то был у Мавры Ермолаевны муж. Служил офицером в армии, да погиб на войне. Получала теперь барыня пенсию. С нее и жила. Стоял дом Мавры Ермолаевны на взгорке, у реки, в самый притык к полям графа Гущина.

Дом барыни был малый — в три комнаты. Во дворе стояли хлев для коровы, сарай для лошади и гусятник. И еще во дворе была банька, при ней-то Архип и Варвара жили. А около баньки росла кудрявая и пушистая, единственная на весь двор березка, и висел на березке скворечник.

Жизнь в доме у Мавры Ермолаевны начиналась рано. Просыпалась барыня с рассветом. Выходила в ночном халате на крыльцо, кричала:

— Варвара! Варвара!

Выбегала заспанная Варвара; шла, помогала барыне мыться и одеваться. Пила барыня по утрам сбитень, потом ходила по подворью. Смотрела, как Архип коня чистит и солому у коровы меняет, как Варвара на кухне возится. Затем Мавра Ермолаевна шла в гусятник. Любила барыня гусей кормить.

— Гусеньки мои, гусеньки! — выводила она старческим голосом.

После обеда барыня почивала. Вставала к ужину. Проверяла, подоила ли Варвара корову. Снова пила сбитень, раскладывала карты и часов в восемь ложилась спать. И так изо дня в день.

Только в субботу день был необычный.

После обеда Архип топил баню. Мылись все вместе.

Вслед за баней начиналось главное — барыня порола своих крепостных. Летом — прямо на улице, зимой — в сенцах господского дома. Архип приносил широкую скамью, Варвара размачивала в соленой воде розги. Когда завела барыня такой порядок, Архип и Варвара не помнили. Давно это было. Привыкли.

Первым били Архипа.

Он неуклюже спускал с себя портки, задирал рубаху и ложился. Рядом становилась Варвара и подавала барыне розги. «Раз, — отсчитывала Мавра Ермолаевна, — два, три…» Двадцать ударов получал Архип.

Затем ложилась Варвара, а розги подавал Архип. Варваре как бабе полагалось десять ударов. Потом Архип убирал скамью, а Варвара вешала сушить розги.

После порки Архип запрягал мерина. И все ехали в церковь, к вечерне, молиться. Архип поерзывал распухшим задом по сиденью и все норовил привстать.

— Садись! — прикрикивала на него барыня. — Садись! Чай, не по лицу била. Нежности большой на том месте нет.

А после церкви ложились спать. Так и жили из года в год у помещицы Мавры Ермолаевны. Скучно жили.

Вопросы

1. За что пороли розгами крестьян в доме барыни Мавры Ермолаевны?
2. Почему рассказчик заключает,что в доме помещицы «скучно жили»?

Розги

Из-за розог и начались Митькины неприятности в новом доме.

Когда в первую же субботу после бани Архип притащил скамью и стал готовиться к порке, Митька спросил:

— Дядя Архип, а зачем розги?

— Пороть.

— Кого пороть? — удивился Митька.

— Кого? Вестимо кого: нас пороть, — ответил Архип.

— Так за что, дядя Архип?!

— Как — за что? — Архип посмотрел на Митьку, погладил свою кудлатую бороду, сказал: — Для порядку. Ну, чтоб помнили свое место, чтобы барыню уважали… А как же иначе! Иначе нельзя. Мужики, они, знаешь, народ балованный.

Смотрит Митька на Архипа, опять спрашивает:

— И меня бить будут?

— Ну, а чего бы тебя не бить? — отвечает Архип. — И тебя пороть будут. С малолетства привыкать к порядку, стало быть, следует.

Больно было Митьке, когда пороли, а стерпел. И стало мальчику жалко и себя, и Варвару, и дядю Архипа. А больше всего обидно. Решил он розги спрятать. Так и сделал.

Полез в следующую субботу Архип за розгами, а их нет.

Бросился туда, бросился сюда — нет, словно и не было.

Накинулась барыня на Архипа:

— За добром, ротозей, углядеть не можешь!

— Да тут они были, — оправдывается Архип и показывает на стену. — Они уже какой год тут висят, — и разводит руками.

Архип, Варвара, барыня — все розги ищут. Нет розог.

Тогда Мавра Ермолаевна позвала Митьку.

— Брал розги? — спрашивает.

— Нет, — говорит Митька. А сам чувствует, что краснеет.

— Врешь! — говорит барыня. — Брал. По лицу вижу, что брал.

А Митька все больше краснеет. Краснеет, но молчит. Решает: не отдам, и все. Так и не нашли розог. А спрятал их Митька под барынину перину. Ну, а кому могло прийти в голову такое!

Варвару и Архипа в этот день не пороли. А Митьке досталось. Надавала барыня ему тумаков и посадила в гусятник до той поры, пока не сознается.

Вопросы

1.Какими приемами достигается реалистичность изображенных в рассказе событий?

2.Как барыня догадалась,что розги спрятал Митька?

Рассказы о Суворове и русских солдатах
Пакет

За непослушание императору Суворов был отстранен от армии. Жил фельдмаршал в селе Кончанском. В бабки играл с мальчишками, помогал звонарю бить в церковные колокола. В святые праздники пел на клиросе.

А между тем русская армия тронулась в новый поход. И не было на Руси второго Суворова. Тут-то и вспомнили про Кончанское.

Прибыл к Суворову на тройке молодой офицер, привез фельдмаршалу пакет за пятью печатями от самого государя императора Павла Первого. Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Графу Александру Суворову в собственные руки».

Покрутил фельдмаршал пакет в руках, вернул офицеру.

— Не мне, — говорит. — Не мне.

— Как — не вам? — поразился посыльный. — Вам. Велено вам в собственные руки.

— Не мне. Не мне, — повторил Суворов. — Не задерживай. Мне с ребятами в лес по грибы-ягоды надо идти.

И пошел.

Смотрит офицер на пакет — все как полагается: и «графу» и «Александру Суворову».

— Александр Васильевич! — закричал. — Ваше сиятельство!
— Ну что? — остановился Суворов.
— Пакет…
— Сказано — не мне, — произнес Суворов. — Не мне. Видать, другому Суворову.

Так и уехал ни с чем посыльный.

Прошло несколько дней, и снова в Кончанское прибыл на тройке молодой офицер. Снова привез из Петербурга от государя императора пакет за пятью печатями.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Фельдмаршалу российскому Александру Суворову».

— Вот теперь мне, — произнес Суворов и распечатал пакет.

Вопросы

1. Почему император Павел Первый обратился за помощью к А.Суворову?
2. Почему Суворов не распечатал пакета, на котором было написано: «Графу Александру Суворову в собственные руки»?
3. Как проявляется смелость и непокорность полководца Суворова в отношениях с императором?

Бить, а не считать

Впервые Суворов попал на войну совсем молодым офицером. Россия в то время воевала с Пруссией. И русские и прусские войска растянулись широким фронтом. Армии готовились к грозным боям, а пока мелкими набегами «изучали» друг друга.

Суворову выделили сотню казаков и поручили наблюдать за противником.

В сорока верстах от корпуса, в котором служил Суворов, находился прусский городок Ландсберг. Городок небольшой, но важный. Стоял он на перепутье проезжих дорог. Охранял его хорошо вооруженный отряд прусских гусар.

Ходил Суворов несколько раз со своей сотней в разведку, исколесил всю округу, но, как назло, даже издали ни одного пруссака не увидел.

А что же это за война, если даже не видишь противника!

И вот молодой офицер решил учинить настоящее дело, попытать счастье и взять Ландсберг. Молод, горяч был Суворов.

Поднял он среди ночи сотню, приказал седлать лошадей.

— Куда это? — заволновался казачий сотник.
— Вперед! — кратко ответил Суворов.

До рассвета прошла суворовская сотня все сорок верст и оказалась на берегу глубокой реки, как раз напротив прусского города.

Осмотрелся Суворов — моста нет. Сожгли пруссаки для безопасности мост. Оградили себя от неожиданных нападений.

Постоял Суворов на берегу, подумал и вдруг скомандовал:

— В воду! За мной! — и первым бросился в реку.

Выбрались казаки на противоположный берег у самых стен вражеского города.

— Город наш! Вперед! — закричал Суворов.
— В городе же прусские гусары! — попытался остановить Суворова казачий сотник.
— Помилуй бог, так это и хорошо! — ответил Суворов. — Их как раз мы и ищем.

Понял сотник, что Суворова не остановишь.

— Александр Васильевич, — говорит, — прикажите хоть узнать, много ли их.
— Зачем? — возразил Суворов. — Мы пришли бить, а не считать.

Казаки ворвались в город и разбили противника.

Вопросы

1.Как в рассказе раскрывается смелый, непокорный характер Суворова?
2. Как девиз Суворова «Мы пришли бить, а не считать» помог одолеть врага?

Настоящий солдат

Подошел как-то Суворов к солдату и сразу в упор:
— Сколько от Земли до Месяца?
— Два суворовских перехода! — гаркнул солдат.
Фельдмаршал аж крякнул от неожиданности. Вот так ответ! Вот так солдат!
Любил Суворов, когда солдаты отвечали находчиво, без запинки. Приметил он молодца. Понравился фельдмаршалу солдатский ответ, однако и за себя стало обидно.
«Ну, — думает, — не может быть, чтобы я, Суворов, и вдруг не поставил солдата в тупик».
Встретил он через несколько дней находчивого солдата и снова в упор:
— Сколько звезд на небе?
— Сейчас, ваше сиятельство, — ответил солдат, — сочту, — и уставился в небо.
Ждал, ждал Суворов, продрог на ветру, а солдат не торопясь звезды считает.
Сплюнул Суворов с досады. Ушел. «Вот так солдат! — снова подумал. — Ну, уж на третий раз, — решил фельдмаршал, — я своего добьюсь: загоню в тупик солдата».
Встретил солдата он в третий раз и снова с вопросом:
— Ну-ка, молодец, а скажи-ка мне, как звали мою прародительницу?
Доволен Суворов вопросом: откуда же знать простому солдату, как звали фельдмаршальскую бабку. Потер Суворов от удовольствия руки и только хотел сказать: «Ну, братец, попался!» — как вдруг солдат вытянулся во фрунт и гаркнул:
— Виктория, ваше сиятельство!
— Вот и не Виктория! — обрадовался Суворов.
— Виктория, Виктория, — повторил солдат. — Как же так может быть, чтобы у нашего фельдмаршала и вдруг в прародительницах не было Виктории!
Опешил Суворов. Ну и ответ! Ну и хитрый солдат попался!
— Ну, раз ты такой хитрый, — произнес Суворов, — скажи мне, какая разница между твоим ротным командиром и мной?
— А та, — не раздумывая ответил солдат, — что ротный командир хотя бы и желал произвести меня в сержанты, да не может, а вашему сиятельству стоит только захотеть, и я…
Что было делать Суворову? Пришлось ему произвести солдата в сержанты.
Возвращался Суворов в свою палатку и восхищался:
— Помилуй Бог, как провел! Вот это да! Вот это солдат! Помилуй Бог, настоящий солдат! Российский!

Вопросы

1. Какие качества ценил Суворов в солдатах?
2. За что он назвал одного из них «настоящим солдатом» и произвел в сержанты?

Рассказы о царе Иване Грозном
Подарок индийского царя

Индийский царь подарил русскому царю Ивану Васильевичу Грозному слона.
Слон был учен. Умел кланяться.
Везли слона долго и осторожно. Много опасностей подстерегало в пути. Поднимались в горы. Спускались в долины. Переправлялись через широкие реки.
День за днем. День за днем. Двигался караван. Шли проводники и погонщики. Шел слон.
Солнце всходило и заходило. Страшную жару сменяли холода. Чередовались то знойные, то леденящие ветры. С неба срывались грозы. Бушевали дожди и ливни.
День за днем. День за днем. Более года двигался караван. Шли проводники и погонщики. Шел слон.
Прибыл гигант в Москву.
Сбежался народ смотреть на заморскую невидаль. Поражались люди:
— Размером с боярский терем.
— Кишка вместо носа.
— Как опахало уши.
Наступил момент представить слона царю. Вышел царь Иван Васильевич Грозный. Поднял на слона тяжелые, свинцовые веки.

Предупрежден был царь, что слон учен — умеет кланяться.
Ждет государь поклона.

Но вдруг заупрямился слон.

То ли непривычно было ему на новом месте. То ли устал с дороги. Стоит слон, даже в сторону царя не смотрит.

Помрачнел царь. Нахмурился. Напряглись, сжались, как клещи, руки. Понимают приближенные государя: собираются в царе недобрые силы.

Подбежал индус-погонщик. Что-то прокричал на своем языке слону.

Вместо поклона хлопнул ушами слон.

Вновь прокричал погонщик. Даже палкой упрямца кольнул под брюхо.

Не поклонился слон. Лишь свернул в запятую хобот.

— У, животина! — кто-то бросил из царских слуг.

Стоит царь Иван Васильевич Грозный. Стоит перед ним упрямец. Зреет, зреет Иванов гнев.
Минута.
Минута.
Еще минута.

Не поклонился ученый слон.

Повернулся Иван Грозный к стражникам. Поднял свинцовые веки.

Подбежали к слону царские слуги, избили, иссекли при всех непокорного.

Успокоился грозный царь.

Вопросы

1. Как в рассказе подчеркивается горячий нрав царя Ивана Грозного?
2. Как вы понимаете финал рассказа?

В каком городе ты живешь

Прославился Анисим Веков в делах строительных. Был он потомственным плотником.

При царе Иване IV в России стало закладываться много новых городов. Особенно быстро они возникали по берегам реки Волги.

Попал в эти места вместе с другими строителями и Анисим Веков. Стали возводить они город Самару.

Стучат топоры над Волгой. Любит работу Анисим Веков. Чудо, смотрите — чудо! Было пустое место — дом подымается. Улыбается плотник Веков. Весь он в движенье. Весь в нетерпенье. Посмотрите: глаза разгораются. Чудо, чудо — дом подымается. Строится, строится новый дом. Бежит работа, бежит и ладится.

Понравились под Самарой места Анисиму Векову. Особенно Волга. Бежит она с севера к югу, затем, не доходя до Самары, поворачивает резко на восток, потом так же резко на запад и дальше, словно спохватившись, снова идет на юг. Обегает в этих местах Волга горы. Называются они Жигули. Красивы, как сказка, стоят Жигули. Влюбился Анисим Веков в дивное место. Век бы здесь прожил.

Однако сложилось так, что недолго он пробыл в Самаре. Послали плотника закладывать новый город. Назвали его Саратовом. Это тоже на Волге. Намного южнее Самары.

Возводили Саратов на вышине, на правом, приподнятом берегу реки. Глянешь отсюда на левый берег. Дали, дали, за далями — дали. Заволжские степи бухарским ковром лежат.

Стучат топоры над Волгой. Любит работу Анисим Веков. Чудо, смотрите — чудо! Было пустое место — дом подымается. Улыбаются люди. Улыбается Веков. Весь он в движенье. Весь в нетерпенье. Посмотрите: глаза разгораются. Чудо, чудо — дом подымается. Строится, строится новый город. Бежит работа, бежит и ладится.

Понравились Анисиму Векову места под Саратовом. Век бы прожил в Саратове. Однако неспокойная жизнь у строительного люда. И вот уже на новом месте Анисим Веков.

Стучат топоры в Царицыне. (Это нынешний Волгоград.) Любит работу Анисим Веков. Чудо, смотрите — чудо. Было пустое место — дом подымается. Улыбаются люди. Улыбается Веков. Весь он в движенье, весь в нетерпенье. Посмотрите: глаза разгораются. Чудо, чудо — дом подымается. Строится, строится новый город. Бежит работа, бежит и ладится.

Хороши, привольны места царицынские. Царицын южнее еще Саратова. Волга здесь шире. Течение плавное. Солнце яркое, на тепло щедрое. Южная сторона. Вечно жил бы в Царицыне Веков. Да только снова в дорогу зовет судьба…

Дорогой читатель! Если ты родился, вырос или живешь в городе:
Архангельске,
Самаре,
Саратове,
Волгограде,
Сызрани,
Васильсурске,
Балыкове,
Уфе.
Если родился и вырос в:
Курске,
Воронеже,
Орле,
Липецке,
Белгороде,
Шацке,
Мценске,
Ельце,
Кричеве —
знай — твой родной город в числе тех, которые были основаны в XVI столетии, в годы правления царя Ивана IV Грозного.

Вопросы

1. Какое главное качество Анисима Векова?
2. В чем нравственное звучание произведения С. Алексеева?
3. Почему так часто в рассказе повторяется слово «чудо»?

ГЛАВА 10. ФАНТАСТИКА В ДЕТСКОМ ЧТЕНИИ

КИР БУЛЫЧЕВ (1934-2003)

Девочка с Земли

Девочка, с которой ничего не случится

Рассказы о жизни маленькой девочки в XXI веке, записанные ее отцом

Вместо предисловия

Завтра Алиса идет в школу. Это будет очень интересный день. Сегодня с утра видеофонят ее друзья и знакомые, и все ее поздравляют. Правда, Алиса и сама уже три месяца как никому покоя не дает — рассказывает о своей будущей школе.

Марсианин Бус прислал ей какой-то удивительный пенал, который пока что никто не смог открыть — ни я, ни мои сослуживцы, среди которых, кстати, было два доктора наук и главный механик зоопарка.

Шуша сказал, что пойдет в школу вместе с Алисой и проверит, достаточно ли опытная учительница ей достанется.

Удивительно много шума. По-моему, когда я уходил в первый раз в школу, никто не поднимал такого шума.

Сейчас суматоха немного утихла. Алиса ушла в зоопарк попрощаться с Бронтей.

А пока дома тихо, я решил надиктовать несколько историй из жизни Алисы и ее друзей. Я перешлю эти записки Алисиной учительнице. Ей полезно будет знать, с каким несерьезным человеком ей придется иметь дело. Может быть, эти записки помогут учительнице воспитать мою дочку.

Сначала Алиса была ребенок как ребенок. Лет до трех. Доказательством тому — первая история, которую я собираюсь рассказать. Но уже через год, когда она встретилась с Бронтей, в ее характере обнаружилось умение делать все не как положено, исчезать в самое неподходящее

время и даже случайно делать открытия, которые оказались не по силам крупнейшим ученым современности. Алиса умеет извлекать выгоду из хорошего к себе отношения, но тем не менее у нее масса верных друзей. Нам же, ее родителям, бывает очень трудно. Ведь мы не можем все время сидеть дома; я работаю в зоопарке, а наша мама строит дома, и притом часто на других планетах.

Я хочу заранее предупредить учительницу Алисы — ей тоже будет, наверно, нелегко. Пускай же она внимательно выслушает совершенно правдивые истории, случившиеся с девочкой Алисой в разных местах Земли и космоса в течение последних трех лет.

Я набираю номер.

Алиса не спит. Десятый час, а она не спит. Я сказал:

— Алиса, спи немедленно, а то…

— Что «а то», папа?

— А то я провидеофоню бабе-яге.

— А кто такая баба-яга?

— Ну, это детям надо знать. Баба-яга костяная нога — страшная, злая бабушка, которая кушает маленьких детей. Непослушных.

— Почему?

— Ну, потому что она злая и голодная.

— А почему голодная?

— Потому что у нее в избушке нет продуктопровода.

— А почему нет?

— Потому что избушка у нее старая-престарая и стоит далеко в лесу.

Алисе стало так интересно, что она даже села на кровати.

— Она в заповеднике работает?

— Алиса, спать немедленно!

— Но ты ведь обещал позвать бабу-ягу. Пожалуйста, папочка, дорогой, позови бабу-ягу!

— Я позову. Но ты об этом очень пожалеешь.

Я подошел к видеофону и наугад нажал несколько кнопок. Я был уверен, что соединения не будет и бабы-яги «не окажется дома».

Но я ошибся. Экран видеофона просветлел, загорелся ярче, раздался щелчок — кто-то нажал кнопку приема на другом конце линии, и еще не успело появиться на экране изображение, как сонный голос сказал:

— Марсианское посольство слушает.

— Ну как, папа, она придет? — крикнула из спальни Алиса.

— Она уже спит, — сердито сказал я.

— Марсианское посольство слушает, — повторил голос.

Я повернулся к видеофону. На меня смотрел молодой марсианин. У него были зеленые глаза без ресниц.

— Простите, — сказал я, — я, очевидно, ошибся номером.

Марсианин улыбнулся. Он смотрел не на меня, а на что-то за моей спиной. Ну конечно, Алиса выбралась из кровати и стояла босиком на полу.

— Добрый вечер, — сказала она марсианину.

— Добрый вечер, девочка.

— Это у вас живет баба-яга?

Марсианин вопросительно посмотрел на меня.

— Понимаете, — сказал я, — Алиса не может заснуть, и я хотел провидеофонить бабе-яге, чтобы она ее наказала. Но вот ошибся номером.

Марсианин снова улыбнулся.

— Спокойной ночи, Алиса, — сказал он. — Надо спать, а то папа позовет бабу-ягу.

Марсианин попрощался со мной и отключился.

— Ну, теперь ты пойдешь спать? — спросил я. — Ты слышала, что сказал тебе дядя с Марса?

— Пойду. А ты возьмешь меня на Марс?

— Если будешь хорошо себя вести, летом туда полетим.

В конце концов Алиса уснула, и я снова сел за работу. И засиделся до часу ночи. А в час вдруг приглушенно заверещал видеофон. Я нажал кнопку. На меня глядел марсианин из посольства.

— Извините, пожалуйста, что я побеспокоил вас так поздно, — сказал он, — но ваш видеофон не отключен, и я решил, что вы еще не спите.

— Пожалуйста.
— Вы не могли бы помочь нам? — сказал марсианин. — Все посольство не спит. Мы перерыли все энциклопедии, изучили видеофонную книгу, но не можем найти, кто такая баба-яга и где она живет…

Пропавшие гости

Подготовка к встрече лабуцильцев проходила торжественно. Еще ни разу Солнечную систему не посещали гости со столь далекой звезды.

Первой сигналы лабуцильцев приняла станция на Плутоне, а через три дня связь с ними установила Лондельская радиообсерватория.

Лабуцильцы были еще далеко, но космодром Шереметьево-4 был полностью готов к их приему. Девушки из оранжереи «Красная роза» украсили его гирляндами цветов, а слушатели Высших поэтических курсов отрепетировали музыкально-литературный монтаж. Все посольства забронировали места на трибунах, и корреспонденты ночевали в буфете космодрома.

Алиса жила неподалеку, на даче во Внукове, и собирала гербарий. Она хотела собрать гербарий лучше, чем собрал Ваня Шпиц из старшей группы. Таким образом, Алиса не принимала участия в подготовке торжественной встречи. Она даже ничего не знала о ней.

Да и я сам к встрече не имел прямого отношения. Моя работа начнется потом, когда лабуцильцы приземлятся.

А тем временем события развивались следующим образом.

8 марта лабуцильцы сообщили, что выходят на круговую орбиту. Примерно в это время и произошла трагическая случайность. Вместо лабуцильского корабля станции наведения засекли потерянный два года назад шведский спутник «Нобель-29». Когда же ошибка была обнаружена, оказалось, что лабуцильский корабль исчез. Он уже пошел на посадку, и связь с ним временно прервалась.

9 марта в 6.33 лабуцильцы сообщили, что произвели посадку в районе 55°20′ северной широты и 37°40′ восточной долготы по земной системе координат, с возможной ошибкой в 15', то есть неподалеку от Москвы.

В дальнейшем связь прервалась, и восстановить ее, за исключением одного случая, о котором я скажу потом, не удавалось. Оказывается, земная радиация пагубным образом воздействовала на приборы лабуцильцев.

В тот же момент сотни машин и тысячи людей бросились в район посадки гостей. Дороги были забиты желающими найти лабуцильцев. Космодром Шереметьево-4 опустел. В буфете не осталось ни одного корреспондента. Небо Подмосковья было увешано вертолетами, винтокрылами, орнитоптерами, вихрелетами и прочими летательными аппаратами. Казалось, тучи громадных комаров нависли над землей.

Если бы даже корабль лабуцильцев ушел под землю, его все равно обнаружили бы.

Но его не нашли.

Ни один из местных жителей не видел, как спускался корабль. А это тем более странно, потому что в те часы почти все жители Москвы и Подмосковья смотрели в небо.

Значит, произошла ошибка.

К вечеру, когда я вернулся с работы на дачу, вся нормальная жизнь планеты была нарушена. Люди боялись, не случилось ли чего-нибудь с гостями.

— Может быть, — спорили в монорельсе, — они из антивещества и при входе в земную атмосферу испарились?

— Без вспышки, бесследно? Чепуха!

— Но много ли мы знаем о свойствах антивещества?

— А кто тогда радировал, что совершил посадку?

— Может быть, шутник?

— Ничего себе шутник! Так, может быть, он и с Плутоном разговаривал?

— А может быть, они невидимы?

— Все равно их обнаружили бы приборы…

Но все-таки версия о невидимости гостей завоевывала все больше сторонников…

Я сидел на веранде и думал: а может, они приземлились рядом, на соседнем поле? Стоят сейчас, бедные, рядом со своим кораблем и удивляются, почему это люди не хотят обращать на них внимания. Вот-вот обидятся и улетят… Я хотел было уже спуститься вниз и отправиться на то

самое поле, как увидел цепочку людей, выходящих из леса. Это были жители соседних дач. Они держались за руки, будто играли в детскую игру «каравай, каравай, кого хочешь выбирай».

Я понял, что соседи предугадали мои мысли и ищут на ощупь невидимых гостей.

И в этот момент внезапно заговорили все радиостанции мира.

Они передавали запись сообщения, пойманного радиолюбителем из Северной Австралии. В сообщении повторялись координаты и затем следовали слова: «Находимся в лесу… Выслали первую группу на поиски людей. Продолжаем принимать ваши передачи. Удивлены отсутствием контактов…» На этом связь оборвалась.

Версия о невидимости немедленно приобрела еще несколько миллионов сторонников.

С террасы мне было видно, как цепочка дачников остановилась и затем снова повернула к лесу. И в этот момент на террасу поднялась Алиса с корзинкой земляники в руке.

— Зачем они все бегают? — спросила она, не поздоровавшись.

— Кто «они»? Надо говорить «здравствуй», если не видела с утра своего единственного отца.

— С вечера. Я спала, когда ты уехал. Здравствуй, папа. А что случилось?

— Лабуцильцы потерялись, — ответил я.

— Я их не знаю.

— Их никто еще не знает.

— А как же они тогда потерялись?

— Летели на Землю. Прилетели и потерялись.

Я чувствовал, что говорю ерунду. Но ведь это была чистая правда.

Алиса взглянула на меня с подозрением:

— А разве так бывает?

— Нет, не бывает. Обычно не бывает.

— А они космодрома не нашли?

— Наверно.

— И где они потерялись?

— Где-то под Москвой. Может быть, и неподалеку отсюда.

— И их ищут на вертолетах и пешком?

— Да.

— А почему они не придут сами?

— Наверно, они ждут, пока к ним придут люди. Ведь они первый раз на Земле. Вот и не отходят от корабля.

Алиса помолчала, будто удовлетворенная моим ответом. Прошлась раза два, не выпуская из рук корзиночки с земляникой, по террасе. Потом спросила:

— А они в поле или в лесу?

— В лесу.

— А откуда ты знаешь?

— Они сами сказали. По радио.

— Вот хорошо.

— Что хорошо?

— Что они не в поле.

— Почему?

— Я испугалась, что я их видела.

— Как так?!

— Да никак, я пошутила…

Я вскочил со стула. Вообще-то Алиса большая выдумщица…

— Я не ходила в лес, папа. Честное слово, не ходила. Я была на полянке. Значит, я не их видела.

— Алиса, выкладывай все, что знаешь. И ничего от себя не добавляй. Ты видела в лесу странных… людей?

— Честное слово, я не была в лесу.

— Ну хорошо, на поляне.

— Я ничего плохого не сделала. И они вовсе не странные.

— Да ответь ты по-человечески: где и кого ты видела? Не мучай меня и все человечество в моем лице!

— А ты человечество?..

— Послушай, Алиса…

— Ну ладно. Они здесь. Они пришли со мной.

Я невольно оглянулся. Терраса была пуста. И если не считать ворчливого шмеля, никого, кроме нас с Алисой, на ней не было.

— Да нет, ты не там смотришь, — Алиса вздохнула, подошла ко мне поближе и сказала: — Я их хотела оставить себе. Я же не знала, что человечество их ищет.

И она протянула корзинку с земляникой. Она поднесла мне корзиночку к самым глазам, и я, сам себе не веря, ясно разглядел две фигурки в скафандрах. Они были измазаны земляничным соком и сидели, оседлав вдвоем одну ягоду.

— Я им не делала больно, — сказала Алиса виноватым голосом. — Я думала, что они гномики из сказки.

Но я уже не слушал ее. Нежно прижимая корзиночку к сердцу, я мчался к видеофону и думал, что трава для них должна была показаться высоким лесом.

Так состоялась первая встреча с лабуцильцами.

Свой человек в прошлом

Испытание машины времени проводилось в Малом зале Дома ученых. Я зашел за Алисой в детский сад, а там обнаружил, что, если поведу ее домой, опоздаю на испытание. Поэтому я взял с Алисы клятву, что она будет себя вести достойно, и мы пошли в Дом ученых.

Представитель Института времени, очень большой и очень лысый человек, стоял перед машиной времени и объяснял научной общественности ее устройство. Научная общественность внимательно слушала его.

— Первый опыт, как вы все знаете, был неудачен, — говорил он. — Посланный нами котенок попал в начало двадцатого века и взорвался в районе реки Тунгуски, что положило начало легенде о Тунгусском метеорите. С тех пор мы не знали крупных неудач. Правда, в силу определенных закономерностей, с которыми желающие могут познакомиться в брошюре нашего института, пока мы можем посылать людей и предметы только в семидесятые годы двадцатого века. Надо сказать, что некоторые из наших сотрудников побывали там, разумеется, совершенно тайно, и благополучно возвратились обратно. Сама процедура перемещения во времени сравнительно несложна, хотя за ней скрывается многолетний труд сотен людей. Достаточно надеть на себя хронокинный пояс… Я хотел бы, чтобы ко мне поднялся доброволец из зала, и я покажу на нем порядок подготовки путешественника во времени…

Наступило неловкое молчание. Никто не решался первым выйти на сцену. И тут, разумеется, на сцене появилась Алиса, которая только пять минут назад поклялась вести себя достойно.

— Алиса, — крикнул я, — немедленно вернись!

—Не беспокойтесь, — сказал представитель института, — с ребенком ничего не случится.

— Со мной ничего не случится, папа! — весело сказала Алиса.

В зале засмеялись и начали оборачиваться, ища глазами строгого отца.

Я сделал вид, что совершенно ни при чем.

Представитель института надел на Алису пояс, прикрепил к вискам что-то вроде наушников.

— Вот и все, — сказал он. — Теперь человек готов к путешествию во времени. Стоит ему войти в кабину, как он окажется в тысяча девятьсот семьдесят пятом году.

«Что он говорит! — мелькнула у меня в мозгу паническая мысль. — Ведь Алиса немедленно воспользуется этой возможностью!»

Но было поздно.

— Куда ты, девочка? Остановись! — крикнул представитель института.

Алиса уже вошла в кабину и на глазах у всего зала испарилась. Зал хором ахнул.

Побледневший представитель института размахивал руками, пытаясь унять шум. И, видя, что я бегу к нему по проходу, заговорил, склонившись к самому микрофону, чтобы было слышнее:

— С ребенком ничего не случится. Через три минуты он окажется снова в этом зале. Я даю слово, что аппаратура совершенно надежна и испытана! Не волнуйтесь!

Ему хорошо было рассуждать. А я стоял на сцене и думал о судьбе котенка, превратившегося в Тунгусский метеорит. Я и верил и не верил лектору. Сами посудите — знать, что ваш ребенок находится сейчас в отдаленном прошлом… А если она там убежит от машины? Или заблудится?

— А нельзя ли мне последовать за ней? — спросил я.

— Нет. Через минуту… Да вы не беспокойтесь, там ее встретит наш человек.

— Так там ваш сотрудник?

— Да нет, не сотрудник. Просто мы нашли человека, который отлично понял наши проблемы, и вторая кабина стоит у него на квартире. Он живет там, в двадцатом веке, но в силу своей специальности иногда бывает в будущем.

В этот момент в кабине показалась Алиса. Она вышла на сцену с видом человека, который отлично выполнил свой долг. Под мышкой она держала толстую старинную книгу.

— Вот видите, — сказал представитель института.

Зал дружно зааплодировал.

— Девочка, расскажи, что ты видела? — сказал лектор, не давая мне даже подойти к Алисе.

— Там очень интересно, — ответила она. — Бах! — и я в другой комнате. Там сидит за столом дядя и пишет что-то. Он меня спросил: «Ты, девочка, из двадцать первого века?» Я говорю, что наверно, только я наш век не считала, потому что еще плохо считаю, я хожу в детский сад, в среднюю группу. Дядя сказал, что очень приятно и что мне придется вернуться обратно. «Хочешь посмотреть, какая была Москва, когда твоего дедушки еще не было?» Я говорю, что хочу. И он мне показал. Очень удивительный и невысокий город. Потом я спросила, как его зовут, а он сказал, что Аркадий, и он писатель, и пишет фантастические книжки о будущем. Он, оказывается, не все придумывает, потому что к нему иногда приходят люди из нашего времени и рассказывают о нашей жизни. Только он не может об этом рассказать никому, потому что это страшный секрет. Он мне подарил свою книжку… А потом я вернулась.

Зал встретил рассказ Алисы бурными аплодисментами.

А потом с места поднялся почтенный академик и сказал:

— Девочка, вы держите в руках уникальную книгу — первое издание фантастического романа «Пятна на Марсе». Не могли бы вы подарить мне эту книгу? Вы все равно еще не умеете читать.

— Нет, — сказала Алиса. — Я скоро научусь и сама прочту…

Вопросы

1. О каких научно-технических открытиях идет речь в произведении К.Булычева «Девочка с Земли»?
2. Каким образом в повести связаны проблемы научно-технического прогресса и нравственности?
3. Какими приемами раскрывается образ Алисы? Чем она отличается от других героев повести?
4. Какие традиции научной фантастики продолжает в своем творчестве К.Булычев?
5. Насколько соотносится образ героев повести К.Булычева с художественным телефильмом «Девочка с Земли»?

ЕВГЕНИЙ СЕРАФИМОВИЧ ВЕЛТИСТОВ (1934-1989)

Приключения Электроника

Книга первая

Электроник – мальчик из чемодана

Чемодан с четырьмя ручками

Ранним майским утром к гостинице "Дубки" подкатил светло-серый автомобиль. Распахнулась дверца, из машины выскочил человек с трубкой в зубах. Увидев приветливые лица, букеты цветов, он смущенно улыбнулся. Это был профессор Громов. Почетный гость конгресса кибернетиков приехал из Синегорска, сибирского научного городка, и, как всегда, решил остановиться в "Дубках".

Директор "Дубков", организовавший торжественную встречу, занялся вещами. Из распахнутой пасти багажника торчал закругленный угол большого чемодана.

- Э-э, даже такой силач, как вы, не поднимет его, - сказал профессор,заметив, что директор заглядывает в багажник. - Это очень тяжелый чемодан.

- Пустяки, - отозвался директор. Он обхватил чемодан мускулистыми руками и поставил на землю. Лицо его покраснело. Чемодан был длинный, черного цвета, с четырьмя ручками. По форме он напоминал футляр контрабаса.

Однако надписи точно определяли содержимое: "Осторожно! Приборы!"

- Ну и ну... - покачал головой директор. - Как же вы справлялись, профессор?

- Приглашал четырех носильщиков. А сам руководил, - сказал Громов.

- Мы оставили вам тот же номер. Вы не возражаете?

- Прекрасно. Весьма благодарен.

Директор с тремя помощниками взялись за ручки и отнесли чемодан на второй этаж. Поднявшись за ними, профессор с удовольствием оглядел голубоватые стены гостиной, удобную мебель, маленький рабочий стол у широкого, во всю стену, окна. Он почувствовал, что в комнате пахнет сосновым лесом, и улыбнулся.

Директор нажал на одну из кнопок у двери:

- Запах хвои не обязательно. Если хотите, можно цветущие луга, фиалки и даже морозный день. Это кнопки генератора запахов. Для настроения.

- Все чудесно, настроение отличное, - успокоил его профессор.

- Мы так и думали. Пожалуйста, располагайтесь, отдыхайте. - И директор удалился.

Профессор распахнул окно. В комнату с шорохом листвы влетел утренний ветерок и запутался в прозрачных шторах. Под окном росли крепкие дубки, солнечные лучи пробивались сквозь их лохматые шапки и ложились светлыми пятнами на землю. Вдалеке шуршали шины. Над деревьями простекотал маленький вертолет - воздушное такси.

Громов улыбнулся: он никак не мог привыкнуть к этим вертолетам и ездил в обычных такси. Он видел, что город раздался и похорошел. От вокзала ехали мимо километровых цветников, в бесконечном коридоре зеленых деревьев, застывших, как в почетном карауле. Куда ни посмотришь - везде что-то новое: березовая рощица, хоровод стройных сосен, яблони и вишни в белых накидках, цветущая сирень... Сады висели и над головой, на крышах зданий, защищенные от непогоды прозрачными раздвижными куполами. В промежутках между окнами, которые перепоясывали здания блестящими лентами,тоже была зелень: вьющиеся растения цеплялись за камни и бетон.

- Дубки подросли, - сказал профессор, смотря в окно.

Да, он много лет не был в этом городе.

Он нагнулся над чемоданом, отпер замки, откинул крышку. В чемодане,на мягком голубом нейлоне, лежал, вытянувшись во весь рост, мальчик с закрытыми глазами. Казалось, он крепко спит.

Несколько минут профессор смотрел на спящего. Нет, ни один человек не мог бы сразу догадаться, что перед ним кибернетический мальчик. Курносый нос, вихор на макушке, длинные ресницы... Синяя курточка, рубашка, летние брюки. Сотни, тысячи таких мальчишек бегают по улицам большого города.

- Вот мы и приехали, Электроник, - мягко произнес профессор. - Как ты себя чувствуешь?

Ресницы дрогнули, блестящие глаза открылись. Мальчик приподнялся и сел.

- Я чувствую себя хорошо, - сказал он хриплым голосом. - Правда, немного трясло. Почему я должен был лежать в чемодане?

Профессор помог ему вылезти, стал поправлять костюм.

- Сюрприз. Ты должен знать, что такое сюрприз. Но об этом поговорим потом... А теперь одна необходимая процедура.

Он усадил Электроника на стул, достал из-под его куртки маленькую электрическую вилку на эластичном, растягивающемся проводе и вставил ее в розетку.

- Ой! - дернулся Электроник.

- Ничего, ничего, потерпи, - успокаивающе сказал профессор. - Это необходимо. Ты будешь сегодня много двигаться. Надо подкрепиться электрическим током.

Оставив Электроника, профессор подошел к видеотелефону, набрал на диске номер. Засветился голубой экран. Громов увидел знакомое лицо.

- Да, да, Александр Сергеевич, я уже здесь, - попыхивая трубкой, весело сказал Громов. - Самочувствие? Превосходное!

- Я не хочу, - раздался за его спиной скрипящий голос Электроника. - Я так не могу...

Профессор погрозил Электронику пальцем и продолжал:

- Приезжайте... Жду... Предупреждаю, вас ждет сюрприз!

Экран погас. Громов повернулся, чтобы спросить мальчика, почему он капризничает, но не успел. Электроник вдруг сорвался со стула, подбежал к подоконнику, молниеносно вскочил на него и прыгнул со второго этажа.

В следующее мгновение профессор был у окна. Он увидел, как мелькает между деревьями синяя курточка.

- Электроник! - крикнул Громов.

Но мальчик уже исчез.

Покачивая головой, профессор достал из кармана очки и нагнулся к розетке.

- Двести двадцать вольт! - В его голосе прозвучала тревога. - Что я наделал! - Он бросился к двери.

Сбегая по лестнице, профессор заметил удивленное лицо директора и успокаивающе помахал ему рукой. Сейчас было не до объяснений.

У тротуара стояло такси. Громов резко распахнул дверцу, упал на сиденье. Переводя дыхание, скомандовал шоферу:

- Вперед! Надо догнать мальчика в синей куртке!..

...Так начались необычайные события, которые вовлекли в свой круговорот немало людей.

Белый халат или формулы?

Живет в большом городе обыкновенный мальчишка - Сергей Сыроежкин. Внешность его ничем не примечательна: круглый курносый нос, серые глаза, длинные ресницы. Волосы всегда взъерошены. Мышцы незаметные, но тугие.Руки в ссадинах и чернилах, ботинки потрепаны в футбольных баталиях. Словом, Сыроежкин такой, как и все тринадцатилетние.

Сережка полгода назад переехал в большой желтокрасный дом на Липовой аллее, а до этого он жил в Гороховом переулке. Даже странно, как среди зданийвеликанов мог так долго сохраниться последний островок старого города - Горохов переулок, с его низенькими домиками и такими маленькими дворами, что всякий раз, когда ребята затевали игру в мяч, обязательно разбивали окно. Но вот уже полгода, как Горохова переулка нет. Бульдозеры снесли дома, и теперь там орудуют длиннорукие краны.

Сережке нравится его новая жизнь. Он считает, что во всем городе нет такого замечательного двора: просторного, как площадь, и зеленого, как парк. Целый день скачи, играй, прячься - и не надоест. А если и надоест - иди в мастерские, строгай, пили, работай сколько хочешь. Или отправляйся в залы отдыха, гоняй бильярдные шары, читай журналы, смотри на экран телевизора, что висит на стене, как огромное зеркало.

А придет минута спокойной задумчивости, и он увидит над двором стремительные облака-птицы, облакапланеры, облака-ракеты, которые несет с собой ветер в голубом небе. И прямо из-за крыши вылетит на него большая серебристая машина - пассажирский реактивный самолет, прикроет на мгновение крыльями весь двор и так же внезапно исчезнет, только гром прогремит по крышам.

И новая школа - вот она стоит посреди двора - тоже по душе Сережке. В классах белые парты и желтые, зеленые, голубые доски. Выйдешь в коридор - перед тобой стена из стекла, и небо с облаками, и деревья, и кусты;так и кажется, что школа плывет среди зеленых волн, будто пароход. А еще самое главное, самое интересное - счетные машины в лабораториях. Большие и маленькие, похожие на шкафы, телевизоры и пишущие машинки, они приветствовали Сыроежкина веселым стуком клавиш, дружески подмигивали ему разноцветными глазками и добродушно гудели свою нескончаемую песню. Из-за этих умнейших машин и название у школы было особенное: юных кибернетиков.

Когда Сыроежкин только приехал в новый дом, записался в седьмой "Б" и еще не видел этих машин, он сказал отцу:

- Ну, мне повезло. Буду конструировать робота.

- Робота? - удивился Павел Антонович. - Это для чего же?

- Как - для чего! Будет ходить в булочную, мыть посуду, готовить обед. Будет у меня такой друг!

- Ну и дружба! - сказал отец. - Мыть посуду...

- Но это же робот, механический слуга, - ответил Сережка.

И он еще долго рассуждал о том, какие обязанности можно возложить на робота, пока отец не прервал его:

- Ну, хватит фантазировать! Завтра пойдешь в школу и все узнаешь.

- И еще будет чистить ботинки, - пробормотал Сережка из-под одеяла.

А назавтра Сергей уже забыл, что собирается делать робота. После школы он вихрем ворвался в квартиру, бросил в коридоре портфель и, отдуваясь, продекламировал:

"А" и "Б"
Сидели на трубе.
"А" упало, "Б" пропало,
Что осталось на трубе?

- Вот тебе и на! - засмеялся отец. - Наш кибернетик сделал открытие. По-моему, эту задачку изучают в детском саду.

- Хорошо, - сказал Сережка, - если в детском саду, тогда реши ее.

- Да ну тебя, Сережка, отстань! Мне еще до самой ночи сидеть над чертежом.

Павел Антонович пошел было в комнату, но Сергей вцепился в него, как клещ.

- Нет, ты не увиливай! Ты скажи, что осталось на трубе?

- Наверно, "И"? - Отец пожал плечами.

- Вот ты рассуждаешь как раз примитивно, - важно сказал Сережка. - Предположим, "А" - это трубочист, "Б" - печник. Если они оба свалились,как же могло остаться "И"? Это не предмет, его нельзя потрогать или уронить. - Сергей сделал маленькую паузу и хитро улыбнулся. - Но ты тоже прав. Раз ты не сбросил с трубы "И", ты его заметил. Значит, это слово несет важную информацию. А именно: оно обозначает тесную связь между объектом "А" и объектом "Б". Хотя это "И" не предмет, оно существует.

- Мудрено, - сказал Павел Антонович, - но мы, кажется, друг друга поняли.

- А по-моему, все очень просто, - продолжал сын. - Каждая буква, каждое слово, даже вещь, даже ветер или солнце несут свою информацию. Ты,например, читаешь газету и узнаешь новости. Я решаю задачу, применяю формулы и нахожу ответ. Где-то в море капитан ведет корабль и смотрит,какие волны, какой ветер. Все мы делаем одно и то же: берем какую-то информацию и работаем.

Из этой "ученой" речи отец сделал неожиданный вывод:

- Значит, если ты приносишь тройку и говоришь "я все знал", надо верить не твоим словам, а результату, дневнику. Очень мудрое правило!

- Ну, теперь у меня не будет ни одной тройки, - убежденно сказал Сергей. - Я буду изучать все машины.

Отец засмеялся, обхватил Сережку за плечи, закружил по комнате:

- Ах ты, предводитель роботов и государственный человек! Хочешь ужинать? Есть вкусный компот.

- Какой компот! Подожди! Я не сказал самого главного. Я еще не выбрал, кем мне быть: программистом или монтажником?

Они проговорили весь вечер, но так и не решили, что же лучше. Сережка не знал, кем же ему стать - инженером или математиком? На кого учиться - на вычислителя-программиста или на монтажника этих быстро соображающих машин?

Будь Сережка монтажником, он бы уже через год стоял в белом халате над чертежами, собственными руками собирал блоки машин - маленькие электронные организмы. Захочет - и научится делать какую угодно машину.

Автомат для варки стали, или диспетчера самоходных комбайнов, или справочник для врача. Можно и телевизионный аппарат, который ведет репортаж из космоса, и со дна океана, и из-под земли.

Одно лишь неудобство смущало Сыроежкина: его белый халат должен быть всегда идеально чист. Любая соринка, пушинка, обыкновенная пыль могли испортить при сборке всю машину. А следить за какими-то пушинками и соринками не в характере Сыроежкина.

Ученики-программисты проводили школьные часы иначе: на доске и на бумаге атаковали уравнения и задачи. Ведь они должны были составлять на языке математики программы работы для тех машин, которые собирали монтажники. Может быть, на первый взгляд это было не так интересно, как рождение всемогущих автоматов, но математики с великим азартом вели сражения. Они ни за что на свете не променяли бы свое оружие - теоремы и формулы - и были очень горды, когда выходили победителями.

Итак, схемы или формулы? Это надо было решить окончательно не сейчас,не сегодня, а осенью. Но Сережку то и дело раздирали противоречивые желания. Бывали дни, когда в нем вспыхивала страсть к математике, и он часами сидел над учебниками. С гордостью показывал Сергей отцу, как он расправился с труднейшими задачами, и они начинали играть, составляя уравнения из самолетов и автомобилей, зверей зоосада и деревьев в лесу.

А потом совершенно незаметно страсть к математике испарялась, и Сыроежкина притягивали, как магнит, двери лабораторий. Выбрав удобный момент, он входил в них вместе с чужим классом, садился в уголке, наблюдал, как возятся с деталями старшие ребята. Поетгудит песню счетная машина, горят угольки ее глаз, и Сыроежкин чувствует себя хорошо.

После таких увлечений техникой неизбежно бывают неприятности: отец должен расписаться в дневнике. Павел Антонович укоризненно смотрит на сына и качает головой. Сергей отворачивается, внимательно рассматривает книжный шкаф, пожимает плечами:

- Ну, не вышла задача... Что тут такого? Дурацкие пешеходы. Идут, отдыхают, садятся на поезд...

- А теперь ты ее решил?

- Решил, - скучно говорит Сережка. - Вообще не могу я долго возиться с уравнениями... Голова болит.

Но никакие отговорки не помогают, приходится сидеть над задачником.

Сережка читает и перечитывает пять строк о садовнике, собравшем богатый урожай яблок и груш, а сам думает о собаке, которая в темноте долго бежала за ним. Он тихонько свистел ей и все оглядывался: бежит ли? Собака то трусила следом, то останавливалась, садилась и как-то тоскливо смотрела на Сережку. У нее был белый треугольник на груди, одно ухо торчком,а второе будто сломано посредине.

У подъезда Сережка приготовился взять ее на руки, но она чего-то испугалась, отскочила и убежала.

Сережка опять тупо смотрит в задачник, катает по столу ручку. Потом захлопывает книгу, быстро складывает все в портфель. Он нашел самое простое решение: "Спишу у Профессора".

Профессор, или Вовка Корольков, - сосед Сыроежкина по парте. Его тетради - хоть сейчас на выставку или в музей: ни клякс, ни исправлений,одни аккуратные мелкие буквочки и цифры. Да и самого хозяина тетрадей можно демонстрировать в музее. Профессор знает про все на свете, начиная от моллюсков и кончая космосом. Но он не задается, никогда не задирает нос перед товарищами. Для него самое главное в жизни - это математика.

Увидев какое-нибудь уравнение, Профессор забывает обо всем на свете. Правда, когда Сережка не может справиться с задачкой, Профессор спускается со своих высот и подсказывает решение. Для этого его нужно как следует толкнуть в бок.

Но особой дружбы между соседями не было. Профессор дружил с Макаром Гусевым, сидевшим на первой парте и заслонявшим остальным добрую четверть доски. Забавная это была пара: худой, бледный, самый маленький в классе Профессор, известный запусками самодельных ракет, разными хитроумными выдумками, и здоровенный, румяный, с кулаками, как дыньки, Макар Гусев. Он, Макар, прославлял своего приятеля, а иногда даже подавал ему неожиданные идеи: предлагал делать лыжи с моторчиком, варить лимонное масло и так далее. У Макара тоже не было никаких сомнений в своем будущем. Когда заходила об этом речь, он демонстрировал свои мышцы и говорил: "Само собой, буду возиться с машинами. Вот у Профессора голова особенная. Путь он и ломает ее. А я чихал на эти премудрости".

Если Профессор был симпатичен Сережке, то верзила Гусев попортил ему немало крови. Фамилия Сережки с первой же встречи показалась Макару чересчур забавной и потом просто не давала ему покоя, словно щекотала.

- Привет, Сыроежкин! - басом кричал еще издали Макар. - Сыр ешь или не ешь?

Если Сережка отвечал, что он не ест, Макар продолжал:

- Тогда ты должен быть Сыроножкин, Сыроручкин или Сыроушкин!

Сергей пробовал отвечать утвердительно, но и тут Макар не успокаивался и провозглашал:

- Внимание! Идет Сыр Сырыч Сыров, он же Сережка Сыроежкин, большой знаток и любитель всех сортов сыра во всем мире. Скажите, пожалуйста, что вы ели на завтрак?

И тогда Сережка решил ничего не говорить и молча поднимался в класс.

Гусев не отставал от него ни на шаг.

- Послушай, как тебя - Сыроглазкин? Я вчера забыл твою фамилию и мучился всю ночь. Сырокошкин? Сыромышкин? Сыросороконожкин?

Иногда Сережка так злился на приставалу, что был готов его ударить.Но начинать первому не хотелось, а верзила ни с кем не дрался. Оставалось перенять метод у противника. И Сережка на уроках осторожно водил мелом по спине Макара - ведь она торчала прямо перед ним. Класс посмеивался, созерцая слово "Гусь", а Макар подозрительно оглядывался. На переменке он гонялся за Сережкой, но поймать более верткого обидчика не мог и издали грозил кулаком-дынькой.

Эти маленькие обиды мгновенно забывались, прекращались короткие потасовки в углах, когда появлялись Виктор Попов и Спартак Неделин из девятого "А". При всем желании нельзя было отыскать в школе такого человека,который бы не знал выдающихся математиков. О них

ходили легенды.Мальчишки табуном следовали за знаменитой парой и передавали друг другу новости:

- Ребята, Неделин свалил замечательное неравенство! Все бились - и ничего, а он взял и свалил. А Спартак зато доказал труднейшую теорему!

Знаменитости между тем не обращали на пышную свиту ни малейшего внимания. Они неторопливо прогуливались по залу и загадывали друг другу музыкальные задачки: тихонько насвистывали или напевали мелодии и угадывали композитора. Потом звенел звонок, двери девятого "А" закрывались, и школа ждала новостей.

Новости бывали самые разные:

- Слышали? Неделин весь урок с учителем спорил. Тот доказывает свое,а этот - свое. Так до самого звонка и говорили.

- Хорошо ему, он все знает. А тут не успеешь спокойно посидеть на месте, как уже тянут к доске.

- Видели, Спартак надел красную майку? Под рубашкой просвечивает. Опять забьет голы биологам!

- Ну и что? Там учатся одни девчонки. А ребят - раз-два и обчелся. И все хилые. Не мудрено их обыграть... Вот Попов скрипку новую купил! Такие концерты закатывает, что все соседи не спят.

- Да я сам живу под Спартаком. На два этажа ниже. Знаешь, как он гремит на рояле! Что твоя скрипка! Рояль на все десять этажей слышно.

- Что ты очки нацепил? Не на Витьку ли Попова хочешь быть похож? Ваш Витька слабак, футбол не гоняет. Смотри, зачахнешь с этими очками. Лучше грамм здоровья, чем тонна знаний.

- Сам ты слабак! Я делаю зарядку каждый день. И прыгнул дальше тебя!

Как видите, поклонники математики из всех классов разделились на два лагеря. Одни подражали задумчивому, серьезному Попову, иронически смотрящему на шумные развлечения. Обожатели живого, мускулистого Спартака восхваляли спорт и пытались сочинять стихи, кто знает - лучше или хуже тех, которые Неделин печатал в каждом номере стенгазеты. Единственное, на чем сходились два лагеря, что математика - основа всей жизни.

Сыроежкин, конечно, был сторонником веселого Спартака, хотя тот и не оказывал ему никаких знаков внимания. А Попова семиклассник сторонился после одного происшествия. Сережка бежал по коридору, как вдруг резко распахнулась дверь и треснула его по голове. Случайный виновник этого удара - Виктор Попов - был, видимо, занят своими мыслями. Он и не взглянул на пострадавшего, лишь бросил на ходу:

- Эй, малыш, осторожнее!

Тут Сережка взбесился. Не потому, что получил здоровенную шишку на лбу. Его взбесило само обращение.

- Какой большой нашелся!.. - процедил он сквозь зубы. - Как дам сейчас по очкам, чтоб смотрел, куда идешь!

Попов остановился, с удивлением оглядел незнакомую фигуру и неожиданно спросил:

- Эй ты, забияка, скажи мне лучше, что такое "Альджебр и аль-мукабала"?

Сергей ничего не ответил. Он пошире расставил ноги и сунул руки в карманы брюк.

- Пора бы знать, что это - математическое сочинение девятого века,которое дало название алгебре. - Попов глядел на забияку с явной иронией. - И между прочим, молодой человек, профессора, которые навещают нашу школу, называют меня коллегой. Слышал? Коллегой.

На этом, собственно, столкновение кончилось.

Витька Попов давным-давно все забыл. А Сыроежкин помнил. И быть может, именно после того случая он придумал такую историю.

Вот он через два года - никому не известный девятиклассник – приходит в университет на математическую олимпиаду. Берет лист бумаги, читает условия задач. Десять минут - и он подает комиссии исписанный листок. В зале скрипят вовсю перья, но он удаляется, даже не оглянувшись. Комиссия читает его работу и дивится: "Кто такой этот Сыроежкин? Никогда не посещал математических кружков, не присутствовал на заседаниях секции и так легко, играючи нашел свои остроумные решения. Даже странно, что для него не существует неразрешенных задач..."

А на другой день повесят плакат:

"Первое место занял ученик девятого класса Сергей Сыроежкин. Почет и слава!.."

Витька Попов узнает об этом и протягивает руку примирения: "Извини,коллега. Такие задачи не мог решить даже я..."

А что? Разве не может так быть? Сережка читал в одной книге, что знаменитая теорема Стокса появилась на свет, когда Стокс был студентом и отвечал на экзамене самому Максвеллу. С тех пор теорема носит его имя. И теорема Релея доказана тоже на экзамене. Так почему же не может быть открыта когда-нибудь теорема Сыроежкина?..

Но чаще всего, когда Сергей задумывается, кем ему быть, мысли его скачут в полном беспорядке, и он удивляется своему непостоянству.

"Почему ни с того ни с сего я начинаю думать про Антарктиду, про марки Мадагаскара и забываю, что надо идти в школу? - философствует в такие минуты Сыроежкин. - Я могу думать или не думать, учиться или лениться, делать что-нибудь или совсем ничего не делать. Почему, если я захочу, все выходит быстро и хорошо - и уроки, и уборка дома, и кросс. Захочу - и не буду ни математиком, ни инженером, а буду шофером, или геологом,или, как отец и мать, конструктором. На уроках географии меня так и тянет уехать на Север, работать там на заводе и отдыхать в стеклянном санатории. А на истории - раскапывать скифские курганы, искать стрелы, щиты, копья и разгадывать древние пергаменты. И конечно, всегда хочется быть космонавтом!.. Почему я такой, что сам себя не могу понять?"

И Сережка спрашивает отца:

- Пап, а как ты узнал, что хочешь быть конструктором?

Он спрашивает это, наверно, в сотый раз, хотя заранее знает все: как отец окончил школу, потом работал шофером на сибирской стройке - водил здоровенные самосвалы, потом поступил в автостроительный и там встретил маму. И пока Павел Антонович - наверно, в сотый раз - с удовольствием вспоминает молодость, Сережка думает о своем: "Почему-то раньше все было просто. Люди знали, кем они хотят быть, на кого надо учиться. А тут стоишь, как Илья Муромец перед камнем, и не знаешь: налево пойдешь, направо пойдешь или прямо пойдешь? Даже тоска берет..."

И он опять вспомнил ту самую собаку, которая бежала за ним в темноте. Так долго бежала, и на тебе - только он хотел подобрать ее, принести домой, как она удрала. Чего она, глупая, испугалась?

- О чем ты думаешь? - спрашивает отец, прервав свой рассказ.

- Пап, а собака - умное существо? Она понимает, что ей говоришь?

- По-моему, понимает. Когда слушается, то понимает.

- А как понять человеку, что она чувствует?

- Наверно, надо научить ее говорить, - шутит отец.

- Пап, ты больше не рассказывай. Я все уже вспомнил, что было дальше... Пап, я твердо решил: я буду ветеринаром.

- Ну, как знаешь! - Павел Антонович пожимает плечами и уходит из комнаты.

Обиделся, что ли?

- А ветеринар - неплохая специальность! - кричит за стенкой отец.

Нет, не обиделся.

Павел Антонович возвращается с томом энциклопедии.

- Сейчас мы прочтем о ветеринарах, - говорит он.

"Неплохая"! - про себя усмехается Сергей, пока отец читает вслух энциклопедию. - Лечить всяких кошек да коров. Ну и занятие!.. Ничего они не понимают, эти взрослые. Скажешь что-нибудь нечаянно, а они уже развивают. А что хочется узнать на самом деле, так они этого не знают. Да и откуда им знать, как понимать собачьи чувства!.. Что же все-таки хотела та бездомная дворняга? Почему она убежала?"

Вопросы

1. Какова тема и идея фантастической повести писателя «Электроник — мальчик из чемодана. Повесть-фантазия»?
2. Какие проблемы поднимает повесть?
3. С какой целью в город прибыл кибернетический мальчик Электроник?
4. Что необычного в образе Сережи Сыроежкина находит юный читатель?
5. Какие элементы сюжета и композиции указывают на фантастичность происходящего?

ГЛАВА 11. ПРИРОДОВЕДЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 60-80-Х ГОДОВ

ГЕННАДИЙ ЯКОВЛЕВИЧ СНЕГИРЕВ (1933 - 2004)

Куколка

Однажды я гулял в лесу. Было тихо, только дятел где-то долбил дерево да синицы попискивали. И трава и ветки на деревьях были белые от инея. Вода в речке была черная. Я стоял на берегу, смотрел, как белые снежинки тают в черной воде, и думал: «А где же теперь рыбы? А летучая мышь? А бабочки? Рыбы сидят в ямах на дне. Летучая мышь где-нибудь в дупле спит. А бабочки зимой не могут спать: они маленькие и нежные, сразу замерзнут». И я стал искать бабочек. Пускай не живых, а которые от холода умерли. И в траве смотрел. И норку мышиную раскопал, нашел там крылышко от жука. И под кочкой искал. Нигде нет мертвых бабочек.

Под соснами, во мху, остался гриб, весь сморщенный. Я его стал выкапывать и в земле нашел коричневую, вроде сучка, куколку. Только на сучок она не похожа. Она похожа на бабочку без крыльев, без ножек и твердая.

Дома я показал куколку отцу. Он спросил, где я ее нашел. Я сказал, что под сосной.

— Это соснового шелкопряда куколка, — сказал отец.

Я спросил:

— Она совсем мертвая?

— Нет, не совсем. Была живая, сейчас мертвая, а весной… увидишь.

Я очень удивился: «Была живая, сейчас мертвая, а весной… Разве мертвые оживают?»

Куколку я положил в спичечную коробку, а коробку спрятал под кровать и забыл про нее.

Весной, когда снег растаял и лес стал зеленый, я проснулся утром и слышу: кто-то шуршит под кроватью. Я подумал: мышь. Посмотрел под кровать, там мыши нет, только спичечная коробка валяется. В коробке кто-то шуршит, шелестит. Я открыл коробку. Из нее вылетела золотистая, как сосновая чешуйка, бабочка. Я даже не успел ее поймать. Я не понял, откуда она. Ведь в коробке была мертвая куколка, твердая, как сучок.

Бабочка вылетела в окно и полетела к соснам на берегу реки. В лесу пели птицы, пахло травой, кричал петух, а я смотрел на пустую спичечную коробку и думал: «Она же была мертвая, мертвая!»

Вопросы

1. Как синтаксический строй предложений помогает понять,что повествование идет от лица мальчика?
2. Какие черты ребенка младшего школьного возраста раскрыты в этом рассказе?

Бабочка на снегу

Когда я вышел из избушки, то ружье зарядил мелкой дробью. Думал, рябчика встречу — подстрелю на обед.

Тихо иду, стараюсь, чтобы снег под валенками не скрипел. Вокруг елки мохнатым инеем покрыты, как бородой.

Вышел я на полянку, смотрю — впереди под елкой что-то черненькое.

Поближе подошел — а это коричневая бабочка сидит на снегу.

Вокруг сугробы намело, мороз трещит — и вдруг бабочка!

Повесил я ружье на плечо, снял шапку и стал еще ближе подходить, хотел ее накрыть шапкой.

И тут снег у меня под ногами взорвался — порх-порх! — и три рябчика вылетели.

Пока я снимал ружье, они скрылись в елках. Остались от рябчиков только ямки на снегу.

Походил я по лесу, поискал, да разве теперь их найдешь.

Притаились на елках, сидят и надо мной смеются.

Как это я рябчиный хохолок за бабочку принял?

Это же рябчик высунул головку из-под снега, чтобы за мной подглядывать.

В другой раз не буду зимой бабочек ловить.

Вопросы

1. В чем художественные особенности рассказа?
2. Каким вы представляете себе образ рассказчика в этом произведении?

Ночные колокольчики

Мне очень хотелось увидеть оленя: рассмотреть, как он есть траву, как стоит неподвижно и прислушивается к лесной тишине.

Однажды я подошел к оленихе с олененком, но они почуяли меня и убежали в красные осенние травы. Я узнал это по следам: следы в болоте на моих глазах наполнялись водой. Слышал, как трубят олени по ночам. Где-нибудь далеко протрубит олень, а по реке доносит эхом, и кажется — совсем рядом.

Наконец в горах я набрел на оленью тропу. Олени протоптали ее к одинокому кедру. Земля у кедра была соленая, и олени приходили ночью лизать соль.

Я спрятался за камнем и стал ждать. Ночью светила луна и был мороз. Я задремал.

Проснулся я от тихого звона. Как будто звенели стеклянные колокольчики. По тропе мимо меня шел олень. Я так и не рассмотрел оленя, только слышал, как с каждым шагом звенела земля у него под копытами.

За ночь от мороза выросли тонкие ледяные стебельки. Они росли прямо из земли. Олень разбивал их копытами, и они звенели, как стеклянные колокольчики.

Когда взошло солнце, ледяные стебельки растаяли.

Вопросы

1. С какой целью в рассказе используются метафоры и сравнения? Назовите их.
2. Почему рассказ называется «Ледяные колокольчики»?

Белёк

Куда ни глянешь, вокруг одни льды. Белые, зеленоватые, блестящие на солнце. Я стал вглядываться в узкую полоску воды, которую разрезал во льдах наш корабль.

И вдруг я увидел два черных глаза. Они смотрели на меня со льдины, медленно проплывавшей мимо.

— Стой! Стой! Кто-то за бортом! — закричал я.

Корабль замедлил ход и остановился. Пришлось спустить шлюпку и вернуться к льдине.

Льдина была покрыта искрящимся снегом. И на снегу, как на одеяле, лежал белёк — детеныш тюленя.

Тюлени оставляют своих малышей на льду, и только утром приплывает к бельку мать, покормит молоком и опять уплывает, а он весь день лежит на льдине, весь белый, мягкий, как плюшевый. И если бы не большие черные глаза, я его не заметил бы.

Положили белька на палубу и поплыли дальше.

Я принес ему бутылочку молока, но белёк пить не стал, а пополз к борту. Я оттащил его обратно, и вдруг из его глаз покатилась сначала одна слеза, потом вторая, и так и посыпали градом. Белёк молча плакал. Матросы зашумели и сказали, что надо скорее положить его на ту льдину. Пошли к капитану. Капитан поворчал-поворчал, но все же развернул корабль. Льды еще не сомкнулись, и по водяной дорожке мы пришли на старое место. Там белька снова положили на снежное одеяло, только на другую льдину. Он почти перестал плакать. Наш корабль поплыл дальше.

Вопросы

1. Как повествование от 1-го лица помогает понять позицию рассказчика?
2. Какие чувства возникают при чтении рассказа «Белек»?
3. В каких отношениях находятся человек и природа в рассказах Г.Снегирева?

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ СЛАДКОВ (1920- 1996)

Хитрющий зайчишка

В жизни не видал такого хитрого зайца!

Да и что сказать: не будь он так хитер, давно бы попал орлу в когти или кому-нибудь из хищных зверей в зубы.

Лисиц, волков, рысей здесь множество, и они переловили всех зайцев на этом склоне горы. Остался один — Рваные Ушки.

Уши нарвал ему беркут — горный орел — за неосторожность. С тех пор зайчишка и стал таким умным.

Беркут был молодой, неопытный. Старый орел падает прямо на спину зайцу и ломает ему хребет. Молодой догонял зайчишку — и проловил. Вцепился когтями в длинные заячьи уши.

Заяц на бегу вырвал свои уши из страшных орлиных когтей и — шмыг под камни.

Эти камни на склоне лежали грядкой, образуя собой как бы длинную трубу или нору: зайчишке под ней есть где пролезть, а лисе или орлу — никак.

Беркут сел перед входом, сунул в нору шею, а крылья его не пускают. Пришлось отказаться от добычи. Улетел другого зайца ловить — поглупее.

Зайцы не устраивают себе постоянных логовищ, как кролики. Кормятся они ночью.

Начнет светать — заяц поскачет, след свой запетляет, запутает, махнет с него в сторону и заляжет на весь день где-нибудь под камнем или кустиком.

Да не спасли эти хитрости, давно известные всем любителям зайчатины, других зайцев на этом открытом, безлесном склоне горы. Уцелел, говорю, один этот хитрющий зайчишка.

А почему уцелел? Потому что, вопреки всем заячьим обычаям, избрал себе постоянным логовом вот эту самую гряду камней, которая спасла его уже однажды от молодого беркута.

Не раз с тех пор охотились за ним и старые, опытные беркуты. Но зайчишка не отходил далеко от своих камней.

Нырк! — и спрятался под ними.

Пробовали ловить его и волки. Да куда им — таким здоровым-то — подлезть под камни. В кровь себе горбину стерли, а пришлось отступиться.

Пробовала ловить его и страшная рысь — большая пятнистая кошка с маленькой головой и гибким, как у змеи, телом. Во все дыры между камнями совала свой нос. Всюду под камнями вкусно пахло зайчатиной, но ни раздвинуть камни, ни проскользнуть между ними она не могла.

На беду заячью, жили на той горе, как уже сказано, и лисицы.

Уж лисицы-то — самые хитрые звери и зайцев ловить — великие мастера.

Зиму зайчишка Рваные Ушки перезимовал у себя в камнях благополучно.

А весной, как стаял снег, увидали его лисицы: лис и лиска. Они в эту пору года дружно живут, детей выводят. Ну и, конечно, взялись за него вдвоем.

Зайчишка лежал на склоне — пузечко на солнце грел. А сам по сторонам косился: не грозит ли откуда опасность?

Лис к нему ну подкрадываться на согнутых лапках. Да не тут-то было!

Заметил зайчишка, вскочил… Лис за ним как кинется!

А Рваные Ушки прыг, скок — и дома.

Лис стал у входа в зайчишкину нору и ждет.

Рваные Ушки так делал: уйдет тот, кто его ловит, — он подождет немножко и выйдет наружу. Тут-то лис его и хотел схватить.

Но Рваные Ушки так испугался лиса, что пробежал всю длинную трубу, всю свою нору под камнями и выскочил с другой стороны каменной гряды. Так он не раз спасался от волков и рыси. Для них хороша была эта хитрость, а вот для лисиц — не очень-то!

Лис только еще начал подкрадываться к зайчишке, а лиска уже со всех ног бежала к другому концу каменной гряды. Прибежала и стоит у выхода из норы, караулит.

Зайчишке с его умишком где уж про такое догадаться! Он и выскочил из норы — прямо на лиску!

Лиска в это время уже облизывалась: мечтала, как сейчас сладкой зайчатинкой полакомится.

И хорошо, что облизывалась: не успела она язык убрать, зайчишка верть налево кругом — и нырк назад в нору!

Тявкнула лиска с досады, а ничего не поделаешь: сама виновата. Остается только теперь обоим охотникам — лису и лиске — спрятаться и терпеливо дожидаться, когда зайчишка с той или другой стороны каменной гряды выскочит. Правильную осаду держать.

Вот и сидят лисицы: лис — у входа, лиска — у выхода; ждут.

А зайчишка Рваные Ушки, не будь глуп, взял да высунул голову из дырки между камнями посередине гряды. Поглядел он в одну сторону — там лис караулит, за камень прячется. Поглядел в другую — там лиска за кустом сидит, караулит.

Видят и лисицы: высунутся вдруг посреди гряды длинные заячьи уши с черным пятнышком на конце, крутнет ими заяц в одну сторону, крутнет в другую — и опять уши спрячутся.

Поняли: надо снимать осаду. Видно, там у зайчишки между камнями трава растет. Закусывает он ею. Его и измором не возьмешь.

И ушли лисицы восвояси.

Вот до чего хитрющий зайчишка: двух лисиц провел и цел остался!

Вопросы и задания

1. Объясните цель частого употребления автором восклицательных знаков и тире.
2. Как название произведения характеризует отношение автора к персонажу?

Серьезная птица

В лесу у болота колония цапель. Каких только цапель нет! Большие и маленькие: белые, серые, рыжие. И дневные, и ночные.

Разные цапли по росту и цвету, но все очень важные и серьезные. И больше всех важна и серьезна цапля-кваква.

Цапля-кваква — ночная. Днем она отдыхает на гнезде, а ночью ловит на болоте лягушат и рыбьих мальков.

Ночью на болоте ей хорошо — прохладно. А вот днем на гнезде — беда.

В лесу духота, солнце печет. Кваква сидит на краю гнезда, на самом припеке. Клюв от жары разинула, крылья широкие свесила — совсем разомлела. И дышит тяжело, с хрипом.

Подивился я: серьезная на вид птица, а такая глупая! В тень спрятаться — и на то ума не хватает. И гнездо построила кое-как — у птенцов ноги в щели проваливаются.

Жара. Хрипит на припеке, разинув клюв, кваква. Медленно движется по небу солнце. Медленно передвигается по краю гнезда кваква…

И вдруг кровь ударила мне в лицо — так стало стыдно. Ведь кваква телом своим птенцов от жгучего солнца закрывала!

Птенцам ни холодно, ни жарко: сверху тень, снизу в щели гнезда ветерок поддувает. Сложили они длинные носы свои один на другого, ноги в щели свесили и спят. А как проснутся и есть запросят, кваква полетит на болото ловить им лягушат и мальков. Накормит птенцов и опять на гнездо сядет. Носом по сторонам водит — караулит.

Серьезная птица!

Вопросы

1. Почему автор пишет: «И вдруг кровь ударила мне в лицо — так стало стыдно»? Чем можно объяснить такое чувство?
2. В чем воспитательная сила рассказа?

Синичка необыкновенная

Звонкоголосую и белощекую нашу синицу называют большой или обыкновенной. Что большая, я с этим согласен: она больше других синиц — пухляков, московок, лазоревок. Но что она обыкновенная, с этим я не могу согласиться!

Она поразила меня с первой же встречи. А было это давным-давно. Она попалась в мой западок. Я взял ее в руку, и она… умерла! Только что была живая и резвая, щипала с вывертами за пальцы — и вот умерла. Я растерянно разжал руку. Синичка неподвижно лежала на раскрытой ладони вверх лапками, и глаза затянулись белым. Я подержал ее, подержал — и положил на пенек. И только руку отвел — синичка вскрикнула и улетела!

Какая же она обыкновенная, если такая необыкновенная обманщица! Захочет — умрет, захочет — воскреснет.

Потом я узнал, что многие птицы впадают в какое-то странное оцепенение, если их положить спинкой вниз. Но у синички это получается лучше всех и часто спасает ее от неволи.

Вопросы

1. Каким образом писателю удается привлечь внимание ребенка к экологическим проблемам современности?
2. Почему автор называет синичку необыкновенной?

Новый голосок

Три яичка лежали в гнезде чайки: два неподвижно, а третье шевелилось. Третьему не терпелось, оно даже посвистывало! Будь его воля, оно бы так и выскочило из гнезда и, как колобок, покатилось бы по бережку!

Возилось яичко, возилось и стало тихонько похрустывать. Выкрошилась на тупом конце дырочка. И в дырочку, как в оконце, высунулся птичий нос.

Птичий нос — это и рот. Рот открылся от удивления. Еще бы: стало вдруг в яйце светло и свежо. Глухие доселе звуки зазвучали властно и громко. Незнакомый мир ворвался в уютное и скрытое жилище птенца. И чайчонок на миг оробел: может, не стоит совать свой нос в этот неведомый мир?

Но солнце грело ласково, глаза привыкли к яркому свету. Качались зеленые травинки, плескали ленивые волны.

Чайчонок уперся лапками в пол, а головой в потолок, нажал, и скорлупа расселась. Чайчонок так испугался, что громко, во все горло крикнул: «Мама!»

Так в нашем мире одной чайкой стало больше. В хоре голосов, голосищ и голосишек зазвучал новый голосок. Был он робок и тих, как писк комара. Но он звучал, и его слышали все.

Чайчонок встал на дрожащие ножки, поерзал шерстинками крыльев и смело шагнул вперед: вода так вода!

Минует ли он грозных щук и выдр? Или путь его оборвется на клыках первой же хитрой лисы?

Крылья матери-чайки распластались над ним, как руки, готовые прикрыть от невзгод.

Покатил в жизнь пушистенький колобок.

Вопросы

1. В чем Н.Сладков продолжает традиции природоведческой литературы 20-50-х годов?
2. Какие чувства у вас вызывает рассказ «Новый голосок»?

ГЛАВА 12. СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ СЕРГУНЕНКОВ (род.в 1931 г.)
Куда лето прячется

Когда-то на земле не было зимы, а было одно лето. Что это была за прекрасная пора: земля была мягкой как пух, вода в речке - тёплой, деревья росли круглый год, листья не сбрасывали и были вечно зелены! Так продолжалось до тех пор, пока однажды зима не обиделась.

- Что же это такое, - говорит, - всё лето и лето, пора и совесть знать.

Стала зима лето теснить, а куда лету деваться? Бросилось лето в землю, а землю мороз сковал. Кинулось в реку - река льдом покрылась.

- Погибаю, - говорит, - некуда мне деться. Убьёт меня зима.

Тут говорят лету почки на деревьях:

- Иди к нам, мы тебя спрячем.

Лето и спряталось в почки деревьев, укрылось от холодной зимы.

Ушла зима. Засветило солнце, зажурчали ручьи. Почки на деревьях набухли и раскрылись. А как только они раскрылись - вырвалось, выкатилось лето на волю. Пришло лето на землю.

С тех пор лето от зимы в почки деревьев и прячется. А придёт весна, появятся на деревьях новые листья - говорят люди:

- Лето пришло!

Вопросы

1. В чем особенность сюжета и композиции этой сказки?
2. Как в сказке «Куда лето прячется» автору удалось учесть читательские предпочтения детей младшего школьного возраста?

Одуванчик

Жил одуванчик. Рос он на обочине дороги, а мимо него каждый день проезжали машины, проносились мотоциклы с мотоциклистами в касках, ехали велосипедисты, брели пешеходы с тележками, тачками, с рюкзаками, в сапогах, тапочках и просто так, босиком. Люди спешили по своим делам или путешествовали, глазея на мир, и одуванчику было завидно, что все вокруг него куда-то торопятся, спешат, а он стоит на месте.

Днём одуванчик грелся на солнце, а ночью крепко запирал окна и двери и укладывался спать.

Ночью снились ему счастливые сны. Ему снился солнечный день, ясное небо, снилось, будто путешествует он по земле, глядит на реки, на горы, на города и деревни. Сны были очень приятные. Утром, когда всходило солнце, одуванчик с трудом протирал заспанные глаза, поскорей распахивал окна и двери и выглядывал наружу, желая убедиться, не путешествовал ли он наяву. Но всё было по-прежнему: и обочина дороги, и дорога, и машины, идущие по ней, и сам одуванчик на старом месте.

Однажды, путешествуя во сне, одуванчик так заспался, что проспал много дней подряд, а когда проснулся, увидел, что стал совсем седой.

"Вот и жизнь моя прошла, - подумал одуванчик, - а я так и не попутешествовал".

Днём по дороге шла в школу девочка.

Увидела она белый одуванчик, наклонилась и сорвала его.

- Лети, одуванчик, - сказала девочка и дунула на его белую шляпку. Пушинки одуванчика оторвались от шляпки и полетели. Порыв ветра подхватил их и понёс по всему свету.

Вопросы

1. Как Б.Сергуненкову удается «очеловечить» одуванчик?
2. Каким образом содержание произведения связано с реальной жизнью и жизнью природы?

Кот белый - кот черный

Жила бабка, и было у неё два кота. Один кот белый, а другой кот чёрный. Чёрный кот ловил белых мышей, а белый кот ловил чёрных мышей. Чёрные мыши ели белый хлеб, а белые мыши ели чёрный хлеб. Чёрный хлеб пекли в белой печке, а белый хлеб пекли в чёрной печке. Чёрная печка стояла в белой избе, а белая печка стояла в чёрной избе. Чёрная изба стояла у белой речки, а белая изба стояла у чёрной речки. Чёрная речка текла из белого леса, а белая речка текла из чёрного леса. Чёрный лес рос днём, при солнце, а белый лес - ночью, при луне. Выпустит бабка из избы белого кота - день наступает, а выпустит чёрного кота - приходит ночь.

Вопросы

1. Как прием антитезы помогает созданию образов белого и черного кота?
2. В чем заключается иносказание?

Неспетая песнь

Жил гусь. Рано утром выплыл он на середину озера и увидел в воде самого себя. Очень гусь сам себе понравился. Встрепенулся он, расправил крылья. Захотелось гусю спеть про себя песню.

«Ах какой я красивый, какой я прекрасный, — так захотелось спеть гусю. — Тополя я стройнее, снега белее, выше самой высокой горы, лапки мои солнца краснее, глаза чище озёрной воды».

Но потом он огляделся вокруг и говорит:

— Не буду я петь о себе песнь. Тополь меня стройнее, снег белее, гора выше, солнце краснее лапок, озёрная вода чище глаз.

Застыдился он и не спел свою песнь. А жаль. Всё-таки это был великолепный гусь.

Ростом он был как гора. Бел как снег. Строен, как тополь. Лапки у него были красны, как солнце. Глаза чисты, как озёрная вода.

Удивительный был гусь, красивый, прекрасный!

Вопросы

1. О чем сожалеет автор произведения? Разделяете ли вы его мнение?
2. В чем смысл названия сказки?

Нелепица

Жил человек. То ли мужик, то ли баба, то ли взрослый, то ли дитя. Однажды он то ли встал, то ли сел, то ли пошёл, то ли побежал. И вдруг он то ли увидел, то ли услышал, то ли подумал, то ли померещилось ему. То ли бык, то ли корова, то ли свинья, то ли гусь. Тут он то ли испугался, то ли осмелел, то ли заплакал, то ли засмеялся. Случилось это то ли днём, то ли ночью, то ли вечером, то ли утром.

В это время сидел на завалинке кот. Он-то и рассказал нам эту интересную историю.

Вопросы

1. Чем интересна эта нелепица? На каком приеме она построена?
2. Какие нелепицы вы знаете? В чем их педагогическая ценность?

Братья-труженики и лентяй

Жили три брата: двое — труженики, а третий — лентяй. Собрались однажды братья ловить рыбу и говорят лентяю:

— Поедем, лентяй, рыбу удить.

А лентяй им в ответ:

— Лень мне рыбу удить; её из реки вынимать надо. Не поеду.

Как ни уговаривали братья лентяя поехать с ними рыбу удить, тот лежит на печи да твердит своё: «Лень, не поеду».

Рассердились братья на лентяя и говорят:

— Ладно, будь дома, да не лежи всё время на печи, потрудись хоть немного — пол подмети. А мы тебе за это леща привезём.

Взяли братья удочки и уехали ловить рыбу. А лентяй дома остался. Лежит он на печи, в потолок плюёт. Час лежит, другой — на третий скучно ему стало на печи лежать, он и думает: «Приедут братья с рыбалки, увидят, что пол не метён, — не дадут мне леща. Уж как ни лень, а надо пол подмести».

Слез он нехотя с печи, за веник взялся, пол подмёл и думает: «Приедут братья с рыбалки и скажут: „Мы весь день рыбу удили, а ты, лентяй, мало наработал, только пол подмёл, не дадим тебе леща“».

Подумал лентяй: что бы ещё такое сделать? Вышел во двор, смотрит — ограда во дворе покосилась.

Взялся лентяй ограду ставить. Поставил ограду и думает: «Приедут братья и скажут: «Мы весь день рыбу удили, а ты баклуши бил, не дадим тебе леща».

Задумался лентяй: что бы ещё сделать? Видит, у колодца сруб сгнил, совсем обвалился. Принялся он новый сруб в колодце ставить. Новый сруб поставил, видит — хлев без крыши стоит. Настелил новую крышу в хлеву, видит — дров на зиму нет. Дров из леса привёз, воды из колодца наносил, картошку в огороде выкопал, навоз в поле свёз, корову подоил, кур покормил, коня попас, грязную посуду помыл, бельё постирал — уж он всю работу по хозяйству сделал.

Приехали братья с рыбалки, привезли леща и говорят:

— На, лентяй, леща. Свари нам похлёбку.

Вопросы

1. Какие мотивы и сюжеты русских народных бытовых сказок использует Б.Сергуненков в этой сказке?
2. Почему автор использует слово «лентяй» для характеристики младшего брата?

ГЕННАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЦЫФЕРОВ (род.в 1930 г.)

Град

В тот град он тоже спрятался, но вдруг подумал: «Да, я сижу в домике и мне не больно, но домику-то ведь больно. Надо его спрятать».

Ослик залез на крышу и закрыл домик зонтиком.

- Все хорошо, - сказал он.

Но вдруг опять подумал: «Теперь мне не больно, но зонтику, наверное, больно. Как же быть?»

- Глупый ослик, - заворчал медвежонок.
- Всех от града никогда не спрячешь. Кому-нибудь да будет больно.
-Если так, - сказал ослик, - пусть больно будет мне.

И он сделал над зонтиком крышу и стал по ней бегать – защищать ее от града.

Наконец, град кончился. Медвежонок пожал ослику ушко и сказал:
- Ты очень добрый…
- Что ты, что ты, - замахал на него ослик ушами, - просто я жалкий ослик и мне всех жалко.

Вопросы

1. Почему произведение называется «Град», хотя речь в нем идет об ослике и медвежонке?
2. Как вы понимаете смысл последней фразы ослика: «…просто я жалкий ослик и мне всех жалко»?

Про чудака лягушонка

Сказка первая

Однажды лягушонок сидел у реки и смотрел, как в голубой воде плавает жёлтое солнышко. А потом пришёл ветер и сказал: "Ду". И по реке и по солнышку пошли морщинки. Рассердился тут ветер и сказал ещё раз: "Ду, ду, ду". Очень сильно. Он, видимо, хотел разгладить морщинки, но их стало больше. И тут рассердился лягушонок. Он взял прутик и сказал ветру: "А я тебя прогоню. Ты зачем морщишь воду и любимое солнышко?" И он погнал ветер, погнал через лес, через поле, через большую жёлтую канаву. Он гнал его в горы, где пасутся козы и овцы. И весь день там лягушонок скакал за ветром и махал прутиком. Кто-то думал: он отгоняет пчёл. Кто-то думал: он пугает птиц. Но он никого и ничего не пугал. Он был маленький. Он был чудак. Просто скакал в горах и пас ветер.

Сказка вторая

А вчера в гости к лягушонку пришла рыжая корова. Помычала, покачала умной головой и вдруг спросила: "Простите, зелёный, а что бы вы стали делать, если бы вы были рыжей коровой?" - Не знаю, но мне почему-то не очень хочется быть рыжей коровой. - А всё-таки? - Я всё равно бы перекрасился из рыжего в зелёный. - Ну, а затем? - Затем я отпилил бы рожки. - А зачем? - Чтобы не бодаться. - Ну, а потом? - Потом я подпилил бы ножки. Чтобы не лягаться. - Ну, а потом, потом? - Потом бы я сказал: "Посмотрите, ну какая я корова? Я просто маленький зелёный лягушонок.

Сказка третья

Наверное, он всю жизнь был бы маленьким, но однажды случилось вот что. Каждый знает, что он ищет. А что искал лягушонок, он и сам не знал. Может быть, маму; может быть, папу; а может быть, бабушку или дедушку На лугу он увидел большую корову. — Корова, корова, — сказал он ей, — а ты хочешь быть моей мамой? — Ну что ты, — замычала корова. — Я большая, а ты такой маленький! На реке он встретил бегемота. — Бегемот, бегемот, ты будешь моим папой? — Ну что ты, — зачмокал бегемот. — Я большой, а ты маленький!.. Медведь не захотел стать дедушкой. И здесь лягушонок рассердился. Он нашёл в траве маленького кузнечика и сказал ему: — Ну вот что! Я — большой, а ты маленький. И всё равно я буду твоим папой.

Сказка четвёртая

А что такое бабочки? — спросил кузнечик. — Цветы без запаха, — ответил лягушонок. — Утром они расцветают. Вечером они осыпаются. Однажды я видел на лугу: отцвела голубая бабочка. Её крылья лежали на траве — их гладил ветер. Потом пришёл я и тоже погладил. Я сказал: "Откуда эти голубые лепестки? Наверное, облетает голубое небо". Если голубое небо облетит — оно станет розовым. Если голубое небо облетит — расцветёт солнце. А пока мы должны сидеть на лугу и гладить голубые лепестки.

Сказка пятая

Каждый хочет быть больше. Вот козлик — он хочет быть бараном. Баран хочет быть быком. Бык — слоном. А маленький лягушонок тоже хотел стать больше. Но как, как это сделать? Потянуть себя за лапку? — не получается. За ушко — тоже. А хвостика нет... И тогда он вышел в большое поле, сел на маленький бугорок и стал ждать, когда будет заходить солнце. А когда солнце покатилось к закату, от лягушонка начала расти тень. Вначале она была, как козлик; потом — как баран; потом — как бык; а потом — как большой- большой слон. Тут лягушонок обрадовался и закричал: — А я большой слон! Только большой слон очень обиделся. — И

никакой ты не слон, — сказал он лягушонку. — Это твоя тень — большой слон. А ты, ты просто так — большой чудак на закате дня.

Вопросы

1. Почему лягушонок «чудак»?
2. В чем специфика жанра сказки в творчестве Цыферова?
3. Как в данной сказке отражен внутренний мир ребенка младшего школьного возраста?

ВИКТОР НАУМОВИЧ ХМЕЛЬНИЦКИЙ (род.в 1950 г.)

Снег и скрипка

Шёл снег...

Снег беззвучно опускался па дома и деревья, садился на открытые форточки, как воробей, только не чирикал.

Сидя на форточке, Снег болтал ногами, а так как спинки у форточки нет, часто падал вниз, хватаясь за воздух растопыренными снежинками.

И вот однажды, когда Снег привычно сидел на форточке, до него донеслись звуки скрипки,

Нельзя сказать, что он не слышал их раньше, но сейчас...

"Вот здорово! - подумал Снег.- Если б я тоже так умел!"

И он стал учиться...

Это пока Снег только скрипит.

Вопросы

1. Какова тема и идея сказки «Снег и скрипка»?
2. Какими приемами автор создает образ Снега?

Бабочка и соловей

Все спали, и только соловей пел...

— Для кого ты стараешься?— спросила у соловья бабочка.— Ведь тебя никто не слышит!

А ты? Я пою для тебя! — ответил соловей...

С тех пор и появились ночные бабочки.

Вопросы

1. В чем смысл диалога между бабочкой и соловьем?
2. В чем новизна создания художественного образа в сказке В Хмельницкого?

Рыба

В одном старом море появилась новая Рыба, а как её зовут, никто не знал. И спросить Рыбы не могли — они ведь не умеют разговаривать.

«Вдруг она акула?!» — со страхом думали одни Рыбы.

«А может, она золотая рыбка!» — радовались другие.

«Что бы мы без нее делали? Как мы без неё жили? — удивлялись третьи.— О ней так интересно молчать!..»

Вопросы

1. Каким образом в сказке раскрываются человеческие отношения и понятия о жизни?
2. Каковы жанровые особенности произведения?

Надо было слушаться

Камушек родился у Моря, и вся его Жизнь проходила под сенью матери-Горы...

Рядом плескалось Море, но его дети — Волны, выбегая на берег, тут же убегали обратно, и Камушек все не мог с ними познакомиться.

— И не надо тебе знакомиться,— наставляла Камушек Гора,— Они тебя испортят и погубят!

Но однажды Камушек не послушался и перекинулся... двумя-тремя словами с набежавшей Волной,

Потом перекинулся с другой и вскоре уже смело болтал со всеми Волнами подряд. Болтая с Волнами, Камушек пообтесался, стал не такой угловатый, а со временем даже начал блистать — блестеть на солнце.

«Зря меня пугала мать-Гора»,— думал Камушек, но прошло какое-то время, и наш Камушек вдруг почувствовал, что он становится все меньше и меньше — это Волны продолжали срывать с него песчинки видных лишь им шероховатостей...

— Хватит! — закричал им испугавшийся Камушек.— Я уже достаточно воспитан!

— Нет-нет, что ты,— возразили Волны.— Над тобой ещё работать и работать...

И наш Камушек тут сразу вспомнил, что говорила мать-Гора, и попытался вернуться к ней, но, как вы, наверно, уже догадались, было поздно. Волны так обкатали Камушек, что ему просто печем было цепляться за берег.

Вопросы

1.В чем воспитателый потенциал сказки «Надо было слушаться»?

2.Как писателю удается создать мир счастливого детства?

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ ОРЛОВ (род.в 1936 г.)

Я рисую море

Я рисую море,
Голубые дали.
Вы такого моря
Просто не видали!

У меня такая
Краска голубая,
Что волна любая –
Просто как живая!

Я сижу тихонько
Около прибоя –
Окунаю кисточку
В море голубое.

Вопросы

1. В чем специфика детских стихотворений В.Орлова?
2. Каким вы видите лирического героя этого стихотворения?

Ворона

- Кра! -
Кричит ворона. -
Кража!
Караул!
Грабеж!
Пропажа!
Вор прокрался
Утром рано!
Грош украл он
Из кармана!
Карандаш!
Картонку!
Пробку!
И красивую
Коробку!
- Стой, ворона
Не кричи.
Не кричи ты,

Помолчи.
Жить не можешь
Без обмана -
У тебя ведь
Нет кармана.
- Как?! -
Подпрыгнула ворона,
И моргнула
Удивленно:
- Что ж вы раньше
Не сказали?!
Кар-р-раул!
Кар-р-ман!
Укр-р-рали!

Вопросы и задания

1. Назовите художественные приемы, помогающие созданию образа вороны?
2. Как речь вороны передает особенности ее характера? Какого характера?

Колыбельная для слонёнка

На лесной полянке
Тихо, тихо -
Малыша баюкает
Слониха.
Нежно льётся
Песенка её:
- Баю, баю, СЛОНышко моё!

Вопросы

1. Какие художественные особенности колыбельных песен развивает в своем творчестве поэт?
2. Какие нравственные качества воспитывает поэзия В.Орлова?

ГЛЕБ ЯКОВЛЕВИЧ ГОРБОВСКИЙ (род.в 1931 г.)

Розовый слон

Где баобабы вышли на склон,
Жил на поляне розовый слон.
Может, и был он чуть мешковат,
Добрые уши, ласковый взгляд.

Умные тигры, глупый шакал
Двигались тише, если он спал.
Может и был он чуточку сер...
Обувь носил он сотый размер.

Но наступили дни перемен,
Хитрый охотник взял его в плен.
И в зоопарке пасмурным днем
Стал он обычным серым слоном.

Звери смеются, шутят над ним -
Ай-да красавчик, серый, как дым.
Слон улыбнулся, слон их простил,
Но почему-то слон загрустил.

Миленький слоник, ты не грусти,
В жизни бывают серые дни.
Может быть, просто где-то во сне
Ты прислонился к серой стене.

Зря унываешь, нет в том беды,
Я-то ведь знаю - розовый ты!
Скоро подарит солнце рассвет,
Выкрасит кожу в розовый цвет.

Вопросы

1. Какой образ создает поэт в стихотворении «Розовый слон»?
2. В чем сходство и отличие в изображении животного в зоопарке в стихах С.Маршака и Г.Горбовского?

На дворе играют дети...

На дворе играют дети
в ту
прошедшую войну.
Чью-то бабушку
в берете
клонит медленно
ко сну.
Дети в небо бьют
из пушек,
дети с воздуха
бомбят, -
много сделали игрушек
папы-мамы
для ребят.
Поливает двор машина.
Дяди бьются
в домино...
Дети станут все
большими,
сходят вечером
в кино.
У детей родятся дети,
будет больше их
вдвойне.
...А у бабушки в берете
дети там...
На той войне.

Вопросы

1. В чем патриотическое звучание стихотворения «На дворе играют дети»?
2. Как поэту удалось соединить настоящее, прошлое и будущее в своем стихотворении?

Разговоры о картошке

А самая главная пища
какая?
Ты думаешь -
рыба,
пельмени,
какао?

Печёнка,
сгущенка?
Компот?
Винегрет?
Нет!

А ты не спеши,
ты подумай немножко.
Конечно, дурашка,
конечно - картошка.
... Когда налетели с войною враги,
исчезли
сгущенка,
компот,
пироги.
И хлеба осталось на каждого -
крошка...
Людей выручала
простая картошка.

Вон там в огороде,
где дремлет скамейка,
живет под землёю
большая семейка.
... Копай осторожней картошку, лопата!
Картошка - она ведь не камень, ребята.
Картошка - не пища,
картошка - не блюдо,
картошка - она ведь не овощ,
а - чудо!

Вопросы

1. Какой прием помогает создать атмосферу доверительного разговора?
2. Какие произведения поэта традиционно входят в курс начальной школы?

АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ УСАЧЕВ (род.в 1958 г.)

Планета кошек

Есть где-то Кошачья планета.
Там кошки, как люди, живут:
Читают в постели газеты
И кофе со сливками пьют.
У них есть квартиры и дачи,
Машины и прочий комфорт.
Они обожают рыбачить
И возят детей на курорт.
Летают в заморские страны.
Находят алмазы с кулак.
Сажают на клумбах тюльпаны
И даже разводят собак.
Роскошная жизнь на планете
У кошек, котов и котят!
Но странные жители эти
Всё время о чём-то грустят…
Как много игрушек хороших!
Как много пластинок и книг!..
Вот нет только кошек у кошек.
Ах, как же им грустно без них!

Вопросы

1. В чем идейный смысл данного стихотворения?
2. Как это стихотворение А.Усачева перекликается с произведением Саши Черного «Кошачья санатория»?

Если бросить камень вверх…

Если бросить камень вверх —
Высоко-высоко,
Полетит он прямо вверх —
Высоко-высоко,
Выше крыш и птичьих гнёзд,
Долетит до самых звёзд
И СВАЛИТСЯ ПРЯМО НА ГОЛОВУ
КАКОМУ-НИБУДЬ ИНОПЛАНЕТЯНИНУ!
— Это кто там хулиганит
Высоко в вышине?
Это кто там бросил камень
Прямо на голову мне?
Вот поймаю — отлуплю
Глупого мальчишку!.. —
ЗАКРИЧИТ РАССЕРЖЕННЫЙ
ИНОПЛАНЕТЯНИН, ТРОГАЯ ЩУПАЛЬЦЕМ
ШИШКУ.
— Извините, уважаемый инопланетянин! —
Крикну я ему в ответ.—
Но послал я вам не камень,
А послал я вам привет.
ЭТО — ДРУЖЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ
РАЗУМНЫМ СУЩЕСТВАМ С ДАЛЁКИХ
ПЛАНЕТ!
— Ну тогда другое дело! —
Скажет инопланетянин.—
Я вам очень благодарен! —
Скажет инопланетянин.—
И на дружеский привет
Шлю немедленно ответ!
И пошлёт обратно камень —
Высоко-высоко.
Полетит обратно камень —
Высоко-высоко,
Выше птичьих гнёзд
и крыши,
Выше,
выше,
выше,
выше —
И СВАЛИТСЯ ВАМ ПРЯМО НА ГОЛОВУ!..
Если, бросив камень вверх
Высоко-высоко,
Вы забыли отбежать
Далеко-далеко!

Вопросы

1. Какие мечты и представления детей младшего школьного возраста отражены в этом стихотворении?
2. В чем А.Усачев продолжает традиции поэтов-обэриутов?

Шуршащая песня

Шуршат осенние кусты,
Шуршат на дереве листы.
Шуршит камыш,
И дождь шуршит,
И мышь, шурша,
В нору спешит.
А там тихо-онечко шуршат
Шесть шустрых маленьких мышат…
Но все вокруг возмущены:
— Как расшуршались шалуны!
Шуршат на малышей кусты.
Шуршат им с дерева листы.
Шуршит рассерженный камыш.
И дождь шуршит,
И мама-мышь,
Весь лес шуршит им:
— Шалуны,
Не нарушайте тишины!

Но их не слышат шесть мышат.
Давно мышата не шуршат.
Они легли пораньше спать,
Чтоб не мешать
Большим
ШУРШАТЬ!

Вопросы

1. Какие элементы звукописи использует поэт для создания образа шуршащей природы и леса?
2. Какие открытия делает ребенок, знакомясь с этим стихотворением Усачева?

Весёлая мышка

Весёлая мышка в рояле жила.
Она музыкальною мышкой была.
И часто под звуки рояля
Пищала она: тра-ля-ля-ля!
Хозяин рояля о мышке не знал.
Он топал ногой и по крышке стучал,
Когда начинало в рояле
Фальшиво звучать: тра-ля-ля-ля!
Но вот знаменитый настройщик пришёл
И сразу дефект у рояля нашёл…
— Ах, вот, — он воскликнул, — в чём дело?! —
И мышь от стыда покраснела.
А мастер из сумки достал инструмент
И правильно мышку настроил в момент.
И вот она вместе с роялем
Отлично поёт: тра-ля-ля-ля!
Поют композитор, настройщик и мышь.
Зовут всех троих на гастроли в Париж.
А если там нету рояля,
Им все подпоют: тра-ля-ля-ля!

Вопросы

1. Каким показывает мир детства поэт А.Усачев в этом стихотворении?
2. Какие произведения А.Усачева изучаются в начальной школе? Чем обоснован выбор этих произведений для включения их в хрестоматии по чтению?

МАРИНА ЯКОВЛЕВНА БОРОДИЦКАЯ (род.в 1954 г.)

Убежало молоко

Убежало молоко.
Убежало далеко!
Вниз по лестнице
Скатилось,
Вдоль по улице
Пустилось,
Через площадь
Потекло,
Постового
Обошло,
Под скамейкой
Проскочило,
Трех старушек подмочило,
Угостило двух котят,
Разогрелось - и назад:
Вдоль по улице
Летело,
Вверх по лестнице
Пыхтело,
И в кастрюлю заползло,
Отдуваясь тяжело.
Тут хозяйка подоспела:
- Закипело?
- Закипело!

Вопросы

1. Какие художественные приемы, использованные М.Бородицкой в этом стихотворении, сближают ее поэзию с поэзией К.Чуковского?
2. Почему стихотворение «Убежало молоко» включено в программу изучения в начальной школе?

Первоклассник

Первоклассник, первоклассник
Нарядился, как на праздник!

Даже в лужу не зашёл:
Погляделся — и прошёл.

Уши вымыты до глянца,
Алый гриб на крышке ранца,

Да и сам он как грибок —
Из-под кепки смотрит вбок:

Все ли видят? все ли знают?
Все ль от зависти вздыхают?

Вопросы и задания

1. Назовите психологические особенности возраста ребенка младшего школьника, раскрытые в этом стихотворении.
2. Как стихотворный размер и рифма помогают создать лаконичный и яркий образ первоклассника?

Тётушка Луна

Я возвращался из гостей,
В потёмках шёл пешком,
За мною тётушка Луна
По небу шла бочком.

Я сел в трамвай, трамвай бежал,
По улицам кружа,
Над нами тётушка Луна
Скакала, дребезжа.

Тогда спустился я в метро,
Где ходят поезда,
Отстала старая Луна:
Ей не попасть туда.

...Усталый, прибыл я домой,
Вошёл и в кресло — плюх!
В окошке полная Луна
Переводила дух.

Вопросы

1. В чем смысл названия стихотворения?
2. Как в нем используется прием антропоморфизма?

Три бабушки

Тары-бары,
Трали-вали,
Три бабушки
На бульваре
В салочки играли,
Внуков растеряли,
И вся троица ревет:
Нам от дочек попадет!

Вопросы

1. В чем комизм ситуации, созданной в этом стихотворении М.Бородицкой?
2. Как использование фразы «Тары-бары» наталкивает читателя на понимание того, что произошло с бабушками?

Рыбкин телевизор

Пруд замерз. Каток открыт!
Вальс гремит. Фонарь горит.
Подо льдом вздыхает рыбка
И подругам говорит:

«Поздний час, пора в кровать,
Я детей устала звать

От фигурного катанья
Их никак не оторвать!"

Вопросы

1. Раскройте смысл названия стихотворения «Рыбкин телевизор».
2. О ком говорит поэт в этом стихотворении: о рыбках или о детях?

Булочная песенка

Были два приятеля:
Бублик и Батон.
Ждали покупателя
Бублик и Батон.

Бублику понравился
Школьник в колпачке,
А Батону — бабушка
В бежевом платке.

Бублик в ранец бухнулся
И понёсся вскачь,
А Батон тихонечко
В сетке кач да кач...

Бублик познакомился
С горкой ледяной,
С четырьмя мальчишками,
С девочкой одной.

А Батон — с кастрюльками,
С тёплым молоком,
С бородатым дедушкой,
С рыженьким щенком.

Вопросы

1. В чем специфика стихотворений М.Бородицкой для детей?
2. Какие два взгляда на жизнь даны через образы Бублика и Батона?

НОВЕЛЛА НИКОЛАЕВНА МАТВЕЕВА (род.в 1934 г.)
Пираты

Моя мечта – о мачте,
Волненье – о волне…
Не плачьте,
Не плачьте,
Не плачьте обо мне!
Белая матроска,
Синий воротник…
Матросом быть не просто,
Но я уже привык:
Налажу вёсла-крылья,
Лодку
Наклоню;
Из лодки воду вылью, -
Пиратов догоню.
Но тут приходит мама,

А мама так упряма!
«Куда ты?
Куда ты?
Ведь ты еще мал!
Какие там пираты?!
Ты, братец, опоздал!
Простудишься!
Утонешь!
Пиратов не догонишь!
Пираты были прежде…»
Ау, пираты!
Где же вы?
Лежат на дне морском.
Их черные одежды
Засыпаны песком…
Синие дали,
Ветер затих…
Другие
Догнали
Пиратов моих.
Я плачу,
Я плачу…
А есть на старой даче
Хороший рыжий пёс.
Он никогда не плачет;
Он лает на утес;
Он носит поклажу…
Его зовут Пират.
Пойду его поглажу.
Уж то-то будет рад!

Вопросы

1. Каким настроением проникнуто стихотворение «Пираты»?
2. К кому обращается герой этого стихотворения?
3. Какие детские мечты нашли отражение в тексте стихотворения «Пираты»?
4. Какие стихотворения Н.Матвеевой включены в хрестоматии по чтению?

ТИМ СОБАКИН (род.в 1958 г.)

Мышиный посёлок

На небо вскарабкался лунный осколок.
В подвале проснулся Мышиный посёлок.

Внутри паровоза
послышался свист:
катает мышей
удалой мЫшинист.
На площади - шум
и мышей мышанина.
Повсюду спешат
за мышиной мышина.

Внизу под мышами
шуршит мышура.
Вверху над мышами
жужжит мышкара.

Учёные мышки
полны размышлений.
Мышок мышинально ворут мышенник.

Мышата смышлёные,
спрятавшись в тень,
всю ночь из мышкета
стреляют в мышень.

Но утром опустится лунный осколок.
Уснёт на рассвете Мышиный посёлок.

И мама шепнёт мне:
"Тимоша, вставай!"
А я ей отвечу:
"Я сплю... не мышай..."

Вопросы

1. Как продолжаются традиции поэтов-обэриутов в этом стихотворении Тима Собакина?
2. На каком художественном приеме построено стихотворение «Мышиный поселок»?

Лунная сказка

Снова ночь пришла на небо -
и Луна висит опять.
Лунный Заяц
в сонный город
отправляется гулять.

Он крадётся по бульвару,
на котором шум умолк.
Зайцу Лунному навстречу
ковыляет Лунный Волк.

Рассказав ночные вести
на пустынной мостовой,
будут лакомиться вместе
шоколадною звездой.

А потом наступит утро,
как бывает по утрам.
Лунный Волк
И Заяц Лунный
разбегутся по углам.
Аккуратный дворник Ветер
выйдет с ветреной метлой.
От звезды блестящий фантик
ловко сдует с мостовой.

Вопросы

1. Чем стихотворение «Лунная сказка» сближается с жанром колыбельной песни?
2. Как в стихотворении запечатлен образ детства?

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……..3
ГЛАВА 1. Устное народное творчество…….....5
Колыбельные песни…….5
Пестушки и потешки……...6
Прибаутки и небылицы……...8
Скороговорки……11
Закличики и приговорки…….....12
Загадки……14
Пословицы……18
Считалки и игры……20
Русские народные сказки……..22
Былины…….....35
ГЛАВА 2. Русская детская литература первой половины XIX века……41
Крылов И.А…….....41
Жуковский В.А……..44
Пушкин А.С……...49
Лермонтов М.Ю……81
Ершов П.П……..85
Погорельский Антоний…….....128
Одоевский В.Ф……139
ГЛАВА 3. Русская детская литература второй половины XIX века……..147
Некрасов Н.А……..147
Плещеев А.Н……153
Фет А.А……156
Тютчев Ф.И……..157
Майков А.Н……..158
Никитин И.С……159
Суриков И.З…….162
Толстой А.К……165
Даль В.И…….....167
Аксаков С.Т……170
Ушинский К.Д……174
Толстой Л.Н……..175
Мамин-Сибиряк Д.Н…….....179
Гаршин В.М……186
Чехов А.П……188
ГЛАВА 4. Русская детская литература XX века……193
Бунин И.А……193
Бальмонт К.Д…….....194
Цветаева М.И…….. 195
Блок А.А……196
Гумилев Н.С……197
Есенин С.А…….....198
Куприн А.И……...200
Ремизов А.М…….....208
ГЛАВА 5. Детская литература 20-30-х годов……...210
Горький Максим……..210
Чуковский К.И……213
Маршак С.Я……..223
Черный Саша……228
Маяковский В.В……...230
Владимиров Ю.Д……237
Хармс Д.И……239
Барто А.Л……..240
Толстой А.Н……..242

Гайдар А.П.……246
Бажов П.П.……251
ГЛАВА 6.Художественно-познавательная литература 20-30- х годов……255
Пришвин М.М.……255
Житков Б.С.……257
Бианки В.В.……261
Паустовский К.Г.……262
Чарушин Е.И.……266
ГЛАВА 7.Детская литература 40-50-х……268
Пантелеев Леонид.……268
Осеева В.А.……270
Катаев В.П.……273
ГЛАВА 8. Детская литература 60-80-х годов……277
Благинина Е.А.……277
Михалков С.В.…… 278
Токмакова И.П.……282
Заходер Б.В.……284
Аким Я.Л.……287
Берестов В.Д.……289
Сеф Р.С.……291
Носов Н.Н.……294
Драгунский В.Ю.……298
Астафьев В.П.……303
Успенский Э.Н.……307
Погодин Р.П.……310
Сапгир Г.В.……313
Мориц Ю.В.……315
Коваль Ю.И.……317
Голявкин В.В.……318
Козлов С.Г.……320
Шварц Е.Л.……322
ГЛАВА 9. Историческая литература……327
Алексеев С.П.……327
ГЛАВА 10.Фантастика в детском чтении……335
Булычев Кир.……335
Велтистов Е.С.……340
ГЛАВА 11. Природоведческая литература 60-80- х годов……347
Снегирев Г.Я.……347
Сладков Н.И.……348
ГЛАВА 12. Современные детские писатели……352
Сергуненков Б.С.……352
Цыферов Г.М.……354
Хмельницкий В.Н.……355
Орлов В.В.……356
Горбовский Г.Я.……358
Усачев А.А.……360
Бородицкая М.Я.……362
Матвеева Н.Н.……365
Собакин Тим.……366